

В.А.МАЗИЛОВ

ТЕОРИЯ И МЕТОД В ПСИХОЛОГИИ

Ярославль 1998

Международная Академия психологических наук

ТЕОРИЯ И МЕТОД В ПСИХОЛОГИИ:
ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ КАК САМОСТОЯ-
ТЕЛЬНОЙ НАУКИ

Монография

Ярославль, 1998

Печатается по решению редакционно-издательского совета МАПН

ББК 88

Рецензенты: профессор, доктор психологических наук,
зам. директора по науке Института психологии РАН
В.Н.Дружинин;
доктор психологических наук, профессор
кафедры психологии труда и инженерной психологии
МГУ им. М.В.Ломоносова Ю.К.Стрелков;
кафедра общей психологии Ярославского государ-
ственного университета им. П.Г.Демидова

Мазилев В.А.

Теория и метод в психологии: Период становления психологии как самостоятельной науки. Монография. Ярославль: МАПН, 1998. 359 с.

Монография посвящена методологическим проблемам психологии. Дается анализ кризиса в современной психологии. Показано, что кризис обусловлен нерешенностью важных методологических вопросов психологии. В книге исследуются ключевые эпизоды становления психологии как самостоятельной науки, что позволяет по-новому интерпретировать предысторию научной психологии. Исследуются методы, использовавшиеся в психологической науке, предлагается модель, описывающая отношения между теорией и методом в психологии.

Книга адресована профессиональным психологам, может быть использована студентами и аспирантами, изучающими общую психологию и историю психологии.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант 98-06-08051.

© В.А.Мазилев, 1998

"Ты, конечно, можешь сказать что угодно, но метод, система имеют свои достоинства"

Андрей А.Тарковский

"Жертвоприношение"

(Литературная запись фильма)

ОТ АВТОРА

Книга, которую читатель держит в руках, посвящена анализу некоторых методологических проблем современной российской психологии. За годы господства марксизма-ленинизма сложился устойчивый стереотип, согласно которому методология представляет собой нечто идеологически "выдержанное", но чрезвычайно далекое не только от жизни, практики, но и от повседневной научной деятельности. Представление о том, что методология психологии являла собой некую идеологическую надстройку над наукой, разделяемое ныне многими авторами, безусловно, в значительной степени соответствует действительности. Вероятно, этим обстоятельством обусловлено стремление некоторых психологов свести методологию психологии к описанию конкретных процедур планирования, проведения эмпирического исследования и статистической обработки полученных результатов. Под эмпирическим исследованием имеются в виду преимущественно эксперимент и квазиэксперимент. В результате методология *психологии как науки* оказывается *методологией экспериментальной психологии*. Признавая ведущую роль метода эксперимента в современной психологической науке, автор, тем не менее, не склонен соглашаться с подобной трактовкой. Возражения против такого понимания методологии коренятся в глубоком убеждении автора, что психология не может столь безоговорочно принимать модель, сформировавшуюся в естественных науках. По сути, сведение методологии к чисто техническим вопросам планирования и осуществления экспериментального исследования (при всей несомненной важности этих вопросов) на деле означает признание "окончательной решенности" вопроса о предмете научной психологии и фактический отказ не только от дальнейшего его исследова-

дования, но даже и от обсуждения. Такая позиция представляется роковой ошибкой. Нельзя исключить того варианта, что научная психология еще не нашла своего подлинного предмета. Поскольку такая вероятность существует, первая задача методологии состоит в научной проработке комплекса проблем, связанных с исследованиями (в том числе и теоретическими, что в современной психологии, будем честными, большая редкость) *по предмету психологии*. В данной связи хочется привести слова одного из выдающихся психологов уходящего столетия Карла Юнга: "Порой мне даже кажется, что психология еще не осознала объемности своих задач, а также сложной, запутанной природы своего предмета: собственно "души", психического, *psyche*. Мы еще только начинаем более или менее ясно осознавать тот факт, что нечто, понимаемое нами как психическое, является *объектом* научного исследования"[333, с.12-13]. Между тем, картина в сегодняшней российской психологии начинает напоминать ту, которая, согласно М.С.Роговину и Г.В.Залевскому, была свойственна американской психологической науке восьмидесятых годов, когда авторы ограничивались "лишь общими вопросами эксперимента, главным образом планирования и обработки данных" [241, с.3]. Хотя я убежден, что в этом направлении "догнать Америку" тоже не удастся, будет обидно, если традиция методологических исследований в российской психологии утратится... Перспектива превращения методологии психологии в сциентистскую концепцию представляется малопривлекательной... Если это осуществится, то, надо полагать, во имя торжества идеалов научности. Автору настоящих строк менее всего хотелось бы выступить противником общенаучных критериев истинности знания. Напротив, вызывают искреннее уважение не прекращающиеся попытки превратить психологию в строгую науку. Их можно приветствовать, их нужно продолжать. Но есть один вопрос, от обсуждения которого невозможно уклониться. Какова цена такого превращения? Из истории психологии хорошо известно, что единство научной психологии было лозунгом большинства школ периода открытого кризиса в психологии. Тем не менее единства достичь не удалось. В чем причина? М.С.Роговин и Г.В.Залевский свой вывод формулируют следующим образом: "За монизм психологии платилась высокая цена неоправданных ограничений" [241, с.27].

Разумеется, методология научной психологии не может быть сведена к чистой технологии, не может быть сциентистской дисциплиной. В отечественной психологии существует богатая традиция содержательной методологии, представленная работами Н.Н.Ланге [148, 149], В.Н.Ивановского [106, 107], Л.С.Выготского [59, 63], С.Л.Рубинштейна [245, 246, 247, 250], М.С.Роговина [237, 239, 240] и мн. др.

Дело в другом. Автор должен объяснить, почему избрана столь непопулярная и вместе с тем столь сложная тема. О непопулярности уже говорилось - для многих коллег одного упоминания о методологии достаточно, чтобы отложить текст в сторону: "опять рассуждения, дело надо делать - исследовать, изучать, корректировать и формировать"... О сложности лучше всего сказать словами Л.С.Выготского: "Возможность психологии как науки есть методологическая проблема прежде всего. Ни в одной науке нет стольких трудностей, неразрешимых контроверз, соединения различного в одном, как в психологии. Предмет психологии - самый трудный из всего, что есть в мире, наименее поддающийся изучению; способ ее познания должен быть полон особых ухищрений и предосторожностей, чтобы дать то, чего от него ждут" [60, с.417]. В любом случае "трудность предмета" не должна являться основанием для отказа от исследований. Тем более тогда, когда действительно появляется возможность реально осмыслить всю сложность предмета, и, возможно, начать *теоретические исследования* по проблеме психического. Обращение к вопросам методологии связано с тем, что, по глубокому убеждению автора, в настоящее время самые злободневные, актуальные и насущные вопросы именно методологические. Пока психология не разберется, что именно она изучает и каким образом это происходит, надеяться, будто кризисное состояние пройдет само собой, за счет "переориентации" с естественнонаучного подхода на какой-нибудь "гуманистический", не приходится. Как ясно из вышесказанного, автор является сторонником "единства психологии". Более того, он предполагает возможность существования общей *методологии наук о психическом*, поскольку психология не единственная наука, претендующая на изучение психики. Об этом писали в 1988 году М.С.Роговин и Г.В.Залевский [241]. Поэтому на страницах данной книги речь пойдет исключительно об общей психологии - ядре

психологической науки - и ее методологии. За рамками настоящей книги, таким образом, окажутся многие интересные методологические разработки, выполненные на материале отраслей психологической науки: психологии труда [127], социальной психологии [405, 354] и др. Осмысление методологических находок в отраслях психологии и ее направлениях (скажем, в гуманистической психологии [138]), бесспорно, необходимо. Но если это будет осуществляться без параллельной разработки общепсихологических проблем, то вероятно получение не вполне положительного результата, поскольку можно будет ожидать дальнейшего "расхождения" психологий, а следовательно, углубления кризиса в психологии. Ведь трудно не признать, что в той или иной "отдельно взятой" отрасли легче осуществить "редукцию" психологии к естественнонаучной либо к гуманистической парадигме.

Выше утверждалось, что методологические исследования имеют особенное значение для современной российской, постсоветской психологии. Между тем, пролиставший эту книгу обнаружит, что в ней речь идет о выделении психологии из философии в качестве самостоятельной науки, программах построения психологии и т.д., т.е. о событиях более, чем вековой давности. Объяснением служит то, что данный вопрос, как это ни удивительно, исследованию, фактически, не подвергался: соотношение теории и метода в психологии в доступной нам литературе предметом *специального методологического исследования* не являлось. А начинать всегда предпочтительнее с начала, даже если условность маркировки очевидна. По мнению автора, многие моменты, с очевидностью обнаружившиеся при возникновении психологии как самостоятельной науки, характерны для психологического познания вообще и те же соотношения можно увидеть в психологии сегодняшнего дня. Более того. Знакомясь с первыми научными программами, трудно отделаться от впечатления, что многие проблемы с завидной регулярностью "воспроизводятся", принимая обличье, соответствующее лексике эпохи. Чем же должна заниматься методология, как не обсуждением и попытками решить "вечные" психологические проблемы? Впрочем, характеристика методологических проблем сегодняшней психологии в целом - это другая (хотя и очень важная) задача. Для того, чтобы приступить к ней, необходимы, по меньшей мере, какие-то рабочие схемы

как-то соответствующие реальности. Соответствие реальности, согласно Р.Коллингвуду, может обнаружиться только в истории. "Идея" истории справедлива не только по отношению к отдельному человеку, но и к науке в целом: "Познание самого себя означает познание того, что вы в состоянии сделать, а так как никто не может знать этого, не пытаясь действовать, то единственный ключ к ответу на вопрос, что может сделать человек, лежит в его прошлых действиях. Ценность истории поэтому и заключается в том, что благодаря ей мы узнаем, что человек сделал, и тем самым - что он собой представляет" [129, с.14].

Поэтому построение исследования как историко-методологического представляется неизбежным: если мы хотим выяснить, как *реально* соотносятся теория и метод в психологической науке, вряд ли удастся избежать методологического анализа концепций, существовавших в истории науки. При этом исторический подход нацеливает на анализ "с самого начала", т.е. с первых этапов существования психологии как самостоятельной науки.

Прошлое иногда бывает непредсказуемо. Вопреки распространенному мнению, это утверждение справедливо не только для истории нашего отечества, это общее свойство исторического знания. Известный историк науки Александр Койре отмечал, что "ничто не изменяется быстрее, чем неподвижное прошлое" [394, р.354]. Согласно В.И.Вернадскому, "прошлое научной мысли рисуется нам каждый раз в совершенно иной и все новой перспективе" и "каждое научное поколение открывает в прошлом новые черты" [47, с.191]. По другому и быть не может, если история - наука, а не собрание пронумерованных, "инвентаризованных" фактов: могут меняться оценки, в новых концепциях старые факты будут иметь иное значение. Как пишет С.Р.Микулинский, "по мере развития историографии науки, совершенствования ее методологии прошлому ставятся новые вопросы, оно исследуется под новым углом зрения, в нем ищутся ответы на проблемы, на которые прежде не обращали внимания. В результате не просто расширяются и уточняются старые знания о прошлом, но уточняются, а нередко и преобразуются старые представления об условиях и закономерностях развития науки" [178, с.7]. Учитывая перманентный характер кризиса в психологической науке, длящегося уже в

течение целого столетия, нельзя исключить возможность того, что путь психологии оказался не самым удачным. Не то, чтобы, согласно классикам, - "...с тех пор все тянутся передо мной глухие кривые окольные тропы..." [275, с.353], но столетье с лишним это все же не вчера - Б.Л.Пастернак абсолютно прав, а посему некоторая осмотрительность не должна показаться излишней... Поэтому всегда следует быть особенно внимательным в тех участках сада, где ветвились тропинки. А в том, что настоящее - результат предыдущих ветвлений - Хорхе Луис Борхес прав безусловно ...

Данная книга адресована в первую очередь профессиональным психологам. Она может быть полезна также студентам и аспирантам, специализирующимся в области психологии, тем, кто планирует профессиональную работу в области научной психологии. Данная оговорка значима. Для получающих "психологическое образование" на восьмимесячных курсах и мыслящих свое профессиональное будущее в категориях "измерение", "тестирование", "диагностика", "консультирование" и, разумеется, "коррекция", в книге обсуждаются вопросы, несомненно, далекие от "правды жизни", а потому несущественные. Книга ориентирована на тех, кого волнует судьба психологии как науки. В этом смысле настоящий текст можно рассматривать как своего рода введение в научную психологию. Введения бывают разные. Широко известны введения методологические [237, 219], пропедевтические [76, 66]. Бывают введения в психологию эволюционные [161] и т.д. Настоящее введение - тоже методологическое. В методологии существуют разные аспекты. Эта книга может послужить историко-методологическим введением. Разумеется, оно не может заменить систематического изложения психологических вопросов, как это принято в учебниках. Оно на это и не претендует. Это историко-методологическое введение посвящено тем вопросам, от решения которых, по мнению автора, зависит будущее психологии. Потому, что в XXI столетии, на пороге которого мы стоим, будет решаться, является ли психология наукой, причем наукой фундаментальной, либо же она, продолжая "сдавать позиции" и уступая свои традиционные "проблемные поля" колдунам, магам и прочим "практическим психологам", станет, наконец, "полноценной" психотехникой. Автор адресует текст студентам - будущим профессиональным психологам в надежде, что этого не случится: психо-

логия станет фундаментальной наукой. Более того. По убеждению автора настоящих строк, в XXI веке непременно наступит новый психологизм: психология наконец займет центральное место в структуре научного знания, явится основой для нового понимания феномена человека. Для того, чтобы это произошло, необходимо преодолеть кризис, существующий в психологии более ста лет. Возможно, это и есть главная проблема психологии. Ее решение зависит в немалой степени от разработки методологических вопросов, среди которых выделяется вопрос о соотношении теории и метода в психологии. По моему мнению, это как раз и есть центральный методологический вопрос, нуждающийся в исследовании в первую очередь, поскольку именно адекватное соотношение теории и метода определяет результативность научного исследования. Видимо, похожим образом дело обстоит в социальных науках. Приведу авторитетное свидетельство известного социолога Р.Миллса: "Для социального ученого, чувствующего себя принадлежащим к классической традиции, социальная наука - своего рода ремесленная практика. Решая какие-то серьезные проблемы, он буквально утомляется от осмысления метода и теории в целом, поскольку те нарушают ритм его исследования. Он убежден, что гораздо лучше "снять кружева" с того, как реально работает полевой исследователь, чем слушать мудрые советы специалиста по методам и методологии, никогда не имевшего дела с живой практикой. Истинное понимание метода и теории можно почерпнуть лишь из беседы опытного поисковика с новичком, рассказывающего, что и как он делает в действительности" [179, с.107]. Другой путь достижения "истинного понимания" можно усмотреть в проведении специального исследования, направленного на то, чтобы обнаружить, что, как и почему делает этот поисковик. Предлагаемый текст содержит попытку реконструкции того "понимания метода и теории", которое определило первые шаги научной психологии.

Структура книги такова. В первой главе анализируются некоторые вопросы развития современной психологии (проблема разграничения научно-психологического и ненаучного психологического знания, кризис в психологии и т.д.), выявляются ограничения, "конструктивно заложенные" в фундамент этой науки, показывается, каким образом это приводит к неизбежному кризису

в развитии науки. Выделяется класс методологических проблем, констатируется, что теория развития психологии как науки не может быть построена без первоочередного решения именно методологических вопросов. Во второй главе из комплекса методологических вопросов психологии вычленяется проблема соотношения теории и метода. Анализируются основные подходы к проблеме, формулируются задачи исследования, обосновывается выбор объекта исследования. Третья глава посвящена анализу процесса выделения психологии из философии в самостоятельную науку (вторая половина XIX века), изложению результатов историко-методологического исследования методов и теорий в психологии в период ее становления как самостоятельной науки, изучению соотношения теории и метода на ранних этапах развития психологии как науки. В четвертой главе делается попытка построения (на основе предпринятого историко-методологического исследования) модели, отражающей соотношение теории и метода в психологии.

Автор хорошо представляет сложность поставленной задачи, а также хорошо помнит совет мудрого американца Уильяма Джемса: "...мы должны сознавать, какой мрак облекает область душевных явлений, и никогда не забывать, что принятые нами на веру положения, на которые опирается все естественно-историческое исследование психических явлений, имеют временное, условное значение и требуют критической проверки" [87, с.408]. Впрочем, ничего другого не остается, поскольку, сфера психического такова, что к ней в целом могут быть отнесены известные слова Карла Густава Юнга: "Здесь мы неизбежно вступаем на нетвердую почву и время от времени вынуждены прибегнуть либо к спекулятивной гипотезе, либо к пробной реконструкции контекста. Само собой разумеется, что любой исследователь обязан как можно более полно документировать свои находки; однако иногда он обязан и выдвигать гипотезы, пусть даже рискуя ошибиться. В конце концов путем ошибок мы приходим к истине, и если нам неведомо, чем *является* некая вещь, наше знание возрастет уже от того, что мы узнаем, чем она *не является*" [330, с.300].

Автор должен принести свои извинения читателю за некоторую фрагментарность. Дело в том, что целый ряд вопросов, кото-

рые нами только обозначены (проблема демаркации, становление научной психологии как историко-психологическая проблема и др.), несомненно, заслуживает специального исследования. В настоящей книге автор не имел возможности уделить им должного внимания: иначе получилась бы совсем другая книга, причем значительно большего объема. Автор бы предпочел также значительно расширить раздел о "философии науки" и "герменевтике" с тем, чтобы содержательно рассмотреть вопрос о "месте наук о психическом в структуре человеческого знания". Некоторые важные вопросы (например, генезис психологической концепции) вообще не были затронуты в данном тексте. Также требует объяснения большое количество цитат. Для тех, кому покажется, что выдержек из текстов психологов прошлого слишком много, хотелось бы заметить: в психологии очень много недоразумений возникает по причине поспешных обобщений. Впрочем, так было всегда. Л.С.Выготский в "Историческом смысле психологического кризиса" приводил примеры того, как одну гипотезу называли то монизмом, то дуализмом, то параллелизмом, то тождеством. И, что удивительно, для этого находились основания. Поэтому по возможности предпочтительно максимально точно восстановить смысл высказываний того или иного автора. К тому же, когда описываемые события от настоящего времени отделяет значительный временной интервал, вероятно возникновение исторических aberrаций и просто мифов. История пишется победителями, поэтому вполне может оказаться, что не все оценки были объективными. Между тем вряд ли сейчас кто-то кроме специалистов будет разыскивать труды Гербарта или Вундта, чтобы ознакомиться с взглядами последних по первоисточникам. На это существуют учебники. Впрочем об этом хорошо написал Т.Кун в "Структуре научных революций" [140]. Тем не менее, в конце второго тысячелетия мы констатируем, что научная психология, прошедшая более, чем вековой путь развития, еще очень далека от решения принципиальных вопросов, связанных с постижением сущности психического. В немалой степени это связано с недостаточной разработкой психологического вспомогательного инструментария. Задачей настоящей работы является попытка более широко использовать в психологической науке понятия "теория и метод". В настоящее время в психологии "логос" в долгу перед

"психэ". В том смысле, что модели "психэ", создаваемые наукой, оказываются очевидно ограниченными, "одномерными", тогда как реальная "многомерность" психического несомненна. В настоящей работе делается попытка рассмотрения некоторых путей, какими "производятся" такие модели. Эти пути использовались в то время, когда психология только становилась наукой. Сейчас ясно, что время "одномерных" подходов к изучению психического заканчивается. Для того, чтобы быть готовыми к использованию новых - синтетических, многомерных подходов, полезно хорошо представлять внутреннее "устройство" старых. В конце концов, за старым рано или поздно приходит новое. А у психологии еще все впереди. С.Л.Рубинштейн, несомненно, был прав, когда писал в "Основах общей психологии": "Психология и очень старая, и совсем еще молодая наука. Она имеет за собой тысячелетнее прошлое, и тем не менее она вся еще в будущем" [245, с.46].

Глава первая. В ПОИСКАХ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ

"Возможность психологии как науки есть методологическая проблема прежде всего. Ни в одной науке нет стольких трудностей, неразрешимых контроверз, соединения различного в одном, как в психологии. Предмет психологии самый трудный из всего, что есть в мире, наименее поддающийся изучению; способ ее познания должен быть полон особых ухищрений и предосторожностей, чтобы дать то, чего от него ждут"

Л.С.Выготский

Выделение психологии в самостоятельную науку во второй половине XIX века способствовало появлению систематических исследований по истории психологии. Заявивший о себе в девятнадцатом столетии в полный голос исторический подход проникает и в психологию. Но прежде, чем психология стала самостоятельной научной дисциплиной, должно было произойти другое выделение. Как известно, психология в течение долгого времени развивалась в недрах философии (в первую очередь) и естествознания. Философия по праву находится на первом месте, поскольку в течение предшествующих столетий вопросы, которые позднее стали относиться к психологии, разрабатывались преимущественно философами. Поэтому до того, как психология стала самостоятельной наукой, должна была выделиться область психологического знания *внутри философии*.

Впервые о психологии как самостоятельной дисциплине внутри философии стал говорить Х.Вольф (1732) [421,422]. Первым же специальным исследованием по истории психологии, вероятно, следует считать труд Ф.-А.Каруса [367], опубликованный в 1808 году. Это имя сейчас практически забыто. Наверное, это несправедливо. Наука должна помнить имена первопроходцев. Фридрих-Август Карус (1770-1807), талантливый философ, последователь Канта и Якоби. Все его основные труды были опубли-

ликованы посмертно. Третий том его "Nachgelassene Werke: Dritter Teil. Geschichte der Psychologie" [367] посвящен истории психологии. Конечно, в настоящее время это сочинение представляет лишь историческую ценность. Должно было пройти время, чтобы история психологии перестала быть коллекцией фактов и анекдотов и стала теоретической дисциплиной, пытающейся не просто описать путь развития науки, но и выявить закономерности этого развития, а, следовательно, научиться по тенденциям предсказывать перспективы. Итак, Ф.-А. Карус был первым. Вслед за его сочинением появляется "Диссертация" (7 изд., 1842) знаменитого философа шотландской школы Дугалда Стюарта (1753-1828), в которой, по свидетельству В.Н.Ивановского, под метафизикой понимается индуктивная философия человеческого духа, т.е. по современной трактовке психология [106, с.3]. Затем были сочинения Р.Блэки (четырёхтомная "История философии духа", 1848), Г.Зибек (1880) и др. В сочинениях по истории психологии прослеживается общая "предыстория" психологии, ее развитие в недрах философии и естествознания. Появляются "национальные" истории: история немецкой психологии, французской, английской и т.д. Историко-психологические исследования неизбежно приводят к обобщениям, авторы пытаются обнаружить за фактами логику развития знания. Историография психологии пробуждает интерес к общим закономерностям развития науки, к методологическим вопросам. Так возникает историческая методология психологии, или методология на *исторической основе*, как ее называли и Л.С.Выготский, и С.Л.Рубинштейн, и М.Г.Ярошевский... Глубокие методологические соображения высказывались В.Вундтом [430, 431, 432] и Ф.Брентано [359, 360, 361], У.Джемсом [386, 87] и В.Дильтеем [88, 89], Г.Мюнстербергом [187, 400] и О.Кюльпе [143, 396] и мн. др. Но особенного расцвета историческая методология достигла в отечественной психологической науке. Выдающимися методологами были Н.Н.Ланге [148, 149] и В.Н.Ивановский [106,107]. Эти традиции были продолжены Л.С.Выготским [59], С.Л.Рубинштейном [244, 245, 250], Д.Н.Узнадзе [290] и др.

С другой стороны, само выделение психологии в качестве самостоятельной науки было связано с методологической работой (необходимость выделения предмета науки, обсуждение вопроса о

методе для его изучения). Поэтому первые и последние главы руководств по психологии, которые во множестве стали появляться на рубеже XIX и XX вв., посвящались обсуждению методологических, по сути, вопросов.

Работы О.Конта [130, 131, 236], Д.С.Милля [180-184], Г.Спенсера [266-271] и др. стимулировали интерес к общим вопросам науки, что привело к возникновению "философии науки". Несомненно влияние на становление методологии психологической науки работ Э.Маха [171, 172]. В конце девятнадцатого столетия появляются специальные работы по "философии науки". Интенсивно исследуется методология науки (точнее говоря, методологии наук, т.к. специфика методов, используемых в разных науках, находится в поле внимания исследователей). Во Франции открывается специальная кафедра, публикуются книги, появляются даже учебные пособия по проблеме "методы науки", которые с энтузиазмом переводятся на другие языки, в частности, на русский (Метод в науках. С.-Пб., 1911 [176]). Глава о методе в психологии, написанная Теодюлем Рибо [176] для этого издания, с интересом читается и сегодня.

Наконец, повышенному интересу к методологическим вопросам способствовал кризис в психологии, отсутствие единства во взглядах психологов разных направлений (об этом подробнее в разделе 1.3. настоящей главы). В начале XX столетия возникает собственно методология психологии, интересующаяся вопросами происхождения и развития психологического знания. Вопросы, обсуждавшиеся "в первых главах руководств" - как возможна психологическая наука - приобретают самостоятельное значение. Методология понималась разными авторами весьма различно: если

Л.С.Выготский, вслед за Н.Н.Ланге, понимал под методологией содержательную концепцию, "общую психологию", то Л.Бинсвангер видел в методологии логическую, формальную дисциплину [353]. Вообще для отечественной психологии характерна традиция содержательной методологии, образцы которой можно найти в работах М.Я.Басова, П.П.Блонского, Л.С.Выготского, С.Л.Рубинштейна и др.

Эта книга не ставит задачи специального историко-психологического исследования возникновения и развития ме-

тодологии психологической науки. Среди методологических вопросов психологии в ней выделен один - соотношение теории и метода в науке о психике. По моему мнению, теория развития психологии как науки не может быть сформулирована без хотя бы предварительного выяснения такого соотношения. Исходя из традиций отечественной методологии психологии, можно полагать, что подлинная, содержательная методология возможна лишь на исторической основе (Л.С.Выготский, С.Л.Рубинштейн, М.Г.Ярошевский). Поэтому результаты проведенного историко-методологического исследования проблемы взаимосвязи теории и метода на ранних этапах развития психологической науки будут представлены ниже (глава третья). В качестве необходимого условия для такого исследования выступает предварительное выяснение обстоятельств выделения психологии в самостоятельную науку и ближайших следствий приобретения психологией статуса самостоятельной науки (разд. 3.1.).

1.1. Психологическое знание: проблема демаркации

Психология, как хорошо известно, не представляет собой чего-то единого: стало общим местом указание на то обстоятельство, что психология традиционно характеризуется многообразием подходов, школ, теорий, концепций. Существуют десятки радикально различающихся определений одних и тех же понятий. Это обстоятельство, начиная с известной работы Н.Н.Ланге "Психология" (1914) [150], обычно интерпретировалось как кризисное состояние, свидетельствующее о неблагополучии в психологической науке. Стоит заметить, что здесь речь идет о собственно научной психологии, выделившейся из философии во второй половине XIX столетия. Кроме научной психологии на описание душевных явлений и душевных движений претендовало искусство. Не прошло и десятилетия с возникновения научной психологии, как появилась проблема, получившая наименование "психология и жизнь" (точнее сказать, научная психология и жизнь) . Возникшая "экспериментальная" (или физиологическая) психология была, конечно, чрезвычайно далека от жизни. На неприменимость положений научной психологии к анализу жизненных явлений указывали многие авторы. Широко известны высказывания

В.Дильтея (1894) о том, что "в Лире, в Гамлете и в Макбете скрыто больше психологии, чем во всех учебниках психологии вместе взятых", "в творениях поэтов, в размышлениях о жизни, высказанных великими писателями..., заключено такое понимание человека во всей его действительности, что всякая объяснительная психология остается далеко позади" [88, с.29]. Этот дильтеевский упрек, адресованный научной психологии, оказал значительное влияние на дальнейшее развитие науки. В частности, Л.С.Выготский, разрабатывая методологию научной психологии, подчеркивал специфику научного знания: "Ведь, "психология" и есть название *науки*, а не театральной пьесы или кинофильма. Она только и может быть научной. Никому не придет в голову назвать описание неба в романе астрономией; так же мало подходит имя "психология" для описания мыслей Раскольникова и бреда леди Макбет. Все, что ненаучно описывает психику, есть не психология, а нечто другое - все, что угодно: реклама, рецензия, хроника, беллетристика, лирика, философия, обывательщина, сплетня и еще тысяча разных вещей. Ведь эпитет "научная" приложим не только к очерку Блонского, но и к исследованиям памяти Мюллера, и к опытам над обезьянами Келера, и к учению о порогах Вебера-Фехнера, и к теории игры Грооса, и к учению о дрессировке Торндайка, и к теории ассоциации Аристотеля, т.е. ко *всему* в истории и современности, что принадлежит науке" [60, с.435]. В приведенной цитате хорошо обозначена проблема, имеющая важное значение для обсуждаемой темы. От того или иного решения этой проблемы зависит многое. Если отличить науку от "сплетни" или "беллетристики" нетрудно, то другие разграничения даются не так легко: почему философская теория ненаучна, а теория ассоциации Аристотеля научна без сомнения?

Проблема демаркации, как хорошо известно, была сформулирована Карлом Поппером [220]. "Проблема демаркации - проблема нахождения критерия научного знания и ненаучного, разграничения эмпирической науки от формальных наук и метафизики" [263, с.251]. Другой аспект той же самой проблемы демаркации (кстати, чрезвычайно актуальный и злободневный) в современной психологии состоит в том, что в связи с большой востребованностью в настоящий момент технологического психологического знания, ориентированного не на объяснение, а на изменение,

действие, под видом "практической психологии" появляются разнообразные психотехники и психотехнологии: часть из них - откровенное жульничество и шарлатанство, часть - технологии know-how. Соседствуют с этим мистика, оккультизм, парапсихология, эзотерические учения и т.д. и т.п.

Проблема эта не является, как уже было сказано, для психологии новой. Еще Макс Вертгеймер в начале века мечтал создать психологию, которая была бы средством решения жизненных проблем и одновременно была строго научной. На рубеже XIX и XX вв. возникает мощный "социальный заказ": психологические знания становятся остро необходимы в промышленности и медицине, образовании и армии, юриспруденции и искусстве. Как реакция возникает психотехника - приложение психологии "для практических целей культуры", как говорил один из создателей психотехники Гуго Мюнстерберг (1863-1916) [187], выдающийся немецкий психолог и философ-неокантианец. В начале XX века начался настоящий бум прикладной психологии. В работе "Исторический смысл психологического кризиса" (1927) Л.С.Выготский, анализируя, в частности, положение дел в психотехнике, отмечал, что несмотря на то, что психотехника "себя не раз компрометировала, что ее практическое значение очень близко к нулю, а теория часто смехотворна, ее методологическое значение огромно" [60, с.388]. Выготский поясняет, в чем состоит методологическое значение практики. Противоречия психологической методологии переносятся на почву практики и только здесь могут получить свое разрешение. Спор перестает быть бесплодным, практика перестраивает всю методологию науки.

Таким образом, разрыв между теорией психологии и психологической практикой существовал в двадцатые годы, существует он и сейчас. Может быть, этот разрыв стал еще более заметным. В последние годы в нашей стране резко возрос интерес к практическим методам воздействия на личность: различного рода психопрактикам и психотехнологиям. Книжный рынок наводнен различными пособиями по "корректировке" личности в целом и ее отдельных сторон. Зачастую по названию трудно сразу определить, где современные технологии, а где откровенное шарлатанство. Печальнее всего то, что теоретической основой многих психопрактик (эффективных и результативных) является все, что

угодно, но только не положения академической психологической науки. В качестве основы психотехнологий работают "трансперсональная психология" и различные "мифологии", концептуализированный здравый смысл и "биоэнергетика" и т.д.. Нет только научной психологии.

Одно из самых ярких направлений в современной практической психологии, несомненно, нейролингвистическое программирование (НЛП). Нейролингвистическое программирование (НЛП) - направление в психотерапии, возникшее в США в начале 70-х гг. Ассистент профессора лингвистики университета в Санта Крузе Джон Гриндер и студент-психолог Ричард Бендлер разработали основные положения НЛП. Формулированию основ НЛП в значительной степени стало возможным благодаря анализу опыта таких выдающихся психотерапевтов как Фредерик Перлз, Вирджиния Сатир, Милтон Эриксон. Не имея возможности дать психологический анализ концепции нейролингвистического программирования (что, замечу, представляется задачей чрезвычайно интересной и, по-видимому, небесполезной), остановлюсь лишь на одном вопросе - отношении теории и практики в НЛП. Д.Гриндер и Р.Бендлер во многом разделяют взгляды Фрица Перлза, которому принадлежит известное (и весьма экстравагантное) определение теоретизирования. В НЛП не интересуются теориями, там создают (и достаточно успешно) модели, которые эффективно работают. Это, конечно, не означает, что в НЛП обходятся без создания теории: теории там, несомненно, существуют, просто они конструируются на основаниях, отличных от традиционной психологии. С теориями научной психологии они действительно имеют мало общего - в этом представители НЛП, безусловно, правы. НЛП предлагает строить модели, отбирая те, которые работают эффективно, и отказываясь от недостаточно продуктивных. Свобода создания моделей, отсутствие необходимости их обоснования, по сути означают отказ от научности в классическом смысле. Естественно, в НЛП нет необходимости выделения научного предмета, соответственно нет теории предмета.

НЛП может служить ярким примером развития тенденции, характерной для психотерапевтических подходов в XX столетии. Неоднократно отмечалось, что в основе психотерапевтических практик лежит не научная теория, а своеобразная мифология

(точнее, мифологии, ибо они столь же разнообразны, как и сами технические приемы, используемые в психотерапии). В НЛП в качестве мифологии используются модели. Причем, что особенно обидно, подход НЛП возник на проблематике, которая всегда считалась традиционной для академической психологии. В нейролингвистическом программировании говорят о каналах получения и переработки информации, репрезентативных системах и речевой регуляции. Все это направлено на то, чтобы улучшить процессы коммуникации. Все это классические проблемные поля академической психологии. Сразу вспоминаются монбланы книг, посвященных психологическим исследованиям ощущений и восприятий. Да и представления, и, конечно же, речевые механизмы многократно исследовались психологами разных направлений. Про психологию общения и исследования коммуникации и говорить не стоит... Но те модели, которые строятся представителями НЛП, эффективно работают в образовании, в бизнесе, в политике. В отличие от схем, созданных в академической психологии (увы, во многих случаях это - так). Согласно Ж.Пиаже, построение моделей является обязательным этапом в процессе объяснения в психологии. Просто модели эти в академической психологии и в НЛП создаются разными способами. Это различие в способах позволяет НЛП снять ограничения, вызванные неадекватным *определением предмета* в научной академической психологии. Вероятно, традиционное понимание предмета научной психологией не позволяет создавать столь же эффективные модели.

Обычно под НЛП понимают модели коммуникации и поведения, которые могут использоваться для описания или организации взаимодействий в психотерапии и различных сферах человеческой практики. По характеристике самих авторов подхода, в основе его лежат самые различные идеи: психотерапевтический опыт М.Эриксона, В.Сатир и Ф.Перлза; исследования по функциональной асимметрии мозга; исследования порождающей грамматики Н.Хомского; идеи "экологии разума" Г.Бейтсона; классификации логических типов

Б.Рассела и т.д. НЛП - гибридная концепция, тяготеющая к необихевиоризму. И хотя она широко использует понятия, совпадающие с концептами академической психологии, их трактовка в НЛП и в академической психологии существенно различна. В ка-

честве примера обратим внимание на проблему сознания: какое место отводится ему в названных концептуальных системах.

Что касается НЛП, то, разумеется, нельзя сказать, что это центральное понятие данной концепции. Более того, совершенно очевидно, что, согласно НЛП-модели, значительная (точнее, большая) часть программ, в "перепрограммировании" которых и состоит основной терапевтический эффект, субъектом вообще не осознается. Поэтому так важны в НЛП "подстройки" к клиенту, позволяющие "работать" с другими уровнями психики. (Здесь нет возможности обсуждать проблему трансовых состояний и их роль в НЛП-техниках). В НЛП, что хорошо известно, важнейшая роль принадлежит диагностике ведущих "репрезентативных систем" переработки информации и т.н. "калибровке", предполагающей "разговор" с бессознательным. В сочетании с характерной для американской науки высочайшей технологичностью это обуславливает поразительную эффективность, о которой говорилось выше.

Академическая научная психология, возникшая во второй половине XIX столетия была реализацией "двойной программы" И.Канта (см. об этом в главе 3). Совершенно ясно, что на развитие психологической мысли важнейшее влияние оказал картезианский дуализм. Идея сознания, таким образом, непременно должна была попасть в центр психологических концепций научной психологии. До тех пор, пока психология изучала не столько сознание, сколько опыт (тесно с ним связанный) идея модальной специфичности опыта представлялась очевидной. Дальнейшее усложнение представлений о сознании, понимание его не как "сцены", а содержательно (значения и смыслы), обнаружение новых "языков" сознания, как это ни парадоксально, привело к тому, что идея модальной специфичности стала относиться исключительно к "низшим" уровням сознания, а исследователи (да и многие практики) предпочитали работать с высшими, которые представлялись результатом различных перекодирований. В результате сложилась парадоксальная ситуация: представление о сознании в академической психологии значительно сложнее и богаче, чем в НЛП, но последнее эффективнее работает с психикой в целом, ориентируясь на другие уровни психического.

Указанный парадокс может интерпретироваться по-разному. Наиболее правдоподобное объяснение, по моему мнению, в том, что предметный характер научно-психологического знания "заставляет" конструировать модели, имеющие ограниченное значение и потому "неэкологичные". Академической психологии пора пересмотреть свои взгляды в первую очередь на предмет собственной науки: тогда можно будет эффективно "подстраиваться" (если использовать терминологию НЛП) к другим системам, в том числе и к практически ориентированным.

Опыт НЛП и других психотерапевтических направлений наводит на грустные мысли. Практическое воздействие (направленное, эффективное) на психику субъекта в психотерапии оказывается возможным без использования научных описаний. С другой стороны, использование научных описаний очень часто не позволяет эффективно воздействовать ("программировать") на психику. Такое положение можно интерпретировать как неудовлетворительное состояние научной психологии. На мой взгляд, это является следствием неадекватно определенного предмета научной психологии. Поэтому самой главной практически значимой задачей является сейчас разработка новой методологии психологии, позволяющей раскрыть психическое во всей его реальной сложности и многомерности. Таким образом, отмечу, что за проблемой демаркации скрывается одна из наиболее существенных методологических проблем психологии.

Проблема демаркации в психологии вполне заслуживает того, чтобы ее рассмотрению посвятить специальную работу. Рассмотрим только один аспект проблемы демаркации - исторический, связанный с установлением различий научной психологии, возникшей во второй половине прошлого столетия, и предшествовавшими видами психологического знания.

Попытаемся проанализировать исторический аспект проблемы демаркации в психологии более подробно. Методологический анализ свидетельствует, что психология не представляет собой монолита: она "гетерогенна" (неоднородна). М.С.Роговиным было предложено разделение на донаучную, философскую и собственно научную психологии [237]. Такое разделение психологического знания в традиции франкоязычной психологии: об имплицитной психологии писал П.Гийом [379], о донаучной психологии гово-

рил П.Жане [237]. Подобное расчленение психологического знания (и, соответственно, трех видов психологии) представляется полезным для анализа интересующей нас темы. При этом хотелось бы обратить внимание на существенное различие между членением психологии, предложенным М.С.Роговиным, и многочисленными трехчленными делениями, которые были очень популярны в прошлом столетии. В качестве примера можно взять известный закон "трех стадий" О.Конта [131,182], в соответствии с которым в развитии любой науки могут быть выделены теологическая, метафизическая и научная стадии. Согласно Конту, имеет место смена одной стадии другой: переход к следующей "отменяет" предыдущую. По мнению М.С.Роговина, в психологии дело обстоит иначе: "Самой характерной особенностью истории психологии является то, что все эти три значения термина не сменяют друг друга как последовательные этапы, а продолжают существовать наряду друг с другом, оказывая друг на друга влияние в большей или меньшей степени" [131, с.19].

Для нашего исследования важно, что указанные течения в психологии и виды психологического знания сосуществуют в культуре и, следовательно, могут оказывать взаимное влияние. Представляется, что искусственная "радикальная" демаркация - признание научной психологии "единственной" психологией - проблемы не решает. История психологии при такой процедуре становится, конечно, более стройной и логичной, но неизбежно более "искусственной", т.к. имеет дело с "препарированным" объектом. Вряд ли такое "внесение логики" оправдано - еще в начале нашего столетия большой знаток истории психологии Макс Дессуар (1867-1947) характеризовал историю психологического знания как "извилистый внутри материал" [85, с.3]. М.Дессуар отмечал, что "в подлинной истории психологии нельзя излагать только предварительные ступени нынешней научной психологии: действительное положение вещей было почти всегда таково, что боролись между собой три направления, метафизическая и точная психология всегда уживались рядком или боролись друг с другом. Разграничив более резко между собой все составные части, мы облегчим исторический обзор, но не должны здесь исказить фактов, искусственно изображая историю развития в виде прямой линии" [85, с.9]. М.С.Роговин и Г.В.Залевский, специально анализи-

ровавшие тенденции к "гомогенизации" психологии, свой вывод формулируют следующим образом: "За монизм психологии платилась высокая цена неоправданных ограничений" [241, с.27]. Представляется, что в настоящее время для нашей психологии это самый актуальный афоризм, поэтому, возможно, стоит воспроизводить его почаще. Во всяком случае, в этом тексте у автора еще не раз возникнет искушение его процитировать.

Следует согласиться с мнением М.С.Роговина, указывавшего, что "в известной мере трагедией современной психологии является расхождение трех ее составляющих" [237, с.19]. Действительно, представляется, что донаучная, философская и научная психологии как составляющие современной психологии в целом имеют свои задачи, методы, функции, учитывать специфику которых совершенно необходимо. Для нормального развития психологии в целом необходимо взаимодействие этих трех составляющих: в совокупности они составляют "пространство смыслов", позволяющих представить "психическую реальность" не частично, но в полном объеме.

1.1.1. Донаучная психология: практическое знание

История психологии, как известно, начинается с донаучной психологии, которую, по известному выражению П.Жане, "народ создает еще до психологов" [237, с.18]. С психологии, которая не осознает себя наукой (и ею, в общем-то, не является), а существует, обслуживая деятельность и общение людей. По характеристике М.С.Роговина, это психология, в которой знание и деятельность слиты воедино, обусловленные необходимостью понимать другого человека в процессе совместного труда, необходимостью правильно реагировать на его действия и поступки [237, с.18]. "Человек развивался и познавал свой субъективный мир по мере того, как овладевал внешним миром. Внутреннее становилось доступным через практическое взаимодействие с окружением" [237, с.37-38]. Не анализируя здесь в высшей степени увлекательный вопрос о происхождении и начальном развитии донаучной, имплицитной психологии, отмечу только, что не подлежит, по-видимому, сомнению факт, согласно которому основным методом такой психологии было житейское наблюдение. В основном

оно носило внешний "объективный" характер: наблюдения за собственным поведением, за своими особенностями явно имели значение вспомогательное, дополнительное. В "первичной нерасчлененности" житейское наблюдение выполняло роль "эмпирического" метода. Своего рода "теоретическим" методом являлся метод интерпретации. Основу метода интерпретации составляли общелогические приемы познания: анализ, синтез, обобщение, абстрагирование. Таким образом, ведущими методами на этом этапе развития психологии являлись житейское наблюдение и последующая интерпретация: познавательная деятельность здесь регламентируется правилами языка и логики [237].

На мой взгляд, было бы неправильно сводить "начальную" донаучную психологию только к вышеописанной. Психология "вырастала" одновременно из различных источников, на что совершенно справедливо указывал Макс Дессуар. Он видел три корня психологии: религиозный (психософия); связанный с жизнедеятельностью (психобиология); связанный с практическим познанием особенностей характера и т.д. (психогностика) [85]. Нельзя не учитывать также опыта переживания измененных состояний сознания: во время танцевальных оргий, экстаза, приема в пищу определенных веществ и т.д. [85, 230].

"Донаучная психология - порождение повседневной практической деятельности и общения людей - и не может никогда исчезнуть; более того, она продолжает развиваться, но уже не в рамках научных исследований, а главным образом в искусстве. Ценность любого произведения искусства прямо пропорциональна силе и правдивости отображенной в нем человеческой психологии. До сих пор, несмотря на совершенствование ее методов, истинное искусство в гораздо большей степени, чем наука, дает нам знание о психическом как отражении реальных жизненных ситуаций" [237, с.23].

Роль донаучной психологии не должна недооцениваться. Житейские представления о психическом существуют у каждого человека, они составляют ту основу, на которую "проецируются" научные построения. ИмPLICITные представления (т.н. "имPLICITные теории" личности, мотивации, психики в целом и т.д.) человека, определяющие в значительной степени взаимодействие человека с миром, должны учитываться как одна из предпосылок

формирования психологической теории. Здесь уместно вспомнить о понятии "мезокосма", используемом в эволюционной эпистемологии Г.Фолльмера [296]. "Мезокосм - это когнитивное окно, которое открывается перед человеком, обремененным своей биологической природой. Это мир средних измерений, к которому адаптировался человек в ходе биологической эволюции. Мезокосм, согласно Г.Фолльмеру, это "когнитивная ниша" человека [128, с.179]. Мезокосм соответствует миру средних размерностей. Г.Фолльмер анализирует интуитивные представления о движении современного человека, констатируя сходство с физическими теориями средневековья. Утверждается, что эти предрассудки практически неустранимы [128]. Остается только выразить сожаления, что особенности интуитивных представлений человека о собственной психике не исследованы пока в достаточной степени. Возможно, что прогресс в этой области будет достигнут, когда научная психология ассимилирует опыт, накопленный в трансперсональной психологии [230, 79, 80, 78].

Важным признаком донаучной психологии является то, что ее "объект по существу не меняется (это всегда те люди, с которыми мы непосредственно соприкасаемся)" [237, с.19]. Донаучная психология, таким образом, имеет "объектное" происхождение. Для нее важен сам человек, можно сказать, что донаучная психология личностно-ориентированна. Для нее важны практичность (возможность использования) и целостность (предсказание поведения, поступков целостного человека). Так донаучная психология требует "заземления", практического знания. Роль донаучной психологии в *современной* психологии состоит, по-видимому, в том, чтобы отстаивать тенденцию к целостному ("объектному") и практически ориентированному познанию. К сожалению, особенности донаучной психологии изучены пока явно недостаточно. Полезным здесь может оказаться опыт исследования практического мышления - обобщений, возникающих у человека в практической деятельности [134].

1.1.2. Философская психология

Не имея возможности остановиться на другом потрясающе интересном вопросе - о переходе "от народных верований в души

к учению философов" [222, с.487], т.е. от психологии донаучной к психологии философской, отошло читателя к книге М.С.Роговина [237], где подробно изложена концепция А.А.Потебни - М.С.Роговина, представляющая собой возможную реконструкцию такого перехода. "Переход от объяснения в языке к объяснению с помощью языка был диалектичен: с одной стороны он служил предпосылкой развития абстрактного мышления, так как мысль вырывалась из первичных наглядно - образных связей; в то же время, бесконечно увеличивая возможности ее варьирования, этот переход приближал человека к реальности" [237, с.50]. К сожалению, здесь нет возможности говорить о возникновении и развитии философской психологии (см. об этом [237]). Отмечу только, что эта проблема до сих пор еще не подвергнута систематическому методологическому анализу, поэтому, можно полагать, ее исследование принесет немало весьма неожиданных результатов.

Возникновение философской психологии было значительным шагом вперед в познании психического; он был обусловлен прежде всего общим высоким уровнем развития античной эпохи, с которой и начинается философский период развития психологии [237, с.49]. "По сравнению с психологией, которая по уровню ей предшествует, для философской психологии характерным является поиск объяснительного принципа для психического и стремление установить общие законы, которым душа должна подчиняться, так же как подчиняются им и все природные стихии" [237, с.51-52].

Анализ философской психологии как таковой, к сожалению, выходит за рамки нашего исследования. Отмечу лишь, что философская психология (так же, как и донаучная психология) не имела специального метода для изучения психики. Новое знание в философской психологии получалось в результате использования метода интерпретации [237, с.24]. М.С.Роговин отмечал: "В этой истории науки особое русло остается за развитием психологических понятий. Здесь донаучная и философская психология не сменяются научной психологией, а порождаемые повседневной деятельностью людей продолжают существовать и развиваться наряду с нею" [237, с. 377]. И далее: "С того момента, когда психология декларативно отделяется от философии и становится самостоятельной экспериментальной наукой, ее дальнейшее разви-

тие, казалось бы, должно укладываться в схему тех закономерностей, которые устанавливаются и для других наук. Но этому препятствует особая линия развития систем психологических понятий, обусловленная сложным взаимодействием и взаимообуславливанием всех трех психологий (донаучной, философской и научной - В.М.). Вследствие этого психологические понятия выступают как средство выражения особенностей человеческой деятельности, как средство фиксации и передачи опыта и вместе с тем как предпосылка и результат специально психологического исследования" [237, с.378].

Философская психология является необходимой составляющей психологической науки в целом. Попробуем проследить, какую роль выполняла в психологической науке философская психология. Поскольку начиная с тридцатых годов философской психологии в СССР практически не было, попытаемся проанализировать ситуацию, которая существовала до октябрьского переворота 1917 года. (Я здесь не затрагиваю чрезвычайно интересный и очень сложный вопрос о соотношении философской психологии и "философии диалектического и исторического материализма". Разумеется, проблемы философской психологии продолжали разрабатываться и в условиях жесткого идеологического давления. В качестве примера можно привести работы выдающегося советского философа, психолога и, безусловно, философского психолога Сергея Леонидовича Рубинштейна [246, 247, 250]). Возьмем за точку отсчета классическую единицу - "столетье с лишним" (Б.Л.Пастернак). Возьмем имя в психологии практически неизвестное - Сергей Николаевич Трубецкой. Из вышедших в последние годы руководств по истории психологии ни одно его имени даже не упоминает. (Единственное исключение составляет книга А.В.Петровского (1984), где это имя однажды упоминается: "Так, после опубликования в 1892 г. работы Введенского "О пределах и признаках одушевления" с возражениями автору выступили Лопатин, Э.Радлов, Н.Я.Грот, С.Н.Трубецкой и др." [205, с.13]. Это и не должно удивлять - любая история (в этом случае история психологии не исключение) пишется "победителями": с точки зрения истории научной психологии победителями оказались представители естественнонаучной, экспериментальной психологии. Фило-

софская психология - так казалось "победителям" - осталась в прошлом, как психология "донаучной" эпохи.

Итак, С.Н.Трубецкой (1862-1905), принадлежащий "к числу выдающихся представителей русской религиозной философии конца XIX - начала XX в." [65, с.3]. "Глубокий, широко образованный мыслитель, основательный исследователь, талантливый публицист и энергичный общественный деятель, С.Н.Трубецкой оказал большое влияние на развитие философской мысли в России" [65, с.3]. Добавлю - представитель русской философской психологии, неоднократно сотрудничавший в замечательном журнале "Вопросы философии и психологии", издававшемся под редакцией Н.Я.Грота с 1889 года. Журнал выходил до 1918 года. Проблемы философии (и философской психологии) стали совершенно ненужными новым хозяевам страны. Впереди были "философский пароход", Беломорский канал, главное управление лагерей, оформление и канонизация единственно верной, разрешающей все проблемы философии диалектического и исторического материализма. Все остальные философствования только затуманивали кристальную ясность нового учения... Мы же обратим внимание на самый первый номер журнала - кн.1 за 1889 год. Там на с. 83-126 опубликована первая часть статьи С.Н.Трубецкого "О природе человеческого сознания". Некоторые моменты этой работы будут проанализированы ниже. Отмечу, что данная статья включена в том сочинений С.Н.Трубецкого в известной серии "Философское наследие" (т.120) в 1994 году [285]. Обратимся к вышеупомянутой статье, останавливаясь лишь на некоторых, наиболее значимых моментах.

С.Н.Трубецкой начинает свою статью рассуждением о вечных "закрытых" вопросах философии: "Над ними долго и упорно билась, иногда в течение целых веков, и разошлись, не примирившись и не достигнув соглашения. Но чтобы не возобновлять бесплодной и утомительной борьбы, противники как бы вступают в безмолвное соглашение - молчать о главном, об общей вине своей. Подразделяя вопрос на множество частных пунктов, они сражаются на этих пунктах, обходя первоначальную причину спора. От времени до времени бывает, однако, полезно припомнить ее, сдунуть пепел с тлеющего угля" [285, с.483]. Мы обнаруживаем у Трубецкого удивительное созвучие идеям новейшей методологии:

"В наш "век вопросов" столь многие из них потому и остаются без ответа, что они претендуют на самостоятельное значение и обсуждаются независимо от других, более существенных. И прежде чем испытать какие бы то ни было теории, отвечающие на различные вопросы, мы должны испытать самые эти вопросы. Ибо истинный ответ получает лишь тот, кто верно и хорошо спрашивает. Есть требования и от вопросов; и только выполняя эти требования, они становятся объективными, истинными вопросами. Истинный вопрос не измышляется и не загадывается, но составляет открытие; он определяется логически и исторически как природой исследуемой вещи, так и тем, что ранее было известно о ней" [285, с.483]. Подчеркивая важность изучения истории, Трубецкой отмечает: "И между тем на нас, стоявших вне движения европейской мысли и не имевших непосредственно ее живого предания, на нас, едва приступающих к изучению вопросов философии и психологии, особенно сильно ложится обязанность изучать эти вопросы исторически, в их взаимной логической связи и зависимости, в их внутреннем органическом единстве" [285, с.485]. Вряд ли стоит комментировать эти слова, звучащие сейчас едва ли не актуальнее, чем столетие назад. Трубецкой дает многочисленные примеры глубокого методологического анализа подходов к проблеме сознания в европейской психологии и философии, на которых мы не будем здесь останавливаться. Отмечу только, что звучит это по-прежнему актуально: и спустя сто лет существуют подходы к изучению сознания в рамках рационализма, эмпиризма, мистики. Трудно удержаться, чтобы не процитировать следующий фрагмент, представляющий интерес для истории науки: "Фактически исходной точкой каждой философии никогда не является ни личный опыт, всегда частный и весьма ограниченный, ни отвлеченное личное разумение, - мысль, свободная от всяких возможных предположений. Как бы мы ни ратовали против всевозможных умственных традиций, есть такие традиции, отрешиться от которых значит отказаться от опыта и умозрения и сойти с ума, впасть в идиотизм и афазию. Ибо один язык, на котором я мыслю, есть живая конкретная традиция, точно так же как целый ряд понятий, терминов, умственных навыков и приемов, частью унаследованных мною органически, частью же воспи-

танных во мне людьми. Далее, и опыт и умозрение предполагают, что имеют дело с реальными фактами, имеющими общие свойства и общее значение. Но эта объективная реальность и универсальность вещей и их свойств есть нечто такое, до чего никто не может прийти личным умом или личным опытом, - нечто такое, что мы вместе со всеми принимаем на веру, предполагая опыт и убеждение всех" [285, с.493-494]. Обратимся теперь к взглядам С.Н.Трубецкого на человеческое сознание. Критикуя западную философскую и психологическую мысль за рассмотрение сознания как феномена исключительно индивидуального, личностного, русский философ настаивает на коллективистичности, "соборности" сознания: "Я думаю, что человеческое сознание не есть мое личное отправление только, но что оно есть коллективная функция человеческого рода. Я думаю также, что человеческое сознание не есть только отвлеченный термин для обозначения многих индивидуальных сознаний, но что это живой и конкретный универсальный процесс" [285, с.495]. "Каждое индивидуальное человеческое сознание, пробуждаясь к жизни, развивает в себе свои врожденные способности и навыки при помощи старших, т.е. развитых зрелых человеческих индивидов. С одними врожденными наклонностями и способностями без посредства воспитания оно навеки осталось бы в зачаточном потенциальном состоянии, точно так же как без врожденных человеческих способностей никакое воспитание не могло бы возвысить данного субъекта над ступенью животного идиотизма. Достигая зрелости, сознательная личность живет самостоятельно и как бы независимо от других; на самом деле в совокупности других сознаний она имеет естественную норму и закон своей деятельности" [285, с.494]. С.Н.Трубецкого можно считать одним из "предшественников" знаменитой культурно-исторической концепции Л.С.Выготского. Сознание выступает как объект чрезвычайной сложности: "Таким образом, противоречия отдельных философов относительно природы человеческого сознания имеют действительное основание в самом этом сознании. Одни рассматривают его физиологические условия, другие - его метафизическое, идеальное начало; одни признают познание чувственным, всецело эмпирическим, ограниченным; другие раскрывают его логическую универсальную природу, его

априорные элементы. И до сих пор никому не удалось достигнуть окончательного примирения этих противоположностей, так то возникает вопрос, может ли оно вообще быть достигнуто. Ибо если противоречие заключается в самой действительности, то всякое исключительно теоретическое его решение или упразднение будет поневоле недостаточным или ложным" [285, с.45]. Сознание рассматривается как зависимое от физиологии: "...зависимость его от физиологических условий - от нервов и мозга - не подлежит никакому сомнению" [285, с.545], но сведено к ней быть не может: "При всей несомненности той интимной причинной связи, которая существует между мозговыми отправлениями и психическими явлениями, сознание, как таковое, не может быть объяснено из чего-либо материального" [285, с.545]. Заслуживает внимания взгляд С.Н.Трубецкого на предмет и метод психологии: "Единственные объективные психические явления, подлежащие научному исследованию, суть психофизические явления.

Единственным научным методом в психологии может быть только метод экспериментальной психофизики, которая не задается метафизическими вопросами, но выясняет конкретную связь между органическими и душевными процессами. Мы видим, однако, что понимаемая ложно, психофизика ведет прямо к отрицанию души, - поскольку она выдает себя за целую психологию. На самом деле психофизика изучает не душу, а физические явления, связанные в нашем теле с психическими процессами" [285, с.575]. Я вынужден прервать цитирование текста С.Н.Трубецкого... Отмечу лишь, что там содержатся удивительные моменты: идеи, близкие теории коллективного бессознательного Карла Густава Юнга, теории личности Уильяма Джемса, современной трансперсональной психологии... И совершенно фантастическим выглядит замечание, согласно которому "воспоминания сохраняются в непрерывном обновлении мозгового вещества и мозговых клеточек" [285, с.568]. Напомним, что методы для проведения подобных исследований были разработаны едва ли не через столетие после работы С.Н.Трубецкого. В.В.Налимов в книге "Спонтанность сознания" приводит данные современных исследований, показавших, что атомы, из которых состоит мозг, заменяются в течение нескольких месяцев [189]. И,

наконец, последнее замечание, касающееся развиваемой С.Н.Трубецким теории соборности сознания. Обоснованно полагая, что сознание нельзя объяснить ни бессознательным, ни физиологическим, Трубецкой выдвигает идею соборности сознания: "...человеческое сознание не есть только отвлеченный термин для обозначения многих индивидуальных сознаний, но что это живой и конкретный универсальный процесс" [285, с.495]. Замечу, кстати, что идея всеобщности, "кафоличности" разумного начала выдвигалась еще Аристотелем: "...самая душа, индивидуализированная в каждом живом существе, есть по существу своему нечто универсальное. И в полном осуществлении своей энергии, в познании вещей, в такой индивидуальной душе проявляется действие сверхличного духовного начала" [285, с.492]. Идея соборного сознания критиковалась современниками С.Н.Трубецкого. В частности, Л.М.Лопатин по этому поводу отмечал: "В самом понятии соборности сознания, в котором кн. С.Н.Трубецкой положил ключ к решению всех проблем, заключалась известная двусмысленность: отчасти оно означало коллективность, отчасти субстанциональное единство сознаний, отчасти оно обозначает только идеал, еще подлежащий осуществлению, отчасти вполне реальное свойство нашей душевной и умственной жизни. Все эти значения недостаточно различены и формулированы" [159, с.54]. Не входя в анализ этого вопроса (см. об этом статью П.П.Гайденко [65, с.25-27]), отмечу лишь, что Трубецкой упоминает "абсолютное, от века достигнутое, совершенное, довлеющее себе и заключающее в себе цель всякого возможного развития" [285, с.544]. "Без такого вселенского сознания, обосновывающего отдельные сознания и организующего их, отдельный ум не обладал бы самую возможность истинного логического знания. Без такого вселенского сознания не было бы никакого сознания и не было бы развития, ибо одно - возможность, одна - потенция не может сама собою осуществиться. Здесь мы приходим к учению великого Аристотеля, которое мы считаем краеугольным камнем метафизики: всему возможному, еще не дошедшему до своего конца, еще недоразвившемуся до своей предельной и безусловно желательной формы, противоположит вечная идеальная действительность или энергия, вечно достигнутая цель" [285, с.544]. Нельзя не заметить удивительного созвучия

идей, высказанных в конце прошлого века князем С.Н.Трубецким, концепциям ультрасовременного холономного подхода, еще только получающего теоретическую и экспериментальную проработку (см. об этом [366, 230, 79])... Автор приносит извинения за столь обильное цитирование работы Сергея Николаевича Трубецкого. Может быть, у читателя создалось какое-то впечатление о рассматриваемой статье. Еще раз подчеркну, что С.Н.Трубецкой был далеко не самым известным философским психологом в России конца прошлого века.

Попробуем теперь, опираясь на изложенное выше, представить роль философской психологии в общем потоке психологической науки. Повторю, что полагаю необходимым сосуществование в "теле" психологической науки различных психологий. Как уже говорилось выше, действительный, подлинный предмет психологии - "психэ" - предмет совершенно особый. Ввиду отсутствия методов для изучения этого предмета, наука (психология) постоянно осуществляет "подмену": в результате реально изучается нечто с этим предметом связанное, но вместе с тем явно не совпадающее, отличное (то самосознание, то поведение, то деятельность, то...). История психологии - история поисков предмета психологии. ("Бедная, бедная психология. Сперва она утратила душу, затем психику, затем сознание и теперь испытывает тревогу по поводу поведения" [341, с.5]). Научная психология строит теорию своего *реального предмета*, представляя дело таким образом, будто никакого различия между предметом декларируемым и реальным не существует. Однако, это не так. Карл Густав Юнг, один из величайших психологов нашего столетия, прямо говорил о том, что психика является "неизвестным фактором" и "мы еще очень далеки от того, чтобы даже приблизительно понять его сущность" [388, S.418]. Это очень важный момент. Если мы далеки от понимания сущности психического, то важно не принимать неоправданных ограничений, определяющих, в частности, диапазоны возможных пространств психической реальности. Философская психология и призвана не давать научной психологии отрываться от своего подлинного (пусть еще не постигнутого, окруженного ореолом тайны) предмета, возвращаться к нему. Напомню, что С.Н.Трубецкой предостерегал от искушения принять результаты психофизического исследования за *целую* психологию. Эту функ-

цию, которая состоит в том, чтобы выявлять отношение между декларируемым и реальным предметом, не допускать неоправданной редукции, сведения можно назвать предметной.

Философская психология имеет еще одну очень важную функцию - назовем ее условно эвристической. Именно она позволяет ставить новые вопросы (что уже само по себе, согласно Трубецкому, есть открытие). Поиск будет вести научная психология, она спланирует, построит исследование, которое подтвердит или опровергнет справедливость предположений философской психологии. Вообще продуцирование новых идей - важнейшая функция философской психологии. Соотнося различные смыслы, "играя" ими, философская психология создает возможности для разработок психологии научной. Из истории психологии легко видеть, что часто высказанная идея может "ожидать" разработки долгие годы.

Таким образом, философская и научная психология необходимо сосуществуют. У них различающийся предмет, разные методы, иные задачи. Кстати, так называемая практическая психология представляет собой еще одну, чрезвычайно любопытную составляющую общего "организма" современной психологии. Специфика практической психологии также должна быть проанализирована дополнительно. Для "нормального" развития психологии в целом необходимо "нормальное" соотношение потоков внутри нее. Если в силу каких-то причин возникают диссоциации, то появляются "нарушения" в развитии, оно становится "аномальным". В таких случаях особая роль принадлежит философской психологии, выполняющей "психотерапевтическую" функцию за счет порождения новых смыслов. Сейчас, когда российская психология переживает трудный период, связанный с "переоценкой ценностей", требуется такое "психотерапевтическое" воздействие философской психологии.

1.1.3. Научная психология

Во второй половине XIX столетия возникает научная психология. Хорошо известны признаки научной психологии: выделение особого предмета, использование специальных методов. В результате создается впечатление, что новая психология (научная, экспериментальная, физиологическая) отличается от старой (фи-

лософской) кардинально: кончился век старой психологии и появилась новая. Родилась новая психология, все изменилось, все стало по-другому.

Одна из задач, стоящих перед автором настоящей книги, состоит в том, чтобы показать, что это не вполне так. Новая психология не была чисто экспериментальной (опытной, научной, физиологической), сохраняла многое от старой, философской психологии (точно так же, как философская психология сохранила в себе многие элементы психологии донаучной). Более того, философская составляющая просто необходима научной психологии. В третьей главе (разд. 3.1.) мы попытаемся проанализировать процесс становления научной психологии и продемонстрировать, что новые научные психологические концепции были значительно теснее связаны с философской психологией, чем обычно принято считать. Кстати сказать, сами авторы "новой" психологии, создавшие психологию как самостоятельную науку, вовсе не были радикалами, требовавшими решительного размежевания.

По моему убеждению, психология представляет собой специфическую область человеческого знания. Специфика в первую очередь состоит в том, что предмет психологии, по известному выражению Л.С.Выготского, "самый трудный из всего, что есть в мире". Специфика научного подхода к его исследованию состоит в том, что сложнейшее явление ("многомерное", микрокосм, "космопланетарный феномен" и т.д.) "подменяют" идеальным объектом. Собственно, иначе и быть не может - любая теория возможна, когда предмет точно определен. На деле это означает сведение – психологическую редукцию – потенциально сложнейшего явления к чему-то более простому. Например, можно сказать, что психика – отражение действительности. Действительно, ее можно рассматривать таким образом. Но это, разумеется, не вся психика. С другой стороны, если рассматривать психику по иному, то она раскроется как трансперсональный феномен (например, в аналитической психологии К.Юнга [331, 330, 334]). Механическое соединение вряд ли будет продуктивно. Честно говоря, такое соединение вряд ли возможно вообще: речь здесь идет, по сути, о *разных психологиях*. В чисто научной психологии (пока!) нет места трансперсональным феноменам. Трансперсональная психология может говорить, что научной психологии нет дела до реального

живого человека и проблем его реального бытия... Тот же Юнг писал о психологии, "которая не имеет ничего общего с подробностями человеческой жизни и лишь парит в стратосфере абстрактных идей" [334, с.80]. И все же получается так, что самая научная психология содержит в себе элементы философской психологии (без которых научные изыскания не имеют смысла). Напомним, что человек не в состоянии выйти за пределы своего психического опыта (любое научное психологическое положение проходит *верификацию* опытом). Поэтому, видимо, правильнее говорить о *психологии как науке*, внутри которой сосуществуют элементы философской, донаучной и собственно научной психологии.

Больше сейчас о собственно научной психологии говорить вряд ли стоит, т.к. вся эта книга посвящена анализу инструментария, которым она пользовалась с момента своего возникновения (см. подробнее гл.3).

1.2. Кризис в психологии

Жан Пиаже, характеризуя развитие психологической науки, отмечал: "Науки более развитые, чем наша, уже давно пришли к пониманию того, что успехи науки в периоды ее кризисов обычно связаны с ретроактивной критикой употребляемых понятий, следовательно, с внутренней (и независимой от философии) эпистемологической критикой" [209, с.189]. О том, что кризисы плодотворны, писали и другие известные психологи. По мнению, разделяемому ныне многими, современная отечественная психология пребывает сейчас в состоянии глубокого кризиса. В третьем номере журнала "Вопросы психологии" за 1997 год помещена статья Е.Д.Хомской "О методологических проблемах современной психологии", в которой констатируется "наличие методологических трудностей в различных областях психологии" [303, с.113]. В заметке от редакционной коллегии фиксируется "ситуация методологического кризиса, сложившаяся в отечественной психологии за последние годы" [201, с.125]. Н.И.Чуприкова отмечает, что "приходится согласиться не только в целом с диагнозом, поставленным Е.Д.Хомской, но и с квалификацией его как очередного методологического кризиса, возникшего в отечественной психологии в

связи с новой социальной и внутриспсихологической ситуацией (в частности, вследствие широкого распространения психоанализа, психотерапевтической практики и идей гуманистической психологии)" [314, с.126]. С тем, что в современной психологии существуют "острые теоретические и методологические трудности и противоречия", был согласен и В.В.Давыдов [83, с.127].

О наличии кризиса или серьезных методологических трудностей писали в последние годы В.П.Зинченко [226,101,102], О.К.Тихомиров [283], А.В.Брушлинский [34], И.П.Волков [49] и др. Кризис в психологии зафиксирован и зарубежными авторами [384, 67 и др.]. Складывается определенное и устойчивое впечатление, что факт кризиса - явно методологического - налицо. Сразу вспоминается знаменитый "открытый кризис" в психологии, описанный и проанализированный К.Бюлером [363] и Л.С.Выготским [60], К.Левином [113] и С.Л.Рубинштейном [249,248]. Есть ли связь этого кризиса с современным? Когда впервые возникли кризисные явления в психологии?

Удивительно, но датировка возникновения кризиса совпадает с датой возникновения научной психологии. Вот что писал об этом в книге, изданной в 1914 году знаток психологии и прекрасный методолог Н.Н.Ланге: "Кто знаком с современной психологической литературой, с ее направлениями и тенденциями, особенно в отношении принципиальных вопросов, не может, я думаю, сомневаться, что наша наука переживает ныне тяжелый, хотя и крайне плодотворный, кризис. Этот кризис, или поворот (начало которого можно отнести еще к 70-м гг. прошлого столетия), характеризуется, вообще говоря, двумя чертами: во-первых, общей неудовлетворенностью той прежней доктриной или системой, которая может быть названа, вообще ассоциационной и сенсуалистической психологией, и, во-вторых, появлением значительного числа новых попыток углубить смысл психологических исследований, причем обнаружилось, однако, огромное расхождение взглядов разных психологических направлений и школ" [148, с.69]. Н.Н.Ланге определил признаки кризиса: реально работал критерий "огромного расхождения" ("отсутствия общепринятой системы в науке") - если оно существует, то психология не имеет "основы", "фундамента", позиции по отношению к которым у большинства психологов должны совпадать.

Видимо, Н.Н.Ланге в датировке кризиса был точен. Франц Brentano в "Психологии с эмпирической точки зрения" (1874) писал: "Не столько в разнообразии и широте мнений, сколько в единстве убеждений испытывает сегодня психология острую нужду. И здесь мы должны стремиться приобрести то же, чего - одни раньше, другие позже - уже достигли математика, физика, химия, физиология; нам нужно ядро признанной всеми истины, которое в процессе взаимодействия многих сил затем быстро вырастет новыми кристаллами. На место психологий мы обязаны поставить психологию" [30, с.11]. Я думаю, под этими словами в конце второго тысячелетия могли бы подписаться многие современные научные психологи.

Эта работа не ставит задачи специального историко-психологического исследования возникновения и развития методологии психологической науки, поэтому ограничимся проследиванием лишь отдельных моментов. Методологические вопросы вынуждены были затрагивать очень многие психологи. Традиционное для психологии обилие школ и подходов к изучению той или иной конкретной проблемы стимулировало обращение внимания на собственно методологические вопросы науки. На мой взгляд, особое внимание методологическим вопросам уделялось в России (а затем в СССР). Возможно, это связано с некоторыми особенностями российской ментальности - стремлением непременно "дойти до самой сути", а не довольствоваться прагматическими следствиями* . В силу известных обстоятельств после Ок-

* В данной связи уместно будет привести рассказ Марины Бонч-Осмоловской, живущей в Австралии. Рецензируя статью Александра Кеннауэя, рассуждавшего о целях и задачах русской фундаментальной науки, она замечает, что выводы английского ученого оказываются неадекватными, поскольку он не учитывает специфики русской фундаментальной науки. "Главный принцип, из которого исходит автор, - это принцип полезности. Сами по себе задачи и цели фундаментальной науки его не интересуют. Очевидно, что это не его сфера интересов. Для автора важным представляется только то, что от науки можно получить, какую выгоду она может принести". В своей заметке под названием "Меркантильный английский ум" она рассказывает историю, в которой, как, впрочем, в каждой шутке, есть доля шутки: "Как-то по австралийскому телевидению мы смотрели передачу о клонировании. Рассказывалось, что при известных условиях можно воспроизвести любое количество живых особей, а также оживить

тябрьского переворота 1917 года для российской психологии актуальной стала разработка методологии на определенных философских основах. Повышению внимания к методологическим вопросам способствовало обострение кризиса в мировой психологической науке.

Книга Н.Н.Ланге "Психология" [150], в которой открыто говорилось о кризисе в психологии, послужила своего рода "сигналом": свои "диагнозы" начали давать многие психологи. Хотя, исторической справедливости ради, следует отметить, что о кризисе в психологии писали и до Ланге: французский последователь В.М.Бехтерева Н.Костылев опубликовал в 1911 году в Париже книгу под названием "Кризис экспериментальной психологии" [393]. Еще в конце прошлого столетия махист Рудольф Вилли написал книгу о кризисе в психологии [420]. В любом случае приоритет в постановке диагноза принадлежит все же Ф.Брентано [358]: он сумел разглядеть симптомы кризиса практически в момент рождения научной психологии. Впрочем, куда важнее другое: с тем, что кризис есть, согласны практически все. Что касается трактовки причин и смысла психологического кризиса, то здесь наблюдается привычное для психологической науки многообразие взглядов и позиций.

Сколь ни интересен анализ кризиса в психологии, данный Н.Н.Ланге, не будем на нем останавливаться. Его работа была очень популярна (во всяком случае, в России) и, в известной степени, стимулировала появление новых "диагнозов". Действительно, кризис вступил в открытую фазу. Особенно остро он переживался в отечественной психологической науке в двадцатые годы, поскольку на мировой психологический кризис "наложилась" специфика социокультурной ситуации: произошедшие в стране радикальные изменения требовали "революций", "реформ" и "пе-

умерших, имея на руках единственную клетку. Сидевшие вокруг русские предложили оживить Аристотеля и Канта; журналист, ведущий передачу, предложил вырастить коров с одинаковыми сосками, чтобы удобнее было доить" (Бонч-Осмоловская М. Меркантильный английский ум// НГ-наука:Ежемесячное приложение к "Независимой газете", октябрь 1997, No 2.). По моему мнению, в этой шутке хорошо прослеживается особенность российской фундаментальной науки, состоящая в направленности на поиск первооснов.

рестроек" в науке и, в частности, в психологии. А любую перестройку, как известно, куда проще начинать, если известно, чем обусловлен кризис, вызвавший ее к жизни.

В двадцатые годы было принято ставить диагноз кризисному состоянию психологии. Известны "диагнозы" М.Я.Басова (1924,1928) [20,21], П.П.Блонского (1925) [25,26], Л.С.Выготского (1927) [60], В.А.Вагнера (1923) [42, 43], А.Р.Лурии (1932) [162], С.Л.Рубинштейна (1934, 1935) [249, 244], Б.Г.Ананьева (1931) [9] и др. Даже одно перечисление впечатляет, хотя приведенный список заведомо неполон. Каждый из названных авторов имел свой взгляд на причины сложившейся кризисной ситуации, ее динамику и пути выхода из кризиса. Многим авторам принадлежит несколько диагнозов. Например, может быть прослежена эволюция взглядов на причины психологического кризиса и способах его преодоления у Л.С.Выготского (1925, 1927, 1931, 1934), у А.Р.Лурии (1925, 1928, 1930, 1932) и др. Налицо удивительное многообразие методологических поисков и их "разнонаправленность". В двадцатые годы сложилась ситуация, которая способствовала разработке методологических проблем. Несомненный факт кризисного состояния заставил психологов многократно анализировать его ближайшие причины, его источники и движущие силы, факторы, осложняющие его течение в российских, советских условиях. Все это стимулировало интерес к выявлению оснований психологии. Острое ощущение необходимости построения новой психологии (все авторы, писавшие о кризисе, были удивительно единодушны в одном - они утверждали, что новая психология еще только должна родиться) способствовало формированию представления о том, что могут быть выявлены и описаны закономерности формирования психологической теории.

Безусловно, самым глубоким и основательным методологическим сочинением той эпохи была рукопись Л.С.Выготского "Исторический смысл психологического кризиса" [60], написанная в 1927 году и опубликованная лишь в 1982 году. Поражает многообразие затронутых автором проблем и их аспектов. Бесспорно, Л.С.Выготский - классик отечественной, да, пожалуй, и мировой психологической науки. Но классик "живой". Если верно определение, по которому "классик - это тот, кого почитают, но не читают", то с Выготским все обстоит иначе. Нельзя не согласиться с

американским психологом Джорджем Верчем, написавшим о неисчерпаемости идей Выготского так: "Я читаю Выготского уже почти четверть века и это более, чем что-либо другое, только подкрепляло мою уверенность, что мне никогда не удастся до конца извлечь все предлагаемое..." [48, с.6]. Безусловно, Выготский один из тех интеллектуалов, "чьи работы могут служить системой мышления с нескончаемой продуктивностью" [48, с.6]. Сказанное Верчем справедливо для методологического исследования Выготского ("Исторический смысл психологического кризиса") в абсолютной степени. В этой книге, в частности, представлена "объяснительная схема психологии" - взаимодействие понятия и объяснительного принципа, выделены и описаны этапы эволюции психологической теории в области психологии и многое другое. В "Историческом смысле..." едва ли не впервые в мировой психологической науке выявлено *методологическое значение практики* для психологии как науки, проанализирована определяющая роль практики в ее развитии. Как это ни печально, и сегодня - на пороге XXI века - приходится соглашаться с мнением известного советского методолога науки Э.Г.Юдина, еще в семидесятых годах отмечавшего, что со времени Выготского многие важные вопросы, поставленные им, так и не были исследованы.

Однако вернемся к анализу психологического кризиса. Было бы очень интересно сопоставить сходства и различия в диагнозах ученых, которые впоследствии стали ведущими психологами СССР. К сожалению, здесь нет такой возможности, поэтому ограничимся упоминанием работ Л.С.Выготского и С.Л.Рубинштейна. Принято считать, что методологические позиции Л.С.Выготского наиболее отчетливо сформулированы в книге "Исторический смысл психологического кризиса". В значительной мере это так. Но правда и то, что Выготский был прежде всего и "до конца последовательным методологом" (если воспользоваться его собственным выражением по другому поводу). Поэтому целесообразно рассмотреть методологические поиски Выготского более широко. Представляется полезным соотнести его методологические рассуждения 1924 г. (Предисловие к книге А.Ф.Лазурского [62]), анализ психологического кризиса в рукописи "Исторический смысл психологического кризиса" (1927) [60] и методологические изыскания 1931 г. (Предисловие к книге А.Н.Леонтьева) [61].

Не имея возможности анализировать творчество Выготского в целом, отмечу лишь, что важной представляется точка отсчета. Есть основания полагать, что в своих ранних работах (рукопись о Гамлете) Выготский исходил из мистической концепции души, хотя совсем "не был занят вопросами психологии..." Кратко остановимся на "диагнозах" Выготского. 1) 1924 г.: предисловие к книге Лазурского. Оценивая позитивно естественнонаучный подход Лазурского, Выготский отвергает идею "души", выбрасывая (как редактор) этот фрагмент из нового издания книги. "С одной стороны, успехи физиологической мысли, проникшей методами точного естествознания в самые сложные и трудные области высшей нервной деятельности, с другой, всевозрастающая оппозиция внутри самой психологической науки по отношению к традиционным системам эмпирической психологии обусловили и определили собой этот кризис" [62, с.63]. К этому добавляется требование - пока еще в мягкой форме - психология должна стать марксистской. Выход из кризиса Выготский видит в создании *научной системы*. "Такая система еще не создана. Можно с уверенностью сказать, что она и не возникнет ни на развалинах эмпирической психологии, ни в лабораториях рефлексологов. Она придет как широкий биосоциальный синтез учения о поведении животного и общественного человека. Эта новая психология будет ветвью общей биологии и вместе основой всех социологических наук" [62, с.76]. Итак, средство - синтез достижений в разных направлениях науки. 2) 1927 г.: "Исторический смысл психологического кризиса". "*Существуют две психологии* - естественнонаучная, материалистическая, и спиритуалистическая: этот тезис вернее выражает смысл кризиса..." [60, с.381]. Выход из кризиса может быть найден путем построения методологии психологии ("диалектики психологии"). Психологии нужен свой "Капитал". "Кризис поставил на очередь разделение двух психологий через создание методологии". "...психология не двинется дальше, пока не создаст методологии, что первым шагом вперед будет методология, это несомненно" [60, с.422-423]. Итак, выход из кризиса Выготский видел в создании методологии, "общей психологии". В качестве средства предлагался аналитический метод ("Весь "Капитал" написан этим методом..."), предполагающий выделение "клеточки" и исходящий из того, что "развитое тело легче изучить, чем клеточку" [60,

с.407]. 3)1931: предисловие к книге А.Н.Леонтьева. "Свое выражение этот кризис нашел в ложной идее двух психологий: естественнонаучная, каузальная, объяснительная психология и телеологическая, описательная, понимающая психология, как две самостоятельные и совершенно независимые друг от друга дисциплины" [61, с.7]. "...Психологии предстоит кардинальный поворот на пути ее развития, связанный с коренным отказом от этих двух тенденций..."[61, с.7]. Поворот состоит в использовании историко-генетического подхода: "Историческое происхождение и развитие высших психологических функций...является...ключом ко всей проблеме психологии человека..."[61, с.12].

Попытаемся проанализировать изменение позиций Выготского по вопросу психологического кризиса. Первый "диагноз" несет печать "методологической наивности". В качестве средства выхода из кризиса Выготский предлагает использовать "синтез". По тем временам (1925) синтез был "универсальным" методом, позволяющим объединить все, что угодно (субъективную психологию и объективную, марксизм и психоанализ и т.д.). Практически осуществлять эту программу - действовать "a la Корнилов" или "a la Челпанов". Так Выготский просто не мог. Поэтому он предпринимает новый анализ. Здесь уже прослеживается "методологическая зрелость". Ясно, что "синтез" разнородных подходов невозможен. Л.С.Выготский подробно анализирует такие "методологические достижения" коллег. Разработка методологии психологии - первоочередная задача. Поскольку в готовом виде взять ее неоткуда ("даже у классиков марксизма ее нет"), то создавать ее надо по образцу метода Маркса. Таким образом, используя метод восхождения от абстрактного к конкретному, можно создать новую психологию. Как известно, эта программа Л.С.Выготским также не была осуществлена. На мой взгляд, причина в том, что из исходной "клеточки" под названием "реакция" ("Кто разгадал бы клеточку психологии - механизм одной реакции, нашел бы ключ ко всей психологии" [60, с.407]) психологию получить не удастся. "Развитое тело изучить легче, чем клеточку", но это оказывается именно "тело", а не "душа"(т.е. не "вся психология"). Выготского интересует именно психология - сознание. А метод теперь не логический, а исторический (генетический). Но проблема специфики психологического подхода остается. Поэтому давая третий "диа-

гноз", Л.С.Выготский специально подчеркивает, что история происхождения и развития психологических функций является "ключом ко всей проблеме психологии человека" [61, с.12]. И далее: "Вместе с этим внесением исторической точки зрения в психологию выдвигается на первый план и специально психологическая трактовка изучаемых явлений..." [61, с.12]. Использование этого подхода, как известно, принесло Выготскому и его ученикам заслуженную славу и позволило сформулировать знаменитую концепцию. Как теоретик, Выготский, получив результаты, мог быть доволен. Как методолог, он не был удовлетворен...

Поскольку здесь нет возможности анализировать эволюцию взглядов "моцарта психологии", отметим лишь то, что во всех приведенных диагнозах на первый план выходит методология. Существенно, что в этих трех текстах Л.С.Выготского методология понималась по-разному. Напомню также и то, что обещание перейти к позитивному изложению "общей психологии" ("Исторический смысл психологического кризиса") осталось невыполненным. Вероятно, это одна из причин неопубликования рукописи - она, фактически, осталась неоконченной. Другую можно обнаружить в том обстоятельстве, что, само отношение к методологии как к тому, что должно быть построено, разработано *исходя из специфики психологии* все более приходило в противоречие с учением, претендовавшим и на "всесилие" и на "верность". В-третьих, требовались все большие переделки текста: цитаты (скрытые) из Л.Д.Троцкого уже были невозможны. Да, я думаю, и самому Льву Семеновичу от идей о "переплавке человека" и "искусственном создании нового биологического типа" [с.436] становилось слегка не по себе. Пророчество Л.С.Выготского с последней страницы рукописи - "Новое общество создаст нового человека" [с.436] - сбывалось "на глазах". Но главное, конечно, в другом. Менялись представления Л.С.Выготского о методологии. Потому и не оставил он развернутого изложения "общей психологии" (методологии), что взгляды на нее постоянно менялись. Л.С.Выготский писал в 1927 году, что к разработке методологии психологию толкают, с одной стороны, философия, с другой стороны, практика. Через десять лет ситуация радикально изменилась: место философии прочно занял "диалектический и исторический материализм", принципиально решивший все философские вопросы, начиная с

основного; в 1936 году стало ясно, что психологии нужно держаться подалеже от практики социалистического строительства - судьба педологии и психотехники этот тезис убедительно доказала...

Кризис в психологии был предметом раздумий выдающегося отечественного психолога и философа С.Л.Рубинштейна (1934, 1940). В своей знаменитой статье "Проблемы психологии в трудах Карла Маркса" (1934) [249] С.Л.Рубинштейн пишет о кризисе зарубежной психологии: "Современная зарубежная психология, как известно, переживает кризис (...). В психологии этот кризис привел к тому, что психология распалась на психологии, а психологи разбились на школы друг с другом враждующие. Кризис в психологии принял, таким образом, настолько острую и открытую форму, что он не мог не быть осознан крупнейшими представителями психологической науки" [249, с.19-20]. С.Л.Рубинштейн подвергает критике анализ К.Бюлера, который заключался в попытке "синтеза" различных психологий как "друг друга дополняющих аспектов". "Бюлер попытался объединить подход к предмету психологии интроспективной, психологии бихевиоризма и психологии духа, рассматривая их как три аспекта единого предмета психологии. Этот путь заранее был обречен на неудачу. Он приводит лишь к объединению субъективной идеалистической концепции сознания с механистической концепцией человеческой деятельности" [249, с.23]. К анализу кризиса в психологии С.Л.Рубинштейн возвращается в работе "Философские корни экспериментальной психологии", опубликованной в 1940 году [248]. Характерно, что в этой работе С.Л.Рубинштейн ведет отсчет кризиса с вундтовской психологии: "Однако у Вундта вместе с тем уже определенно намечаются все основные элементы, которые раскрылись затем в кризисе психологии. Само сведение экспериментальной психологии к психологии физиологической и противопоставление ей исторической психологии (психологии народов), отнесение к первой элементарных психофизических функций, а высших духовных проявлений ко второй, уже заключают в себе в зародыше то разложение психологии на ряд "психологий", которое получило особенно заостренное выражение у Шпрангера, противопоставившего "психологию духа" как подлинную психологию, физиологической психологии, как собственно физиологической дисциплине. Этот

распад единой психологии на ряд психологий, особенно показательный для кризиса, начинается уже у Вундта" [248, с.77]. С.Л.Рубинштейн подчеркивает, что решающим для понимания кризиса является то, что и поведенческая психология и интроспективная исходят из одного понимания психики, сознания. Таким образом, кризис психологии это кризис декартовско-локковской концепции сознания. Выход из кризиса С.Л.Рубинштейн видит в разработке принципа единства сознания и деятельности - "проблемы сознания в его отношении к деятельности" [249, с.45].

Сформулированные С.Л.Рубинштейном и другими психологами положения составили методологическую программу советской психологии. В советской психологии были реализованы исследовательские программы, принесшие достижения и результаты, которыми по праву гордится отечественная психологическая наука [4, 34, 100, 207]. Объективную историю советской психологии еще предстоит написать: в ней переплелось многое - наверное, можно говорить о "триумфе и трагедии" советской психологии. Ясно, что в "самосознании" отечественной психологии никакого кризиса не было и быть не могло. В течение многих лет можно было говорить лишь о кризисе зарубежной - "буржуазной" - психологии. В советской все было замечательно: у советской психологии были достижения, все методологические вопросы "в принципе" были решены, оставались лишь чисто рабочие моменты, связанные с расширением сферы исследований, обобщением результатов. Кризисы происходили лишь в буржуазной психологии.

К сожалению, активные методологические изыскания двадцатых годов в советской психологии к существенным прорывам в методологии не привели. А уже с конца двадцатых путь формирования методологии психологии в СССР был предопределен союзом с марксизмом-ленинизмом. (Хочу заметить в скобках, что полностью за пределами данной публикации остался потрясающе интересный вопрос о сравнительной оценке влияния на психологию марксистских положений ("Капитал" и "Тезисы о Фейербахе" влияли в разных направлениях!), ленинские, плехановские, сталинские, бухаринские и, конечно же, троцкистские. Публикация работ Энгельса, других архивных материалов во второй половине двадцатых существенно повлияла на направление поисков)). По-

чему же исследования середины двадцатых годов (пока идеологическое давление было еще выносимым) не дали развернутой содержательной психологической методологии?

Во-первых, методологические изыскания двадцатых годов, по-видимому, и не могли дать верной теоретической картины развития психологии как науки. Дело в том, что в предшествующие годы научная психология находилась под сильным влиянием позитивизма. Наиболее распространенным было представление о непосредственности психологического знания. Считалось, что самонаблюдение (интроспекция) или объективное наблюдение *непосредственно* дают материал, который наука интерпретирует. Таким образом, психология не была еще теоретической дисциплиной в полном смысле слова. Конечно, в исследованиях психологов разных направлений (в первую очередь, в работах психоаналитиков -

З.Фрейда и К.Юнга, а также вюрцбургцев, изучавших процесс мышления) постепенно формируется представление о том, что метод психологии не имеет непосредственного характера, и, следовательно, готовятся предпосылки для того, чтобы психология стала действительно теоретической наукой. Но пока это всего лишь предпосылки. Работа по превращении психологии в теоретическую дисциплину происходила в основных психологических школах: гештальтпсихологии, психоанализе, бихевиоризме (особенно преуспела в этом гештальтпсихология). В отечественной науке превращению психологии в полноценную теоретическую дисциплину способствовал культурно-исторический подход Л.С.Выготского, психологический анализ поведения М.Я.Басова, принцип единства сознания и деятельности С.Л.Рубинштейна. В начале двадцатых годов, когда интенсифицировались методологические поиски, ситуация была существенно иной. Взгляды на психологию как "непосредственную" науку справедливо критиковались Л.С.Выготским [60] и С.Л.Рубинштейном [245,250]. Последний, в частности, обосновав принцип единства сознания и деятельности, по сути, доказал, что методы психологии имеют опосредствованный характер. Опосредствованные методы только начинают возникать в советской психологии в двадцатые годы. В отечественной психологии в разработке таких методов велика заслуга Л.С.Выготского и его учеников. Без опосредствованных методов

не может возникнуть психологическая теория в полном смысле слова. И она возникает, эта современная по типу теория. В силу особенностей социокультурного и идеологического плана она оформляется как деятельностьная теория. В течение многих лет в советской психологии методология и деятельностьный подход оказались связанными чрезвычайно тесно.

Во-вторых, постоянно увеличивающееся идеологическое давление. Современному читателю уже трудно представить себе ту степень идеологического контроля, которая существовала в нашей стране. Впрочем, об этом говорить здесь не буду... Энтузиазм обновления первых послереволюционных лет, когда психологи мечтали создать новую науку (см. воспоминания А.Р.Лурии [208, с.130-131]), проходит. Глубоких и искренних попыток использовать марксистские положения для решения психологических вопросов уже недостаточно. Для примера можно привести эпизод из научной биографии того же А.Р.Лурии.

Как известно, в 1929 году А.Р.Лурия участвовал в работе IX Международного конгресса психологов в США. По материалам этого конгресса А.Р.Лурия пишет статью "Пути современной психологии" [163]. Содержательная работа А.Р.Лурии с интересом читается через шестьдесят пять лет со времени написания, содержит интересные выводы и оценки, справедливость которых подтверждена временем. Статья опубликована в журнале "Естествознание и марксизм" № 2-3 за 1930 год. Публикация предваряется сообщением "От редакции" [200], в котором отмечается, что "статья дает совершенно извращенное, немарксистское толкование и методологическую оценку отдельных направлений в науке о поведении" [200, с.62-63]. Редакция отмечает "антимарксистское, по существу" объяснение автором корней современного американского прагматизма. Цитирование этого характерного документа эпохи полезно потому, что дает исчерпывающее представление о "методологических" взглядах редакционной коллегии. Редколлегия дает "открытый урок", наглядно демонстрируя, какая нужна "методология": "Вместо того, чтобы показать сущность капиталистической рационализации и системы организации труда, направленных к усиленной эксплуатации рабочего класса, превращения его в автомат или придаток к машине, вместо того, чтобы раскрыть, каким обра-

зом вся эта практика современного американского капитализма находит свое отражение в психоневрологии, автор ограничивается политически "болотными" рассуждениями..." [200, с.62-63]. В любом журнале той эпохи можно найти аналогичные пассажи. Роль методологии сводится к идеологическому и политическому. Кстати, редакционная статья, открывающая этот номер, имеет символическое название: "За партийность в философии и естествознании" [96]. Изменения происходили настолько стремительно, что даже "технические обстоятельства" становились значимыми ("Редакция журнала оговаривает, что настоящий номер, подготовленный и отредактированный редакцией старого состава... задержался в выходе по техническим обстоятельствам и в своем содержании не отражает того поворота, о котором говорит передовая статья" [96, с. VIII]). Но продолжим цитирование заметки: "Редакция считает необходимым в одном из ближайших номеров дать развернутую критику псевдомарксистских взглядов А.Р.Лурия и других психоневрологов, капитулирующих перед достижениями современной буржуазной психоневрологии, некритически усваивающих их и пропагандирующих их у нас под флагом марксизма" [200, с.62-63]. И последний штрих: "...необходимо перед партийной и научной общественностью со всей серьезностью поставить вопрос о более тщательном подборе людей, отправляемых за границу. От них наша страна должна получать не поверхностную обывательскую информацию, а серьезную и политически верную ориентировку в вопросах современной буржуазной науки" [200, с.62-63].

Краткая редакционная заметка очень точно характеризует смысл наступившей эпохи. Наступила эпоха идеологизации. Вместо глубины анализа теперь требуется верный классовый подход. Теперь методологическое пространство сужено чрезвычайно. Любой выход за пределы дозволенного требует не только мужества, но и изобретательности в подборе цитат из классиков, могущих "защитить" "крамольный" ход мысли. В условиях тотальной идеологизации дискуссии утратили свое позитивное, стимулирующее развитие науки значение.

В-третьих, сама идея развития применительно к психологии как науке стала излишней. Это звучит парадоксально, но в то время, когда идея развития становится ведущей в психологии, она

"уходит" из методологии. Уйти совсем, однако, она не может - это было бы совершенным анахронизмом, поэтому она "подменяется". Идея развития применительно к психологии как науке была подменена ожесточенной критикой различных концепций зарубежной психологии. Пролетарская наука - верная, передовая. Буржуазная же может в лучшем случае иметь только отдельные положительные тенденции, имеющие ограниченное значение. Короче говоря, советская психология должна быть "вершиной" развития психологии. В этом смысле вся советская психология была "вершиной". Диалектика, берущаяся на вооружение, неизбежно требует "остановить мгновение". Как прусское государство у Гегеля должно было символизировать высший "синтез", так и наука нового общества просто обязана была быть более передовой. Не то, чтобы развитие науки отрицалось. Совсем нет. Советская психология каждое десятилетие отмечала очередные достижения: проблемы разрабатывались, вопросы изучались, концепции формулировались, в зависимости от постановлений того или иного съезда партии решались особенно актуальные задачи, поставленные последней перед советскими психологами. При этом предполагалось (хотя и не формулировалось), что главные вопросы решены окончательно. Если позволительно в данном случае воспользоваться термином Томаса Куна [140], то развитие психологии в СССР представляло собой вполне парадигмальную науку. Оставалось решать задачи-головоломки и выполнять все предусмотренные виды работ в пределах парадигмы. Парадигма была на века (учение было и "всесильно" и "верно" одновременно: верно, потому что всесильно, а всесильно, естественно, по причине принципиальной верности - здесь ничего не скажешь - диалектическая логика!).

Наконец, в-четвертых, к этому времени не сложилась еще психологическая практика, на методологическое значение указывал Л.С.Выготский (см. об этом подробнее в статье Ф.Е.Василюка [45]). На этом моменте здесь мы останавливаться не будем.

Для темы нашего исследования важно, что в течение долгих лет (тридцатые - пятидесятые годы двадцатого столетия) в отечественной психологии теория развития психологии практически не разрабатывалась. Пробуждение интереса к данной проблематике было связано с историко-психологическими исследованиями. В

работах М.Г.Ярошевского [335, 336, 339], А.В.Петровского [204, 205] и др. были сформулированы задачи осуществления теоретического подхода к истории психологии. Вновь стала актуальной задача, провозглашавшаяся еще Л.С.Выготским и С.Л.Рубинштейном о необходимости разработки методологии на исторической основе. В последующие годы Б.Г.Ананьевым, А.Н.Леонтьевым, А.В.Петровским, А.А.Смирновым, Л.И.Анциферовой, К.А.Абульхановой, П.И.Зинченко, А.В.Брушлинским, П.Я.Гальпериним, В.В.Давыдовым, Б.Ф.Ломовым, Е.В.Шороховой, К.К.Платоновым и др. были разработаны основы методологии советской психологии. Особенно важными для возрождения интереса к этим вопросам были многочисленные исследования М.Г.Ярошевского [336, 337, 341, 340, 339], в которых были сформулирована концепция детерминации развития психологической науки, сделан вывод о необходимости концептуального анализа в историко-психологических исследованиях. Мысль о том, что развитие психологии может быть рассмотрено как развитие понятий, составляющих каркас науки, явилась основой для проведения фундаментальных историко-психологических исследований.

Были выполнены интересные работы, посвященные генезу психологической концепции. В этих работах предприняты чрезвычайно интересные попытки теоретического анализа структуры психологической концепции. На примере концепций Э.Толмена и Б.Ф.Скиннера показана динамика развития психологической концепции [104, 19].

Но вернемся в тридцатые годы. Наступила эпоха, когда методология психологии стала "дочерью марксизма-ленинизма". На многие годы закрепилось клише - "марксистско-ленинская философия - методологическая основа советской психологии". Кстати, это вовсе не означает, что методология психологии совсем исчезла. В значительной степени она продолжала разрабатываться, маскируясь цитатами "классиков". Во-первых, марксизм (не вульгаризированный, не сведенный к набору штампов) не самая беспомощная философия. Многое туда удалось "вписать": теория отражения и деятельностный подход могут служить хорошими примерами. Во-вторых, существовали свободно мыслящие люди, которые в сложных условиях идеологического (и не только!) давле-

ния пытались выражать свои идеи, виртуозно используя в качестве "прикрытия" цитаты... К счастью, у марксизма, как известно, были "источники", поэтому под марксизмом иногда обнаруживалось нечто иное... В советской психологии успешно "работали" схемы И.Канта и Г.В.Ф.Гегеля, Б.Спинозы и... Впрочем, это отдельная тема.

Мне кажется, Выготский был прав, утверждая первоочередность методологических вопросов. Действительно, "возможность психологии как науки есть методологическая проблема прежде всего"[60, с.417] и "...психология не двинется дальше, пока не создаст методологии, что первым шагом вперед будет методология, это несомненно" [60, с.423]. Ситуация в психологической науке в очередной раз "воспроизводится": спустя много лет и философия, и практика вновь настоятельно требуют от психологии в первую очередь разработки ее методологии...

В семидесятые годы в книге "Деятельность. Сознание. Личность" (1975) А.Н.Леонтьев писал о кризисе мировой психологической науки: "Вот уже почти столетие, как мировая психология развивается в условиях кризиса ее методологии. Расколовшись в свое время на гуманитарную и естественнонаучную, описательную и объяснительную, система психологических знаний дает все новые и новые трещины, в которых кажется исчезающим сам предмет психологии" [155, с.3]. Понятно, что речь идет о мировой психологии – отечественная имеет свою судьбу: "По совершенно другому пути шло развитие советской психологической науки. Методологическому плюрализму советские психологи противопоставили единую марксистско-ленинскую методологию, позволяющую проникнуть в действительную природу психики, сознания человека" [155, с.4]. Как писал А.Н.Леонтьев, "мы все понимали, что марксистская психология - это не отдельное направление, не школа, а новый исторический этап, олицетворяющий собой начало подлинно научной, последовательно материалистической психологии. Мы понимали и другое, а именно, что в современном мире психология выполняет идеологическую функцию, служит классовым интересам и что с этим невозможно не считаться" [155, с.5]. Прошло десять лет, началась "перестройка", ситуация стала стремительно меняться. В первое время казалось, что только падают "оковы тяжкие" и все нормализуется. Если в начале

"перестройки" основные причины кризиса психологи видели в идеологических деформациях, которым подвергалась наука, в "застойных" явлениях в обществе в целом и в управлении наукой, в частности, то сейчас большинство авторов склонны связывать кризис с неудачами естественнонаучного подхода, доминировавшего в отечественной психологической науке.

В.Н.Дружинин еще в 1989 году отмечал, что "отечественная психология оказалась в ряду наук, наиболее отставших от мирового уровня и требований практики" [90, с.3]. "Особенность нынешнего состояния психологической науки обусловлена следующими важными обстоятельствами:

– Пренебрежение человеком, характерное для периода бюрократического извращения социализма, привело к пренебрежительному отношению к наукам, исследующим проблемы человека, и в первую очередь психологии. Психология влачила существование на "голодном пайке".

– Бюрократическая система управления наукой зачислила психологию в разряд общественных наук, которые в наибольшей степени поразил догматизм и застой; велось систематическое истребление творческой мысли (общественные науки отчасти превратились в служанку идеологии, обосновывающей благотворность бюрократического извращения социализма для общества). Но психология - экспериментальная наука, и это ее отличие от большинства общественных наук породило отношение к ней как к "золушке", которую нельзя допускать ко двору" [90, с.3-4].

Еще одно обстоятельство отставания психологии, по мнению этого автора, - "психологическая неграмотность общества" [90, с.4].

Проходит немного времени и акценты существенно меняются. Приведу выдержки из выступлений участников "круглого стола" "Психология и новые идеалы научности" [226].

А.П.Огурцов: "Во-первых, мне кажется явным кризис или неблагоприятное советской психологии. Это выражается в том, что отсутствуют широкие теории в рамках психологии. Кроме того, отсутствуют научные школы в психологии, подобные тем, которые существовали в 30-е годы. Может быть, это объясняется тем, что психология вступила в период "нормальной науки", если употребить термин Т.Куна.

Но, увы, нет теоретической парадигмы в психологии. Во-вторых, в психологии уже давно существует естественнонаучная парадигма. Складывается или нет в психологии альтернативная естественнонаучной гуманитарная парадигма? В социологии существует явное противоборство двух методологических ориентаций - естественнонаучной и гуманитарной. Гуманитарная парадигма связана прежде всего с методами понимания, с интерпретацией смысла человеческих действий и т.п. "[226, с.3-4].

В.П.Зинченко: "Сегодня ситуация в нашей отечественной психологии нуждается в более сильных определениях, чем кризис. Дело в том, что в советский период она развивалась не по нормальной логике кризисов, а по безумной логике катастроф, происходивших с наукой не реже, чем раз в 10-15 лет. И сейчас на состоянии психологии сказывается их суммарное действие" [226, с.4].

В.М.Розин: "Кризис психологии, идущий перманентно (еще в 20-х годах Л.С.Выготский писал о кризисе в психологии, о том же в 70-х говорил А.Н.Леонтьев), сегодня может быть уверенно квалифицирован как кризис построения психологии по образцу (или идеалу) естественной науки." [226, с.12].

Итак, кризисная ситуация налицо. Подчеркну, что наличествующий кризис носит преимущественно *методологический* характер. Действительно отечественная психологическая наука переживает сейчас трудный этап, связанный с радикальным пересмотром методологических посылок. Нельзя не согласиться с мнением О.К.Тихомирова, отмечающего, что "методологический плюрализм не должен рассматриваться как негативное явление" [283, с.58]. В то же время методологический плюрализм не должен переходить в методологическую растерянность, в действия по принципу "все наоборот". А.В.Брушлинский характеризует такие действия следующим образом: "то, что раньше отвергалось, теперь лишь поэтому превозносится, а то, что считалось хорошим, ныне просто отбрасывается с порога" [34, с.14-15].

Важно отметить, что кризис, по-видимому, интернационален. Поль Фресс, президент XXI Международного конгресса, в 1976 году открыл заседание знаменательной фразой: "Психология находится в состоянии кризиса!" [384, р.49]. Просто в России он переживается острее в силу целого ряда обстоятельств.

Есть основания считать, что кризис, первые симптомы которого можно увидеть в работах Ф.Брентано, существует уже в течение века. Преодолен он не был, признаки, названные еще Н.Н.Ланге, по прежнему налицо. Существуют некоторые флуктуации, связанные с тем, что появляются надежды на единство, которые в очередной раз не оправдываются, что ведет к обострению кризиса. Рассмотрим в качестве примера Международные психологические конгрессы. XVIII Международный психологический конгресс в Москве в 1966 году. По свидетельству Л.Гараи и М.Кечке, XVIII Международный явился триумфом естественнонаучного подхода: "Можно с уверенностью утверждать, что большинство участников Международного конгресса по психологии уехало из Москвы в настроении подлинной эйфории, вызванной уверенностью в том, что психология на правильном пути, которым раньше стали двигаться физика, химия, биология и другие естественные науки, от которых психология отличалась (если отличалась вообще) только большей степенью сложности объекта своего исследования. Эту же эйфорию выразили заключительные слова Прибрама: "Это был поистине исторический конгресс. Я уверен, что будущие поколения, обращаясь к этому событию, будут отдавать себе отчет в том, что здесь в Москве мы были свидетелями того, что психология оформилась как целиком экспериментальная наука" [67, с.87]. Здесь важно обратить внимание на такой факт: торжество естественнонаучного подхода связывалось с тем, что в очередной раз создавалась иллюзия - чисто "социальные" феномены поддаются "естественным" методам. Л.Гараи и М.Кечке в статье с символическим названием "Еще один кризис в психологии!" вспоминают, с каким восторгом встретили участники московского конгресса доклад Х.Дельгадо, где описывалось изменение "социального" поведения обезьян под влиянием стимуляции мозга с помощью вживленных электродов. То есть в очередной раз показалось, что сбудется мечта Энгельса ("Мы сведем когда -нибудь..."). "Поскольку изменение поведения меняет статус в группе, социальная структура этой последней может целиком оказаться в зависимости от такой технической манипуляции. Более чем вероятно, что вся аудитория согласилась с выводом этого доклада о возможности изменения таким способом соци-

ального порядка целых сообществ и необязательно только у животных" [67, с.87].

"На этом фоне было настоящим сюрпризом, что десять лет спустя другой международный конгресс, 21-й в Париже, был открыт Полем Фрессом президентским обращением, первой фразой которого было: "Психология находится в состоянии кризиса!" Президент утверждал: "Кризис глубок, ибо это кризис теории. Мы ступили на путь научной революции в поисках новой парадигмы в смысле, который Кун дал этому слову". Фресс утверждал, что поиск новой парадигмы идет в направлении, где *поведение* будет не больше, чем сырой материал исследования, реальным объектом исследования которого станет *человек*. А ведь сомнения в том, является ли позитивистский метод естественных наук подходящим для всестороннего изучения человека, не новы. Известны соображения, которые побудили Дильтея противопоставить гуманитарную (*geisteswissenschaftliche*) психологию естественнонаучной (*naturwissenschaftliche*). Ключевым является, например, соображение, которое Дильтей сформулировал следующим образом: "Первое решающее условие для того, чтобы гуманитарная наука была возможной, заключается в том, что и я сам являюсь историческим существом, что тот, кто исследует историю идентичен тому, кто ее творит" [67, с.87].

Итак, XXI Международный конгресс устами П.Фресса констатировал наличие кризиса, причем глубокого. Но очень характерно, что уже на следующем - XXII Международном конгрессе тот же Поль Фресс утверждал, что кризис в значительной степени преодолен. Анализируя продолжающееся со времен В.Вундта разделение психологии на естественнонаучноориентированную и культурноориентированную, французский ученый выдвигает оптимистический тезис: "Но мне кажется, что мы преодолели двусмысленность в вопросе единства психологии и цельности человека, сковывавшую психологию в первые десятилетия ее существования" [300, с.51]. Он поясняет, почему является сторонником "единства психологии": "потому что ее объект - человек обладает своей спецификой, и нельзя игнорировать того, что малейшее из наших действий зависит от нашей природы и культуры. Но это не должно быть причиной разделения психологов на тех, кто изучает только мозг, и тех, кто занимается поведением" [300, с.53]. "Чело-

век ли, как Фресс того требовал, является объектом психологии или поведение, как по сей день считают многие из цеха психологов-исследователей, но пока психологическое исследование будет претендовать на роль естественнонаучного, оно то и дело будет наткаться на несуразности. Однако из этого не следует, что психологию невозможно построить как научную. Возможно, она научна, но по нормам других, нежели естественных, наук. Вот почему нужно рассматривать как несчастье для этой науки, что ее служители получают свои дипломы (по крайней мере в венгерских университетах, но думается нам, что не только) без малейшего представления о той, отличной от естественнонаучной, логике, которой пользуются науки исторические, лингвистические, литературные, юридические, моральные и которая так же многообещающим образом может быть применена к решению определенных проблем психологии, как и логика естественных наук. Мы считаем этот пробел несчастьем для психологии потому, что с ним связан ее распад на две полунауки и затяжные попытки воссоздать единство способом навязывания естественнонаучной логики рассуждениям в области другой полупсихологии [67, с.90-91]. "Не подает больше надежды также и обратный прием, когда общим знаменателем двух полупсихологий объявляется не позитивистская логика естественных наук, а, согласно новой моде, *герменевтическая логика исторических наук*. На язык этой последней ничего невозможно перевести из всего богатства открытий, сделанных за долгую историю естественнонаучной психологии, особенно касающихся связи психологических феноменов, с одной стороны, и стратегии живого организма, направленной на его выживание, с другой" [67, с.90-91].

Как ни удивительно, до сих пор многие исследователи выражают надежду, что проблема разрешится просто: где-то будет найден ответ, причем в готовом виде. Венгерские психологи Л.Гараи и М.Кечке, яркая статья которых уже неоднократно мною цитировалась, связывают надежды с творческим наследием Л.С.Выготского: "В последнее время возникли некоторые признаки того, что психология найдет излечение от своей шизофрении не ценой логического империализма той или другой из двух полунаук. Самым ярким из этих признаков является то особое внимание, с которым за десять последних лет западная научная

общественность обращается к теории Выготского" [67, с.91]. Крупный американский исследователь М.Коул усматривает возможное разрешение кризиса в психологии в развитии идей, содержащихся в работах А.Р.Лурии [368]. Я отношусь к таким экспектациям с пессимизмом. Условия для преодоления раскола в психологии должны быть не внешними, а должны быть заложены в *фундамент психологии*. Должна быть выполнена содержательная методологическая работа.

Итак, шизофрения. "Шизофрения, как и было сказано" [38, с.66]? О той же болезни, используя "греческое звучание", говорит и Ф.Е.Василюк [45]. В своей статье он говорит о симптомах "схизиса" - расщепления психологии на научную и практическую. Схизис, расщепление психологии трактуется Ф.Е.Василюком как характеристика современного ее состояния в нашей стране: "К сожалению, приходится диагностировать не кризис, но схизис нашей психологии, ее расщепление. Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности..." [45, с.26]. Ф.Е.Василюк подчеркивает, что "наиболее опасное, что консервирует всю ситуацию и в первую очередь нуждается в исправлении, состоит в том, что ни исследователи, ни сами практики не видят *научного, теоретического, методологического значения практики*. А между тем для психологии сейчас нет ничего теоретичнее хорошей практики" [45, с.27]. Главная мысль вышеупомянутой статьи состоит в том, что "наиболее актуальными и целительными для нашей психологии являются психотехнические исследования, что их значение вовсе не сводится к разработке эффективных методов и приемов влияния на человеческое сознание, но состоит прежде всего в разработке *общепсихологической методологии*" [45, с.27]. Не вдаваясь в обсуждение этой глубокой и интересной статьи, отмечу, что с последним тезисом согласиться нельзя. На мой взгляд, это может привести лишь к ликвидации психологии как науки, какой она, вне сомнения, все же является. никоим образом не подвергая сомнению важности занятий разнообразными видами психологической практики, хочу высказать опасения, что, на мой взгляд, с общепсихологически методологическим значением практики дело обстоит не так просто. Прежде всего констатируем, что лозунг "от исследования психики к работе с психикой", в принципе, не явля-

ется новым. Об этом более двадцати лет тому назад неоднократно говорил известный отечественный методолог Г.П.Щедровицкий. Психотехнические "мотивы" в творчестве Л.С.Выготского обнаруживал А.А.Пузырей [229]. Впрочем, дело, конечно, не в этом. Перенос акцента с "исследования психики" на "работу с психикой" приводит на самом деле к тому, что утрачиваются научные критерии исследования. В результате все подходы к работе с психикой как бы становятся "равноправными": и психотерапия, и коррекция биополей, и снятие порчи, "сглаза", и т.д. становятся процедурами принципиально рядоположными. Действительно, все это не что иное, как разные формы работы с психикой, несомненно, "изменяющие сознание" клиентов. "Заряженные" емкости, установки на исцеление... Признаюсь честно, меня это не вдохновляет. Наука должна быть романтической, но все-же должна оставаться наукой. Во-вторых, подобное изменение акцента, похоже, закрывает дорогу перед исследованием психического *как оно есть*. Такое исследование, хотя его и не так просто осуществить, все же возможно (во всяком случае, история психологии убедительно свидетельствует, что это иногда случается). В-третьих, хорошо известно, что когда с чем-то "работаешь" (тем более, если это психика), очень легко получить артефакт.

При всей заманчивости психотехнического подхода (во избежание недоразумений еще раз повторю, что автор не против подхода, но против его методологического значения для общей психологии), видимо, не следует надеяться, что он явится панацеей.

Ф.Е.Василюк пишет: "В отечественной психологии мы находим прекрасный образец реализованного психотехнического подхода. Это теория поэтапного формирования умственных действий П.Я.Гальперина. Без специального методологического анализа, уже чисто стилистически очевидна психотехническая суть этой теории: не теория мышления, не теория умственных действий, но именно теория *формирования*, т.е. теория работы с психикой, а не самой психики" [45, с.32]. Здесь все абсолютно верно. Действительно, с психикой можно работать подобным образом. Но что мы отсюда узнаем о самой психике? Что она может выполнять функцию ориентировки? Для практики это, наверное, хорошо, но для теории (тем более, для методологии) этого все же мало (хотя бы

потому, что совершенно ясно: в любом случае психика не только ориентировка).

Все-таки трудно не обратить внимания на удивительное сходство между кризисом в психологии, разыгравшимся в первой трети нашего века, с кризисом нынешним. Возникает впечатление, что кризис начавшийся, по уверению Н.Н.Ланге, в семидесятые годы прошлого столетия, остался непреодоленным. Прав был и А.Н.Леонтьев, утверждавший, что мировая психология в течение столетия развивается в условиях кризиса. Российская психология "вернулась" в мировую психологию, кризисные явления, как и следовало ожидать, не исчезли. Вместе с тем трудно оспорить наблюдение, согласно которому периодически происходят "обострения" этого кризиса. И с таким очередным обострением мы имеем дело сейчас. По-видимому, существует общий глобальный кризис научной психологии, начавшийся в семидесятые годы прошлого столетия. Он не преодолен, с ним психология вступает в третье тысячелетие. Кроме этого общего существуют более локальные кризисы развития, являющиеся естественной фазой нормального процесса развития. Их "наложение" воспринимается как "обострение" или как возникновение "нового" кризиса (это зависит от установки воспринимающего).

Но если глобальный кризис один и тот же, в чем он состоит? Уже приводилось достаточное количество мнений на этот счет. Причем их число легко умножить. К примеру, К.Левин полагал, что трудности, которые испытывает психология, в том, что она еще не освободилась от аристотелевского типа мышления и лишь переходит к галилеевскому [113]. П.Я.Гальперин, известный советский психолог, видел истоки кризиса в том, что психология не смогла преодолеть дуализм: "Подлинным источником "открытого кризиса психологии" был и остается онтологический дуализм - признание материи и психики двумя мирами, абсолютно отличными друг от друга. Характерно, что ни одно из воинствующих направлений периода кризиса не подвергало сомнению этот дуализм. Для этих направлений материальный процесс и ощущение, материальное тело и субъект оставались абсолютно - *toto genere* - разными, несовместимыми, и никакая эволюция не может объяснить переход от одного к другому, хотя и демонстрирует его как факт. И в самом деле, если мыслить их как абсолютно противополо-

ложные виды бытия, то этот переход действительно понять нельзя" [113, с.3].

П.Я.Гальперин полагал, что "с точки зрения диалектического материализма все обстоит иначе" [113, с.3]. К сожалению, диалектическому материализму тоже не удалось решить главные методологические вопросы психологии. Надежда оказалась иллюзорной.

Обращу внимание на то обстоятельство, что практически все авторы, писавшие про кризис, подчеркивали его методологический характер. Как говорил Выготский, "возможность психологии как науки есть методологическая проблема прежде всего" [59, с.417]. А самая первая методологическая проблема - проблема предмета. Представляется, что смысл кризиса в том, что неадекватно определен и понят предмет психологии. Нетрудно увидеть, что естественнонаучный и гуманистический подход различаются в первую очередь тем, что психическое в этих подходах выступает существенно по-разному. В одном определяется в логике естественных наук, в другом в логике гуманитарных. А это свидетельствует лишь о том, что психология устранилась от самостоятельного определения собственного предмета. Хотя это, по-видимому, первая задача содержательной психологической методологии (по Л.С.Выготскому и С.Л.Рубинштейну). Таким образом, ясно, что преодолеть кризис за счет переориентации с одного подхода на другой, очевидно, не удастся: и один, и другой являются, очевидно, "частичными", поэтому не могут дать "основы", того "операционного стола" (М.Фуко), который является необходимым условием разработки новой психологической парадигмы.

Нужна серьезная методологическая работа по теоретическому анализу предмета психологии. То время, когда казалось, что эту работу можно выполнить чужими (т.е. других наук) средствами, прошло. Ясно, что кроме психологии эту работу никто выполнить не сможет. "Отец научной психологии" Вильгельм Вундт не только выступил в качестве создателя научной программы, реализация которой позволила психологии, наконец, выделиться из философии, но и оформил разделение психологической науки на физиологическую, экспериментальную и психологию народов (социальную, культурно-историческую). Попытки объединить, "синтезировать" эти две психологии предпринимались неоднократно, но,

как и следовало ожидать, оказались безуспешными. Л.С.Выготский в своем методологическом исследовании достаточно подробно проанализировал и способы, и результаты такого "синтеза".

Мне кажется, что ситуация в психологии в очередной раз повторяется. Не может оказаться продуктивным переход от естественнонаучной ориентации к ориентации герменевтической. Тем более невозможно их простое объединение: никакой системный подход не в состоянии выполнить эту работу. Причина, на мой взгляд, в том, что не проделана *содержательная методологическая работа*. Предмет психологической науки должен быть осмыслен таким образом, чтобы *психическая реальность*, становясь *психологической*, не утрачивала своей многомерности.

Если психология хочет найти выход из кризиса, то она должна предпринимать для этого определенные шаги, должна проделать определенную методологическую работу по осмыслению своего предмета. Причем, что особенно важно подчеркнуть, должна выполнить сама, самостоятельно. Никакая философия этой работы не проделает, поскольку не имеет для этого адекватных средств. Это - внутреннее дело самой психологии и ее самая актуальная задача.

Вообще-то, стоит вспомнить об основаниях. Ведь еще А.Ф.Лосев предупреждал: "Чтобы вообще рассуждать о вещи, надо знать, что такое она есть. И уже это-то знание должно быть адекватным. Если же вы боитесь, как бы ваше знание не оказалось неадекватным, то это значит, что вы боитесь, как бы не оставить рассматриваемый вами предмет совсем в стороне и не перейти к другому" [160, с.191]. Если использовать терминологию А.Ф.Лосева, психологии предстоит еще работа "в эйдосе". Напомню слова А.Ф.Лосева: "Феноменология - там, где предмет осмысливается независимо от своих частичных проявлений, где смысл предмета самотождествен во всех своих проявлениях"[160, с.191]. Чтобы рассуждать о вещи, надо знать, что она есть. "Но феноменология - лишь установление области и границ исследования. Она - лишь намечание разных направлений, в которых должна двигаться мысль, чтобы создать науку об интересующем ее предмете. Наука, логос - не феноменология. Феноменология рассматривает предмет не в логосе, а в эйдосе" [160, с.192]... Впро-

чем, проблемы научной психологии сегодня еще явно на уровне феноменологии. Может быть, наступает пора изменить свой взгляд на предмет психологии.

1.3. О предмете психологии

Как известно, до середины прошлого века психология развивалась в недрах философии. Предметом психологии (точнее, философской психологии) была душа. Основными методами исследования (подчеркнем, что речь не идет ни об опытном, ни о научном исследовании) были философское рассуждение и интерпретация [167]. Поэтому программы построения психологии как самостоятельной науки предполагали в первую очередь конструирование нового предмета (непосредственный опыт, акты сознания и т.д.). Итак, влияние позитивизма проявилось в том, что психология попыталась стать эмпирической наукой. Чтобы избавиться от наследия "метафизики" психология отказалась от теоретических методов исследования собственного предмета, полагая, что он "раскроется" в процессе эмпирического исследования. Этого не произошло, да, собственно, и не могло произойти. Как в свое время остроумно заметил Огюст Конт, интроспекция, будучи деятельностью души, будет всегда находить душу, занятую интроспекцией. В течение многих лет предпринимались попытки построения психологии "без всякой метафизики", "как строгой науки" и т.д. И всякий раз оказывалось, что исходные (пусть имплицитные) представления о психэ неистребимы...

Важно констатировать, что в сознании исследователей самых разных направлений и ориентаций закрепилось представление, что предмет *простой*. То есть психика это нечто изначально простое (в том смысле, что дальнейшие расчленения будут осуществляться при эмпирическом исследовании предмета). Иными словами предмет психологии - психэ - подвергся обработке "бритвой Оккама". "Frustra fit plura, quod fieri potest pauciora" - "Бесполезно делать посредством многого то, что может быть сделано посредством меньшего". Процитированный "принцип бережливости" Уильяма Оккама помимо "значительной прогрессивной роли" в борьбе с "субстанциональными формами", "скрытыми качествами" и т.д. сыграл злую шутку с психологией, поскольку послужил

основанием для различных вариантов редукционизма. Повторю, редукционизм возможен тогда, когда подвергаемое редукции простое по своей природе. Простота, в свою очередь, достигается (в случае научной психологии) за счет отказа от *теоретического анализа предмета*. Структура и функция предмета должны обнаруживаться, выявляться, исследоваться эмпирически (например, интроспективно). Желание избежать обвинений в метафизике, стремление превратить психологию в опытную науку (желательно по образцу естественных наук), сделали психологию редукционистской наукой. Не желающие мириться с принципиальным "сведением" психэ были объявлены раскалывающими психологию на две (В.Вундт, В.Дильтей и др.).

Не имея здесь возможности совершить историко-философский экскурс, констатируем, что в психологии сложилось представление о том, что психическое по природе простое. Конечно, есть различие между философским положением, что душа "есть простая субстанция" (в истории философии могут найтись и объяснения, и оправдания такому положению вещей), и утверждением, имеющим отношение к эмпирическому исследованию психической жизни. Для нас это сейчас не важно. Принципиально важно, что отказ от *теоретического исследования* предмета привел к тому, что теории, которые возникали в психологии уже не имели *психологической специфики*. Этот момент требует специального пояснения. Прекрасная работа Жана Пиаже [209] убедительно продемонстрировала, что объяснение в психологии в конечном счете приводит либо к биологии, либо к социологии, либо к математике (логике). В результате оказывается, что психологическая теория есть не что иное как проекция на *простой* предмет психологии расчленений, выработанных в других предметах (в физиологии, в биологии, в лингвистике, в кибернетике и т.д.). При этом создается иллюзия, что разрабатывается психология. Но это всего лишь иллюзия. В рамках биологически ориентированного подхода мы можем получить иллюзию того, что психика есть средство адаптации. В рамках другого предположить, что психика конституируется социальными отношениями. Можно даже считать, что она есть ориентировка в окружающей среде. Но при этом совершенно ясно, что вся психика не может быть сведена к этим частным проявлениям. Я думаю, что это было ясно и самим

создателям таких "одномерных", частичных концепций. Весь трагизм ситуации состоит в том, что "склейка" одномерных подходов ни к чему позитивному привести не может: предметы оказываются несовместимыми. В том, что это не преувеличение, убедиться легко - еще В.Дильтей в 1894 году прекрасно это продемонстрировал. Г.Мюнстерберг в "Основах психотехники"(1914) убедительно показал, что эти подходы не совмещаются: "Внутренний мир, поскольку он мыслится направленным к известным целям, есть мир личной воли, личного чувства, личной интенции в форме их субъективного бытия. Внутренний мир, мыслимый под формой причинности, есть мир находимых в сознании содержаний. Мы видели, что эти два понимания ведут к двум различным психологиям - причинно мыслящей психологии содержания сознания, в которой имеет место лишь описание и объяснение, и психология духа, в которой нет вообще никакого объяснения, и в которой описание может быть только разложением, но собственной задачей которой является понимание актов личности и прослеживание их в их отношениях. Между этими двумя психологиями душевная жизнь не делится - в роде того, что, например, каузальная психология имеет дело с представлениями, а телеологическая - с волевыми явлениями, но всякая фаза и всякое движение душевной жизни должны принципиально быть доступны обоим способам рассмотрения. В повседневной жизни они переплетаются между собой и лишь в науке могут быть четко разграничены. А это разграничение служит важным практическим задачам культуры в обоих направлениях, так как лишь последовательная каузальная психология может подготовить действительно научную психотехнику, и лишь последовательная психология духа может обеспечить действительно устойчивое жизнепонимание и миросозерцание" [186, с.148].

Между тем в истории человечества было накоплено очень много данных, свидетельствующих о том, что вряд ли оправданно редукционистское сведение психэ к *ее конкретному проявлению*. Действительно, психэ может проявиться и в самознании, и в поведении... Ликов у психэ много. При желании можно сказать, что психика, к примеру, ориентировка в окружающей среде. И это правильно - психика проявляется и в этом тоже. Но сводима ли вся

психика к этой функции? Но раскрывается ли в этом ее природа и сущность? Вопросы, разумеется риторические.

Сошлюсь на исследования Карла Густава Юнга, обосновавшие *трансперсональность психического* [330, 332]. Русская православная философия, обсуждая природу сознания, также приходила к аналогичным выводам [166]. В трудах В.С.Соловьева, А.Ф.Лосева можно найти указания на недопустимость сведения психического: "отсюда начинаются бесконечные по числу и дурацкие по смыслу учения: мысль есть порождение мозга, душа есть функция нервной системы, сознание есть результат физико-химических процессов в организме" (Лосев А.Ф. Бытие - имя - космос М.: Мысль, 1993, с.853). Можно добавить, что в рамках *научного подхода* В.И.Вернадский обосновал возможность рассмотрения жизни и психики как космо-планетарного феномена. Безусловно, об ограниченности трактовки предмета современной академической психологической наукой свидетельствуют результаты, полученные сторонниками трансперсональной психологии [366,78,80]. Я не думаю, что сейчас стоит говорить о возникновении новой научной парадигмы [79, 366]. Психологам стоит задуматься и еще раз вернуться к анализу предмета собственной науки.

Итак, необходимы исследования природы психики. "Необходимость возрождения исследований природы психики - это перманентная потребность психологической науки, переживающей тупики и спады своего развития вместе с обществом, в котором психологи живут и работают также как и представители других гуманитарных профессий. Однако, сейчас у нас ситуация явно кризисная - огромное количество новых эмпирических фактов и научных свидетельств о невещественной биополевой природе психики, сдвигают внимание ученых к пониманию ее как высокоорганизованной энергии и информации, отнюдь не отрицая при этом традиционный постулат психологии - сознание есть форма высокоорганизованного вещества мозга" [48, с.11]. Причем необходимы в первую очередь теоретические исследования предмета. Не стоит забывать, что психика в некотором отношении напоминает зеркало (каждый видит в нем свое отражение). В психологии так просто получить подтверждение желаемого. Действительно, организовав эмпирическое исследование определенным образом, мы гарантированно получаем соответствующее описание. Удиви-

тельно, что искушение придать ему "онтологический" характер часто оказывается непреодолимым. Л.С.Выготский в своем "Историческом смысле" очень мудро заметил, что "все слова психологии суть метафоры, взятые из пространств мира"[60, с.369]. Настала пора интуитивные соображения заменить продуктами теоретического анализа. Поэтому можно только приветствовать возобновление научных исследований по предмету психологии [49]. Хотелось бы только подчеркнуть, что это - единственный путь, позволяющий отстоять единство психологии, позволяющий в какой-то степени приблизиться к Великой тайне человеческой Души. Пока же "основная опасность заключается в том, что разрываются внутренние связи между отдельными областями психологии, утрачивается единство предмета и его понимания" [237, с.5]. "Строить мост в психологию XXI века означает вновь определить, что мы понимаем под "психической реальностью" и какова природа психики? Это принципиально важно, ибо современная психологическая наука зашла в теоретический тупик, и психологи разных школ и направлений плохо понимают друг друга" [49, с.7].

В ответе на эти вопросы и состоит главная задача методологии психологии - "общей психологии", как ее называл Л.С.Выготский. Без нее, похоже, не обойтись: "Кто пытается перескочить через эту проблему, перепрыгнуть через методологию, чтобы сразу строить ту или иную частную психологическую науку, тот неизбежно, желая сесть на коня, перепрыгивает через него" [60, с.418].

Представляется, что проблема предмета сейчас центральная для психологии. В течение многих лет наша психология пребывала в состоянии раздвоенности. Поясню это. Официальным предметом психологии была психика. Назовем это декларируемым предметом. Как показывает анализ, предмет психологии имеет сложное строение [166]. Фундамент его составляет исходное, базовое понимание "психэ". Как это часто бывает с фундаментальными допущениями, они могут и не осознаваться исследователем, а их место может занимать та или иная "рационализация". Таким образом, происходит разделение предмета на декларируемый ("психэ"), "рационализированный" и реальный. Декларированный предмет (точнее, та или иная его трактовка) важен для психологии, в первую очередь, потому, что неявно, но действительно опреде-

ляет возможные диапазоны пространств психической реальности. То, что в пределах одного понимания безусловно является психическим феноменом, достойным изучения, при другом представляется артефактом, случайностью, либо нелепостью, жульничеством и как бы не существует вовсе. Например, трансперсональные феномены представляют несомненную реальность для сторонника аналитической психологии и "совершенно невозможное явление" для естественнонаучноориентированного психолога, считающего психический феномен исключительно "свойством мозга". Между декларируемым и "рационализированным" (в том случае, когда он есть) предметами складывается такое отношение: он ("рационализированный") "оформляет", фиксирует ту или иную трактовку "психэ". Реальный предмет - это то, что в действительности подлечит изучению (бесконечное число вариантов в системе "сознание/бессознательное - деятельность/поведение").

В результате беспристрастный анализ может выявить фантастическую картину. Исследователь-психолог считает, что занят изучением психики (декларируемый предмет). Рационализированным предметом может быть отражение (наш исследователь изучает, к примеру, восприятие - "целостное отражение предметов, ситуаций и событий, возникающее при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности..." [228, с.66]). Отметим, что на уровне рационализированного предмета вся многомерность психики (и духовное, и душевное) оказывается редуцированной до отражения. Но самое интересное впереди. Ведь изучается-то реальный предмет. А в качестве реального предмета выступают либо феномены самосознания в той или иной форме, либо, вообще, поведенческие (в широком смысле) феномены. Но это только предмет науки. В исследовании психолог, как известно, имеет дело с предметом исследования. Предмет исследования должен соответствовать предмету науки... Можно сказать, что он конструируется предметом науки. Напомним про "опосредованный характер" психологических методов. Впрочем, о методах разговор должен быть особый. В свете вышеизложенного представляется актуальным и чрезвычайно увлекательным обсуждение вопроса об единицах психического. Правда, это тоже отдельная тема.

В настоящее время совершенно очевидно, что трактовка психического как отражения не соответствует современному уровню психологических знаний, создает непреодолимые трудности в развитии психологии [166]. Необходимо широкое понимание предмета, позволяющее включить в сферу исследований психическую реальность во всех ее проявлениях.

Карл Юнг, один из выдающихся психологов XX столетия, утверждал, что "психэ" столь сложна и многообразна, что невозможно приблизиться к ее постижению с позиции психологии инстинкта [332, с.372]. В другом месте он писал о тайне человеческой души. Действительно, природа психического, может быть, величайшая тайна из всех, с которыми приходилось иметь дело человечеству. "Очень важно иметь тайну, или предчувствие чего-то неизведанного. Это придает жизни некое безличное нуминозное свойство. Кто этого не испытал, упустил нечто важное. Человек должен чувствовать, что живет в мире, который еще полон тайн, что всегда остаются вещи, которые объяснить невозможно, что его еще ждут неожиданности" [332, с.351]. Вероятно, психологам нужно благодарить судьбу за причастность к тайне...

Таким образом, в психологии (в отличие от других научных дисциплин) недостаточно разработать формальную структуру научной теории. Хорошо известно, что в более развитых науках (как, например, в физике) нет таких дискуссий о предмете, как в психологии. Вывод, существенный для нашей темы, состоит в том, что, пытаясь разрабатывать проблему соотношения теории и метода в психологии, следует помнить о необходимости включения в модель теории в том или ином виде трактовки предмета психологии, т.к. она имеет важное значение для понимания самой теории. Невыполнение этого условия фактически закрывает дорогу возможности соотнести данную теорию с какой-либо другой и, таким образом, препятствует достижению взаимопонимания.

1.4. Виды проблем в психологии

В предыдущих разделах мы уже неоднократно сталкивались с методологическими проблемами психологии. Утверждалось, что именно методологические проблемы имеют в настоящее время особенное значение. Вероятно, стоит рассмотреть проблемы пси-

хологической науки во взаимосвязи, поскольку условность их разграничения очевидна.

Психология традиционно характеризуется многообразием подходов к изучению того или иного явления, обилием различающихся теорий, концепций, трактовок. Десятками исчисляются определения одного и того же понятия. Короче говоря, психологию трудно удивить проблемами. В известном смысле можно утверждать, что психология - одна из самых "проблемных" наук: нерешенных вопросов в ней гораздо больше, чем найденных ответов. Б.Ф.Ломов в книге "Методологические и теоретические проблемы психологии" отмечал: "Многообразие проблем, огромный фактический материал, накопленный в психологической науке, задачи, которые ставятся перед ней общественной практикой, настоятельно требуют дальнейшей разработки ее методологических основ" [157, с.3].

Для начала выясним, что такое собственно проблема. По мнению составителей "Словаря иностранных слов", проблема - это теоретический или практический вопрос, требующий разрешения, исследования. "Словарь русского языка" С.И.Ожегова подчеркивает, что проблема это трудный вопрос, требующий разрешения. Наконец, в "Философском энциклопедическом словаре" отмечается: "Проблема - объективно возникающий в ходе развития познания вопрос или комплекс вопросов, решение которых представляет существенный практический или теоретический интерес" [294, с.512]. Для психологических проблем как раз и характерны названные моменты: трудность вопросов, необходимость специального исследования для получения ответа, практическая или теоретическая значимость вопроса.

Чтобы как-то справиться с этим многообразием проблем, попробуем их упорядочить. Для этого попытаемся выделить классы психологических проблем. Разумеется, такое выделение неизбежно имеет условный характер. Представляется, что выделение классов проблем целесообразно осуществлять в соответствии с видами психологического знания. М.С.Роговин и Г.В.Залевский выделяют три вида психологического знания. Первый вид - знание о психических процессах и индивидуальных особенностях, которое есть "предметное знание". Второй вид - знание о самом процессе психологического исследования, о том, как получается,

фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике - "знание методологическое". Третий вид знания - "знание историческое", в котором отражается закономерная последовательность развития первых двух видов знания и которое помогает нам понять общее состояние психологии на каждый конкретный период времени, при каждом хронологическом срезе [241, с.8]. Такое расчленение представляется удобным. В предметном знании условно можно выделить два уровня: уровень феноменологии и уровень теории. Тогда психологические проблемы могут быть отнесены к одному из следующих классов: 1) феноменологические, 2) теоретические, 3) методологические, 4) историко-психологические. На *рис.1* дано схематическое изображение указанных классов проблем.

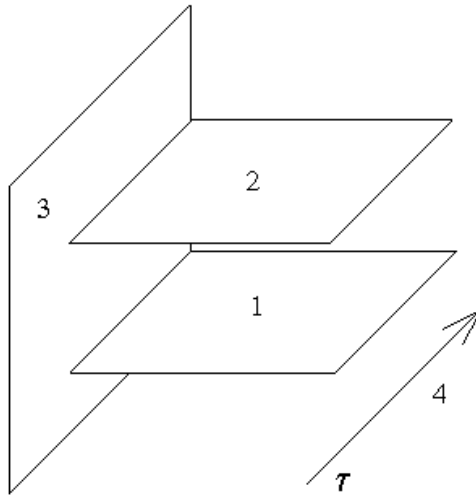

Рис. 1. Виды психологических проблем: 1. феноменологические, 2. теоретические, 3. методологические, 4. историко-психологические.

Любая наука имеет дело с некоторой феноменологией, эмпирическими явлениями. В психологии это психические явления. Так, в психологии могут быть выделены явления памяти, мышления, восприятия и т.д. Хотя на первый взгляд может показаться,

что этот феноменологический уровень относительно самостоятелен, это не так. Психика изначально целостна, поэтому выделение в ней или иных явлений определяется теоретическими и методологическими представлениями. Номенклатура психических явлений определяется исходя из теории, в действительности же это серьезная методологическая проблема [243]. В психологии известны случаи, когда те или иные авторы утверждали, что внимания или воображения не существует. Это, конечно, не заставляло этих авторов доказывать, будто не существует сосредоточения на некоторых объектах или создания новых образов. Данные феномены существуют, наблюдаются и описываются, но объясняются совершенно по-иному. Психологи - авторы "революционных" концепций утверждали, что феномены имеют другую природу: сосредоточение это не внимание, а особенности восприятия [243], создание новых образов - функция не воображения, а мышления [32]. Эти примеры свидетельствуют о том, что феноменологический и теоретический уровни неразрывно связаны. Другим, не менее убедительным, является следующий, приводимый создателем феноменологии Э.Гуссерлем.

"Гуссерль приводит известный пример со шкатулкой, которую я рассматриваю, вращая. Здесь в каждый момент я получаю различные ощущения, "переживаемое содержание" моего сознания каждую минуту меняется, но тем не менее я "вижу" одну и ту же шкатулку, имею один и тот же "предмет". Мы видим с несомненностью, что сами ощущения отделяются здесь от того, что ощущается. Зрительные ощущения и "видимый" через них предмет - две вещи разные" [136, с.27-28].

Не случайно многие авторы предпочитают не дифференцировать эти два уровня и говорят о предметном знании. Осознавая всю условность и произвольность такого разделения, будем говорить о феноменологическом и теоретическом уровнях и, соответственно, о наличии феноменологических и теоретических проблем. Феноменологический уровень важен тем, что в нем определяются потенциальные *пространства психической реальности*. Поясним это. В экспериментах С.Грофа с использованием ЛСД наблюдались феномены измененных состояний сознания, трансперсональные феномены и т.п. Эти феномены представляют бесспорную психическую реальность. Согласно взглядам некоторых

психологов, эти феномены достойны изучения, могут быть разработаны теории, объясняющие эти феномены. Согласно мнению других, этих феноменов как бы не существует вовсе: они представляют собой артефакт или откровенное жульничество, поэтому об их специальном изучении вопрос даже не ставится. Таким образом, мы можем констатировать, что в представлении разных исследователей диапазоны пространств психической реальности не совпадают. Кто-то включает парапсихологические феномены в проблемное поле психологии, кто-то нет. Естественно, что то или иное решение определяется теоретическим осмыслением. Итак, феноменологические проблемы проявляются в определении пространств психической реальности, ее расчленении на отдельные явления.

Теоретический уровень связан с объяснением психических феноменов. На теоретическом уровне психическое становится психологическим. В психологии эти проблемы очевидны. Существуют различные теории, объясняющие один феномен. Например, избирательный характер мышления в ходе решения задачи может объясняться влиянием ассоциаций, апперцепции, детерминирующих тенденций, антиципаций и т.д. Известны десятки теорий восприятия, личности, эмоций и т.п. Теоретические проблемы в психологии наиболее многочисленны. Неразрывно связанные феноменологический и теоретический уровни составляют предметное психологическое знание. Два первых уровня связаны с двумя классами проблем: феноменологическими и теоретическими.

Но эти два уровня неразрывно связаны и с другим - методологическим. Связь эта такова, что методологический уровень является в значительной степени определяющим по отношению и к феноменологическому, и к теоретическому. Именно методология раскрывает, как будет пониматься и трактоваться предмет психологии (а, следовательно, *реально* определяет диапазон пространств психической реальности), методология определяет возможности изучения того или иного явления, а также метод, каким будет исследоваться психическое, наконец, утверждает приемлемые в науке в настоящий момент способы объяснения. Известно, что в психологии существуют разные трактовки предмета науки, разные

взгляды на методы. Оказывается, что методологические проблемы - это наиболее существенные, наиболее глубокие.

Наконец, четвертый класс проблем - проблемы историко-психологические, возникающие в историческом знании. Как уже отмечалось, историко-психологическое знание отражает закономерную

последовательность развития знания и предметного, и методологического. М.С.Роговин и Г.В.Залевский отмечали, что в "знании историческом проявляется куда более широкий принцип научного познания реальности: подход к ней как развивающейся во времени; при историческом подходе в последовательности его типов косвенно отражается углубление предметного и методологического знания..." [241, с.10]. Эти проблемы также многочисленны. Обратим внимание на то, что многие из них носят неявный характер. В главе третьей (разд. 3.1.) мы столкнемся с такого рода проблемами.

Между выделенными классами проблем в психологии существуют, на мой взгляд, особые отношения. Методология является "сердцевиной" психологического знания вообще, поскольку, в конечном счете, именно она определяет существенные характеристики "предметного" знания (и феноменологию, и теорию) и "истории" (как она будет интерпретироваться).

Поскольку мы говорим о психологии в целом (а научная психология, ориентированная на исследование психической реальности, только часть психологического знания: ведь существует еще психологическая практика), отметим, что кроме названных имеются, конечно, и другие проблемы. Это, во-первых, прикладные проблемы, связанные с использованием психологических знаний в практике, в конкретных видах деятельности (в педагогике, в медицине, в производстве и т.д.). Во-вторых, необходимо упомянуть психотехнические и психотехнологические проблемы (в широком смысле этого слова), связанные с модификацией, с направленным изменением психики человека (различные виды психотерапии, психокоррекции и т.д.). Напомню слова Л.С.Выготского: "...психотехника - в одном слове, т.е. научная теория, которая привела бы к подчинению и овладению психикой, к искусственному управлению поведением" [60, с.389]. В данной книге речь будет идти о проблемах научной психологии, связанной с иссле-

дованием психики. Это, разумеется, не означает недооценки роли практической психологии - у этой работы свои задачи.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что выделение видов психологического знания и связанных с этим видов психологических проблем весьма условно. Действительно, легко увидеть, что грани между этими видами часто размыты и неопределенны. Но бывают случаи, когда разграничения подобного рода просто необходимы.

Разделение необходимо в дидактических, методических целях. Другая причина, которая заставляет использовать такого рода разграничения, несмотря на всю их условность, - когда необходимо сконцентрировать внимание на каком-то виде проблем. Так в нашей работе мы сосредоточимся на методологических проблемах. Нас интересует вопрос о том, как соотносятся теория и метод в психологии. Поэтому в конкретном предметном знании в тот или иной исторический промежуток нас будет интересовать определенный методологический аспект.

1.5. Методологические проблемы в психологии

В разделе 1.2. мы уже частично касались методологии психологии, некоторых моментов ее драматической истории в нашей стране. Поскольку методологические проблемы "завязаны" на центральный для научной психологии вопрос - определение предмета психологии - вопрос, как об этом убедительно свидетельствует история психологической науки, весьма сложный, таящий в себе большие трудности, естественно было бы ожидать появления способов, "снимающих" этот вопрос. Как хорошо известно из истории, лучший способ избежать "содержательных" трудностей - создать "формальную" модель. Наиболее распространенный ход заключается в том, что методология психологии объявляется чисто технической дисциплиной, призванной заниматься планированием экспериментов и квазиэкспериментов, вопросами статистической обработки результатов и т.д. В предыдущем разделе мы констатировали, что методологическим вопросам принадлежит ключевая роль в построении всего здания психологической науки, методология играет, в сущности, конституирующую роль. И отказ от обсуждения содержательно-методологических вопросов приводит к тому, что в психологии начинают доминировать тенден-

ции дезинтеграции. На заре научной психологии в 1896 году Дж. Стаут писал, что "скоро наступит время, когда никому не придет в голову писать книгу по психологии вообще, как не приходит в голову писать по математике вообще. К нашему предмету можно подойти с точки зрения физиологии, душевной патологии, этнологии и психофизического эксперимента. Каждый из этих методов имеет свои данные и свои особые независимые способы собирать и оценивать доказательства" [272, с.3]. Однако достаточно скоро оценка меняется: "расхождение" (дезинтеграция) перестает восприниматься как позитивная неизбежность и в 1932 году на X Международном конгрессе в Копенгагене Вольфганг Келер, один из выдающихся психологов XX века, предостерегал, что "если мы в ближайшее время не найдем связующие нити психологии, мы окончательно атомизируемся"(цит. по [250]). Такая тенденция существует и у нас, в российской психологии. С одной стороны, есть немало сторонников того, что методология должна стать формальной технической дисциплиной, набором указаний, регламентирующих технику исследования. С другой стороны, "общепсихологические" проблемы растворяются "в конкретике" и как бы "снимаются" вообще. Чтобы упрек не показался надуманным, приведу конкретный пример.

В июне 1997 года Российское психологическое общество проводило в Ростове-на-Дону Всероссийскую конференцию "Методы психологии". Предметом рассмотрения, таким образом, должна была стать "методология психологического познания, методы теоретической, прикладной и практической психологии". Ниже приводится перечень секций, заявленных для включения в симпозиумы:

Методы психологического развития. Методы развивающего образования. Методы исследования личности. Методы диагностики и коррекции личности. Диагностика стилевых особенностей личности. Теоретико-методические проблемы изучения невербального поведения личности. Методы когнитивной психологии. Методы пато- и нейропсихологии. Методы клинической психологии. Психодиагностика и дифференциальная психология: теория и практика. Методы психофизиологии. Методы медико-психологической экспертизы. Методология и методы психотерапии: от дифференциации к интеграции. Двигатель-

но-танцевально-экспрессивная психотерапия: теоретические подходы и методические решения. Методология и методика социально-психологического исследования. Методы измерения, формирования и развития в социальной психологии. Психологические методы в конфликтологии. Методические проблемы оргконсультирования и управления. Методы диагностики, консультирования и коррекции семьи. Методы оценки профессионального развития. Методы исследования творчества и идентификации одаренности. Методы исторической психологии. Невербальные и проективные методы в психологии. Нетрадиционные методы в психологии.

Перечень вызывает двойственные чувства. С одной стороны, законную гордость за науку, которая освоила столь различные области, столь разветвленна и дифференцирована, с другой - разочарование тем, что вопросы о соотношении, скажем, теории и эксперимента в психологии, или о теоретических методах в психологии (есть ли такие?) либо надуманы, либо совсем неактуальны (про специфику познания психического я уж и не вспоминаю). Между тем такая методологическая беспечность (только не надо называть ее "методологической передышкой"!)) профессионального сообщества не остается безнаказанной: широкое наступление ненаучной и вненаучной "психологии" вызвано слабостью - в первую очередь методологической - научной психологии. Если мы и далее будем столь беспечны к методологии научной психологии, нашествие колдунов и шаманов, дипломированных специалистов по черной и белой магии, народных целителей разного профиля может окончиться весьма и весьма печально... Научная психология пытается "отгородиться" от наиболее сложных проблем человеческого бытия, а психотерапия (см. вышеприведенный перечень) решает свои уже методологические, причем содержательно-методологические проблемы, да к тому же, находясь в пути "от дифференциации к интеграции"). Здесь есть "о чем задуматься".

Другим, правда, более "мягким" вариантом снятия проблемы содержательной методологии является тот, который более характерен для западноевропейской психологической науки. Методология при этом понимается достаточно узко: специфика научного познания в области психологической науки сводится к "проблеме объяснения". В последние годы этой проблеме посвящено немало

работ [410, 376, 364, 239, 240]. После классического исследования Ж.Пиаже [209] эта проблема постоянно находится в поле внимания исследователей. Отмечу, что (при несомненной важности данной проблемы) свести всю специфику психологического познания лишь к вопросу об объяснении не представляется возможным. Все дело в том, что при таком подходе исследовательская ситуация представляется так, будто реальное исследование начинается с проведения эмпирического изучения, позволяющего "обнаружить законы". Задача научного психолога сводится к тому, чтобы дать объяснение этим законам. Хочу обратить внимание на то, что при подобном подходе вопрос о специфике методов и их обусловленности "выносится за скобки": его как бы не существует.

Заканчивая обсуждение проблемы объяснения, хочу обратить внимание читателя на следующий момент. Уже упоминавшаяся классическая глава об объяснении в психологии, написанная Ж.Пиаже, соседствует в популярном руководстве с другой, в которой П.Фресс пронизательно замечает, что "научная деятельность - это в такой же степени дело мышления, и, как показал Клод Бернар, нужно говорить не столько о методе, сколько об экспериментальном рассуждении. На факт ссылаются или вызывают его в целях проверки гипотезы, сформулированной экспериментатором" [299, с.100]. Нельзя не согласиться с приведенным выше высказыванием. Отсюда следует, что, по-видимому, центральным вопросом методологии психологической науки должен быть вопрос о соотношении теории и метода - если мы хотим понять смысл и логику экспериментального рассуждения...

Сегодня наша российская, постсоветская психология переживает трудные времена. Прежде всего они трудные в самом главном – в методологии. В методологии в том старом смысле, в каком это слово использовалось во времена Л.С.Выготского - его знаменитое сочинение "Исторический смысл психологического кризиса" было именно *методологическим исследованием* - авторское жанровое определение было очень точным. Действительно, старой методологии, которая неразрывно была связана с марксизмом-ленинизмом, больше нет. Есть желающие вместе с "идеологемами" отбросить и достижения, связанные с исследованиями, например, в русле деятельностного подхода.

Какая же должна быть эта новая методология? Старой методологии уже нет, новая еще не появилась. Сегодня нужна другая методология, выходящая за пределы трактовки психического как отражения, учитывающая достижения мировой психологической мысли... Какая будет эта методология? Что она собой будет представлять? Проще всего в качестве ответа процитировать слова признанного классика Л.С.Выготского: "Какая будет эта методология и скоро ли она будет, мы не знаем, но что психология не двинется дальше, пока не создаст методологии, что первым шагом вперед будет методология, это несомненно" [60, с.422-423].

Прежде всего, какой она, наверное, не будет. Вряд ли это будет супертеория, "высшая психология". Как справедливо отмечает В.П.Зинченко, представление о "финальности" методологии психологии не может быть принято. "Наука подобна произведению искусства, в ней всегда есть недосказанность, есть не только знание, но и незнание, которое Н.Кузанский называл ученым незнанием" [102, с.129]. Всего скорее, это должна быть "общая психология", по Выготскому, совокупность принципов и "опосредующих теорий", "критики" психологии [60, с.420-421]. "Нужна методология, т.е. система посредствующих, конкретных, примененных к масштабу данной науки понятий" [60, с 419].

Хочу заметить, что такая позиция имеет немало противников: необходимость собственной психологической методологии в смысле Выготского признается далеко не всеми. Обратимся вновь к материалам круглого стола "Психология и новые идеалы научности" [226].

Н.И.Кузнецова: "Здесь высказывалось мнение, что выход психологии из кризиса связан с переходом к парадигме гуманитарного мышления. XX в. убедительно показал, что никакой принципиальной разницы в стиле мышления - будь то теоретическая физика, теоретическая лингвистика или антропология не было и нет. Существуют методологические особенности различных научных дисциплин, но это тривиально. Эти особенности не нарушают общих критериев научного познания, общего логического хода развития науки, хотя и должны рефлексироваться. Единство естественных и гуманитарных наук - это стратегическая линия, а обособление гуманитарных наук от естественных, их искусственная изоляция ведет только к провинциализму" [226, с.26].

Во многом аналогично рассуждает М.А.Розов: "Я глубоко убежден, что мы мыслим в гуманитарных и естественных науках примерно одинаково. Мышление, если оно правильное, одинаково и в одних науках, и в других. Надо просто правильно мыслить" [226, с.37].

В.Н.Дружинин также подчеркивает "общенаучный характер" критериев научности: "Отечественная психология должна была самостоятельно выработать критерии научности, и такие попытки делались. Отчасти этим объясняется стремление некоторых видных ученых-психологов заняться методологическими проблемами психологии, что и породило массу методологических и околометодологических трудов. Однако критерии достоверности научного знания являются общенаучным достоянием. Беда общественных наук в том, что на роль единственной методологии претендовало официально одобренное направление, представленное в учебниках диамата и истмата. Если точные и естественные науки могли работать, опираясь на общенаучные критерии достоверности, то ведомственная принадлежность психологии препятствовала этому" [90, с.4].

Итак, с точки зрения сторонников этой позиции специальная методология (т.е. методология *с элементами гносеологии*, методология в смысле Выготского) современной психологии не нужна. Что же касается методологии психологии, то она может заниматься чисто техническими вопросами: планированием эксперимента, статистической обработкой и т.д.

Все же психология уже подошла к тому рубежу, когда требуется ясное осознание того, что в науке происходит, каковы основные тенденции развития, каковы взаимоотношения основных реализуемых подходов и т.д. Необходима специальная методология психологии, своего рода *философия психологии*. Возможно, следует говорить об общей методологии наук, изучающих психику, как это предлагали М.С.Роговин и Г.В.Залевский [241]. По моему мнению, должна существовать специальная методология психологии, *содержательная методология психологии*, исходящая из специфики предмета психологической науки. Можно назвать несколько характеристик этой методологии.

Наверное, это должна быть *научная* методология. Психология не должна утратить статус науки. Как бы то ни было, психология

несомненно является наукой. Ее нельзя "безнаказанно" свести к естественнонаучной, либо гуманистической парадигме. В качестве неизбежного наказания, как уже упоминалось, следуют "неоправданные ограничения", неадекватность которых очевидна, а цена не просто высока, но чрезмерна.

Наверное, это должна быть методология *на исторической основе*. Этот тезис в свое время формулировался Л.С.Выготским, С.Л.Рубинштейном, М.Г.Ярошевским и др.

Наверное, это должна быть методология, *свободная от идеологии*. В нашем отечестве об этом полезно помнить.

Наверное, это должна быть методология *плюралистическая*, исходящая из того, что путей к истине может быть много. Некоторые могут быть более адекватны, чем другие. Но это не основание принимать какой-то из них за универсальный.

Наверное, это должна быть методология, ориентированная не только на познание психического, но и на *практику*.

И последнее, может быть, самое главное. Это должна быть *содержательно психологическая* методология. Не пытающаяся свести "многомерное" человеческое существо к адаптации, деятельности, общению, но осознающая его и как душевное, и как духовное. Следовательно, психология должна стать на путь собственного развития: естественные и гуманитарные науки не могут быть образцом для построения психологии. На заре своего самостоятельного существования научная психология последовательно попыталась реализовать обе "линии". Ни "чистые линии", ни многочисленные попытки их соединения существенного успеха не принесли. Может быть, дело в том, что "наиболее возвышенное и совершенное" (Аристотель) нуждается в особом исследовательском подходе, специальной содержательной методологии?

В методологии должны быть представлены три составляющие, соответствующие трем группам задач, стоящих перед этой областью знания: познавательная, коммуникативная, практическая.

"*Познавательная*" составляющая - традиционная для классической методологии сфера интересов: проблема предмета психологии, соотношение теории и метода в психологии, структура научного знания в области психологии, структура научной теории в психологии, особенности порождения, функционирования пси-

хологических теорий, особенности понятийного аппарата психологической науки, характер объяснения в психологии, структура и операциональный состав методов, применяемых в психологии, условия и критерии научности, соотношение научного и вненаучного знания и т.д. Здесь что ни слово - проблема. Обозначу для примера лишь некоторые. Предмет науки. В психологии есть достаточные основания предполагать, что предмет имеет непростое строение: можно выделить декларируемый, реальный и рационализированный [166]. Предмет науки и предмет исследования не совпадают, могут быть выделены различные их взаимоотношения. Даже методы психологии, как ни странно, тоже представляют собой "проблему". Если эмпирические методы достаточно хорошо изучены, разработаны интересные классификации [13, 10, 91, 92, 241], то о теоретических методах этого сказать явно нельзя. Не исследовано должным образом соотношение теории и метода в психологии. В "познавательной" составляющей может быть выделен особый блок, имеющий в настоящее время для нашей психологии чрезвычайную важность. Это своего рода метаметодология. Учитывая то, что в психологии существует множественность понимания предмета психологической науки и множественность объяснения, необходимо осуществление сравнительно-методологического анализа. Без такого анализа практически невозможно соотнесение теорий, концепций, подходов, ориентаций.

"Практическая" составляющая - область методологии, которая начинает складываться сейчас на наших глазах. В нашем обществе происходит бурный расцвет практической психологии: в образовании, в медицине, в бизнесе. Востребованность психологических знаний велика. И совершенно ясно, что и по задачам, и по методам, и по содержанию самого психологического знания практическая психология это особая область. Деятельность психолога-практика, ее методология - важный блок "практической" составляющей. Принципы разработки различных психотехник и психотехнологий - не менее актуальный "модуль", не получивший пока необходимой разработки. Здесь тоже огромное количество нерешенных проблем. Подчеркну - именно методологических проблем. Практическая психология возникает на других основаниях: в отличие от традиционной научной психологии она имеет

"объектную", а не "предметную" ориентацию, она более "антропологична", если воспользоваться терминологией П.Фресса [300].

"Коммуникативная" составляющая представляет собой нетрадиционную сферу методологии психологической науки. Коммуникативная составляющая призвана помочь нахождению взаимопонимания как "внутри" научной психологии, так и в психологии в целом. Смысл коммуникативной составляющей методологии - в соотношении (в первую очередь в разработке инструментария, аппарата такого соотношения) теорий разного уровня и разных методологических ориентаций и подходов.

В перспективе возможно выделение "*психотерапевтической*" составляющей методологии. Ее функция, как ясно из названия, в осуществлении мониторинга проводимых исследований, диагностика трудностей, как исследовательских, так и коммуникативных, оказание помощи... Впрочем, это уже явно XXI век...

Из всех названных методологических проблем, бесспорно, самая сложная и насущная для современной психологии - проблема предмета психологии. Причем речь идет именно о теоретическом исследовании по предмету психологии. Эту проблему мы уже обсуждали в одном из предыдущих разделов. Итак, необходимы *теоретические* исследования по предмету психологии. И это обстоятельство выдвигает на первый план исследование вопросов, связанных с теорией и методом в психологии, с их соотношением. Таким образом, среди методологических вопросов психологии в качестве проблемы нашего исследования мы фиксируем *проблему теории и метода в психологии*.

1.6. "Философия науки", герменевтика, синергетика

В.Н.Ивановский, прекрасный переводчик, подаривший читателю возможность прочесть по-русски А.Бэна, У.Джемса, Д.С.Милля и др., а также замечательный философ и методолог психологии, писал в 1923 году: "Человеку, не искусственному в научно-методологических вопросах метод всех наук представляется одним и тем же" [107, с.333]. Такие представления неискусственного человека смыкаются с убеждениями тех, кто, подобно представителям науки середины XIX столетия, искренне полагает, будто все науки в скором будущем соединятся и можно будет го-

ворить об едином здании науки. Как уже отмечалось, в девятнадцатом веке формируется "философия науки", первоначально связанная с именами О.Конта, Г.Спенсера, Д.Гершеля, У.Уэвелла и, конечно, Д.С.Милля. "Сверхзадача", которую поставила перед собой нарождающаяся "философия науки", состояла в том, чтобы привести познавательную деятельность в науке в соответствие с "идеалом". Важной становится задача критического анализа и оценки предпосылок и процедур научной деятельности. Как справедливо отмечают И.Т.Касавин и Б.И.Пружинин, поставленная философией науки нормативно-критическая задача привела к середине XIX в. к резкому росту самосознания науки [263]. Эти авторы выделяют несколько этапов в развитии философии науки. Первый этап (вторая половина XIX в.) характеризуется повышенным вниманием к проблемам, связанным с исследованием психологических и индуктивно-логических процедур опытного познания. Содержание второго этапа (первая треть XX в.) определялось в основном осмыслением революционных процессов, происходивших в основаниях науки на рубеже веков, причем главной сферой анализа стали содержательные основоположения науки. На третьем этапе эволюции философии науки (вторая треть XX в.) доминировала программа анализа языка науки. К этому же этапу И.Т.Касавин и Б.И.Пружинин относят концепцию логики научного исследования К.Поппера. Современный, постпозитивистский этап в развитии философии науки связан с обращением к исторической динамике знания и возросшим интересом к социокультурным детерминантам познания. "Особенно отчетливо эта переориентация философия науки проявилась к 60-м гг. на фоне краха нормативистских логико-методологических программ неопозитивизма. В результате возникло разочарование в возможностях не только логического, но и какого бы то ни было нормирования познавательного процесса вообще. В 70-е гг. в философии науки возобладали идея релятивности норм научно-познавательной деятельности" [263, с.337]. У нас нет возможности проследить "параллелизм" в развитии философии науки, с одной стороны, и развитии некоторых направлений в психологии, с другой, хотя это и представляется небезинтересным. Зададим себе центральный вопрос (который, кстати, служит объяснением, почему в этом тексте появился параграф про философию науки) - а, может быть, те вопросы, ко-

торые поставила перед собой психология, уже удовлетворительно исследованы в философии науки и достаточно минимальных усилий - нужно воспользоваться результатами чужого труда и, наконец, разрешить свои проблемы? Увы, такие надежды не оправдываются. Вообще можно говорить о недостаточной разработанности методологических вопросов современной психологии. В частности, плохо исследован вопрос о соотношении теории и метода в психологии. Вряд ли стоит пояснять, что для понимания закономерностей развития науки знание об особенностях теории и специфике методов обязательно. Причем важно подчеркнуть: это задача самой специальной науки. Последнее обстоятельство нуждается в пояснении. В "философии науки" развитие науки является важным разделом, существуют интересные модели "некумулятивного" развития, разработанные И.Лакатосом [145, 146, 147], Т.Куном [140, 276], К.Поппером [220], С.Тулмином [287, 418], П.Фейерабендом [375, 291] и др. Необходимо отметить, что в последние десятилетия проблемы философии науки получили интенсивную разработку и в отечественной философии [273, 274, 328, 195, 196, 175 и др.]. В частности, получили разработку такие важные вопросы как субъектно-объектные отношения в научном познании [153], соотношение теоретического и эмпирического [319, 320, 321], вопросы, связанные с раскрытием структуры научной теории [252], методов научного исследования [273, 215] и целого ряда других. Отмечу, что в отечественной философии науки также уделяется внимание вопросам развития науки, разрабатываются различные модели ее развития [312, 323, 41]. Но надежды не оправдываются - философия науки предпочитает "иметь дело" с естественными науками: модели разрабатываются применительно к физике (классической или квантовой механике), химии, биологии, астрономии. Существуют исследования, посвященные теории и методам математики. На психологию, по мысли методологов науки, должны распространяться "естественнонаучногенные" модели. Основанием для такой экспансии являются рассуждения об идеалах научности, имеющих "общенаучный" характер, общих стандартах и т.д. Лишь немногие философы и методологи науки проявляют интерес к психологической проблематике [329, 153, 7]. История развития психологии, как представляется, убедительно доказала, что попытки построить психологию

как чисто естественнонаучную дисциплину приводят с завидным постоянством к созданию редукционистских концепций. Специфика психологии, как известно практически со времени ее институционализации в качестве самостоятельной научной дисциплины, в том, что ее предмет столь сложен и многогранен, что принципиальная несводимость его к "естественному" или "культурному" была очевидна уже для создателя научной психологии В.Вундта. "Психология занимает среднее место между естественными и гуманитарными науками", - писал Вильгельм Вундт в 1874 году [430, S.4]. Раскол психологии на психологию физиологическую (естественнонаучную, объяснительную и т.д.) и психологию народов (культурную, историческую, понимающую, описательную и т.п.) состоялся очень скоро, т.к. был "конструктивно" заложен при ее оформлении. Реакцией на механицизм естествознания и классический рационализм явилось возникновение таких течений как "философия жизни" и "философия культуры". Эти направления, претендовавшие на описание социогуманитарной сферы, отличал антисциентизм. Не имея возможности здесь обсуждать эту важную для психологии проблему, констатируем, что *психологии как науке* свои методологические вопросы приходится решать самостоятельно. Ни постструктурализм, ни герменевтика не дают (и не могут дать) теории развития психологии. Л.С.Выготский в 1927 году в знаменитом методологическом исследовании утверждал, что психологии негде взять свою методологию в готовом виде. Похоже, что история повторяется. Психологии важно разработать новую методологию. Причем это должна быть содержательная методология.

Заемствование психологией моделей развития науки (повторюсь, естественнонаучных) ведет лишь к эскалации кризиса, дальнейшему углублению пропасти между двумя психологиями. На этом пути последовательного сторонника "научности любой ценой" ожидает лишь один "вывод" - научная психология возможна, без сомнений. Все дело в цене. Цена такой возможности хорошо известна - это "высокая цена неоправданных ограничений". Пространства психической реальности суживаются до минимальных пределов, в которых научная психология чувствует себя спокойно. Есть пограничная зона, где использование естественнонаучного подхода, по выражению Л.Гараи и М.Кечке,

"приводит к несуразностям". И, наконец, часть пространства психической реальности остается "брошенным". Эти затерянные пространства легко "приватизируются" всеми, кто только пожелает (см. разд. 1.5.).

Как уже упоминалось, протесты против сциентизма философии науки раздались уже в прошлом веке. "Философия жизни" возникла, с одной стороны как оппозиция рационализму, а с другой, как реакция на кризис механистического естествознания. Антиномия философии и науки выступает в "философии жизни" как противоположность "описательной" и "объяснительной" психологии (Дильтей), исторических и естественнонаучных методов познания. На первом плане здесь - интерес к методологии гуманитарного знания, исторического исследования, "наук о духе" [263, с.328]. В настоящее время в качестве методологической основы гуманитарного знания предлагается герменевтика. Не имея возможности анализировать здесь идеи, выдвинутые в современной герменевтике [64,251], а также сближающегося с ней постструктурализма [371,109], отметим, что методы интерпретации, бесспорно, приложимы к анализу *отдельных* психологических проблем, но явно недостаточны для обоснования психологии *как науки*. Поэтому использование герменевтического подхода в качестве основного является оборотной стороной экспансии естественнонаучного метода. Как прекрасно об этом написали в уже цитированной статье Л.Гараи и М.Кечке, этот путь оказывается в не меньшей степени тупиковым: "Не подает больше надежды также и обратный прием, когда общим знаменателем двух полупсихологий объявляется не позитивистская логика естественных наук, а, согласно новой моде, *герменевтическая логика исторических наук*. На язык этой последней ничего невозможно перевести из всего богатства открытий, сделанных за долгую историю естественнонаучной психологии, особенно касающихся связи психологических феноменов, с одной стороны, и стратегии живого организма, направленной на его выживание, с другой" [67, с.91].

В последние годы приобрело известную популярность новое течение, претендующее на универсализм - "синергетика". По мнению представителей этого направления, возможна новая, синергетическая трактовка развития науки. Синергетика представляет собой междисциплинарное научное направление, возникшее

в начале 70-х гг. текущего столетия. Сам термин введен Г.Хакеном, немецким физиком. Другое направление в синергетике связано с именем И.Р.Пригожина, Нобелевского лауреата, известного физикохимика - т.н. теория диссипативных (неравновесных) структур [212]. Пафос данного направления в том, что предпринимается попытка описания общих закономерностей, лежащих в основе процессов самоорганизации в системах различной природы (физических, химических, социальных, биологических, экономических и т.д.). "Синергетика направлена на раскрытие универсальных механизмов самоорганизации сложных систем, как природных, так и человекомерных, в том числе когнитивных" [128, с.4].

Как отмечают сами сторонники синергетики, "по всей вероятности, пока еще рано говорить о философии синергетики, а равным образом и о синергетике познания, т.е. о синергетическом видении когнитивных процессов, как об общепринятых и в достаточной мере разработанных"[128, с.218].

Итак, вывод, который может быть сделан на основании нашего краткого экскурса в философию науки, герменевтику и синергетику, с одной стороны, прост и однозначен, с другой стороны, совсем не нов. *Психология должна самостоятельно заниматься разработкой своей методологии.* Ни в философии науки, ни в герменевтике, ни даже в синергетике не существует таких методологических схем, используя которые в готовом виде (или даже в качестве полуфабриката!), психология как наука могла бы создать свою методологию. И философия науки, и герменевтика явились "следствием" распада человеческой культуры на "две культуры" (Ч.П.Сноу), произошедшего в прошлом веке. Трагедия психологии, что она попадает "между" культурами: попытки сведения лишь к одной (безразлично, какой) хорошо известны - "высокая цена неоправданных ограничений"(М.С.Роговин, Г.В.Залевский). Соединить же "две половинки", полупсихологии, по выражению Л.Гараи и М.Кечке, пока не удалось. Соединить можно только то, что конструктивно *заложено* в понимании предмета.

Таким образом, остается путь методологического исследования в психологии: идя от предмета во всей его полноте, очевидно принадлежащего и миру естественному, и миру культуры. А за-

кончить этот раздел хочется словами А.Ф.Лосева, уже цитировавшимися выше, но имеющими к нашей проблеме самое непосредственное отношение: "Чтобы вообще рассуждать о вещи, надо знать, что такое она есть. И уже это-то знание должно быть адекватным. Если же вы боитесь, как бы ваше знание не оказалось неадекватным, то это значит, что вы боитесь, как бы не оставить рассматриваемый вами предмет совсем в стороне и не перейти к другому" [160, с.191].

1.7. О теории развития психологии: историческая психология науки

Может показаться удивительным, но развитию психологии как науки в отечественной методологии уделялось очень малое внимание. В работе "Исторический смысл психологического кризиса" был сформулирован известный взгляд на "развитие идей": Выготский выделил пять этапов, которые описывают полный цикл существования психологической теории от момента ее возникновения, через этап экспансии "в соседние дисциплины", кончая этапом, когда "идея выходит в отставку и получает по своему ведомству генеральский чин" [60]. Эти положения, артикулированные Выготским, хорошо известны, поэтому не будем на них останавливаться. Примечательно, что в этой работе Выготский формулирует подход, который, как мы увидим, получит через много лет продолжение в нашей психологической науке. Выготский пишет: "...возможна научная методология на исторической основе" [60, с.302]. "Закономерность в смене и развитии идей, возникновение и гибель понятий, даже смена классификаций и т.п. - все это может быть научно объяснено на почве связи данной науки 1) с общей социально-культурной подпочвой эпохи, 2) с общими условиями и законами научного познания, 3) с теми объективными требованиями, которые предъявляет к научному познанию природа изучаемых явлений на данной стадии их исследования, т.е. в конечном счете - с требованиями объективной действительности, изучаемой данной наукой; ведь научное познание должно приспособляться, применяться к особенностям изучаемых фактов, должно строиться согласно их требованиям" [60, с.302].

Говоря об истории психологии в СССР, нельзя не отметить одну особенность отечественной науки - ее особую связь с философией, точнее, с философией марксизма. Если зарубежные психологи могли не касаться этой проблемы, к примеру, вообще отрицать связь психологии и философии, то в России ситуация сложилась явно специфическая. В двадцатые годы в отечественной психологической науке можно было наблюдать удивительное многообразие методологических решений. Кстати отметим, что для отечественной психологической науки в двадцатые годы была характерна *содержательная трактовка методологии*. Речь идет о том, что методология выступала не просто описанием конкретных методов, но как в первую очередь раскрытие предмета психологии, а затем поиск принципиальных путей его исследования. Это многообразие методологических изысканий в двадцатые годы еще ждет своего исследователя. Как уже упоминалось, требование строить психологию на основе марксистской философии становилось все более выраженным. Первые попытки связать психологию и марксизм были предприняты еще в 1921 году. Инициатором тогда выступил П.П.Блонский [25]. Таких попыток было сделано достаточно много. В последние годы этот вопрос был подвергнут специальному анализу [27]. Мы здесь не будем касаться данного вопроса. Отметим только, что уже к середине тридцатых годов диалектический и исторический материализм становятся методологической основой советской психологии. Соответственно в качестве метода выступает диалектика - диалектический метод. Таким образом, в СССР сложился особый тип методологии. Советские психологи "осознанно" выбрали философскую основу, в задачи методологии психологии входила конкретизация философских положений применительно к предмету психологии. Эта конкретизация осуществлялась через разработку системы методологических принципов советской психологической науки. К числу основных принципов относились принцип единства сознания и деятельности, принцип детерминизма, принцип развития психики в деятельности, генетический принцип и др. В разработку системы методологических принципов советской психологии внесли существенный вклад выдающиеся отечественные психологи С.Л.Рубинштейн, А.Н.Леонтьев, Д.Н.Узнадзе, П.Г.Костюк, Б.М.Теплов, А.А.Смирнов и др. В результате особую роль в пси-

хологии стала играть категория деятельности. Основы методологии психологической науки, сложившись в тридцатые годы, углублялись и разрабатывались в дальнейшем психологами разных поколений: С.Л.Рубинштейном, А.Н.Леонтьевым, Б.Г.Ананьевым, В.Н.Мясищевым, А.В.Запорожцем, А.Р.Лурией, А.А.Смирновым, Е.В.Шороховой, Б.Ф.Ломовым, Я.А.Пономаревым, О.К.Тихомировым, А.В.Брушлинским, П.Я.Гальпериним, П.И.Зинченко, В.П.Зинченко, Л.И.Анциферовой, К.А.Абульхановой, Е.А.Будиловой, М.С.Роговиным, В.Д.Шадриковым и др. Безусловно, неверно было бы считать, что "деятельностный" подход в советской психологии был единственным, объединяющим всех советских психологов. Это не более, чем миф. Один из многих мифов, созданных официальной советской психологией. При том единстве советской психологии, которое неустанно декларировалось с трибун психологических съездов и университетских кафедр, которое провозглашалось в официальных текстах, даже студенты-первокурсники психологических факультетов хорошо понимали, что концепции корифеев отечественной науки сильно различаются. Примером иного подхода может служить концепция Б.Г.Ананьева [8, 10, 11, 12].

"Визитной карточкой" подхода к решению психологических проблем в работах Б.Г.Ананьева стал комплексный подход к исследованию человека, подход, при котором бытие человека как индивида, индивидуальности, субъекта и личности стало предметом научного исследования. Многообразие связей, открывающихся при таком подходе, позволило существенно расширить проблематику традиционных психологических исследований. Комплексный подход потребовал использования более широкого арсенала методов, в том числе и методов других наук. В работах Б.Г.Ананьева, выполненных в шестидесятые годы, были поставлены, сформулированы, разработаны многие методологические проблемы, имеющие принципиальное значение для отечественной психологической науки [11, 12, 10]. Эти работы во многом определили последующее развитие психологии и, возможно, в них следует искать "ростки будущего", которые так необходимы сегодня нашей науке, испытывающей глубокий методологический кризис. Исследования Б.Г.Ананьева наглядно продемонстрировали

преимущества комплексного, междисциплинарного подхода к проблеме человека, позволили психологии действительно стать наукой о человеке во всей его сложности и многогранности. Антропологизм как принцип построения психологической науки позволил по иному взглянуть на сам предмет психологии. В концепции Б.Г.Ананьева предмет психологии предстает как многоуровневая системная организация психики. Отметим, что рассмотрение психического в рамках ананьевского подхода позволило реально (а не только "в теории") выйти за рамки психофизиологического параллелизма и, избежав редуccionизма, "вписать" психику в "научную картину человека". Именно в этом нам видится еще не до конца оцененное методологическое значение ананьевских работ.

Однако, вернемся к проблемам теории развития психологии.

"На рубеже 30-х гг. в стране произошел социоэкономический и политический переворот. Началась эпоха сталинского беспредела. С различными, имеющими собственное теоретическое лицо, направлениями и школами в психологии после псевдонаучных дискуссий было покончено. Спасительным для нее оказался методологический "панцирь" в образе теории деятельности. Тогда и был поставлен знак равенства между марксизмом и этой теорией. Она внесла свежую струю в методологию науки, стимулировав до известной степени и эмпирическую работу. Она позволила провести демаркационную линию между "нашей" и "не-нашей" (буржуазной, идеалистической) теорией сознания. Под ее прикрытием можно было, пробормотав несколько формул-заклинаний, заниматься "нормальной" психологией, не страшась обвинений в идеализме, позитивизме, функционализме и прочих "грехах". Она казалась способной вывести мировую психологию из кризиса" [22, с.143]. Понятно, что ни о какой теории развития психологии в таких условиях не приходилось даже мечтать.

Идеи методологии на исторической основе, по авторитетному свидетельству М.Г.Ярошевского, начинают возрождаться в 40-е годы прежде всего в работах С.Л.Рубинштейна и его учеников. В апреле 1945 года С.Л.Рубинштейн создает сектор психологии в институте философии АН СССР. Непосредственный участник событий, один из старейших отечественных психологов М.Г.Ярошевский вспоминает: "Сектор психологии в Институте

философии складывался как сильный методолого-исторический центр, в котором теоретические проблемы психологии (природы психики, ее биологических основ, мышления и речи и др.) исследовались на историческом опыте их осмысления в России, в связи с особенностями социокультурного развития страны. Еще раз подчеркну два момента в зарождении программы сектора. Она предполагала, что: а) методология без истории пуста и б) в историческом анализе еще не использованы резервы русской философско-психологической мысли" [342, с.75]. М.Г.Ярошевский в другом месте подчеркивает роль методологии на исторической основе, высказывая сожаления по поводу того, что ныне методология часто рассматривается вне связи с историей психологии. На мой взгляд, заслуживает пристального внимания тот вывод М.Г.Ярошевского, согласно которому методология в отрыве от истории вырождается в схоластику: "Некогда русскую психологическую мысль отличал высокий методологический тонус. Ныне он резко упал. Среди причин отмечу отрыв методологии от истории... Восстановив историческое видение науки, мы избавим методологию от схоластики" [22, с.145].

Психология на рубеже третьего тысячелетия подводит, как, впрочем, и любая другая научная дисциплина "промежуточные итоги", которые должны дать ответ на многие вопросы. Один из главных вопросов: каковы перспективы психологии как науки, каковы ее стратегические задачи на новом этапе. Как это ни удивительно, психология, вступившая во второй век самостоятельного существования, не имеет на сегодняшний день приемлемой теории собственного развития. Более того, возникает впечатление, что эта проблема не слишком актуальна: во всяком случае, в научных изданиях оживленных дискуссий по данному вопросу не наблюдается. Естественно, я не хочу сказать, что поисков в этом направлении не ведется - достаточно назвать многолетние и плодотворные исследования того же М.Г.Ярошевского, в которых получило оформление новое направление - историческая психология науки. Историческая психология науки, основы которой были разработаны М.Г.Ярошевским [341, 338], явилась попыткой "восстановления исторического видения". Но, если быть честным, теория развития психологии отсутствует, поэтому на вопрос, где (в чем?) следует искать выход из нынешнего методологического

кризиса, удовлетворительного ответа в настоящий момент, по сути, нет. Иногда создается впечатление, что психология обречена на бесконечное повторение тех же самых ходов, которые уже предпринимались (и не один раз)...

Итак, историческая психология науки, в которой "жизнь человека науки дана в трех координатах - познавательной, социальной и личностной" [341, с.42]. Как указывает М.Г.Ярошевский, "социальность изнутри пронизывает движение научной мысли индивидуального субъекта. Интеграция логического (историологического) и социального в деятельности человека науки становится возможной благодаря детерминантам, имеющим уникально психологическую природу. Система этих детерминант и образует область знаний, которой мы дали имя исторической психологии науки" [341, с.45]. Представляется, что М.Г.Ярошевский прав, когда утверждает: "Необходимо вскрыть глубинные предметно-исторические структуры научного мышления и способы их преобразования, ускользающие от формальной логики, которая не является ни предметной, ни исторической. Вместе с тем, природа научного открытия, как мы полагаем, не обнажит свои тайны, если ограничиться его логическим аспектом, оставляя без внимания два других - социальный и психологический, которые в свою очередь должны быть переосмыслены в качестве интегральных компонентов целостной системы" [341, с.20]. Здесь один из наиболее сложных вопросов в методологии науки в целом. Не случайно Г.Гаттинг - один из представителей философии науки - отмечал, что "камнем преткновения" был и до сегодняшнего дня остается "синтез представлений о науке как концептуальной структуре и как человеческой деятельности в единую картину" [377, р.209]. По моему мнению, для того, чтобы подобный "синтез" оказался осуществленным, необходима предварительная разработка "концептуальной структуры", характерной именно для психологической науки. В этой концептуальной структуре должны получить отражение такие важные ее составляющие как теория и метод. При этом представляется принципиально важным отражение в концептуальной структуре метода. Или, как говорил М.Хайдеггер, "способа обращения с темой" [302, с.120].

В психологии (в отличие от естественных наук) проблема метода стояла значительно острее (как известно, применимость

метода эксперимента в естествознании серьезно никогда не отрицалась). Поэтому я полагаю, что исследование соотношения теории и метода - одна из важнейших задач современной психологии. И необходимое предварительное условие для изучения не только "природы научного открытия", но и для разработки теории развития психологии как науки. На мой взгляд, вообще можно говорить о недостаточной разработанности методологических вопросов современной психологии. В частности, плохо исследован вопрос о соотношении теории и метода в психологии. Вряд ли стоит пояснять, что для понимания закономерностей развития науки знание об особенностях теории и специфике методов обязательно.

Психологи традиционно рассматривают (и это естественно, если учесть специфику психологического подхода) науку как деятельность. Это, как показали работы многих психологов, очень перспективный и продуктивный путь. Он позволяет "воссоздать адекватную реальности целостную и объемную картину процесса открытия" [341, с.21]. Историческая психология науки пользуется "гибридными" понятиями, которые характеризуют и личностно-деятельностный и логико-социальный аспекты науки.

Вместе с тем можно констатировать, что необходимо специальное исследование, детализирующее предметно-логическую сторону психологической науки. Это связано с тем, что недостаточно исследован вопрос о специфике теории в психологии, особенностях метода в психологической науке. Важно подчеркнуть, что метод имеет в психологии чрезвычайно важное значение. Он может быть рассмотрен в контексте науки как деятельности: это традиционная точка зрения, правомерная и, как свидетельствуют история и методология науки, продуктивная. Но существует возможность, которую мы попытаемся реализовать в настоящей работе, рассмотреть связь теории и метода *внутри концептуальной системы*. Это абстрагирование от особенностей психологии действующего в науке субъекта - ученого - представляется необходимым предварительным этапом. Оно не связано с недооценкой роли субъекта - напротив, можно полагать, что использование реальных наработок, существующих в психологии мышления и решении творческих задач позволит существенно по-иному рассмотреть генез психологической теории. Есть достаточно оснований для того, чтобы считать такой подход перспективным. При-

веду только один пример. Знаменитая концепция К.Поппера [220, 221], которая ныне многими признается как ведущая в современной методологии, основана на понимании человеческого мышления, работающего по методу проб и ошибок. Вместе с тем хорошо известно, что психологические исследования, начиная с работ вюрцбургцев, неизменно подтверждают направленно-избирательный характер человеческого мышления, а в современной психологии разработаны достаточно интересные и правдоподобные модели, объясняющие такую селективность [33, 284, 370, 378, 382]. Поэтому трудно не согласиться с точной характеристикой, данной в свое время Жаном Пиаже: "В истории классических эпистемологий только эмпирицистские течения использовали данные психологии, да и они довольствовались весьма поверхностными психологическими представлениями" [208, с.55]. Действительно, их антипсихологизм налицо. И одна из будущих задач психологии - создание собственной методологии, реально основанной на достижениях психологической науки. Исследование соотношения теории и метода мы рассматриваем как необходимый предварительный шаг на этом пути. На пути, ведущем к эпистемологии, которая в достаточной степени считается с реально существующими закономерностями человеческой психики.

1.8. Соотношение теории и метода в психологии

М.Г.Ярошевский, известный отечественный историк психологии, предупреждал, что "всегда следует различать два уровня движения мысли ученого: уровень его представлений о своих задачах, об отношении к другим теориям, о факторах, которые препятствуют и способствуют успеху, - словом уровень рефлексии о собственной деятельности и другой, "глубинный" уровень, где идет реальная "категориальная" работа" [336, с.57]. Это, бесспорно, справедливо и для интересующей нас проблемы - отношения теории и метода в психологии. Проблема теории и метода в психологии имеет два аспекта. Первый связан с методологической рефлексией психологов. В специальных теоретических исследованиях или в методологических замечаниях в текстах своих работ психологи часто высказывают свои соображения о том, как соотносятся (или должны соотноситься) теория и метод в психологии-

ческом исследовании. Этот аспект обычно получает достаточное освещение в историко-психологических исследованиях. Вторым аспектом проблемы состоит в том, чтобы выяснить, как *реально* соотносятся теория и метод в том или ином психологическом исследовании. Для изучения этого вопроса существует только один путь: требуется специальное историко-методологическое исследование. Анализ литературы показал, что, если первый аспект неоднократно был предметом научного рассмотрения, то второй практически *специальному* исследованию не подвергался. Между тем, стоит отметить, что важность подобного рода исследований очевидна. Дело в том, что между первым и вторым аспектами могут возникать "разночтения", связанные с тем, что не всегда декларации и реальная исследовательская практика совпадают. Психология знает множество примеров, когда сформулированные принципы на деле нарушались. Поэтому "в теории" может быть одно, "на практике" - другое. В этом случае важно иметь представление о том, каково реальное соотношение "на самом деле". Таким образом, изучение вопроса о соотношении теории и метода распадается на две составляющие: историко-психологическое рассмотрение методологических высказываний психологов и историко-методологическое исследование реальных соотношений между предметом и методом в психологической науке.

В настоящем разделе будут рассмотрены некоторые данные, соответствующие первому аспекту - "уровню рефлексии". Изложению некоторых результатов исследования второго, "глубинного" уровня будут посвящены третья и четвертая главы книги.

Как только психология стала самостоятельной наукой, возникла проблема соотношения теории и метода. Или, если быть совсем точным, перешла "на новый уровень", став на некоторое время одной из центральных, и поэтому интенсивно обсуждаемых в научной психологии. В течение продолжительного времени (от возникновения научной психологии в семидесятые годы прошлого века до конца двадцатых годов текущего столетия) обсуждение метода психологии было практически обязательной частью любого, сколь-нибудь крупного сочинения по психологии. Затем ситуация начала меняться, проблема метода постепенно уходит на второй план, заменяясь проблемой *методов*, под которыми име-

ются в виду преимущественно методы эмпирические, методы "добывания фактов".

Но вернемся к рождающейся "новой" научной психологии. В философской психологии, которая предшествовала научной психологии, такая проблема тоже существовала. Поскольку философская психология была в то время, в сущности, разделом философии, вопрос о соотношении теории и метода решался вполне определенно: теоретической, спекулятивной дисциплине "соответствовал" философский метод. М.С.Роговин в качестве такого называл метод интерпретации [237]. Не будем здесь вдаваться в дискуссии по поводу метода интерпретации. Нас интересует положение дел в научной психологии, возникающей во второй половине XIX столетия.

Напомним, что выделяющаяся из философии психология заявила о себе как об опытной науке. Психология, поскольку выделялась она именно из философии, должна была убедительно продемонстрировать свою новизну, принципиальную отличность от философии. Такие отличия были найдены: в первую очередь психология декларировала новый предмет науки, во-вторых она заявила об использовании специальных методов. Вопрос о методах вовсе не так прост, как это может показаться на первый взгляд. В продолжение достаточно длительного времени основным методом психологии продолжала оставаться интроспекция. Она существенно модифицировалась и успешно "работала" внутри научной психологии. Поэтому титул "экспериментальная", данный психологии Вильгельмом Вундтом, достаточно долгое время был двусмысленным, что вытекало из "нейтральности" самого эксперимента: он мог использоваться в субъективной психологии и тогда сочетался с внутренним наблюдением, самонаблюдением (*Selbstbeobachtung*) или внутренним восприятием (*innere Wahrnehmung*), либо в объективной психологии сопрягался с внешним наблюдением (либо с внешним самонаблюдением - как это ни удивительно, может быть и такое). Впрочем, к анализу методов, эксплуатируемых "новорожденной" психологией мы еще вернемся. А пока отметим третье важное обстоятельство: новая психология должна была *стать наукой*. Во второй половине прошлого столетия это означало стать позитивной наукой, то есть не быть спекулятивной и метафизической как философия, а стать

похожей на физику, химию, биологию. Различные идеалы и образцы научности во многом определяли направление поисков в первых программах построения психологии как науки. Отметим, к слову, что институциональные успехи психологии (открытие лабораторий, получение права преподавания психологии в университетах на философских кафедрах, проведение съездов, издание журналов и т.д.) не заслоняли внутренних проблем. Тот же В.Вундт - "отец научной психологии" весьма опасался за будущее психологии. В статье "Психология в борьбе за существование" [57] Вундт отмечал, что отделение от философии не может быть полным. Факт, который современному читателю может показаться удивительным: в сознании психолога конца XX столетия В.Вундт представляется гигантом, создавшим новую научную дисциплину, основанную на опыте, широко использующую эксперимент, коротче, "позитивную" науку, лишенную "всякой метафизики". Подобная картина далека от действительности. В.Вундт был не только эклектиком (напомню, У.Джемс уподоблял систему Вундта дождевому червю, утверждая, что, будучи рассеченной, она будет существовать в виде автономных частей: "Джемс сказал про систему Вундта, что она напоминает червя: если рассечь его на части, каждая из них будет продолжать ползать. В вундтовской системе нет жизненного центра, уколом в который можно было бы с ней покончить" [340, с.224]), но и достаточно трезво мыслящим человеком. Он прекрасно понимал, что т.н. экспериментальная психология без "соединительной ткани" философии существовать просто не сможет. Поэтому отделение от философии пока может быть только декларативным (на словах, но не на деле). Впрочем, лучше предоставить слово самому В.Вундту: "Но те, более общие и потому наиболее важные для психологического образования вопросы столь тесно связаны с определенной, теоретико-познавательной и метафизической точкой зрения, что непонятно, как они когда-либо исчезнут из психологии. Именно этот факт ясно доказывает, что психология относится к философским дисциплинам, и что таковой она останется и после превращения в самостоятельную науку, так как, в конце концов, в основе такой самостоятельной науки могут лежать только метафизические воззрения скрытые и - если отделившиеся от философии психологи не будут обладать более или менее основательным философским образова-

нием - незрелые. Поэтому никому это отделение не принесет больше вреда, чем психологам, а через них и психологии" [57, с.117]. Но не будем отвлекаться, вернемся к психологии экспериментальной или, как ее чаще именовал сам Вундт, психологии физиологической.

Итак, поскольку психология - наука, то в ней должна быть теория и должны быть факты. Факты обычно добываются эмпирическими методами. Отмечу, что в психологии возникло устойчивое представление, что методы - это методы добывания фактов, методы эмпирические. "Другие" методы - например, теоретические, это "наследие" философии. У психологии, поскольку она наука, теоретических методов быть не должно, так как теория создается путем упорядочивания фактов с помощью логики. Но предоставим слово самому "создателю научной психологии". В пятом издании "Основ физиологической психологии" Вундт пишет: "Всякая наука в конечном счете заключается в логическом соединении данных содержаний опыта" [52, с.1]. Вундт осмотрительно отмечает, что пути к этой цели могут различаться, возможны дискуссии по поводу того, "насколько нужны и вообще нужны ли для этого предпосылки, лежащие вне опыта"[52, с.1]. "Всеобщее согласие можно встретить не только в определении задачи науки. И по отношению к другому, - методологическому требованию, существует полное согласие между всеми представителями науки, которые не верят, как некоторые философы, в чудодейственную силу специфического метода. Требование это заключается в том, что соединение данных содержаний опыта, составляющее сущность научной работы, должно безусловно подчиняться законам логического суждения и умозаключения" [52, с.1]. Сложилось представление о психологии как опытной науке, в которой теория представляет собой "упорядоченное соединение данных содержаний опыта". Собственно, так и должно было случиться, поскольку психология рассматривалась как непосредственная наука: интроспекция давала непосредственное знание о внутреннем опыте. Возможность такого интуитивного познания была провозглашена Р.Декартом. Как известно, Декарт не использовал термин "сознание", предпочитая говорить о духе (*mens*). Но поскольку он определял его как "все то, что происходит в нас таким образом, что мы воспринимаем его непосредственно сами со-

бою" [84, с.429], интроспективное понимание сознания было "налицо". Декарт отчетливо формулирует идею интроспекции и обосновывает интроспективное понимание сознания, которое легло в основу эмпирической психологии.

В первых программах построения психологии как самостоятельной науки (и в вундтовской, и в альтернативной, предложенной Ф.Брентано) отчетливо артикулировалось, что психология должна быть опытной наукой. И физиологическая (экспериментальная) психология Вундта, и "психология с эмпирической точки зрения" Брентано предполагали использование различных вариантов метода интроспекции. Варианты существенно различались: в вундтовской лаборатории с помощью интроспекции необходимо было получить описание структуры опыта, тогда как, по Брентано, интроспекция (внутреннее восприятие) должна была выявить акты сознания в их целостности. Ясно, что требовалось обучение испытуемых (тренировка интроспекции) для решения столь сложных аналитически-интроспективных задач. Особые стандарты существовали в других психологических школах, культивирующих интроспекцию (в вюрцбургской школе, в Корнелле у Эдвара Титченера). Более того, стало очевидно, что интроспекция, несмотря на все попытки стандартизировать ее, сделать более строгой, остается процедурой весьма произвольной. Н.И.Пирогов очень пронизательно заметил: "Еще гораздо труднее, ненормальнее и сомнительнее дело, когда мы беремся судить о нашем Я, другими словами - о нашем лично сознательном ощущении бытия, мысли и, вообще о присутствии в нас субъективного начала со всеми его (психическими) свойствами. В этом случае, - если правильно мое сравнение нашего Я с музыкантом, играющим одновременно на нескольких инструментах, - оно, наше Я, начинает играть не быв виртуозом, на одном из них исключительно и делает, конечно, *fiasco*" [210, с.86-87]. Даже длительная тренировка (напомним, что в вундтовской лаборатории, где требования к интроспекции, кстати, были не самыми строгими, испытуемый, выполнивший менее 10000 интроспективно проконтролированных реакций, не мог служить источником информации [355]) не делала "виртуозом" хотя бы потому, что "заставляла играть на одном инструменте" (требовалось либо описывать "структуру опыта", либо "акты сознания", либо "качества ощущений", ни в коем случае не допуская

"ошибки стимула"). Впрочем, не будем здесь перечислять варианты интроспективного метода, использовавшиеся в той или иной психологической школе. Отметим, что вышеприведенное "методологическое требование" В.Вундта, самим же Вундтом регулярно нарушалось. На этапе логического упорядочивания данных опыта в качестве "упорядочивающих" вводились гипотезы *ad hoc*. Про допустимость гипотез в объяснении, кстати, говорил сам Вундт: "Но абсолютно свободной от гипотез науки никогда не существовало и не может существовать: в тот момент, когда было бы закончено такое освобождение, наука, как таковая, исчезла бы, а на ее месте осталось бы лишнее перечисление фактов" [52, с.3]. Но поскольку в качестве гипотез вводились объяснительные концепты - такие как творческий синтез, апперцепция, становилось ясно, что "теоретический план" не просто логическая организация опыта, а нечто большее.

Г.И.Челпанов развел теоретический и экспериментальный уровни. В статье "Задачи современной психологии", опубликованной в 1909 году, Г.И.Челпанов отмечает, что "все вопросы, касающиеся общих свойств сознания: внимания, апперцепции, воли и т.п., определений сознательного и бессознательного и т.п. решаются в области именно теоретической психологии... Это есть та часть психологии, без которой не могут существовать никакие вообще психологические исследования, в том числе и экспериментальные" [307, с.295]. К этому времени уже появились первые варианты опосредованного метода. Это означает, что добытые эмпирические факты не были просто материалом для упорядочивания средствами логики, но были объектом интерпретации с помощью психологической теории. Важную роль в превращении психологии в полноценную науку, имеющую свою теорию сыграли Вюрцбургская школа и психоанализ, поскольку ими были обнаружены неосознаваемые тенденции. Но психология в целом в значительной мере продолжала оставаться непосредственной наукой. Таким образом, можно констатировать, что уже на ранних этапах развития психологии как самостоятельной науки были отчетливо выражены две тенденции: первая была сформулирована Вундтом и состояла в том, что теория является производной от данных опыта, вторая, артикулированная Челпановым, заключалась в том, что теория психологии в известном смысле предше-

ствуется эмпирическому исследованию, в частности экспериментальному.

Взвешенную позицию по вопросу соотношения теории и метода занимал Н.Н.Ланге. В своей известной работе "Психология" Н.Н.Ланге выдвинул идею о тесной взаимосвязи и взаимообусловленности теоретического и эмпирического, теории и факта. "Можно сказать, не боясь преувеличения, что описание любого психического процесса получает иной вид, будем ли мы его характеризовать и изучать в категориях психологической системы Эббингауза или Вундта, Штумпфа или Авенариуса, Мейнонга или Бине, Джемса или Г.Мюллера. Конечно, чисто фактическая сторона должна остаться при этом той же; однако в науке, по крайней мере в психологии, разграничить описываемый факт от его теории, то есть от тех научных категорий, при помощи которых делается это описание, часто очень трудно и даже невозможно, ибо в психологии (как, впрочем, и в физике, по мнению П.Дюгема) всякое описание есть всегда уже и некоторая теория" [148, с.73]. Н.Н.Ланге развивает свою мысль о взаимосвязи теории и факта в психологии: "Специальные психологические журналы приносят нам ежемесячно десятки, по-видимому, чисто фактических исследований, особенно экспериментального характера, которые кажутся для поверхностного наблюдателя независимыми от этих принципиальных разногласий в основных научных категориях, разделяющих разные психологические школы. Однако, внимательно приглядываясь к этим исследованиям, легко убедиться, что уже в самой постановке вопросов и в том или ином употреблении психологических терминов (как то: память, ассоциация, ощущение, внимание и др.) содержится всегда то или иное понимание их, соответствующее той или иной теории, а следовательно, и весь фактический результат исследования сохраняется или отпадает вместе с правильностью или ложностью этой психологической системы. Самые, по-видимому, точные исследования, наблюдения и измерения могут, таким образом, оказаться при изменении в смысле основных психологических понятий ложными, или, во всяком случае, утратившими свое значение" [148, с.73-74]. Эти идеи Н.Н.Ланге получили развитие в отечественной психологической науке.

Специальное историко-психологическое исследование, в котором была рассмотрена история вопроса о соотношении теории и метода в психологии [94], было проведено А.Н.Ждан. Автор отмечает "глубокую связь и преемственность разных этапов векового пути, пройденного отечественной наукой, и современных проблем экспериментального психологического исследования" [94, с.30]. "В трудах ее выдающихся представителей прошлого - В.М.Бехтерева, А.Ф.Лазурского, Н.Н.Ланге, А.П.Нечаева и других накапливались факты и складывались теоретические принципы, которые обусловили большие успехи отечественной науки. Эти принципы были затем эксплицированы и углублены с позиций марксистско-ленинской философии в советской психологии" [94, с.30]. А.Н.Ждан подробно анализирует взгляды на соотношение теории и метода в психологии Г.И.Челпанова, В.М.Бехтерева, Н.Н.Ланге, А.Ф.Лазурского, А.П.Нечаева. В данной работе дается интересный анализ "важнейших направлений в развитии теории", составляющих "бесспорное достижение советской психологической науки, в которых построение теоретических основ осуществлялось в диалектическом единстве с разработкой новых методов исследования" [94, с.35].

А.Н.Ждан прослеживает взаимосвязь между теоретическими положениями психолога - автора концепции и используемыми им (или разрабатываемыми специально) методами. Проанализировав концепции М.Я.Басова, Л.С.Выготского, С.Л.Рубинштейна, А.Н.Леонтьева, А.Р.Лурии, автор статьи приходит к выводу, что "наиболее благоприятные условия для развития научного психологического познания возникают при соблюдении требования диалектического единства теории и метода" [94, с.41]. "Таким образом, обращение к истории дает нам поучительные уроки, анализ и учет которых предостерегает от опасности как позитивистских тенденций в науке, так и от абстрактного теоретизирования" [94, с.40-41].

Принимая во внимание традиции отечественной психологии, требующие единства теории и метода, остановимся на некоторых собственно методологических моментах. Если воспользоваться удачным выражением М.Я.Басова, "для нас в настоящее время в психологических воззрениях прошлого их методологическая сторона важнее, чем самое их содержание" [21, с.243]. Одним из

первых советских психологов, анализировавших соотношение теории и метода был М.Я.Басов [21]. В фундаментальных "Общих основах педологии" М.Я.Басов посвящает целый "отдел" ("Отдел третий. Основание психологии") обсуждению методологических вопросов.

М.Я.Басов сочувственно цитирует Х.Инженьероса, утверждавшего, что "взгляд на явления, которого придерживается ученый, работающий в какой-нибудь специальной научной области, определяет и его методы. Если "душа" рассматривается как какая-то особая сущность, существующая до всякого опыта и над организмом, то необходимо согласиться с классическим утверждением: "Сознательные состояния доступны только сознанию и должны быть интуитивно изучены интроспективным путем". Если же "психические функции" рассматриваются как естественное приобретение живых существ в ходе биологического развития и как результат органической деятельности, то условия наблюдения их становятся все более объективными и экстероспективными" [21, с.254-255]. Вывод, к которому приходит М.Я.Басов, формулируется следующим образом: "Необходимо твердо усвоить простую истину, что установление метода исследования в области данной науки зависит от нашего понимания предмета этой науки. Поэтому, если ранее мы констатировали, что выясняемая сейчас установка психологии характеризуется пониманием предмета, противоположным тому, из которого исходила психология до сих пор, то из этого наперед можно сделать вывод, что и в отношении методов исследования эволюция данной науки приведет к соответственным результатам. В действительности так оно и получается" [21, с.255]. В конечном счете, по М.Я.Басову, и понимание предмета, и новая методология являются производными от представления о мире: "Антропологический субъективизм есть противоположность объективно-причинного мышления и такого же представления о мире. Из этого последнего рождаются одновременно и новое понимание предмета психологического изучения и его новая методология. (...) Что же касается методологии, вернее тех методов, какими располагает данная наука для исследования своего предмета, то они определяются этим предметом" [21, с.255]. Таким образом, согласно М.Я.Басову, детерминистическое

представление о мире лежит в основе понимания предмета, а тот, в свою очередь, определяет, каковы будут методы.

Методологические вопросы психологии, как уже упоминалось в разд. 1.2., были предметом размышлений Л.С.Выготского. Как показали историко-психологические исследования, методологические представления Выготского неоднократно менялись [338]. Можно описать эволюцию методологических взглядов Л.С.Выготского (см. разд. 1.2). При этом несомненно, что главным, наиболее развернутым, является "методологическое исследование" - "Исторический смысл психологического кризиса"[60]. Кратко остановимся лишь на некоторых положениях. Л.С.Выготский подчеркивает значение категории предмета науки для психологии: "Эту стадию поисков и попытки применения общего всем психологическим дисциплинам абстрактного понятия, составляющего предмет всех их и определяющего, что следует выделять в хаосе отдельных явлений, что имеет для психологии познавательную ценность в явлении, - эту стадию мы видим ярко выраженной в нашем анализе и можем судить, какое значение эти поиски и искомое понятие предмета психологии, искомый ответ на вопрос, что изучает психология, могут иметь для нашей науки в данный исторический момент ее развития" [60, с.298]. Анализируя отношение "между материалом и обработкой, т.е. между предметом и методом науки", Л.С.Выготский указывает, что "здесь спор может идти только о том, что определено чем: предмет методом или наоборот. Одни, как К.Штумпф, полагают, что всякие различия в методах коренятся в различии между предметами. Другие, как Риккерт, держатся того мнения, что разные предметы, как физические, так и психические, требуют одного и того же метода" [60, с.320]. Л.С.Выготский вводит чрезвычайно важное понятие - объяснительный принцип науки: "Но фундаментальное понятие, так сказать, первичная абстракция, лежащая в основе науки, определяет не только содержание, но и предопределяет характер единства отдельных дисциплин, а через это - способ объяснения фактов, главный объяснительный принцип науки" [60, с.300]. "Мы видим, что тенденция к обобщению и объединению знания переходит, перерастает в тенденцию к объяснению знания. Единство обобщающего понятия перерастает в единство объяснительного принципа, потому что объяснять значит устанавливать связь меж-

ду одним фактом или группой фактов и другой группой, ссылаться на другой ряд явлений, объяснять - значит для науки - причинно объяснять. Пока объединение производится внутри одной дисциплины, такое объяснение устанавливается путем причинной связи явлений, лежащих внутри одной области. Но как только мы переходим к обобщению отдельных дисциплин, к сведению в единство разных областей фактов, к обобщениям второго порядка, так сейчас же мы должны искать и объяснения более высокого порядка, т.е. связи всех областей данного знания с фактами, лежащими вне их. Так поиски объяснительного принципа выводят нас за пределы данной науки и заставляют находить место данной области явлений в более обширном кругу явлений" [60, с.300-301]. Л.С.Выготский подчеркивает, что "обобщение понятия и объяснительный принцип только в соединении друг с другом, только то и другое вместе определяют общую науку" [60, с.301]. Л.С.Выготский выделяет пять этапов в развитии объяснительных идей, тем самым формулируя концепцию развития психологической теории. Чрезвычайно важными представляются рассуждения Л.С.Выготского об аналитическом методе, об опосредствованном (косвенном, по выражению Выготского) характере психологического метода. В другой работе Л.С.Выготский описывает отношение психологической теории и эксперимента следующим образом: "Методика современного психологического эксперимента тесными нитями связана с общими принципиальными вопросами психологической теории и всегда являлась в конечном счете лишь отражением того, как решались важнейшие проблемы психологии"[63, с.75].

Методологическим проблемам психологии большое внимание уделял С.Л.Рубинштейн. В "Основах общей психологии" он отмечал, что "характеристика науки не исчерпывается определением ее предмета; она включает и определение ее метода. Методы, т.е. пути познания, - это способы, посредством которых познается предмет науки. Психология, как каждая наука, употребляет не один, а целую систему частных методов, или методик. Под методом науки - в единственном числе - можно разуметь систему ее методов в их единстве. Основные методы науки - не внешние по отношению к ее содержанию операции, не извне привносимые формальные приемы. Служа для раскрытия закономерностей, они

сами опираются на основные закономерности предмета науки; поэтому метод психологии сознания был иной, чем метод психологии как науки о душе: недаром первую обычно называют эмпирической психологией, а вторую - рациональной, характеризуя таким образом предмет науки по тому методу, которым он познается; и метод поведенческой психологии отличен от метода психологии сознания, которую часто по ее методу называют интроспективной психологией" [245, с.27].

С.Л.Рубинштейн подчеркивает, что исследователь может и не осознавать, что его научная работа реализует ту или иную методологию. В книге "Принципы и пути развития психологии" С.Л.Рубинштейн возвращается к анализу вопроса о психологической теории. Автор отмечает, что "главная задача всякой теории, в том числе психологической, вскрыть основные специфические закономерности изучаемых явлений. Каждая теория строится на том или ином понимании детерминации явлений. Теоретическим фундаментом нашего подхода к построению психологической теории является принцип детерминизма в его диалектико-материалистическом понимании" [247, с.23-24]. С.Л.Рубинштейн подчеркивает: "Пути психологического, как и всякого вообще научного исследования, всегда более или менее осознанно определяются той теоретической концепцией, которая лежит в его основе. Эта теоретическая концепция определяет построение исследования. Каковы должны быть построение и пути психологического исследования? Решающим здесь должно явиться диалектико-материалистическое понимание детерминизма. Прямым выражением этого понимания является положение, что внешние причины действуют через внутренние условия" [247, с.33].

Практически все авторы, которые занимались исследованием методологических проблем психологии, отмечали наличие тесной связи теории и методов. И.И.Иванова и В.Г.Асеев констатируют: "Ни в одной из научных областей результаты конкретного исследования не зависят в такой степени прямо и непосредственно от исходных методологических посылок и используемых методических приемов как в психологии" [105, с.218]. Авторы подчеркивают необходимость различения эмпирического факта и факта научного. "Роль эмпирического факта как исходного материала

нередко смешивается с ролью и значением факта научного, с результатом исследовательского процесса. Безусловная ценность и огромное значение результата научного исследования неправомерно переносятся на эмпирический факт, который ставится в один ряд с научным, переоценивается, абсолютизируется" [105, с.220]. И.И.Иванова и В.Г.Асеев акцентируют "сложность логики психологического исследования: от исследований поискового, ориентировочного уровня к эмпирическим гипотезам и предварительным теоретическим представлениям; от более организованного направленного исследования к более разработанной теории и более обоснованной гипотезе дальнейшего исследования" [105, с.245]. Авторами подчеркивается, что "методологические принципы и теоретические положения являются критерием самого выбора и формулировки проблемы исследования, разработки гипотезы, эффективной процедурной организации исследования и интерпретации психологических данных. Без такой методологической и теоретической основы психологические исследования неизбежно превращаются в слепой эмпирический поиск. В связи с этим важно подчеркнуть опасность позитивистской абсолютизации "точного" эмпирического факта. Актуальной задачей психологических исследований является не обеспечение их эмпирической "объективности", "непредвзятости", в смысле независимости от методологического и теоретического багажа, а наоборот – максимальное использование теоретических положений и опора на основные достижения методологии. Без постоянной параллельно осуществляющейся теоретической и методологической работы и постоянного взаимного обогащения конкретных исследований и теории действительный прогресс психологии невозможен" [105, с.245].

Методологические вопросы психологии исследовались К.А.Абульхановой-Славской [1,2,3]. Согласно К.А.Абульхановой-Славской, "роль методологии заключается не только в указании на то, что должна исследовать данная наука, но и в выработке таких способов, которые кратчайшим путем вели бы познание к выявлению сущности данного круга явлений. Речь идет о выработке типичных для данной науки способов добывания новых знаний, способов раскрытия закономерностей данного круга явлений. Функция методологии заключается прежде всего в опре-

делении предмета исследования науки, в данном случае психологии" [1, с.318]. Методология не составляет предмета психологии, но на ее основе предмет выделяется. К.А.Абульханова-Славская приходит к важному выводу, согласно которому развитие конкретной методологии науки не произвольный, а диктуемый самим ходом развития науки процесс. Различение предмета и объекта психологии, на котором настаивает автор, позволяет избежать противоречий и ошибок: "В отличие от объекта науки, предмет научного исследования есть логическая категория научного познания, результат или продукт абстрагирующей деятельности научного исследования" [1, с.320]. "Общий анализ объекта психологии с позиции философии отмечает двойственность психических явлений, которая заключается в том, что они одновременно принадлежат к явлениям сознания и бытия (не только в его природных, но и в его общественных формах). Выполняя общую функцию объединения отдельных методологических принципов психологии, принцип детерминизма ликвидирует пропасть между областью сознания, вообще психического, и областью бытия, обнаруживая на разных уровнях общий принцип взаимодействия внешних и внутренних условий" [1, с.331].

Важный вклад в исследование проблемы соотношения теории и методов внес Б.Г.Ананьев. Проанализировав классификацию методов психологического исследования, разработанную болгарским ученым Г.Д.Пирьовым, Б.Г.Ананьев предложил свою классификацию. Согласно Г.Д.Пирьову, могут быть выделены следующие методы психологического исследования: 1) наблюдение, подразделяющееся на объективное наблюдение и самонаблюдение, 2) эксперимент, в котором могут быть выделены лабораторный, естественный и психолого-педагогический, 3) метод моделирования, 4) метод психологических характеристик, 5) вспомогательные методы (физиологические, фармакологические, биохимические, математические и т.д.), 6) специальные методические подходы [211]. Как отмечал Б.Г.Ананьев, классификация Г.Д.Пирьова "во многом соответствует современному состоянию научного аппарата современной психологии" [8, с.296]. Вместе с тем, она имеет очевидные недостатки, что побудило Б.Г.Ананьева к разработке собственной классификации методов психологического исследования. По Б.Г.Ананьеву, "необходима такая рабочая

квалификация методов исследования, которая соответствовала бы порядку операций в научном исследовании, определенному целостному циклу *современного* психологического исследования. Планирование и программирование исследования не ограничиваются определением проблемы и реализацией ее совокупности тем. Планируются и программируются система методов и порядок их применения, связанные с гипотезами и концепциями исследования, основанными на критическом анализе истории и состояния вопроса, обобщении итогов предшествующего исследования" [8, с.301].

Б.Г.Ананьевым выделяются следующие группы методов: 1) организационные (в эту группу входят сравнительный, лонгитюдинальный, комплексный); 2) эмпирические (в эту группу входят наблюдательные, экспериментальные, психодиагностические методы, праксиметрические и биографические методы); 3) обработки данных (количественные и качественные методы анализа); 4) интерпретационные методы (различные варианты генетического и структурного методов). Классификация Б.Г.Ананьева позволила представить *систему методов*, отвечающую требованиям современной психологии. Отметим, что предложенная классификация стимулировала исследования по проблеме, что привело впоследствии к появлению альтернативных классификаций психологических методов [241,91]. Классификация Б.Г.Ананьева предполагает определенное отношение теории и метода. В классификации не выделяются и не упоминаются вообще собственно теоретические методы. Теория, согласно классификации, выступает одним из конечных результатов исследования. Характеризуя организационные методы, Б.Г.Ананьев отмечает: "Они действуют на протяжении всего исследования, и их эффективность определяется по конечным результатам исследования (теоретическим - в виде известных концепций, практическим в виде определенных рекомендаций...)" [8, с.301-302]. Может создаться впечатление, что концепция Б.Г.Ананьева вообще не предполагает выделения теоретических методов в психологии. Некоторые основания для этого есть: в приведенной классификации выделение теоретических методов не предусмотрено. Однако, в другом месте

Б.Г.Ананьев отмечает, что "диалектика перехода от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике обес-

печивает взаимосвязь эмпирических и рациональных методов исследования, сочетание различных модификаций обоих видов средств научного познания и прогрессирующее их проникновение в глубинные процессы и механизмы. В отношении рациональных (логических) методов исследования возникли новые возможности их усиления в связи с эвристикой и перспективами научного прогнозирования" [8, с.290-291].

Чрезвычайно важным является сформулированное Б.Г.Ананьевым положение, согласно которому методы являются не только инструментом познания, но и представляют "гносеологические объекты" для психологии: методы "функционируют как системы операций с психологическими объектами и как гносеологические объекты для самой психологической науки [8, с.282]. Иными словами, необходимы психологические исследования самих методов, их структуры, возможностей и т.д.

Таким образом, ананьевские работы не только раскрывают новую методологию психологического исследования, но и имеют эвристическое значение, стимулируют дальнейшие исследования по проблеме методов. Характеризуя интерпретационные методы, Б.Г.Ананьев делает важное замечание: "В сущности говоря, на этом методологическом уровне метод становится в известном смысле теорией, определяет путь формирования концепций и новых гипотез, детерминирующих дальнейшие исследовательские циклы психологического познания" [13, с.31]. Связь метода и теории в психологической концепции Б.Г.Ананьева, таким образом, не подлежит сомнению.

Классификация методов альтернативная ананьевской была предложена в конце восьмидесятых М.С.Роговиным и Г.В.Залевским [241]. Авторы рассматривают метод "как выражение некоторых основных соотношений между субъектом и объектом в процессе познания" [241, с.72]. Общее число методов, согласно М.С.Роговину и Г.В.Залевскому, может быть сведено к шести основным. Первый - герменевтический метод, который генетически соответствует нерасчлененному состоянию наук. В нем субъект и объект познания не противопоставлены резко, в единстве функционируют мыслительные операции и метод, здесь познавательная деятельность регламентируется правилами языка и логики. Второй - биографический, выделение целостного объекта

познания наук о психике. Третий - наблюдение, дифференциация субъекта и объекта познания. Четвертый - самонаблюдение. На основе развитого внешнего наблюдения, уже имевшей место дифференциации прерращение субъекта в объект, их слияние. Пятый - клинический. В клиническом методе субъектно-объектные отношения как таковые отходят на второй план, а на первый план выступает задача перехода от внешне наблюдаемого к внутренними механизмам психического. Шестой - метод эксперимента, при котором имеет место изоляция отдельных переменных, целенаправленное манипулирование ими для наиболее рационального познания каузальных связей. В методе эксперимента субъект познания не только с максимальной активностью противостоит объекту, но и учитывается роль субъекта в процессе познания, оценивается достоверность выдвигаемых им гипотез [241, с.72-73]. Отмечу, что классификация М.С.Роговина и Г.В.Залевского так же, как и предложенная Б.Г.Ананьевым, не предусматривает выделения теоретических методов. В плане интересующей нас проблемы данная работа М.С.Роговина и Г.В.Залевского выделяется тем, что в ней методы психологии соотносятся не с предметом, как это традиционно делалось (и что можно увидеть из приведенного выше краткого обзора), а с объектом психологического исследования. Авторы акцентируют внимание на наличии "теоретически важнейшей проблемы о диалектическом единстве объекта и метода исследования" [241, с.16]. М.С.Роговин и Г.В.Залевский подчеркивают, что "сложность предмета и объекта исследования в науках о психике обуславливает особую значимость для них проблемы единства объекта и метода" [241, с.16].

Другая альтернативная ананьевской классификация методов предложена В.Н.Дружининым [91, 92]. В.Н.Дружинин полагает, что в психологии целесообразно выделение трех классов методов: 1) эмпирических, при которых осуществляется внешнее реальное взаимодействие субъекта и объекта исследования; 2) теоретических, при которых субъект взаимодействует с мысленной моделью объекта (предметом исследования); 3) методы интерпретации и описания, при которых субъект "внешне" взаимодействует со знаково-символическими представлениями объекта. Заслуживает особенного внимания выделение автором теоретических методов психологического исследования: 1) дедуктивного (аксиоматиче-

ского и гипотетико-дедуктивного), иначе - восхождения от общего к частному, от абстрактного к конкретному; 2) индуктивного - обобщения фактов, восхождения от частного к общему; 3) моделирования - конкретизации метода аналогий, умозаключений от частного к частному, когда в качестве аналога более сложного объекта берется более простой или доступный для исследования. Результатом использования первого метода являются теории, законы, второго - индуктивные гипотезы, закономерности, классификации, систематизации, третьего - модели объекта, процесса, состояния [91]. От теоретических методов В.Н.Дружинин предлагает отличать методы умозрительной психологии. Различие между этими методами автор видит в том, что умозрение опирается не на научные факты и эмпирические закономерности, а имеет обоснование только в личностном знании, интуиции автора. "Умозрительный психолог, как философ, порождает приемлемые с личной точки зрения модели психической реальности, либо ее отдельных составляющих (теории личности, общения, мышления, творчества, восприятия и т.д.) Продуктом умозрения является учение, то есть некоторый целостный мыслительный продукт, объединяющий в себе черты рационального и иррационального знания, претендующий на полноту и единственность объяснения некоторой реальности и не предусматривающий своей фальсификации (опровержения) при эмпирическом исследовании" [91, с.9]. По мнению В.Н.Дружинина, в психологическом исследовании центральная роль принадлежит методу моделирования, в котором различаются две разновидности: структурно-функциональное и функционально-структурное. "В первом случае исследователь хочет выявить структуру отдельной системы по ее внешнему поведению и для этого выбирает или конструирует аналог (в этом и состоит моделирование) - другую систему, обладающую сходным поведением. Соответственно, сходство поведений позволяет сделать вывод (на основе правила логичного вывода по аналогии) о сходстве структур. Этот вид моделирования является основным методом психологического исследования и единственным в естественно-научном психологическом исследовании. В другом случае, по сходству структур модели и образа исследователь судит о сходстве функций, внешних проявлений и пр." [91, с.9].

Важным представляется описание иерархии исследовательских приемов. В.Н.Дружинин предлагает выделять в этой иерархии пять уровней: уровень методики, уровень методического приема, уровень метода, уровень организации исследования, уровень методологического подхода [91]. В.Н.Дружининым предложена трехмерная классификация психологических эмпирических методов. Рассматривая эмпирические методы с точки зрения взаимодействия субъекта и объекта, субъекта и измеряющего инструмента, объекта и инструмента, автор дает новую классификацию эмпирических психологических методов. За основу автором берется система "субъект-инструмент-объект". В качестве оснований для классификации выступают отношения между компонентами модели. Два из них (мера взаимодействия исследователя и исследуемого и мера использования внешних средств или субъективной интерпретации) являются главными, одно производным. Согласно В.Н.Дружинину, все методы делятся на: деятельностьные, коммуникативные, обсервационные, герменевтические. Выделены восемь "чистых" исследовательских методов (естественный эксперимент, лабораторный эксперимент, инструментальное наблюдение, наблюдение, интроспекция, понимание, свободная беседа, целенаправленное интервью). Выделены также синтетические методы, объединяющие в себе черты чистых методов, но не сводящиеся к ним. В качестве синтетических методов предлагается рассматривать клинический метод, глубинное интервью, психологическое измерение, самонаблюдение, субъективное шкалирование, самоанализ, психодиагностику, консультационное общение.

Важные аспекты интересующей нас проблемы обсуждаются в книге В.П.Зинченко и С.Д.Смирнова [99]. Данная работа интересна тем, что в ней содержится попытка применить к психологии методологические схемы, созданные отечественными методологами науки (Э.Г.Юдин и др.). С.Д.Смирнов, анализируя структуру и функции методологии науки, выделяет четыре ее уровня: уровень философской методологии, уровень конкретно-научной методологии, уровень общенаучных принципов и форм исследования, уровень методики и техники исследования. С.Д.Смирнов отмечает, что "предмет исследования является одной из центральных категорий методологического анализа. Зарождение и развитие науки связано сформированием и изменением предмета науки.

Радикальное изменение предмета исследования ведет к революции в самой науке. В предмет исследования входят объект изучения, исследовательская задача, система методологических средств, и последовательность их применения. Предметы исследования могут быть разной степени общности, наиболее масштабным является предмет данной науки в целом, который выполняет по отношению к предмету частного исследования методологическую функцию" [99, с.25]. Вслед за методологами науки, С.Д.Смирнов отмечает, что могут быть выделены последовательные этапы исследовательского движения: постановка проблемы, построение и обоснование предмета исследования, построение теории и проверка полученных результатов. Согласно С.Д.Смирнову, "постановка проблемы опирается не только на обнаружение неполноты имеющегося знания, но и на некоторое "предзнание" о способе преодоления этой неполноты. Именно критическая рефлексия, ведущая к обнаружению пробелов в системе знания или ложности его неявных предпосылок играет здесь ведущую роль. Сама работа по формулировке проблемы носит принципиально методологический характер, независимо от того, опирается ли исследователь сознательно на те или иные методологические положения или они определяют ход его мыслей неявным образом" [99, с.26]. Важно отметить, что "работа по построению и обоснованию предмета исследования также является преимущественно методологической, в ходе которой осуществляется развертывание проблемы, включение ее в систему существующего знания. (...) На стадии построения предмета исследования чаще всего и вводятся новые понятия, методы обработки данных и другие средства, пригодные для выполнения поставленной задачи" [99, с.26].

Вопросы соотношения теории, эксперимента, практики специально исследовались в работе Б.Ф.Ломова, посвященной анализу методологических и теоретических проблем психологии. Б.Ф.Ломовым ставится проблема "конструктивности" теории, возможности ее эффективного применения, формулируется ряд требований, эту конструктивность обеспечивающих. По мнению Б.Ф.Ломова, важным является "вопрос о мере обобщения, которая должна соответствовать качественной специфике изучаемых явлений - не только раскрывать их общие основания, но и давать возможность исследовать общее и единичное" [157, с.37]. В дан-

ной работе ставится чрезвычайно важный вопрос о постулатах, на которых строится теория.

Б.Ф.Ломов отмечает, что "далеко не всегда в теоретических работах по психологии исходные постулаты формулируются достаточно четко, что затрудняет проверку предлагаемых гипотез, переход от гипотез к теориям и использование их в практике" [157, с.38]. В качестве других требований к психологической теории Б.Ф.Ломов называет прогностическую ценность, проверяемость, соответствие фактам. "Психологии нужна такая теория, которая могла бы объяснить источники реальных противоречий, основания качественных преобразований в психическом развитии человека, системный характер психических явлений и их детерминант, рассмотреть психическое в его сложной динамике" [157, с.44]. В рассматриваемой работе ставится актуальный для современной психологической науки вопрос об уровнях психологической теории: "Теоретическое здание психологической науки - это сложное многоэтажное сооружение. Неверно представлять себе дело таким образом, будто теория психологии является просто набором общих идей и принципов, расположенных как бы в одной плоскости. Уровни теории в современной психологии различны. Одни из них относятся к самым общим законам психического, другие к специальным областям человеческой деятельности, третьи трактуют частные вопросы и т.д. Можно, по-видимому, говорить о макро-, мезо- и микроуровнях анализа психических явлений, а соответственно и о разных уровнях теоретических обобщений и синтеза" [157, с.49]. Отмечая, что современная психология располагает богатым арсеналом методов, Б.Ф.Ломов формулирует как одну из важнейших задач психологии на современном этапе развития "рассмотреть все разнообразные используемые ею методы как единую систему, раскрыть "разрешающую способность" и ограничения каждого из них, а также условия и возможности взаимопереходов между ними в зависимости от логики проводимого исследования" [157, с.42]. Завершая рассмотрение проблемы соотношения теории, эксперимента и практики в психологии, Б.Ф.Ломов приходит к выводу, что "диалектическое единство теории, эксперимента и практики есть необходимое условие развития всей системы психологических наук" [157, с.51]. "Психологическая теория развивается на базе тех данных, которые накап-

ливаются в экспериментальных и прикладных исследованиях. Являясь для теории неиссякаемым источником информации они служат и средством проверки ее истинности. Вместе с тем развивающаяся теория направляет поиски решения задач, возникающих в эксперименте и практике. Диалектическое единство теории, эксперимента и практики - это важнейший принцип перспективного планирования развития психологической науки и профессиональной деятельности психологов" [157, с.51].

Исследование специфики психологического эксперимента было проведено Ю.М.Забродиным [97]. В частности, Ю.М.Забродин обращает внимание на связь эксперимента и гипотезы: "Мы крайне редко замечаем тесную связь между экспериментом и гипотезой: если гипотеза формулируется неконструктивно, недостаточно правильно, неточно или нечетко, то экспериментирование может превратиться в нецеленаправленную, нерегулярную (хаотическую) активность исследователя, так как он не знает точно, для чего и почему он проводит эксперимент" [97, с.24]. "Гипотеза, следовательно, вполне определенным образом формирует условия и структуру эксперимента. Тогда смысл экспериментирования состоит в "переводе", отображении теоретических условий гипотезы на ситуации контролируемой реальности и замене идеального объекта гипотезы на реальный (испытуемого). Эксперимент, как и любая другая практика, есть контакт исследователя с реальностью, но с реальностью ограниченной, созданной искусственно и специально для ответа на соответствующий теоретический вопрос" [97, с.24-25].

Ю.М.Забродин подчеркивает: "Смысл и конечная цель представленной нами работы состоит в том, чтобы исследователь-психолог начал думать над экспериментом и создавать свои оригинальные экспериментальные методики, опираясь на суть своего теоретического замысла. Если мы как психологи-исследователи будем делать это хорошо, то научимся и внедрять психологическое знание в научную практику, в нашу собственную научную деятельность. Накопив этот опыт, нам будет значительно легче применять психологические знания в реальной жизни, решая реальные практические задачи. С этой точки зрения представляет интерес дальнейший анализ взаимосвязи теории и эксперимента. Важно понять, каким образом оформляется сама

экспериментальная проблема, формируется гипотеза, организуется структура соответствующего эксперимента, и наконец, как связан результат эксперимента с постановкой теоретического вопроса" [97, с.29]. В концепции Ю.М.Забродина мы видим иную модель отношения теории и эксперимента: "Крайне важно увидеть, что в различных формах экспериментирования, безотносительно к тому, насколько близко или далеко оно отстоит от реальности, мы можем усмотреть взаимосвязь между спецификой конкретного эксперимента и полнотой реализации в данной экспериментальной модели теоретического (или мысленного) замысла. Чем слабее теория, тем ближе к реальности должен быть эксперимент, чем глубже, тоньше и деликатнее теоретические вопросы, тем экзотичнее и искусственнее может выглядеть экспериментальная ситуация" [97, с.29].

Завершая краткий обзор исследований соотношения теории и метода в психологии, отмечу, что нельзя не согласиться с оценкой, данной А.Н.Ждан: "Таким образом, история отечественной науки дает яркие примеры действительно диалектического единства теории и метода, в частности, эксперимента, когда экспериментальные методы являются результатом большой теоретической работы, а их применение способствует развитию теории. Обращение к истории отечественной, в частности, советской психологии позволяет утверждать, что именно на путях органического единства психологической теории и метода нашими учеными были сделаны наиболее важные теоретические открытия, обеспечено практическое применение результатов психологического исследования" [94, с.40].

Проведенный обзор исследований по проблеме соотношения теории и метода позволяет подвести некоторые итоги. Представляется несомненной связь между теорией и методом. Практически всеми авторами, анализировавшими данную проблему, наличие такой связи подтверждается. Важно подчеркнуть, что теория при этом выступает как определяющая методы, детерминирующая их выбор. Вместе с тем необходимо отметить, что целый ряд вопросов, имеющих отношение к данной проблеме, в отечественной психологии не получил достаточного освещения. В первую очередь это касается самого единства теории и метода. Здесь можно увидеть некоторое противоречие. Действительно, с одной стороны

теория обуславливает выбор метода, в этом смысле она "первична". С другой стороны, не менее хорошо известно, что теория является результатом научного исследования и, следовательно, результатом использования тех или иных методов. Можно предположить, что причина такого парадокса в том, что связь теории и метода в нашей психологии рассматривается почти исключительно в статике, вне контекста развития, возникновения и становления научной теории. Приходится констатировать, что данный вопрос в нашей психологии специально практически не исследовался. Введение принципа "развития" теории заставляет предположить, что к выбору метода (или его конструированию) имеет отношение не "готовая" теория, являющаяся результатом научного исследования, а или ее отдельные компоненты, либо некоторое "предвосхищение", "предтеория". В свете этих соображений становятся понятны указания некоторых авторов, полагавших, что выбор методов определяется не теорией как таковой, а предметом науки, ее объектом и т.д. Есть, кроме того, ряд вопросов, не получивших специального исследования, но имеющих для психологии исключительное значение. Это представляется удивительным, но тем не менее - факт, что практически все психологи, писавшие о теории, о методе, об их соотношении предпочитают обсуждать именно эмпирические методы. В.Н.Дружинин - один из немногих авторов, отмечавших существование теоретических методов психологии, предложивший их классификацию. В существующей методолого-психологической литературе нам не удалось найти указаний на то, использует психология общенаучные теоретические методы или же теоретические методы психологии имеют свою специфику. Не приходится говорить о том, что открытым остается вопрос о связи теоретических и эмпирических методов в психологической науке: специальных исследований по этой проблеме до сих пор не проводилось. Нам не известны также историко-методологические работы, в которых была бы поставлена специальная задача исследовать проблему соотношения теории и метода в научной психологии.

Глава вторая

ПРОБЛЕМА ТЕОРИИ И МЕТОДА В ПСИХОЛОГИИ

"Естествоиспытатели поняли, что разум видит только то, что сам создает по собственному плану..."

"Разум должен подходить к природе, с одной стороны, со своими принципами, сообразно лишь с которыми согласующиеся между собой явления и могут иметь силу законов, и, с другой стороны, с экспериментами, придуманными сообразно этим принципам для того, чтобы черпать из природы знания..."

Иммануил Кант

2.1. Постановка проблемы

Как можно было увидеть из данных, приведенных в первой главе, проблема теории и метода в психологии является одной из центральных среди методологических проблем современной психологической науки. От этой проблемы зависит решение многих других методологических вопросов. Во всяком случае разработка проблемы теории и метода является необходимым условием для методологического соотнесения различных психологических теорий, подходов, направлений. Могут быть выделены два уровня в рассмотрении этого вопроса. Первый уровень - уровень рефлексии исследователя о собственной деятельности. Результатами такой деятельности исследователя являются методологические замечания и констатации в научных работах. Второй уровень - глубокий, где идет реальная "категориальная" работа. Реалии второго, глубокого уровня могут быть выявлены только с помощью специально организованного исследования, которое направлено именно на выявление специфики методов и теорий. Важно отметить, что между этими уровнями возможны расхождения: рефлексия исследователя часто бывает неполной, вследствие чего важные моменты не получают отражения в сознании. Кроме того, существует феномен "гетерогонии целей", как его называл Вундт:

намерения исследователя (отражающиеся в методологических высказываниях) не всегда реализуются, иногда по ходу исследования вносятся существенные коррективы, являющиеся результатом проведенной работы (не всегда осознаваемые автором). В итоге исследование реально решает не те задачи, которые ставились изначально (сам исследователь зачастую не отдает себе отчета в произошедших изменениях). Наконец, использование определенных методов относится к той стороне деятельности, которая, будучи "технической", далеко не всегда осознается самим исследователем. Тем более это относится к осознанию связи, существующей между теориями и используемыми в исследовании методами.

В предыдущей главе были приведены высказывания многих психологов о том, как соотносятся или должны соотноситься теория и метод в психологическом исследовании (что соответствует первому аспекту проблемы).

Второй аспект проблемы состоит в том, чтобы выяснить, как *реально* соотносятся теория и метод в том или ином психологическом исследовании. Для изучения этого вопроса требуется специальное историко-методологическое исследование (изложению некоторых его результатов будет посвящена третья глава книги).

Анализ литературы показал, что, если первый аспект неоднократно был предметом научного рассмотрения, то второй практически *специальному* исследованию не подвергался. (В отечественной психологии было выполнено несколько исследований, посвященных анализу бихевиоризма, где затрагиваются вопросы предмета психологической концепции и его конструирования [19, 104]. Работ, в которых бы специально методологическому исследованию подвергалось соотношение теории и метода в психологической науке, в доступной литературе обнаружить не удалось). Из литературных источников тем не менее известно, что между теорией и методом в психологии существует соответствие, что дает многим авторам говорить о "единстве теории и метода". Вместе с тем, такая формулировка вызывает целый ряд вопросов. Наиболее существенный вопрос, на который необходимо получить ответ, связан с тем, что, как известно, теория является результатом исследования, методы направлены на получение материала для формулирования теории. Распространенное представление, со-

гласно которому теория детерминирует выбор метода, нуждается, по меньшей мере, в конкретизации или уточнении. Другим чрезвычайно актуальным вопросом является проблема методов психологии. Существуют или нет специальные теоретические методы психологии? Как ни удивительно, на столь естественный вопрос достаточно определенного ответа, в общем-то, нет. И, что удивительнее всего (автора настоящих строк это поражает до глубины души!), создается стойкое впечатление, что современную психологию это вроде бы и не особенно интересует. Во всяком случае, очень немногие авторы эту проблему упоминают (до исследования этой проблемы дело, как правило, не доходит). Ситуация с исследованием проблемы соотношения теории и метода в психологии очень напоминает некогда описанную еще Блаженным Августином: мы думаем, что знаем о вещи, пока нас никто о ней не спрашивает, но если кто-то начинает спрашивать, то мы ощущаем бессилие что-либо сказать.

Известно, что наука может рассматриваться как концептуальная система и как деятельность. Уже приводилось высказывание Г.Гаттинга, который полагает, что наиболее сложная проблема в методологии - синтез представлений о науке как концептуальной структуре и человеческой деятельности. Специфика подхода в настоящей работе состоит в том, что будет сделана попытка рассмотреть взаимодействие теории и метода *внутри концептуальной структуры*. Основания для включения метода в такой контекст есть. Известно, что М.Хайдеггер, анализируя исследовательскую работу Вильгельма Дильтея, предпочитал говорить о "способе обращения с темой" [302]. Естественно, это никак не означает, что нет смысла в рассмотрении науки как деятельности. Напротив, психологический анализ естественным образом предполагает такое рассмотрение. Опыт работы М.Г.Ярошевского подтверждает это: историческая психология науки представляется в высшей степени продуктивным подходом. Подход, реализуемый в данной работе, можно определить как "подготовительный" (о дальнейших перспективах исследования см. разд. 4.7.). Можно полагать, что искомый "синтез" (в области психологии), о котором говорил Г.Гаттинг (применительно к философии науки), и который, вероятно, является целью методологии науки вообще, может быть достигнут только тогда, когда в достаточной степени будет прора-

ботан вопрос о психологии как концептуальной структуре. Пока же до этого, на мой взгляд, еще очень далеко. Будем рассматривать теорию и метод в рамках концептуальной системы.

Как известно, по поводу понятий "теория" и "метод" неоднократно происходили научные дискуссии. Вообще говоря, теория и метод являются объектом философского анализа, существует обширная литература, посвященная этим вопросам [115, 125, 153, 175, 174, 194-196, 215, 252, 264, 273-275, 313 и др.]. К сожалению, этого никак нельзя сказать об исследовании специфики психологических теорий. Правильнее констатировать, что многие авторы ограничивались отдельными замечаниями. Значительно лучше исследованы вопросы, касающиеся методов психологии [13, 77, 91, 92, 97, 105, 114, 142, 211, 239, 327, 402, 357 и др.].

Учитывая то обстоятельство, что в современной психологии статус теории четко не определен, а поэтому теорией иногда называется даже простая констатация зависимости между двумя явлениями.

Наука (греч. ἐπιστήμη, лат. scientia) - сфера человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая схематизация объективных знаний о действительности; отрасль культуры, которая существовала не во все времена и не у всех народов [137, с.287]. Согласно И.С.Алексееву, "понятие наука включает в себя как деятельность по получению нового знания, так и результат этой деятельности, сумму полученных к данному моменту научных знаний, образующих в совокупности научную картину мира. Термин "наука" употребляется также для обозначения отдельных отраслей человеческого знания" [6, с.393].

В данной работе под *наукой* мы будем иметь в виду преимущественно науку психологию "как результат деятельности".

Метод (от греч. μέθοδος - путь исследования или познания, теория, учение), способ построения и обоснования философского и научного знания; совокупность приемов и операций практического и теоретического освоения действительности [271, с.358]. Хотелось бы обратить внимание на то, что этимология слова свидетельствует о близости метода и теории: одно из значений слова "метод" указывает на теорию, учение, что, на мой взгляд, знаменательно. В данной работе целесообразно различать *метод* как *способ построения* и обоснования научного знания и *метод* как

совокупность приемов и операций практического "освоения действительности" (т.е. эмпирический метод, метод "добывания" эмпирических фактов).

Теория (греч. *τηεορία*, от рассматриваю, исследую), в широком смысле - комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления; в более узком и специальном смысле - высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности - объекта данной теории. Хочу и в этом случае обратить особое внимание на то, что этимология указывает на познавательные действия, которые предполагают определенные способы. Связь между методами и теорией "в языке" несомненна.

Психология как наука еще достаточно молода, поэтому ее теории, по распространенному (и справедливому) убеждению, часто незрелы. В связи с тем, что объектом нашего анализа будет психология в период ее становления как науки, будет использоваться понятие науки и в широком, и в узком смысле. Это правомерно, поскольку в анализируемый период господствовало определение науки, восходящее к И.Канту, согласно которому, наука - совокупность знаний, упорядоченная в соответствии с какими-либо принципами.

Закljučая данный раздел, хотелось бы сделать два пояснения. Первое. В настоящей книге нет специального раздела с анализом философских работ по проблемам теории и метода в философии и в науке. Во-первых, как мы могли убедиться (разд. 1.3.-1.7.), психология достаточно специфическая область знания: ее положение "между" естественными дисциплинами и науками о духе делает невозможным использование сциентистской модели. Это, как свидетельствует история психологии, путь неоправданных ограничений, приводящий к "схизису" психологии. Вместе с тем, в философских исследованиях (глубоких и содержательных) описываются и моделируются концепции естественных наук. Приведем в качестве примера "мотивацию" обращения к естественным наукам из фундаментального исследования Г.И.Рузавина: "В качестве иллюстративного материала в книге используются главным образом примеры, взятые из точного естествознания, и прежде всего физики. Это связано с тем, что в физике как наиболее раз-

витой отрасли естествознания теории имеют весьма четкую структуру. Кроме того, эти теории широко используют математические методы и в то же время опираются на весьма точные эксперименты" [252, с.5]. Исследований, в которых специальному анализу подвергается структура психологических теорий, мне, к сожалению, в доступной литературе обнаружить не удалось. Указания на то, что закономерности имеют "общий характер" не вполне убедительны, тем более, что авторы философских исследований советуют все-же не забывать "о специфике" теорий в других предметных областях. В данном случае делается акцент на специфике. Во-вторых, отсутствие такого раздела связано с дефицитом места. Бесспорно, сопоставление специфики психологических теорий с естественнонаучными представляется в высшей степени интересным, поскольку есть надежда, что это может пролить дополнительный свет на проблему психологического кризиса. Правда, это самостоятельная исследовательская задача.

Второе. Сказанное выше может показаться "несправедливостью" по отношению к таким фундаментальным психологическим работам, как исследование Ж.Пиаже [209] или работы М.С.Роговина [239, 240, 241], в которых говорится об объяснении в психологии. К упомянутым исследованиям можно добавить книги [376, 380, 410], рассматривающие важные вопросы психологической методологии. Признавая исключительное значение этих исследований, хочет-ся все-же подчеркнуть, что интересующий автора настоящих строк вопрос в этих работах остается "за кадром". Поясню это. В своей знаменитой работе "Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм" (глава в классическом руководстве по экспериментальной психологии под редакцией П.Фресса и Ж.Пиаже) швейцарский ученый выделяет стадии психологического исследования: необходимо "различать три фазы психологического исследования, первая из которых остается на уровне установления закономерностей, тогда как сочетание двух других характеризует причинное объяснение" [209, с.163]. Далее следует описание того, как происходит объяснение в психологии, справедливо считающееся классическим. Но если обратить внимание на предложенную схему, то становится заметным ее изъян: она представляет дело так, будто начальным этапом исследования является эксперимент, дающий факты,

которые и требуют объяснения. Вопрос, почему использовался такой вариант эксперимента, а не другой (и, вообще, от каких факторов этот выбор зависит, как он соотносится с существующими теориями и т.д.) при таком подходе представляется совершенно излишним. На мой взгляд, это происходит потому, что оказывается вынесенным за скобки вопрос о природе метода и его связи с теоретическими установками. Между тем соредатор "Экспериментальной психологии", где помещена цитированная работа Пиаже, выдающийся французский психолог Поль Фресс в "своей" главе замечает, что "научная деятельность - это в такой же степени дело мышления, и, как показал Клод Бернар, нужно говорить не столько о методе, сколько об экспериментальном рассуждении. На факт ссылаются или вызывают его в основном в целях проверки гипотезы, сформулированной экспериментатором. Факт сам по себе ничто, он имеет значение лишь благодаря идее, с которой он связан, или доказательству, которое он дает (Кл. Бернар)" [299, с.100]. В данной работе нас будет интересовать именно вынесенное Ж.Пиаже "за скобки": обусловленность метода теорией, которая может порождать гипотезы. Иными словами, *мы предполагаем, что теория ограничивает зону поиска не только через формулировку определенных гипотез* (что достаточно хорошо известно), *но и через селекцию методов*. Заканчивая обсуждение подхода Ж.Пиаже, отмечу только, что этот подход абсолютно "беспроегрышный", ибо сводит дело к формальной схеме. Еще Кант писал в предисловии ко второму изданию "Критики чистого разума", что границы логики "совершенно точно определяются тем, что она есть наука обстоятельно излагающая и строго доказывающая одни только формальные правила всякого мышления (безразлично, априорное оно или эмпирическое, безразлично, каковы его происхождение и предмет и встречает ли оно случайные или естественные препятствия в нашей душе)" [117, с.83]. Для того, кого интересуют вопросы, связанные "с происхождением", ограничиваться формальными схемами - означает закрыть путь с самого начала. Поэтому, поскольку путь построения формальных схем для данного случая не подходит, остается, вспомнив о традициях отечественной психологической науки (Н.Н.Ланге, В.Н.Ивановский, Л.С.Выготский, С.Л.Рубинштейн, М.Г.Ярощевский и др.), обратиться к методологии на историче-

ской основе или к *исторической методологии науки*. Такая исходная позиция определила выбор объекта исследования.

2.2. Соотношение теории и метода как методологическая проблема. Задачи историко-методологического исследования

Для того, чтобы точнее охарактеризовать смысл предстоящего исследования, необходимо сделать некоторые уточнения. Вопрос о соотношении теории и метода в психологии может быть рассмотрен различным образом. Например, можно рассматривать соотношение теории и метода как "чисто" историко-психологическую проблему. Тогда появляется возможность описать и сопоставить представления психологов о соотношении теории и метода в той или иной концепции, либо нормативные представления - как они должны, по мнению тех или иных авторов, соотноситься.

Нас же будет интересовать другой вопрос: как реально соотносились теория и метод в психологии, когда, наконец, она стала научной. Для такого исследования представляется пригодным следующий путь: проследить использование определенных методов, по возможности обратив внимание на вариативность (наличие инвариантного и вариативного в методе), попытаться выявить, чем обусловлены те или иные варианты. Аналогичным образом, проанализировав сопоставимые теории (теории одного уровня), попытаться установить связь между методами и теориями. Результатом такого рода сопоставления может явиться некоторая гипотетическая модель. Необходимо отметить, что и собственно историко-методологический аспект, который выбран в настоящей работе, допускает различные варианты.

Итак, планируется осуществление историко-методологического исследования, необходимость которого очевидна, т.к. специальному методологическому исследованию проблема, по сути, еще не подвергалась. В это трудно поверить (все-таки это одна из центральных проблем методологии), но, по-видимому, это так. Этот парадокс имеет объяснение: теория и метод относятся обычно к разным "контекстам": теория получает разработку как составляющая науки "как концептуальной струк-

туры", метод же традиционно рассматривается в рамках "науки как деятельности". Таким образом, два важнейших понятия оказываются не соотношенными в должной степени. Подход, реализуемый в данном исследовании, направлен именно на выяснение соотношения теории и метода в психологии. Поскольку подобных специальных методологических исследований в психологии пока еще не проводилось, логичным представляется осуществление историко-методологического изучения соотношения теории и метода в психологии, начиная с начальных этапов ее развития - выделения из философии в качестве самостоятельной науки во второй половине XIX столетия. В рамках данной работы планируется осуществить историко-методологическое изучение методов, использовавшихся на этапе становления психологии как самостоятельной науки, специфики психологических теорий на этом этапе развития науки, выявить реальное соотношение теории и метода. Как показали предварительные исследования, есть достаточно веские основания, чтобы говорить о наличии предтеории в психологии - комплекса исходных представлений, предшествующих как созданию собственно теории, так и проведению эмпирического исследования [167a]. Проведение специального исследования позволит выявить структуру предтеории в психологии. Уровневое строение метода (предварительные исследования показали, что в методе могут быть выделены, по крайней мере, три различных уровня [167б]) позволяет установить соотношение между уровнями метода и компонентами структуры предтеории. Гипотеза, которая подлежит проверке в исследовании в рамках настоящей работы, состоит в том, что *метод на разных уровнях - идеологическом, модельном (предметном), процедурном - обусловлен разными компонентами структуры предтеории*, что позволяет объяснить как конкретную структуру метода в той или иной исследовательской программе, так и наличие инвариантных и вариативных подструктур внутри метода. Теория и метод, как уже упоминалось, традиционно относятся к разным "контекстам", поэтому проблема соотношения предполагает выбор контекста, в котором оно будет производиться. Смысл настоящей работы состоит в том, чтобы попытаться рассмотреть соотношение теории и метода в рамках концептуальной системы. Естественно, это никоим образом не означает, что автор не видит перспектив в рассмотрении этой

проблемы в контексте исследовательской деятельности. "Наука как деятельность" - испытанный исследовательский подход, эффективный и ни в каких рекомендациях не нуждающийся. По мнению автора, соотнесение теории и метода в "деятельностном" плане - задача следующая, предполагающая некоторые итоги "структурно-концептуального" подхода.

Автор в полной степени осознает сложность стоящей перед ним задачи. В какой-то степени облегчает ее то обстоятельство, что анализироваться будут первые шаги научной психологии, которые достаточно полно и многосторонне проанализированы в психологической литературе. Это избавляет от изложения деталей и позволяет обращать внимание на интересующие моменты, имеющие преимущественно методологический характер. Исследование носит откровенно поисковый характер. Поскольку в исторической методологии практически отсутствуют "наработанные" схемы такого анализа (во всяком случае автору они неизвестны), то приходится действовать "наощупь", через "пробы и ошибки". Автор глубоко убежден в наличии механизмов, обеспечивающих селективность мыслительного процесса на более высоком уровне, но, к сожалению, в этом случае технология более эффективной деятельности, увы, в настоящее время автору настоящих строк неизвестна. Поэтому путь, выбранный в настоящей работе, достаточно примитивен: анализ концепции, выявление метода, попытка сопоставления его с другими элементами, входящими в концептуальную структуру в надежде, что обнаружатся некоторые соответствия. В том случае, если некоторые соответствия обнаружатся и если они окажутся сколь-нибудь систематическими, тогда появится возможность для построения гипотетической модели. Естественно, что проверка модели (если, конечно, окажется возможным само ее создание) должна будет составить следующий шаг, новую задачу исследования.

Изложенные выше соображения накладывают некоторый отпечаток на отбор материала. Необходимость сосредоточиться на собственно методологических моментах привела к тому, что в работе не уделяется внимания "процедурной" стороне метода: техники и технические приемы, использовавшиеся в рамках того или иного метода практически полностью остались за рамками рассмотрения. Впрочем, по данному вопросу существует обширная

литература, т.к. эти моменты многократно обсуждались и вызвали жаркие дискуссии (см. [400, 414, 416, 417, 136, 355, 356, 307, 306 и др.]). Повторю, что настоящая работа не является чисто историко-психологической, поэтому материалом анализа являются лишь отдельные концепции психологии XIX столетия. На систематичность, таким образом, она не претендует. Автор счел возможным обсуждать методы без привлечения конкретных примеров из исследований. Это позволило в большей степени сосредоточиться на методологическом аспекте проблемы. За рамками данной работы осталось освещение многочисленных дискуссий по проблеме методов. Повторю, основной целью данной работы было выявление принципиальных возможностей построения модели, которая позволила бы представить соотношение теории и метода в научной психологии на первых этапах ее развития. Автор хорошо понимает, что выделение метода или методов самих по себе - процедура в достаточной степени условная и произвольная. Даже в том случае, когда наука делает лишь первые шаги. Во-первых, метод тесно связан с другими компонентами познавательной деятельности. Тем не менее аналитическое вычленение метода, демонстрация его исторической обусловленности, описание конкретных разновидностей в истории психологической науки может послужить основанием для поиска его содержательных детерминант. Это единственная возможность, т.к. в противном случае пришлось бы иметь дело с *целостной* историей психологии, а это задача принципиально (и несравненно) более сложная. Поскольку задачи нашего исследования ограничиваются попытками соотношения теории и метода психологии, удовлетворимся выделением лишь основных методов в истории психологии. Во-вторых, представляется, что рассматривать следует методы в психологии в широком смысле (т.е. включая в последнюю и донаучную, и философскую). Основанием для такого вывода является то, что часто в разных психологиях используются одни и те же методы - правда, при этом изменяется их роль, соотношение, структура и т.д. В-третьих, очень важно попытаться выявить варианты одного и того метода - может оказаться, что они указывают на содержательные детерминанты выбора метода. Поскольку последнее соображение имеет особенное значение для темы исследования, по-

стараясь по возможности остановиться на изучении данного аспекта чуть более подробно.

2.3. Обоснование выбора объекта исследования

Было бы очень заманчиво окунуться в "гущу событий", обратившись к анализу самого последнего этапа кризиса в психологической науке, либо к анализу современных психологических концепций. Но такой ход оказывается невозможным, поскольку в этом случае мы оказываемся лишенными каких бы то ни было рабочих схем (кроме интуитивных, что, разумеется, неплохо, но в других случаях: здесь, когда исследование должно выявить, по сути, "работу" таких же недостаточно хорошо осознаваемых - очень похожих на интуитивные - "оснований", такой метод вряд ли может считаться приемлемым). Поэтому мы вынуждены начать "с начала", даже если маркировка условна. Поскольку нас интересует научная психология, то мы должны будем проанализировать основные, существенные в методологическом отношении этапы формирования психологии как научной дисциплины, по возможности рассмотрев как внутренние изменения, по всей вероятности, связанные с теорией и методами, так и "внешние" (ведь, для того, чтобы "выделиться" в качестве самостоятельной науки, надо "стать таковой" в глазах научного сообщества: следовательно, возможны - да и просто необходимы - декларации, соответствующие этим ожиданиям). Подчеркну, что речь идет не о том, чтобы "переписать" историю психологии. Моя задача куда скромнее - проанализировать "возникновение" психологии, выявив реальную роль в этом процессе методов, используемых психологией, и теорий, формулируемых ею. Отмечу, что в свете вышеизложенного особый интерес вызывают "неудавшиеся" попытки "сделать" психологию наукой: нельзя исключить того, что они могут оказаться более "информативными" о намерениях и стратегических замыслах.

Затем, естественно, задачей будет прослеживание взаимных связей между методами научной психологии и ее теориями. Если с методами все более или менее определено: в психологии разговоры о методах велись в прошлом веке постоянно, то теории в значительной степени остаются *terra incognita*. Как ни относиться к

проблеме методов в психологии, нельзя не признать, что наиболее дискуссионными (и вместе с тем специфичными для психологии) были методы самонаблюдения (интроспекции) и эксперимента. Поэтому в данном исследовании обсуждаться будет использование именно этих двух методов. Если о методах дискуссий было много, о теориях, повторю, этого сказать никак нельзя. Поэтому вынужденно автором и в этом аспекте принимаются некоторые ограничения. Они связаны с тем, что психология вообще очень молодая наука (это справедливо даже сейчас, в конце двадцатого столетия, а в прошлом веке было верным абсолютно). Это, естественно, привело к известному своеобразию психологических теорий, которые имели известное сходство и с научными концепциями, и с философскими рассуждениями. Известное своеобразие психологических теорий заметно стороннему наблюдателю и сегодня. Вот как характеризует положение дел в современной психологии Н.И.Кузнецова: "Сама теоретическая работа в психологии странна. Множество экспериментальных работ делается неизвестно под какую теорию. Что они подтверждают или опровергают - непонятно. Непонятно даже, на какие вопросы они отвечают. Как говорится, на полученные ответы нет даже вопросов. Исследовательская программа в науке - это сеть постоянно развивающихся из общего начала вопросов. Психологические программы мало живут: они отвечают на два-три вопроса и... останавливаются. Если бы такая ситуация обнаружилась в физике, все сообщество было бы в панике, но в среде психологов - тишина. Может быть, именно краткая жизнь научных программ в психологии приводит к тому, что здесь так ненормально много школ и направлений, причем все они мирно уживаются друг с другом" [226, с.25]. Как ни печально, с большинством констатаций приходится соглашаться.

Учитывая вышесформулированные сложности и вышеописанные обстоятельства, выберем объект для анализа. Попытаемся проанализировать некоторые теории мышления, разработанные в психологической науке в конце XIX - начале XX вв. Сложность данного психического явления, его явная отнесенность к высшим психическим проявлениям, позволяет проследить связь с эмпирическими исследованиями данного явления, тем самым выявив основные источники и способы формирования теории (эмпириче-

ские, априорные, спекулятивные). Решение задачи в некоторой степени облегчается тем, что в отечественной и мировой истории психологии теории мышления, существовавшие во второй половине XIX - начале XX вв. описаны и проанализированы детально [199, 406, 407, 410, 382, 383 и др.]. Выделение отдельных теорий (в данном случае - теорий мышления) связано с тем, что в каком-либо тексте может содержаться множество теорий: скажем, в "Основах физиологической психологии" В.Вундта или "Основаниях психологии" У.Джемса содержится много различных теорий разного уровня, что, безусловно, существенно маскирует картину.

Хочется надеяться, что историко-методологический анализ использовавшихся в психологии периода ее становления как самостоятельной науки методов и разрабатывавшихся в ней теорий позволит схематически представить соотношение теории и метода в психологии. Эта рабочая схема может быть использована в дальнейшем в качестве средства анализа применительно к более поздним этапам развития науки. Во всяком случае представляется, что такая работа необходима. Хотя бы для того, чтобы психологии не адресовались обвинения в постыдном равнодушии к собственной судьбе: "Поражает какая-то принципиальная узость в обсуждении психологических концепций, идей, подходов (конечно, когда такие обсуждения вообще бывают). Складывается впечатление, что психология не только глубоко равнодушна к общей методологии и философии науки, но и остальной науке вообще. Она не только не смотрится в зеркало методологии и философии, она не хочет вообще смотреться ни в какие "зеркала" других научных дисциплин, соотносить себя с общенаучным движением и развитием научной мысли XX в. Наука, которая одним из своих разделов считает учение о рефлексии, кажется полностью отказывается от попыток отрефлексировать свои основания, методы, программы и результаты" [226, с.25]. К сожалению, в этих словах очень много правды. Обратимся к психологии весьма отдаленного времени для того, чтобы, в конечном счете, лучше понять, что представляет собой психология нынешняя.

Глава третья
ТЕОРИЯ И МЕТОД В ПСИХОЛОГИИ (ПЕРИОД
СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ КАК
САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУКИ):
ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

"Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа"
Имре Лакатос

Проблема теории и метода в психологической науке в конце XIX - начале XX вв. может быть проанализирована только в том случае, если будет описано становление психологической науки. Поэтому собственно методологическому исследованию должно предшествовать выяснение некоторых историко-психологических вопросов. Прежде, чем получить ответы на интересующие нас вопросы о характере методов и особенностях теорий в психологии второй половины XIX - начала XX вв., необходимо уточнить некоторые важные детали. Когда появляется психология как наука? Чем отличается научная психология от предшествующих форм психологического знания? Что являлось "работающим" критерием научности? По моему мнению, проблема теории и метода может быть раскрыта адекватно только при условии получения более или менее определенных ответов на эти вопросы. Подчеркну, что в свете вышесформулированного особое значение приобретает анализ неудачных попыток обоснования психологии как самостоятельной науки. Полезным для понимания истории становления психологии, по моему мнению, является расширение контекста обсуждения, выражающееся в рассмотрении взглядов противников (или скептиков) самостоятельности психологии. Кантовская критика психологии или, например, отказ О.Конта признать психологию наукой, оказали, как мы увидим, существенное влияние на формирование научной психологии. Эта работа не представляет собой специального исследования по истории психологии. Хотя полная объективная история формирования психологии еще не написана, и, по глубокому убеждению автора настоящих строк,

исследование этой истории в настоящее время чрезвычайно актуально, в этой книге автор вынужден ограничиться лишь фрагментарным изложением отдельных эпизодов, имеющих первостепенное значение для поставленной проблемы.

3.1. Становление психологии как самостоятельной науки

С.Л.Рубинштейн писал в 1940 году: "История психологии и формирования ее как самостоятельной науки не получила еще в мировой психологической литературе адекватного освещения" [248, с.68]. Хотя с тех пор прошло много времени, опубликовано огромное количество работ по истории психологической науки [340, 207, 206, 114, 31, 36, 95, 401, 407, 408 и др.], оценка выдающегося отечественного психолога, к сожалению, не утратила ни своей актуальности, ни своей правоты. Иногда создается впечатление, что проблема вообще "закрыта". Научная психология появилась во второй половине XIX столетия, откуда начинается новый "отсчет". В свете этого детали "рождения" не так важны, на первый план выходит летопись побед "новой" психологии. Для исторического исследования, несомненно, такие вехи значимы. Но в отношении методологическом важно помнить, что "революции" в науке редко бывают одномоментными. Многие авторы, исследовавшие этот вопрос, среди которых и С.Л.Рубинштейн, и М.Г.Ярошевский, и М.С.Роговин, отмечали, что выделение психологии вряд ли было четко датируемым событием. М.С.Роговин, в частности, отмечал: "Мы полагаем, что неправильным было бы пытаться наметить какую-то определенную дату, начиная с которой могли бы рассматривать психологию как самостоятельную науку. Процесс формирования научной дисциплины длительный, сложный, диалектически противоречивый; поэтому следует стремиться определить лишь исторический отрезок времени, на который приходится сочетание условий, в максимальной степени способствовавших ее становлению" [237, с.96]. Переломным периодом в развитии психологии явилась вторая половина XIX века, когда психология вычленяется из философии и постепенно становится экспериментальной наукой. С.Л.Рубинштейн категорически возражал против формального решения вопроса о формировании психологии как самостоятельной науки, когда "дело изображается

так, будто психология начала существовать с того времени, как Вундт создал свою лабораторию. Вся предшествующая история философско-психологической мысли представляется лишь мало-значительной прелюдией к этому событию. Те ученые, которые как Фехнер и особенно Вундт, разработали на базе специальных физиологических исследований методику психофизиологического исследования и оформили психологию (физиологическую) как экспериментальную дисциплину, представляются основоположниками психологии, определявшими ее основы в целом. В результате получается необъяснимым парадокс: эклектики и эпигоны в философии, философские концепции которых являются показательным проявлением начинающегося упадка теоретической мысли, представляются не только учеными, которые, опираясь на полученное ими философское наследие и достижения физиологии, оформили психологию как определенную научную дисциплину, но и как ее вдохновители, как основоположники, у которых надо искать ее истоки" [248, с.69-70].

С.Л.Рубинштейн подчеркивал, что становление новой психологической науки "не может быть стянуто в одну точку": "Это длительный, еще не законченный процесс, в котором должны быть выделены три вершинные точки: первая должна быть отнесена к тому же XVI - XVII веку или переломному периоду от XVII к XVIII веку, который выделил Энгельс для всей истории науки; вторая - ко времени оформления экспериментальной физиологической психологии в середине XIX столетия; третья - к тому времени, когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией" [248, с.77]. Вопрос о возникновении психологии как самостоятельной науки не может быть проанализирован здесь со сколь-нибудь значительной полнотой: для этого потребовалась бы отдельная книга. В данном случае я вынужден ограничиться лишь отдельными положениями, которые имеют непосредственное отношение к вопросу о методах и теориях нарождающейся психологии. Поэтому из истории психологии XVIII - XIX вв. будут рассмотрены лишь отдельные эпизоды, имеющие, по мнению автора, наиболее тесное отношение к рассматриваемым вопросам. Вместе с тем хочется специально подчеркнуть, что имеется, на мой взгляд, насущная необходимость в

новом исследовании этого вопроса с позиции сегодняшних достижений историко-методологического и историко-психологического знания: нельзя исключить возможности, что путь, пройденный психологией за последние сто лет, предстанет в несколько ином свете.

В истории зафиксировано несколько попыток придать психологии статус самостоятельной научной дисциплины, отличной от философии. Поскольку история пишется победителями, неудачные попытки, попытки, не увенчавшиеся успехом, скоро забываются. Между тем их анализ имеет для истории науки особую ценность, поскольку зачастую именно по ним можно судить о логике, которой руководствовались авторы.

Известно, что первые попытки ввести термин психология могут быть датированы концом пятнадцатого столетия. В названии сочинений (до наших дней, к сожалению, не дошедших) даламатинского поэта и гуманиста Марко Марулича (1450-1524) впервые, насколько можно судить, употребляется слово "психология" [385]. Авторство термина часто приписывают Филиппу Меланхтону (1497-1560), немецкому протестантскому богослову и педагогу, сподвижнику Мартина Лютера. "Лексикография приписывает образование этого слова Меланхтону, который написал его на латыни (*psychologia*). Но ни один историк, ни один лексикограф не нашел точной ссылки на это слово в его произведениях. Андрэ Лаланд утверждает даже, что прочитал все его произведения и не встретил слова *psychologia*" [31, с.124]. В 1590 г. выходит книга Рудольфа Геккеля (Гоклениуса), в названии которой также используется это слово (на греческом языке - *Ψυχολογία*). Название труда Геккеля, который, кстати, является собранием произведений многих авторов о душе: "Психология, т.е. о совершенстве человека, о душе и прежде всего о возникновении ее..." [31, с.124]. Но общепризнанным термин "психология" становится лишь в XVIII столетии после работ Х.Вольфа [421, 422].

Важно подчеркнуть, что появление термина "психология" было результатом деятельности философов, занятых систематизацией философского материала. Появление термина "психология" явилось, таким образом, результатом дифференциации философского знания, следствием которого явилось, как известно, рождение науки нового времени. Вопрос о выделении психологии из

философии в это время даже не ставился, поскольку для этого не было никаких оснований. Рассмотрение вопросов о "душе" ничем (ни методом, ни предметом) не отличалось от рассмотрения других философских вопросов. Появление термина "психология" явно предшествует становлению психологии как науки.

Х.Вольфу (1732) принадлежит одна из первых попыток выделить психологию в качестве самостоятельной философской дисциплины. Представляется очень интересным попытаться воссоздать смысл попытки Х.Вольфа. Рассмотрим ее более подробно.

3.1.1. Христиан Вольф

Имя Христиана Вольфа (1679-1754), бесспорно, забвения не заслуживает, т.к. его заслуги перед психологией велики. Обычно их видят в том, что Х.Вольф явился создателем психологии способностей. А поскольку психология способностей, как известно, была сокрушена И.Гербартом, то труды Вольфа имеют чисто историческое значение. Не буду анализировать значение трудов Х.Вольфа для психологии в целом. Остановлюсь лишь на попытке выделения психологии и попробую непредвзято ее проанализировать. Знарок истории психологии М.С.Роговин пишет об этом следующее: "Попытки создать психологию как науку, независимую от философии, предпринимались и до второй половины XIX в; они были обречены на неудачу, хотя бы уже потому, что имели место внутри философии и предпринимались с помощью методов умозрительной философии (Х.Вольф, 1732; И.Н.Тетенс, 1776-1777; И.Ф.Гербарт, 1816) [237, с.96]. Но представляется, что в данном случае мы имеем дело со своего рода исторической аберрацией. Дело в том, что Христиан Вольф вовсе не помышлял о выделении психологии из философии. Все его построения были направлены на то, чтобы реорганизовать структуру философского знания и *внутри* этой структуры выделить разновидности психологии как философские дисциплины. Об объеме проделанной работы можно судить хотя бы по тому, что Вольфу принадлежит огромный массив философских произведений, написанных как на латыни, так и на немецком : издание Ольмса 1968 года насчитывает ни много ни мало 64 тома. Две работы посвящены психологии: "Рациональная психология" и "Эмпирическая психология". Уже упоминалось, что

опубликование этих работ сделало сам термин "психология" популярным, а психология на некоторое время стала центральной философской дисциплиной. Х.Вольф, несомненно, выполнил задачу, которую поставил перед собой: психология стала отдельной областью внутри философии, или, если угодно, стала самостоятельной философской наукой. Это бесспорная заслуга Х.Вольфа. Причем значение ее было столь велико, что возникла проблема, которую современному психологу, даже знакомому с историей своей науки, постичь не вполне просто. После работ Вольфа возникла ситуация, когда психология стала доминирующим разделом философии. И.Кант, как известно, сомневающийся в существовании рациональной психологии, был озабочен чрезмерным распространением психологии в философии и пытался "ограничить" место психологии: "Как бы ни толковать учения Канта, одно вне всякого сомнения: оно не исчерпывает философии психологией и не рассматривает логики как части психологии" [85, с.116]. Но вернемся к Вольфу. Подчеркну еще раз, что Вольф был философом, реорганизовывал именно философию, а психология рассматривалась Вольфом как составная часть философского знания и отнюдь не как самостоятельная наука. По точной характеристике Г.Г.Майорова,

Х.Вольф "впервые попытался дать различие теоретического и эмпирического, чистого и прикладного знания; теоретическая философия, по Вольфу, - "наука о всех возможных предметах, насколько они возможны", т.е. наука, занимающаяся не простой констатацией фактов, а исследованием их взаимосвязей, причин и оснований. По классификации Вольфа, все философское знание делится на "науки рациональные теоретические" (онтология, космология, рациональная психология, естественная теология), "науки рациональные практические" (этика, политика, экономика), "науки эмпирические теоретические" (эмпирическая психология, телеология, догматическая физика) и "науки эмпирические практические" (технология и экспериментальная физика)" [169, с.96]. Хочу обратить внимание читателя на то обстоятельство, что эмпирическая психология, по Вольфу, наука именно теоретическая. Еще будет возможность остановиться на том, что не только вольфовская, но и последующая эмпирическая психология вовсе не была эмпирической наукой в современном смысле слова.

Таким образом, по Вольфу, психология распадается на рациональную и эмпирическую. Как отмечал В.Дильтей, "Христиан Вольф видел в отделении рациональной психологии от эмпирической особую заслугу своей философии" [88, с.31]. Здесь нет возможности рассматривать роль рациональной и эмпирической психологии в структуре философского знания, а также их соотношение. Скажу только, что эмпирическая психология - опытная наука, дающая представление о том, что происходит в человеческой душе. Она не предполагает рациональной психологии, а служит для проверки и подтверждения того, что априорно развивает психология рациональная. В.Дильтей специально подчеркивал, что из "положений Вольфа уцелело ценное ядро в виде различия между описательным и объяснительным методом, а также признание того, что описательная психология является опытной основой и контрольным органом для психологии объяснительной" [88, с.32].

Важно отметить, что Х.Вольф настаивал на применении математики в психологии. Вероятно, он был первым, кто заговорил об измерении в психологии. "Кроме того, он ввел в обиход понятие психометрии. Он считал, что можно измерить величину удовольствия осознаваемым нами совершенством, а величину внимания - продолжительностью аргументации, которую мы в состоянии проследить" [298, с.21]. Говоря о Х.Вольфе, нельзя не остановиться, хотя бы предельно кратко, на одном моменте. Вольф, что хорошо известно, был последователем Лейбница. Предусмотренную гармонию Вольф ограничил отношением между душой и телом. Как об этом пишет М.Дессуар, "понятию монады он придал более грубый характер атомистического учения и признал способность представлений лишь за душами в собственном смысле, обладающими настоящим сознанием" [85, с.105]. "Поэтому, - продолжает Дессуар, - самое первое его утверждение: душа есть субстанция, производящая представления, остается без внутренней связи с системой. Он искусственно создает такую связь, прибегая к *circulus vituosus*: понятие телесного или составленного из частей исключает мышление (как сочетание воедино логического подлежащего со сказуемым); следовательно, душа принадлежит к простым субстанциям и обладает всеми признаками, установленными онтологией для первых. Телу остается при этом задача определять

в зависимости от своего местопребывания содержание восприятий. Глубже в отношения между душой и телом Вольф не вникает" [85, с.105-106]. Но представляется принципиально важным следующее. Трактовка предустановленной гармонии Вольфом приближается, как на это обращает внимание Дессуар, к учению о психофизическом параллелизме. "Представим себе на одной стороне душевные процессы, на другой телесные; между ними нет причинных соотношений - одним неповторяющимся чудесным актом Бог установил между ними иную связь" [85, с.106]. "Так как все изменения во внешнем мире следуют одно за другим в неизменном порядке, и точно также в душе каждое предшествующее состояние скрывает в себе основу для последующего, то нужно лишь однажды вначале согласовать ощущения с объективными данными, и тогда это согласование укрепитя навсегда" [85, с.106].

Обращаю особенное внимание на то, что у Вольфа появляется "потенциальная возможность" поставить вопрос о выделении психологии в качестве самостоятельной науки (на самом деле, как уже упоминалось, такой вопрос "не стоял", да и не мог быть поставлен). Для того, чтобы эту потенциальную возможность осуществить, требовалось "всего лишь" утверждать, что состояния души имеют свои законы, доступные изучению. Если объявить, что эти состояния являются предметом изучения "науки", то для того, чтобы "наука" могла считаться самостоятельной, важно установить "соответствие" этой науки с какой-то, которая такой статус несомненно имеет. У психологии такие контакты ближе всего с физиологией. Во времена Вольфа это было невозможно (в силу неразработанности в то время физиологии мозга). Да и Вольфу, повторю, это было абсолютно не нужно: его вполне устраивало выделение рациональной и эмпирической психологии как философских дисциплин.

Представляется важным подчеркнуть, что Вольф не был "психологом". Расчленение психологии на рациональную и эмпирическую было следствием упорядочивания философского знания. Именно этим объясняется известная непоследовательность Вольфа в разграничении "сферы компетенции" двух психологий, на которую обращали внимание многие историки психологии [65, с.107]..

Именно этим объясняется "странный" характер эмпирической психологии Х.Вольфа. И.Брес в этой связи отмечает: "Хотя Вольф и считает, что *psychologia rationalis* стремится вывести из самого понятия человеческой души, то, что *psychologia empirica* извлекает из наблюдения и размышления, мы будем разочарованы, если захотим обнаружить во второй работе экспериментальные исследования, которые явились бы предвестниками научной психологии XIX и XX вв. Вопросы, которые в ней рассматриваются, а также метод их исследования (см. например, параграф 651: "*Qui alterum amat, is taedium ejus aversatus*" ("Кто любит другого, становится ему в тягость")) напоминают больше то, что в наши дни рассматривалось бы как философская или даже рациональная психология, чем настоящую эмпирическую психологию в современном смысле слова. Более того, содержание *psychologia empirica* Вольфа не отличается коренным образом от исследования классической философией XVII в. вопроса о страстях..." [31, с.125-126]. Подчеркну, что по иному быть просто не могло. Разработка эмпирической психологии в современном смысле слова совершенно не входила в планы Х.Вольфа.

Но важно, что у Вольфа содержалась возможность различения: "теперь уже дело не в двойной душе, а в двойном рассмотрении одной и той же души: различие передвинулось из области содержания в область методологическую" [85, с.106-107]. Именно этот момент создает возможность для выделения психологического предмета, отличного от философского, т.е. создание эмпирической психологии в современном смысле этого слова. Принципиальная возможность создания психологии как самостоятельной дисциплины была, вне сомнения, Вольфом продемонстрирована.

Нельзя не остановиться еще на одном моменте, связанном с трудами Вольфа. Его "Эмпирическая психология" может рассматриваться как первое систематическое изложение психологии в новое время. В связи с этим важно подчеркнуть, что для того, чтобы конституировать дисциплину, необходим организующий принцип, который бы определил "номенклатуру" психических феноменов, относящихся к дисциплине и позволил их как-то упорядочить. Иными словами, необходимо "задать систему". Вольф придерживается следующей стратегии. Он определяет душу как

простую вещь, которая может сознать себя и другие вещи. В качестве основной силы души Вольф полагает силу представления, в которой находит выражение активность сознания. Эта активность остается неизменной, но может менять свои предметы. М.Дессуар отмечает: "... как тело может двигаться последовательно по неограниченно многим направлениям, так и у души есть различные возможности последовательных самопроявлений, которые осуществляются благодаря энергии" [65, с.107]. Эти проявления и называются душевными способностями. Перечень способностей может быть определен, по Вольфу, при помощи языка: то, для чего существует специальное наименование, может считаться особой способностью. Вольф делает оговорки относительно "непостоянства" речи. Дальше в действие вступают законы логики, поскольку вся душевная жизнь, по Вольфу, подчинена формам и законам логики. Вольф выделяет волю ("способность желать") и познание ("способность познавать").

Рассмотрим более подробно способность познания. Материалом для этой способности являются представления. Они могут быть смутными, ясными либо отчетливыми. По своему содержанию они могут быть или восприятиями, или представлениями. Представления подчиняются закону ассоциации: каждое представление вызывает в душе более общее, часть которого он составляет. Поскольку, как свидетельствует опыт, бывают и новые сочетания, должна существовать "сила выдумки". Явления памяти имеют место при повторении прежних переживаний. Внимание может придавать отдельным представлениям ясность и отчетливость. Как справедливо отмечает М.Дессуар, "в целом перед нами планомерное сцепление психологических понятий, ставших позже общим местом" [65, с.108]. Важно подчеркнуть, что концепция Вольфа в XVII столетии продемонстрировала метод работы в психологии. "Эмпиризм" состоял в том, что самонаблюдение выполняло верифицирующую роль: оно должно было подтвердить соответствие построений опыту. Источником эмпирического материала самонаблюдение не являлось: было достаточно отдельных примеров, которые бы подтвердили "жизненную правду" созданной картины ("сцепления психологических понятий"). Это позволяет понять, почему Вольф называл свою эмпирическую психологию наукой "эмпирической теоретической": эмпирическая - соот-

ветствующая опыту, теоретическая - логическая конструкция имеющая произвольный (теоретический) характер. Этот метод Христиана Вольфа не только стал общим местом - здесь Дессуар абсолютно прав - но и определил традицию. Как будет показано в дальнейшем, менялись только принципы, определяющие "сцепление" - сам способ в течение длительного времени оставался неизменным.

Последователями Вольфа был сделан важный шаг, который в дальнейшем, как мы увидим, способствовал выделению психологии в самостоятельную науку. "Центр тяжести оставался, конечно, в области индивидуальной психологии человека. У Вольфа позаимствовали деление на рациональную и эмпирическую психологию. Хотя различие между обеими было собственно методологическим, так как предметом исследования для обеих являлась определенно понимаемая "природа" души, но понемногу снова утвердилось обоснованное еще в старину разделение содержаний. Спекулятивные рассуждения о сущности, местопребывании, свободе и бессмертии души стали главным содержанием рациональной психологии. Физиологические же объяснения, относившиеся еще у Вольфа туда же, скоро перешли в ведение эмпирической психологии. Последняя утратила, таким образом, характер общей описательной науки и превратилась в физиологическую и отчасти уже в экспериментальную дисциплину: волшебное слово опыт увлекало даже осторожных мыслителей и побуждало их искать в телесных (также физиогномических) процессах объяснения душевных фактов. Если же ограничивались внутренним опытом, то все же исследование проводили в духе естественной науки: искали причинных связей душевных явлений и устанавливали эмпирические условия их возникновения" [85, с.114].

Недооценивать произошедшие изменения нельзя. Именно они создают основу для позднейшего конституирования психологии как науки. Оно станет возможным, когда принцип психофизического параллелизма будет дополнен принципом психофизиологического параллелизма. То, что физиологические объяснения стали соотноситься с эмпирической психологией, безусловно представляло собой шаг к "возможной" самостоятельности психологии. Впрочем, до самостоятельности еще было далеко. Более того, не ставился даже сам вопрос о самостоятельности психологии как

науки. Действительно, никаких причин для того, чтобы пытаться сделать психологию самостоятельной наукой во времена Христиана Вольфа просто не было. Важно уже то, что психология выделяется в качестве раздела внутри философии, которая все больше дифференцируется.

Значение Христиана Вольфа для истории мировой психологии состоит, таким образом, в первую очередь в том, что им впервые была выделена психологическая проблематика внутри философского знания. Причем она оказалась не на периферии философии, а стала ее центром: "И так как с точки зрения того времени индивидуальное развитие человека было душой культурной работы, то психология стала не только основой всякого философствования, но вообще центральной наукой" [85, с.109].

3.1.2. Иммануил Кант

Традиции, заложенные Х.Вольфом, поддерживались и развивались в немецкой психологии способностей. Одним из ярких представителей психологии способностей был Иоганн Николаус Тетенс (1736-1807). М.С.Роговин полагает, что Тетенс совершил в 1776-1777 г. неудачную попытку выделить психологию из философии [237, с.96]. По моему мнению, И.Н.Тетенс так же, как и ранее Х.Вольф, на это вовсе не претендовал. Характерно в этом отношении само название его основного труда "Philosophische Versuche über menschliche Natur und ihre Entwicklung" (1776) [412]. Сам Тетенс подчеркивает, что речь идет именно о философском исследовании. Согласно И.Н.Тетенсу, основным в психологии является самонаблюдение, психология должна заниматься эмпирическим расчленением душевной жизни. Метафизические заключения возможны как итог эмпирической работы. Тетенс модифицировал идущее еще от Аристотеля расчленение психического на познание и волю, добавив к последним чувство. Таким образом, оформилась номенклатура "основных" способностей: способность познания, способность воли, способность чувства. Этим воспользовался И.Кант, который, как известно, посвятил рассмотрению этих трех способностей специальные труды ("Критику чистого разума" [117], "Критику практического разума" [118] и "Критику способности суждения" [119]).

Благодаря трудам Х.Вольфа, психология на какое-то время стала центральной философской дисциплиной. "Против такого чрезмерного расширения границ психологии скоро должны были раздаться протесты. Появившиеся возражения коснулись также содержания всей системы и приняли форму критики психологии. Тот мыслитель, который и здесь явился вождем, Иммануил Кант, ввел психологию даже в очень узкие границы..." [85, с.115]. "Этим объясняется отчасти, почему фигура Канта не представляется историку психологии такой значительной и возвышающейся над всеми другими как историку каждой другой философской дисциплины" [85, с.115].

И.Кант, разумеется, не был психологом. Вместе с тем, по моему мнению, нельзя утверждать, что "система Канта глубоко антипсихологична" [237, с.66]. Кант был одним из первых методологов психологии, а методология (в этом проявились особенности самого Канта как личности) приняла форму критики. Уже в двадцатом веке будут сделаны попытки построить методологию психологии как критику психологии [353] (подробнее см. об этом в работе Л.С.Выготского [60]). В предисловии к "Критике чистого разума" Кант отмечает, что в данном труде речь идет не о происхождении опыта, а о содержании его. Конечно, нет возможности в настоящей работе дать хотя бы беглый обзор кантовских идей по психологическим проблемам (это далеко увело бы от интересующей темы: напомню, что нас волнует сейчас путь психологии к самостоятельности). То, что психологией многие кантовские положения не были ассимилированы, становится совершенно ясно в конце XX века, когда современные исследователи обращаются к кантовскому наследию (см. например, интересную книгу Ю.М.Бородая "Эротика.Смерть.Табу". М., 1997).

Остановимся на кантовской критике психологии. Как мы уже видели, И.Н.Тетенс, которого Кант очень ценил, признавал возможность рациональной психологии. Притязания рациональной психологии были развеяны И.Кантом, который, как известно, отрицал возможность существования рациональной психологии. Кантовская критика рациональной психологии в известной мере предопределила дальнейшее развитие психологии как *эмпирической науки*. "Рациональная психология как доктрина, расширяющая наше самопознание, не существует; она возможна только как

дисциплина, устанавливающая спекулятивному разуму в этой области ненарушение границы, с одной стороны, чтобы мы не бросились в объятия бездушного материализма, а с другой стороны, чтобы мы не заблудились в спиритуализме, лишенном основания в нашей жизни; она скорее напоминает нам, чтобы мы видели в этом отказе разума дать удовлетворительный ответ на вопросы любопытствующих, касающиеся того, что выходит за пределы земной жизни, его же указание обращать свое самопознание не на бесплодную чрезмерную спекуляцию, а на плодотворное практическое применение, которое, хотя всегда и направлено только на предметы опыта, тем не менее заимствует свои принципы из более высокого источника и определяет наше поведение так, как если бы наше назначение выходило бесконечно далеко за пределы опыта, стало быть за пределы земной жизни" [117, с.382].

В другой работе Кант возвращается к проблемам психологии. Кант настаивает на необходимости различения *Я* как субъекта и *Я* как объекта. "О *Я* в первом значении (о субъекте апперцепции), о логическом *Я* как априорном представлении, больше решительно ничего нельзя узнать - ни что оно за сущность, ни какой оно природы" [120, с.191]. "*Я* во втором значении (как субъект перцепции), психологическое *Я* как эмпирическое сознание, доступно разнообразному познанию..." [120, с.191-192]. Кант рисует перспективу эмпирической психологии: "Подтверждением и примером этого может служить всякое внутреннее, психологическое наблюдение, сделанное нами; для этого требуется, хотя это связано с некоторыми трудностями, воздействовать на внутреннее чувство посредством внимания (ведь мысли, как фактические определения способности представления, также входят в эмпирическое представление о нашем состоянии), чтобы получить прежде всего в созерцании самого себя знание о том, что дает нам внутреннее чувство; это созерцание дает нам представление о нас самих, как мы себе являемся; логическое же *Я* хотя и указывает субъект существующим сам по себе в чистом сознании, не как восприимчивость, а как чистую спонтанность, но не способно ни к какому познанию своей природы" [120, с.192].

Авторитет Канта был велик, поэтому кантовская критика психологии была признана современниками сокрушительной. Мы здесь не станем оценивать и анализировать кантовские доводы

против рациональной психологии. Это не входит в задачи этой работы. Отмечу лишь, что огромный авторитет Канта способствовал дальнейшему развитию психологии как эмпирической психологии. В плане дальнейшего развития эмпирической психологии нельзя пройти мимо одного замечания Канта, имеющего для будущего психологии несомненное методологическое значение. В предисловии к "Антропологии" (1798) Кант отмечает, что "учение, касающееся знания человека и изложенное в систематическом виде (антропология), может быть представлено с точки зрения или *физиологической*, или *прагматической*" [120, с.351]. Фактически, здесь речь идет об основаниях эмпирической науки. И хотя Кант строит свою антропологию как прагматическую, возможность систематического изложения антропологии с точки зрения физиологической (и, следовательно, психологии как частной науки) остается. Та возможность, которая "потенциально" содержалась в программе Вольфа, была артикулирована Кантом (правда, пока для антропологии). Не будем забывать, что психология (эмпирическая) могла рассматриваться как часть антропологии, а следовательно, "перенос" на психологию является достаточно правомерным.

Можно полагать, что судьбу психологии во многом предопределили кантовские слова, которые сейчас будут приведены. Они представляются своеобразным методологическим требованием к психологии, *если она захочет быть наукой*. Действительно, создается устойчивое впечатление, что многие психологи последующих поколений принимали "вызов", стараясь с удивительным упорством решать именно эти две задачи: экспериментировать и вычислять. Кант пишет в "Метафизических началах естествознания" (1786): "эмпирическое учение о душе должно всегда оставаться далеким от ранга науки о природе в собственном смысле, прежде всего потому, что математика неприменима к явлениям внутреннего чувства и к их законам... Но даже в качестве систематического искусства анализа или в качестве экспериментального учения учение о душе не может когда-либо приблизиться к химии, поскольку многообразие внутреннего наблюдения может здесь быть расчленено лишь мысленно и никогда не способно сохраняться в виде обособленных [элементов], вновь соединяемых по усмотрению; еще менее поддается нашим заранее намеченным

опытам другой мыслящий субъект, не говоря уже о том, что наблюдение само по себе изменяет и искажает состояние наблюдаемого предмета. Учение о душе никогда не может поэтому стать чем-то большим, чем историческое учение и - как таковое в меру возможности - систематическое учение о природе внутреннего чувства, т.е. описание природы души, но не наукой о душе, даже не психологическим экспериментальным учением" [120, с.60]. Кантовские слова оказали огромное влияние на последующее развитие психологии. К ним прислушивались и безоговорочно соглашались. Другие пытались "отвоевать" позиции: Герbart был убежден, что психология становится наукой потому, что начинает использовать математику (в отношении эксперимента, Кант, конечно же, прав). Как мы увидим, с кантовской критикой вынужден был считаться и сам В.Вундт. И, возможно, именно кантовские утверждения заставляли Вундта направлять энергию психологов-экспериментаторов на фиксацию "элементов", о которой говорил Кант. И.Кант может считаться "вдохновителем" элементаризма и атомизма. Кант, таким образом, "негативно" задал направление развития психологической науки... Итак, "психология никогда не станет наукой в собственном смысле слова, т.к. нельзя ни приложить математику к явлениям и процессам сознания, ни воздействовать экспериментально на душу других" [85, с.126]. "По иронии истории, психология именно от критицизма получила толчок к дальнейшему и существенному развитию" [85, с.126]. "К несчастью, Кант не посвятил научной психологии отдельного труда, но дал значительные указания к обоснованию этой науки на новых началах, производя при случае изменения в традиционном психологическом материале и вообще благодаря всему своему вмешательству. В рамках беспрерывно развивавшейся психологии способностей совершались... преобразования, которые в конце концов разрушили установленные границы" [85, с.127].

Таким образом, есть основания говорить о своего рода "двойной программе" И.Канта применительно к психологии. Первая программа - кантовская критика возможности психологии стать естественной наукой ("эмпирическое учение о душе должно всегда оставаться далеким от ранга науки о природе в собственном смысле"), вторая - возможность обоснования психологии посредством физиологии. Эта двойная программа составила методоло-

гическую задачу, над которой трудились несколько поколений психологов первой половины XIX столетия.

3.1.3. Иоганн Герbart

Каждая наука должна иметь основания. После "Наукоучения" И.Фихте это становится неписанным правилом. Возникает методология науки как учение "об основаниях". Им руководствовался И.Герbart, совершивший первую известную мне попытку сделать психологию *наукой*.

Мы уже упоминали имя Иоганна Готлиба Фихте (1762-1814), автора "Наукоучения" [295,15], создателя науки о науке. И.Фихте, несомненно, не был психологом, поэтому то, что его не вспоминают в "Историях психологии", по своему правомерно. К тому же И.Г.Фихте психологию своего времени явно не ценил. Можно привести его знаменитое высказывание из "Ясного, как солнце, сообщения широкой публике о сущности новейшей философии": "Наукоучение - не психология, психология же сама по себе - ничто" [295, т.1. с.610]. Оставим такую оценку на совести философа. Несомненно, что с работ Канта и Фихте начинается общая методология науки и недооценивать ее влияние на те области знания, которые претендуют на то, чтобы стать наукой, вряд ли целесообразно.

Не имея возможности анализировать воззрения Фихте в целом и по вопросам психологии в частности (хотя это и представляется достаточно увлекательным сюжетом - стоит только напомнить, что Фихте активно разрабатывал проблему деятельности), остановимся лишь на отдельных положениях "Наукоучения". И.Г.Фихте формулирует требования, которым должна удовлетворять любая наука.

"Должно быть достоверным по крайней мере одно положение, которое придавало бы другим свою достоверность; так что если и поскольку это первое достоверно, то должно быть достоверно и второе, то поскольку должно быть достоверно и третье, и т.д. Таким образом, многие сами по себе, может быть различные положения будут именно потому, что они *все* имели достоверность и *одинаковую* достоверность, иметь одну общую достоверность и через это будут образовывать только одну науку" [15,

с.199]. Фихте подчеркивает, что достоверное положение не может получить свою достоверность через объединение с другими положениями, но должно иметь достоверность до него. "Такое достоверное до соединения и не зависимое от него положение называется *основоположением*. Каждая наука должна иметь основоположение, она даже могла бы состоять по своему внутреннему характеру из одного единственного самого по себе достоверного положения... Но она не может иметь более одного основоположения, ибо тогда она образовала бы не одну, но несколько наук" [15, с.200]. Согласно Фихте, основоположения системы должны быть достоверны до самой системы. Их достоверность не может быть доказана в ее пределах. Все, что следует из основоположений также достоверно. Важным представляются введенные Фихте различия: содержание и форма науки. "То, что должно заключать в себе само основоположение, и то, что оно должно сообщить всем прочим положениям, встречающимся в науке, я назову *внутренним содержанием* основоположения и науки вообще; способ, которым основоположение должно передать другим положениям это содержание, я назову *формой* науки. Поэтому вопрос ставится так: как возможно вообще содержание и форма науки, т.е. как возможна сама наука?" [15, с.200]. Ответом на этот вопрос и является наука о науке. Общее наукоучение обязано обосновать систематическую форму для всех возможных наук.

С чувством сожаления должен прервать изложение основных идей наукоучения Фихте, поскольку это не входит в наши задачи. Вернемся к Гербарту. Попытка И.Гербарта сделать психологию наукой не может быть адекватно оценена, будучи рассматриваема вне контекста фихтевского наукоучения. Удивительным представляется то, что в отечественных работах по истории психологии найти указания на влияние Фихте на формирование психологии Гербарта не удастся. Причина, видимо, в том, что даже среди профессиональных психологов, не чуждых идее историзма, популярно убеждение, согласно которому вся психология до середины XIX столетия представляла соединение интроспекции и ассоцианизма. О какой специальной методологии можно говорить? Представляется, что в этом случае мы имеем дело с очередным мифом истории психологии. Собственно, сам И.Гербарт фихтевское влияние на формирование своей психологической теории признавал.

Примечательно, что он видел это влияние именно в методологии, а не в конкретных теоретических положениях, в которых как раз с Фихте расходился и с которыми полемизировал. Впрочем, лучше предоставить слово самому Гербарту. В докладе "О возможности и необходимости применять в психологии математику" (1822) Герbart отмечает, что начало работы в этом направлении "относится еще к последним месяцам восемнадцатого столетия, а зародыш которого я, собственно говоря, нашел еще раньше в фихтевской школе" [71, с.6]. Герbart тут же поясняет, что эти слова не должны пониматься в том смысле, будто Фихте предлагал основывать психологию на математике. Герbart утверждает, что Фихте научил его тем, что "в особенной степени обладал стремлением к *точности* исследования" [71, с.7]. По-видимому, Герbart прав - стремление к анализу оснований науки, стремление построить настоящую науку имеет истоки в фихтевской философии.

И.Герbart предпринял первую известную попытку превратить психологию в *науку*. Напомню, что к тому времени психология была одним из разделов философии, а именно относилась к прикладной метафизике. Предисловие к первому изданию учебника психологии (1816) Иоганн Фридрих Герbart начинает такими словами: "Хотя во всей философии психология не является ни самой глубокой, ни самой высшей частью, однако она - первая между тремя частями прикладной метафизики" [73, с.94]. А.Нечаев, переводчик Гербарта на русский язык, по этому поводу замечает: "Под метафизикой же в тесном смысле, или общей метафизикой, надо разуметь ту часть философии, которая занимается самыми общими понятиями бытия и бывания, без которых мы не можем себе представить ни внешнего, ни внутреннего опыта. Когда же метафизика переходит к рассмотрению более частных понятий, то получает название прикладной метафизики и образует философию природы, психологию и философию религии" [72, с.38].

О попытке выделения психологии как науки говорит само название важнейшего для понимания позиции Гербарта труда - "Psychologie als Wissenschaft, neu gegründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik" ("Психология как наука, вновь обоснованная на опыте, метафизике и математике") (1824) [72]. Как определяет сам Герbart, "цель этого сочинения заключается в том,

чтобы представить исследование о душе, которое равнялось бы исследованию о природе, поскольку это последнее повсюду предполагает *вполне закономерную связь явлений* и отыскивает ее при помощи разбора фактов, осторожных заключений, смелых, испытанных и исправленных гипотез, наконец, где это возможно, при помощи рассмотрения величин и вычисления" [72, с.27]. Герbart подчеркивает "давно признанную величайшую *важность точной науки* о нас самих, о нашем духе и настроении..." [72, с.28]. Если психология должна стать наукой, то она должна строиться как наука, т.е. иметь основания (принципы) и методы и ориентироваться на научные образцы (такими образцами для Гербарта выступают механика и физика). Психология способностей (напомним, Герbart вошел в историю психологии как "сокрушитель" психологии способностей) отвергается потому, что произвольность ее оснований очевидна: "я должен уклониться от всех тех, которые думают объяснить внутренние факты, классифицируя их и принимая для каждого класса особую, соответственную ему возможность, а затем перенося эти возможности на равное им *число способностей*, причем логические подразделения, употребляемые для предварительного обзора феноменов, вопреки всякому праву, выдаются за познание реальной множественности и реального же различия" [72, с.27]. В другой работе Герbart определяет свой подход, проводя параллель с химией: "Хотя душевные способности изгоняются из научной психологии точно так же, как из химии должен был исчезнуть флогистон, потому что природа вещей ясно выставляет на вид негодность обеих гипотез; однако новый способ представления, как бы сильно ни приближался он к истине, получает согласие и благодарность не прежде, чем ученые поупражняются в его применении и достаточно сильно почувствуют бесполезность старого мнения" [73, с.96]. Хотя психология Гербарта оказала огромное влияние на все последующее развитие психологии (исключением не является даже фрейдовский психоанализ), "согласия и благодарности" не последовало. На этом мы остановимся ниже.

Каковы же основания психологии как науки? Психология способностей основывалась на метафизических допущениях - существовании особых способностей. Герbart утверждает, что "психология нуждается в других основаниях, где с самого начала

обращалось бы внимание на изменяющиеся состояния. Мы наблюдаем в себе непосредственно их (а не способности)" [73, с.98]. Герbart вводит различие между принципом (основанием) познания и реальным принципом: принципом познания называет начальный пункт знания, реальным принципом начальный пункт "бытия и бывания" [72, с.28]. "Я прямо отрицаю все мнимое тождество идеальных и реальных принципов, и всякое утверждение подобного рода считаю шлагбаумом, с самого начала загораживающим дорогу к истине. Все непосредственно данное есть явление; все познание реального основывается на взгляде, что данное не могло бы являться, если бы не было реального. А эти заключения от явления к реальному основываются не на воображаемых формах интуиции и мышления" [72, с.28]. "Принципы и методы взаимно друг друга определяют. Именно, принцип должен обладать двойным свойством: во-первых, с самого начала *иметь собственную достоверность* и во-вторых, *производить другую достоверность*" [72, с.28]. Как можно увидеть, И.Герbart почти буквально воспроизводит методологические рекомендации Фихте. Метод, по Герbartу, тот "вид и способ", которым производится "другая достоверность" [72, с.28].

Основания психологии Герbart видит в фактах сознания: "Принципы психологии суть такие факты сознания, из которых могут быть познаны законы того, что в нас происходит. Факты сознания, без сомнения, служат начальными пунктами всякого психологического размышления..." [72, с.29]. Было бы не вполне правильно предположить, что Герbart - раз он имеет дело с сознанием - ограничивается интроспекцией. Как раз и нет! "Внутреннее восприятие, знакомство с людьми, стоящими на разных ступенях образования, наблюдения воспитателей и государственных людей, сочинения путешественников, историков, поэтов и моралистов, наконец, наблюдения над сумасшедшими, больными и животными - все это доставляет материал психологии" [73, с.97]. Таким образом, сознание может раскрываться и в самонаблюдении, и в наблюдении за другими, и в анализе продуктов деятельности. Нельзя только экспериментировать: "Психология не смеет экспериментировать над людьми и не имеет для этого никаких искусственных приборов" [73, с.100]. Почему же тогда основной упор делается на непосредственных внутренних восприятиях?

Герbart отвечает: "Те факты, которые не воспринимаются непосредственно, но о которых только заключают из продуктов нашей деятельности, именно вследствие этого удаляются *от принципов*; они скорее *проблемы*, которые должны разрешаться наукою при помощи теорем" [72, с.31]. Непосредственные внутренние восприятия, таким образом, представляют основания, которые будут положены в основу теории. К этому стоит добавить, что сознание Гербартом понимается так, что в него включается и бессознательное ("затемненные представления").

Здесь мы приближаемся, возможно, к самому сложному вопросу, который неизбежно возникает перед любой общей психологической теорией, если она хочет быть научной теорией. Если найдено основание, принцип, то как из этого основания вывести теорию? Основание дано в опыте. Герbart прекрасно понимает, что путь традиционной психологии способностей для него не подходит. Он отмечает, что вопросы о причинном отношении душевных способностей друг к другу остаются без ответа. Герbart пишет: "... в основании психологии не лежит никакого материала, который можно было бы ясно видеть, определенно указать, подчинить правильному и постепенно восходящему вверх обобщению. Самонаблюдение, уже при самом схватывании фактов сознания, уродует их; оно вырывает эти факты из необходимой связи и предает их беспорядочному обобщению, которое не останавливается до тех пор, пока не дойдет до высших родовых понятий - представивания, чувствования и желания; тут при помощи ограничения (т.е. путем обратным тому, который замечается в эмпирической науке), этим понятиям, насколько оно подходит, подчиняется наблюдаемое разнородное. Если теперь к ненаучно образованным понятиям того, что в нас происходит, прибавляется предположение способностей, которыми мы владеем, то психология превращается в мифологию" [73, с.98-99]. Чтобы психология не превратилась в мифологию, необходимо использовать какую-то объясняющую схему. Откуда она может взяться? Понятно, не из опыта. Посмотрим, что делает Герbart. Во-первых, он использует "метод отношений". Поскольку опыт дает недостаточное понимание фактов, можно использовать процедуры, способствующие такому пониманию. "Та операция мышления, которою улучшается недостаточность, называется дополнением. И где недостаточность

эмпирического наблюдения неизбежна, там должно быть принято дополнение умозрительным путем. А это возможно только при помощи указания отношений, т.е. таких реляций, в силу которых одно необходимо предполагает другое, и, что является признаком этого, одно без другого немыслимо" [72, с.34-35]. В "Главных положениях метафизики" И.Герbart поясняет, что представляет собой метод отношений: "Метод отношений употребляется для отыскания необходимых дополнительных понятий, если они скрыты. Этого метода нельзя приравнять к математической формуле, которой можно беспечно верить при вычислении. Он только описывает в общем (до известного пункта), какое направление неизбежно примет мыслитель, занявшись данным противоречием. Но без ближайшего знакомства с проблемой его совсем нельзя применять. Прежде всего, при помощи аналитического рассмотрения, проблема должна быть доведена до такой совершенной отчетливости, чтобы можно было ясно мыслить как противоречие то, что только чувствовалось как трудность. Если пункт противоречия в точности найден, то является необходимым его противоречивое отрицание. Обозначив главное понятие через A , различим в нем два члена - M и N , которые оно допускает как тождественные и которые все-таки (по какому нибудь признаку, хотя бы одному) относятся к другу как *да* и *нет*. Противоречие не заключается ни в одном из членов, взятом самим по себе: оно заключается в их воображаемом тождестве. Это тождество и должно быть отрицаемо" [72, с.35]. Не буду подробно описывать метод, остановлюсь лишь на ближайших следствиях. "Вся психология не может быть ничем иным, кроме дополнения внутренне воспринимаемых фактов" [72, с.36]. "*Данное в опыте не может быть мыслимо без предположения скрытого*. А так как науке не дано ничего другого, кроме опыта, то в нем она должна встретить и познать следы всего того, что движется и действует за занавесью. Следовательно, в этом смысле она должна переступить опыт" [72, с.36]. По-видимому, И.Герbart был первым, кто фактически поставил вопрос не только об основаниях психологии как науки, но и о логике развертывания теории. Где эту логику можно позаимствовать? Герbart анализирует следующие возможности ("Полезно будет предварительно сравнить психологию с тремя главными отраслями естествознания [73, с.98]): 1) естественная история: "...

в основании психологии не лежит никакого материала, который можно было бы ясно видеть, определенно указать, подчинить правильному и постепенно восходящему вверх обобщению" [73, с.98]. "По этой неопределенности низших понятий, сейчас же видно, что восприятие психологических фактов, неопределенное с самого начала, не допускает никакой чисто *естественной истории духа*" [73, с.99]; 2) эмпирическая физика: "эмпирическая физика, не знающая собственных сил природы, приходит к известным правилам, с которыми соотносятся явления. При помощи *приведения* (*Zurückführung*) к этим правилам, она вносит связь в многообразное содержание явлений. Великими вспомогательными средствами при ее открытиях являются эксперименты с искусственными приборами и вычисление" [73, с.99-100]. "Психология не смеет экспериментировать над людьми, и не имеет для этого никаких искусственных приборов. Тем старательнее нужно ей пользоваться помощью вычисления. Через него прежде всего достигается научная определенность основных понятий; затем начинается дело приведения" [73, с.100]; 3) физиология: "Физиология, рассматривая животную жизнь, употребляет три главных понятия, именно: живости (*Vegetation*), раздражительности (*Irritabilitat*) и чувствительности (*Sensibilitat*). Если попытаться сравнить способность чувствования с чувствительностью, способность желания с раздражительностью и способность представления с живостью, то окажется, что (насколько, по крайней мере, проливает свет эта аналогия), в то время, когда во сне бывает незаметной чувствительность, продолжается живость, и что раздражительность мускулов получает новые силы..." [73, с.100]. "... вся душевная жизнь человека несравненно более переменчива, чем какой бы то ни было предмет физиологии" [73, с.100].

Герbart резюмирует. Хотя психология должна основываться на опыте и эти вопросы развиваются в общей метафизике, однако дальнейшая разработка "требует, сверх того, высшей математики, потому что представления должны быть рассматриваемы как силы, действие которых зависит от их напряженности (*Starke*), противоположностей и связей, а все это различается по степеням" [73, с.101].

Для Гербарта главное - представить механику психической жизни. Недостаток предшествующей психологии Герbart видит в

том, что "оставляют совершенно скрытой сущность психического механизма" [73, с.103]. Гербарт строит статику и механику духа, опираясь на математические закономерности. Здесь нет возможности останавливаться на психологических теориях Гербарта. Наш краткий анализ касается лишь методологии, причем в той ее части, которая относится к обоснованию возможности существования психологии как науки.

Возможна ли научная психология, подобная гербартовской? По-видимому, возможна. Опыт развития математической психологии в XX столетии это подтверждает. Но, очевидно, что для выделения из философии в качестве самостоятельной науки этого оказалось недостаточно. Собственно говоря, задачи *отделения от философии* Гербарт и не ставил! Это обстоятельство крайне важно подчеркнуть: вопрос о выделении не стоял - внутренней потребности отделиться пока не существовало. Психология продолжала оставаться философской, но Гербарт пытался сделать ее наукой. Для этого он выполнил, насколько это было возможно, методологические требования, исходящие и от Фихте, и от Канта. А попытка *конституировать психологию как науку* во многом удалась. Как мы помним, по Канту, психологии не хватало использования математики и эксперимента. Отказавшись от эксперимента, и сосредоточившись на применении математики в психологии, Гербарт сделал шаг к приближению к идеалам научности. В связи с этим, необходимы, на наш взгляд, некоторые уточнения. Известно, к примеру, утверждение Рибо, что Гербарт даже не предчувствовал появления трудов по психофизике, которые показали возможность экспериментального исследования ощущений. Психофизика, как область физиологии и физики ощущений (Вебер, Гельмгольц и др.) или дисциплина, призванная решить глобальные философские вопросы (Фехнер), Гербарта не очень интересовала, т.к. он решал задачу создания психологии как науки, поэтому ориентировался на факты сознания (представления, чувства, волю), а до экспериментов в этой области было еще очень далеко. Гербарт был психологом, работавшим *внутри психологии*, решавшим внутренние психологические проблемы. Ни Вебер, ни Гельмгольц, ни Фехнер психологами не были. Конечно, справедливо утверждение А.Н.Ждан, что "само применение математики оказалось неудачным. Впервые эту поставленную Гербартом задачу осуществил

Г.Фехнер" [95, с.131]. Но не стоит забывать, что у Гербарта математика использовалась в качестве "теоретического" средства развертывания психологической теории, а у Фехнера как решение специальной задачи, связанной с обработкой эмпирического материала, т.е. речь шла о существенно различающемся использовании математики (см. раздел 3.3).

Могла ли гербартовская логика привести к отделению психологии от философии? На мой взгляд, нет. Отделиться от философии означало продемонстрировать несходство науки с философией. Первое отличие, безусловно, эксперимент. Как мы помним, Герbart экспериментировать "не смел". Второе. Герbart утверждал, что его психология основана на опыте. Но она так и не стала эмпирической (в современном значении этого слова). По вольфовской классификации, это была бы скорее "теоретическая" психология. (Кстати отмечу, что Герbart выделял в своей концепции и эмпирическую и рациональную психологии). Третье. Герbart отчетливо осознавал, что для приобретения статуса науки психология должна "упободобиться" какой-то науке, "научность" которой сомнению не подлежит (т.е. естественной науке). Мы видели, что Герbart рассмотрел эти возможности. С точки зрения современной психологии (да, пожалуй, и науки середины XIX столетия) такой наукой была физиология. Принцип психофизиологического параллелизма позволял "запараллелиться" с "настоящей" наукой, но сохранить свою самостоятельность. Этой возможности для Гербарта еще не существовало (напомним, шел 1816 год, а физиологии органов чувств и нервной системы предстоял этап интенсивнейшего развития; как мы видели, в физиологии "1816 года" такой основы попросту не существовало). И последнее, может быть, самое главное. Психология приступила к обоснованию своей научности. Герbart свой выбор сделал: психология должна быть естественной наукой по образцу физики. Статика и механика представлений была Гербартом описана. Но задача отделения от философии - другая задача и возникла она, на мой взгляд, позднее. И, как это часто было в истории психологии, под влиянием внешних причин. По моему мнению, существенное влияние на инициацию процессов отделения психологии от философии оказала положительная философия О.Конта.

3.1.4. Классическая эмпирическая психология

Необходимо, хотя бы в нескольких словах, охарактеризовать эмпирическую психологию, которая представляла доминирующее направление в психологии первой половины XIX столетия. В результате усиливаются течения в психологии, которые назывались эмпирическими. Напомню, что основателем эмпиризма был Д.Локк (1690) [156]. Представляется полезным напомнить современному читателю, что эмпирическая была вовсе не то, что ассоциируется со словом "эмпирический" сегодня. Эмпирическая психология настаивала на том, что идеи возникают в опыте. В этом смысле и использовалось название - эмпирическая, опытная психология. Эмпирическая психология утверждала, что необходим переход от рассуждений о душе к изучению душевных явлений. Но было бы большим заблуждением полагать, будто эмпирическая психология занималась эмпирическим изучением психических явлений. Этого, разумеется, не было. И поэтому чрезвычайно широко распространенное убеждение, согласно которому в эмпирической психологии использовалась интроспекция как метод добывания эмпирических фактов, оказывается мифом. Эмпирическая психология как разновидность психологии философской не нуждалась в опытных исследованиях: данные, полученные с помощью самонаблюдения (эпизодического, бессистемного, неконтролируемого), использовались как подтверждающие примеры, не более того. Это была, повторим, классическая философская психология. На это проницательно указал в блестящем очерке "Развитие экспериментальной психологии" П.Фресс: "Оставаясь эмпирической в отношении источника идей, вся эта школа развивает психологию своим анализом психической жизни, который всем еще обязан проницательности философа, склонного к созданию стройных систем" [298, с.18]. Итак, констатируем, что эмпирическая психология вовсе не была эмпирической наукой в современном смысле слова.

Разумеется, здесь нет возможности дать анализ эмпирической психологии. Остановимся лишь на некоторых моментах, имеющих, на наш взгляд, непосредственное отношение к превращению психологии в науку. "XIX век является веком триумфа ассоциа-

низма. Закон ассоциаций рассматривался как основное явление душевной жизни.

В ассоцианизме видели теорию, которую можно применить к вопросам политики, морали, воспитания" [95, с.135]. Ассоциативная эмпирическая психология в Англии была представлена такими именами, как Томас Браун, Джеймс Милль, Джон Стюарт Милль, Герберт Спенсер, Александер Бэн. Важно подчеркнуть, что в работах Д.С.Милля и Г.Спенсера произошло соединение ассоциационизма с позитивизмом.

В доктрине ассоциационизма предполагалось, что единственным методом исследования духа (напомним, книга Т.Брауна называлась "Лекции по философии человеческого духа", а главный труд Джеймса Милля "Анализ явлений человеческого духа") полагалось самонаблюдение. Т.Браун выдвинул аналогию, которая использовалась многими исследователями, разрабатывавшими психологию. В начале XIX столетия бурно развивалась химия. Если в предшествующих исследованиях пытались строить "механику" ассоциаций, то Браун предложил в качестве модели химию. Брауном была предложена идея виртуального анализа в психологии. "Как в химии качества отдельных ингредиентов сложного тела не узнаются нами в качествах самого сложного тела, так и в своеобразной химии духа сложное чувство, происходящее от первичных чувств через ассоциацию, на первый взгляд имеет мало сходства с составными его частями как существующими первоначально в элементарном состоянии, так что требуется напряженная сосредоточенность мысли, чтобы разложить и разделить на част совокупность, которая могла составиться раньше в продолжение нескольких лет. Что делает химик по отношению к материи, то же самое делает интеллектуальный аналитик по отношению к духу. В отличие от анализа в других науках, которые имеют дело с веществом, анализ в отношении духа не может дать реального расчленения психических явлений: самое сложное чувство есть всегда одно чувство, нет половины чувства радости или скорби" [95, с.137]. Джеймс Милль в 1829 году публикует книгу "Анализ явлений человеческого духа", которая оценивается "как наиболее прямолинейная и бескомпромиссная реализация механистического подхода к психике с позиций "жесткого" ассоцианизма" [340, с.181]. Дж.Милль, как и Браун, считает интроспекцию един-

ственным средством, позволяющим исследовать сознание. В отличие от Т.Брауна, Дж.Милль строит не умственную химию, а механику. Ментальные образования представляют собой соединения по типу механики. Сын Дж.Милля, Джон Стюарт Милль вернулся к идеям Брауна о ментальной химии (на работах Д.С.Милля мы остановимся особо, т.к. работы Д.С.Милля - в первую очередь "Система логики" - оказали на формирование психологии как науки значительное методологическое влияние. См. разд. 3.1.6.).

Отметим, что в английском ассоциационизме сложилось устойчивое представление (а английская эмпирическая психология имела высокий авторитет - Д.С.Милль и Г.Спенсер были "властителями дум" в первой половине девятнадцатого столетия), что психология может развиваться по образцу какой-то из естественных наук: физики, механики, химии. Образец дает общую схему, эскиз, а конкретные данные дает самонаблюдение. Самонаблюдение "контролирует" и "сцепление" психологических понятий (для того, чтобы полученная картина была достоверной): метод, использованный Вольфом, продолжает работать в психологии.

В заключение этого раздела обратим внимание на одну особенность ассоциационизма, подмеченную М.Г.Ярошевским. Речь идет об афизиологизме. "Ассоциативное направление, включая примыкавшие к нему концепции Гербарта (и другого немецкого философа - Бенеке), выступило в первой половине прошлого века как афизиологическое. Этим оно существенно отличалось от ассоцианизма XVII-XVIII вв., пафос которого состоял в том, чтобы объяснить связь и смену психических явлений объективной динамикой телесных процессов, понимавшейся сперва по типу механики, затем акустики (учения о вибрациях)" [340, с.183]. Ассоциации стали пониматься в психологии первой половины XIX века как имманентный принцип сознания. То, что в английской психологии и у И.Гербарта выступила проблема закономерностей душевной деятельности (которые не могли сводиться к физиологическим, в силу упоминавшейся афизиологичности концепций), явилось важнейшей предпосылкой выделения психологии. Наличие собственных законов – обязательное условие самостоятельности науки. Методологический анализ этого вопроса, как мы увидим, был осуществлен Д.С.Миллем.

3.1.5. Огюст Конт

О.Конт (1798-1857), как хорошо известно, не только не был психологом, но и скептически относился к возможностям психологии как науки. Именно контовская критика, как можно полагать, стимулировала выделение психологии в самостоятельную науку.

О.Конт сформулировал "закон интеллектуальной эволюции человечества, или закон трех стадий": "Согласно моей основной доктрине все наши умозрения, как индивидуальные, так и родовые, должны неизбежно пройти, последовательно, через три различные теоретические стадии, которые смогут быть здесь достаточно определены обыкновенными наименованиями теологическая, метафизическая и научная... Первая стадия, хотя сначала необходима во всех отношениях, должна отныне всегда рассматриваться как чисто предварительная; вторая представляет собой в действительности только видоизменение разрушительного характера, имеющее лишь временное назначение - постепенно привести к третьей; именно на этой последней, единственно вполне нормальной стадии, строй человеческого мышления является в полном смысле окончательным" [131, с.10]. Итак, научность в первой половине XIX столетия наполняется новым содержанием. О.Конт резко, остроумно критикует теологическую и метафизическую философию. В качестве основного признака положительной, позитивной стадии развития формулируется "закон постоянного подчинения воображения наблюдению". "Умозрительная логика до сих пор представляла собой искусство более или менее ловко рассуждать согласно смутным принципам, которые будучи недоступными сколько-нибудь удовлетворительному доказательству, возбуждали постоянно бесконечные споры. Отныне она признает, как основное правило, что всякое предложение, которое недоступно точному превращению в простое изъяснение частного или общего факта, не может представлять никакого реального и понятного смысла. Принципы, которыми она пользуется, являются сами не чем иным, как действительными фактами, но более общими и более отвлеченными, чем те, связь которых они должны образовать. Каков бы ни был, сверх того, рациональный или экспериментальный метод их открытия, их научная сила постоянно

вытекает исключительно из их прямого или косвенного соответствия с наблюдаемыми явлениями. Чистое воображение теряет тогда безвозвратно свое былое первенство в области мысли и неизбежно подчиняется наблюдению (таким путем создается вполне нормальное логическое состояние), не переставая, тем не менее, выполнять в положительных умозрениях столь же важную, как и неисчерпаемую, функцию в смысле создания или совершенствования средств как окончательной, так и предварительной связи идей. Одним словом, основной переворот, характеризующий состояние возмужалости нашего ума, по существу, заключается в повсеместной замене недоступного определения причин в собственном смысле слова - простым исследованием законов, т.е. постоянных отношений, существующих между наблюдаемыми явлениями. О чем бы ни шла речь, о малейших или важнейших следствиях... мы можем действительно знать только различные взаимные связи, свойственные их проявлению, не будучи никогда в состоянии проникнуть в тайну их образования" [131, с.17].

О.Конт выступал, что важно подчеркнуть, против абсолютизации роли опыта: "После того, как подчинение воображения наблюдению было единодушно признано, как первое основное условие всякого здорового научного умозрения, неправильное толкование часто приводило к тому, что стали слишком злоупотреблять этим великим логическим принципом, превращая реальную науку в своего рода бесплодное накопление несогласованных фактов, присущее которому достоинство могло бы состоять только в его частичной точности. Важно, таким образом, хорошо понять, что истинный положительный дух, в основе, не менее далек от эмпиризма, чем от мистицизма; именно между этими двумя одинаково гибельными ложными путями он должен всегда прокладывать себе дорогу..." [131, с.19]. Наука, согласно Конту, заключается именно в законах: факты, как бы точны и многочисленны они ни были, являются лишь сырым материалом. Предвидение возможно лишь на основе знания законов. Основные положения позитивизма быстро распространились благодаря трудам самого Конта и его сподвижников - Джона Стюарта Милля и Герберта Спенсера.

Остановимся на взглядах Конта на психологию. Во-первых, Конт отвергает возможность интроспекции. Наблюдение человека за своими умственными процессами уподобляется Контом "чело-

веку, который в окно пытается увидеть себя, идущим по улице". Как писал об этом Д.С.Милль, Конт "полагал, что наш ум в состоянии наблюдать все другое, кроме себя самого, что мы не в силах наблюдать свое наблюдение и рассуждение во время самих процессов; и если бы захотели сделать это, то внимание к самому рефлексу уничтожило бы его объект, остановив собою наблюдаемый процесс" [183, с.59]. (О критике Контом метода самонаблюдения см. в разд. 3.2.2.). Во-вторых, о психологии Конт везде высказывается с явным пренебрежением. Оно вызвано тем, что, согласно вышеприведенному закону трех стадий, психология явно находится на второй, метафизической стадии. Следовательно, на звание позитивной науки претендовать не может. В-третьих, в классификации наук, разработанной Контом, психологии вообще не находится места. "Изучение умственных явлений или, как он выражается, интеллектуальных и нравственных отправления, помещено у него под рубрикой биологии, но и то как ветвь физиологии" [183, с.58]. Примечательно, на наш взгляд, что для исследования "интеллектуальных и нравственных отправления" Конт предлагал френологию. Как об этом писал Джон Стюарт Милль: "Стыдно сказать: - френологию!" [183, с.60]. Примечательно, собственно говоря, то обстоятельство, что Конт чувствовал: психологии необходима естественнонаучная "привязка". Конт увидел ее в анатомии мозга.

Нам представляется верным вывод Д.С.Милля: "Поэтому, не отрицая той помощи, какую изучение мозга и нервов в состоянии оказать психологии (а оно принесло и принесет еще большую помощь), мы можем утверждать, что Конт не сделал ничего для установки положительного метода в науке духа" [183, с.61]. Вместе с тем, мы можем утверждать, что косвенно Конт повлиял на психологию, причем очень сильно. В первую очередь тем, что, фактически, из контовской критики психологии вытекала задача разработки позитивного метода в психологии. Конт оставил "на долю своих преемников - Бэна и Спенсера, отнесшихся к предмету с двоякой точки зрения: психологической и физиологической - развитие психологической ветви положительного метода, равно как и самой психологии" [183, с.61].

У психологии, "обиженной" О.Контом, должны были найтись защитники. И они, конечно, нашлись.

3.1.6. Джон Стюарт Милль

Д.С.Милль (1806-1873), сын Джеймса Милля, оказал огромное влияние на развитие психологической науки своей "Системой логики" (1843) [180, 181, 184]. Д.С.Миллем была разработана методология "индуктивных наук", которой так или иначе руководствовались не только современники, но и представители следующего поколения, которым и было суждено сделать психологию самостоятельной наукой.

Знаменитое сочинение Д.С.Милля "Система логики силлогической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования"[184] действительно изменило интеллектуальный климат XIX столетия. Как писал Г.Риккерт, "Д.С.Милль первый сделал попытку создать систематическую логику наук о духе" [234, с.193]. "Изучая приемы исследования в области точных наук, Милль хотел узнать не столько то, как совершались научные открытия в этих областях науки, сколько то, каким образом исследователи сами приходили к убеждению и убеждали других в том, что их заключения правильны. Изучив, в чем видят здесь критерий истинности и каковы принципы доказательства, Милль и задался целью формулировать их так, чтобы они могли прилагаться к положениям политики, этики, истории, психологии... В действительности у Милля обзор научных методов должен был служить всего лишь введением к шестой книге его "Системы логики" - к логике нравственных наук" [185, с.311-312]. К сожалению, здесь нет возможности хотя бы обозначить те методологические положения, которые без преувеличения составили "руководство для желающих преуспеть в науках". В качестве примера сошлемся лишь на то, что Г.Т.Фехнер, разработавший в своих "Основах психофизики" специальные психофизические методы (метод истинных и ложных случаев, метод границ, метод минимальных изменений), явно руководствовался миллевским описанием четырех "методов опытного исследования" [234]. Можно сказать, что "Система логики" открыла новую эру в науке, когда философские соображения о методах и средствах научного исследования выделились в специальную дисциплину - предшественницу научной методологии.

В шестой книге, о которой уже упоминалось, как нам представляется, сделан еще один необходимый шаг, без совершения которого выделение психологии в качестве самостоятельной науки произойти не могло. Д.С.Милль, полемизируя с Контом, приходит к очень важному выводу: "остается бесспорным, что между духовными состояниями существуют единообразия последовательностей и что единообразия эти можно устанавливать при помощи наблюдения и опыта" [234, с.774]. Милль отмечает, что предметом психологии служат единообразные последовательности - законы духа, одни из которых имеют более общий характер, другие более частный. Милль признает связь психических явлений с нервными, физиологическими состояниями. И делает вывод, имеющий, на наш взгляд, решающее значение: "Таким образом, последовательностей психических явлений нельзя вывести из физиологических законов нервной системы; а потому за всяким действительным знанием последовательностей психических явлений мы должны и впредь (если не всегда, то, несомненно, еще долгое время) обращаться к их прямому изучению путем наблюдения и опыта. Так как, таким образом, порядок наших психических явлений приходится изучать на них самих, а не выводить из законов каких-либо более общих явлений, то существует, следовательно, отдельная и особая наука о духе" [234, с.774-775]. Эту программу, связанную с обоснованием самостоятельности психологии было суждено выполнить Вильгельму Вундту. К описанию того, как была осуществлена эта миссия, мы переходим. Но прежде необходимо ответить на вопрос, который, возможно, возник у читателя - профессионального психолога. Даже в учебниках отмечается, что возникновению психологии как самостоятельной науки предшествовали успехи физиологии органов чувств и психофизики. В настоящем тексте об этом практически ничего еще не сказано, а раздел, посвященный Вундту - создателю научной психологии, близок. Дело в том, что книга посвящена не описанию истории психологии. Действительно, физиология ощущений и психофизика способствовали выделению психологии. Но это влияние было косвенным. Ни Гельмгольц, ни Вебер, ни Фехнер *психологией* не занимались. Они много сделали для разработки методов и методик в смежных для психологии областях. Каждый из прекрасных ученых и тонких исследователей решал свои научные задачи.

Психология позаимствовала, "аннексировала" эти научные проблемы и методы их решения, переосмыслив результаты в свете предмета научной психологии. (Об этом см. в разделе, посвященном методу эксперимента в научной психологии 3.3.). Психофизика Фехнера находилась "в другой плоскости", нежели психология как наука. Уильям Джемс очень ярко описал отношение фехнеровской психофизики к психологии: "Книга Фехнера была отправной точкой новой литературы, которая по тонкости и доскональности не имеет себе равных, но психологический выход которой по скромному мнению автора, пишущего эти строки, равен нулю"(цит. по [28]). "В другом месте он охарактеризовал Фехнера и его психофизику следующим образом: "Если когда-нибудь существовал "пещерный идол", то фехнеровская Massformel и представление о ней как окончательном "психофизическом законе" станет таким "пещерным идиолом". Сам Фехнер был германским Gelernter идеального типа, мистиком и экспериментатором, дерзким и скромным, лояльным как к фактам, так и к теории. Но было бы ужасно, если бы даже такой милый старик, как Фехнер, сумел навеки оседлать нашу Науку своими нудными капризами и в мире, изобилующем куда более достойными внимания объектами, принудить всех будущих ученых продираться не только через трудности своих собственных работ, но и через бескрайнюю пустыню работ, написанных в его опровержение. Те, кто хочет, могут раскопать эту отвратительную литературу; она обладает "дисциплинарной ценностью", но я бы никогда не упомянул ее даже в сноске. Самое забавное во всей этой истории, что критики Фехнера, наголову разбив его теории и не оставив от них камня на камне, считали обязательным в заключение сказать, что тем не менее Фехнеру принадлежит неувыдаемая слава, так как он впервые сформулировал эти теории и тем самым превратил психологию в точную науку.

"Наш герцог сокрушил врага
Хвала ему и честь!"
Вдруг юный Петеркин спросил:
"А толк в той битве есть?"
"Не знаю... не могу сказать," -
Глашатай отвечал.
"Но был такой великий шум,

Что всяк его слышал!"

Читатель, конечно, понимает, что автор не согласен с Джемсом" (цит. по [28]). Эдвин Боринг, длинная цитата из книги которого была приведена выше, считает, что без Фехнера или без того, кто неизбежно занял бы его место, все равно появилась бы экспериментальная психология. И в этом он абсолютно прав, потому что Фехнер психологом не был. А у Фехнера "была плодотворная идея, которая проросла и дала обильные всходы. И ее развитие еще не закончилось" [28, с.32].

Уильям Джемс, язвительное замечание которого было приведено выше, по своему был совершенно прав: для психологии как науки, которая должна описывать человеческую душу, поток сознания, измерения, подобные фехнеровским имеют действительно невеликое значение. Поэтому вряд ли можно считать Фехнера или Вебера прямыми предшественниками научной психологии.

Хочется закончить этот раздел словами восхищения. Восхищают "люди науки" (если воспользоваться выражением Френсиса Гальтона), чьими трудами и фантастической энергией была создана психология. Люди, которые блистали талантами, были разносторонне одаренными, помимо научных дарований были прекрасными писателями, причем фантастически плодовитыми. Биография многих похожа на увлекательный роман... Скажем только о Фехнере, "обиженном" Джемсом в цитированном выше отрывке. Возможно, это позволит лучше представить современному психологу масштаб деятельности ученых прошлого века, да и просто оценить трудолюбие и научную добросовестность. Одно из многочисленных исследований Фехнера по психофизике: "в двух, продолжавшихся каждая по 32 дня, сериях опытов с подниманием тяжестей общее число отдельных подниманий составило в каждой серии 24576" [232, с.312]. Кто из современных психологов и испытуемых-студентов готов к таким подвигам во имя науки? Романтики от науки в девятнадцатом веке совершали их с легкостью, "просто" делая свое дело: раз наука должна основываться на фактах, она их получит... Да и научная продуктивность у большинства ученых прошлого века была фантастической... Густав Теодор Фехнер был вначале врачом, затем стал физиком, потом профессором физики. Опубликовал ряд выдающихся, по свидетельству П.Фресса, работ о дополнительных цветах и количественных из-

мерениях электрических токов. Проводя оптические исследования, частично потерял зрение и "в результате нервной депрессии" он оставляет физику и приходит к психофизике. В течение всей своей научной карьеры Фехнер публикует философские труды, в которых пытается доказать единство, тождественность духа и материи. Из научных трудов на русском была опубликована его книга "Жизнь после смерти" [292]. И теперь читателя, наверное, уже не удивит, что Густав Теодор Фехнер был еще и литератором - правда, юмористические произведения (имеющие характер безобидной сатиры) он публикует под псевдонимом Dr.Mises. Еще он создал экспериментальную эстетику. А его концепция "духа земли" в свете научных концепций конца двадцатого века выглядит вполне современно... Впрочем, мы явно увлеклись.

3.1.7. Вильгельм Вундт

Вильгельм-Макс Вундт (1832-1920) "был одновременно первым психологом и первым мэтром этой новой дисциплины" [298, с.31]. Причем "первым психологом" В.Вундт оказался вполне осознанно. В предисловии к первому изданию "Оснований физиологической психологии" Вундт в марте 1874 года писал: "Предлагаемый публике труд имеет целью ограничение новой области в науке. Я хорошо сознаю, что моя попытка может быть сочтена преждевременною. В самом деле, даже анатомо-физиологические основания излагаемой науки еще не достаточно утверждены, а экспериментальная разработка психологических вопросов едва лишь начата. Но известно, что ориентировка в действительном состоянии науки, хотя бы только возникающей, есть лучшее средство для выполнения существующих в ней пробелов. Чем несовершеннее будет в этом отношении моя попытка, попытка, надо сказать, первая, тем скорее она вызовет труды ее дополняющие и исправляющие. Кроме того именно в этой области решение многих проблем существенно зависит от связи их с фактами, которые на первый взгляд часто кажутся не имеющими сюда никакого отношения, так что только ближайшее рассмотрение этих проблем может показать верный путь к их разрешению" [51, с.III].

Вильгельм Вундт предпринял попытку построения физиологической психологии. Хотя Вундт является основателем научной психологии, что практически никем не оспаривается, вокруг имени ученого и его трудов существует много легенд, недоразумений, да и просто несправедливых оценок. Безусловно, многочисленные исследования В.Вундта заслуживают специального историко-методологического анализа. Да и сам "отец научной психологии" заслуживает научной биографии... Остановимся (с нескрываемым сожалением) лишь на некоторых моментах.

Вундт подчеркивает, что его работа представляет собой опыт соединения двух наук, которые, имея общий предмет, достаточно долго шли различными путями. Физиология имеет задачей изучение жизненных явлений, которые воспринимаются нашими внешними чувствами. В психологии человек непосредственно рассматривает свой внутренний мир и старается привести в связь явления, представляемые этим внутренним опытом.

"Мы называем нашу науку физиологической психологией, потому что она есть психология, изучаемая с физиологической точки зрения" [51, с.2]. В этой науке психологическое самонаблюдение идет "рука об руку" с методами экспериментальной физиологии. "Если иметь в виду главным образом самостоятельность метода, то нашу науку можно назвать экспериментальной психологией, в отличие от психологии, основанной исключительно на самонаблюдении" [51, с.2]. Вундт указывает, что ядром новой науки послужили две области: ощущения, представляющие собой психологический факт, непосредственно зависящий от известных внешних условий, и произвольное движение, факт физиологический, причины которого могут быть познаны только самонаблюдением.

Необходимо сказать, что Вильгельм Вундт достаточно противоречивый, эклектический мыслитель. Поэтому легко выстраиваются упрощенные схемы, которые не оправдываются при знакомстве с текстами. Сам Вундт был проницательным психологом, отдававшим себе отчет в реальной сложности объекта психологии, поэтому сводить его взгляды к примитивной модели вряд ли правомерно. Да и 53735 страниц вундтовских трудов (по подсчетам Эдвина Боринга [357]) к этому не располагают.

Известно, что Вундт окончил медицинский факультет, отказался от карьеры практикующего врача, начал заниматься исследовательской деятельностью в области физиологии в Гейдельберге, где он сотрудничал с лабораторией Гельмгольца. Как отмечают историки психологии [340], хотя Вундт и Гельмголец относились друг к другу с уважением, "тесной дружбы" между ними не было. По нашему мнению, одной из причин такого положения вещей была различная научная мотивация их исследований: Гельмгольца интересовали конкретные научные вопросы физиологии ощущений, а Вундт пытается обосновать новую научную дисциплину - экспериментальную психологию. Уже в ранней вундтовской работе "Beitrage zur Theorie der Sinneswahrnehmung" (1862) [425] он рассуждает об экспериментальной психологии, опираясь на результаты собственных экспериментов. Он, ссылаясь на Гербарта, также утверждает, что психология должна быть наукой, но основываясь на эксперименте. Курс лекций Вундта с 1862 года называется "Психология с точки зрения естественных наук". (С этим будут полемизировать многие: от Brentano, чей основной труд назывался "Психология с эмпирической точки зрения", до Уотсона, написавшего "Психологию с точки зрения бихевиориста"). В "Лекциях о душе человека и животных"(1863) [426] Вундт излагает свою программу "двух психологий": физиологической, где допустимо экспериментирование, и психологии народов, где экспериментирование невозможно и где используется исторический метод.

В 1874 году, когда выходит труд Вундта "Основы физиологической психологии" [430] (русский перевод 1880 года [51]), объем которого превышает тысячу страниц, становится ясно, что новая психология заявила о себе в полный голос. Каковы ее основные черты?

Вундт отвергает трактовку внутреннего опыта как субстанции. "Последние элементы, из которых самостоятельная психологическая теория выводит все сложные явления в области внутреннего опыта, суть не метафизические предположения относительно сущности души, но лишь непосредственно данные простые факты внутреннего опыта. Так как вся область внутренних явлений представляет характер непосредственности, то элементарные факты этой области тоже должны быть непосредственными. Итак,

психология имеет то важное преимущество перед физическими науками, что ее теория совершенно не нуждается в метафизических гипотезах. Психология все более и более будет становиться чисто опытной наукой, тогда как физика, в известном смысле, получает характер гипотетичности" [51, с.1010-1011]. Если психология теперь наука о непосредственном опыте, то, естественно, основным методом является метод внутреннего наблюдения. Эксперимент выполняет роль вспомогательного метода. Предмет и метод находятся в тесной взаимосвязи: раз теперь изучается непосредственный опыт, то самонаблюдение должно направляться на то, чтобы исследовать структуру этого опыта. Вундт указывает, что психология находится еще в зачатке: частично по причине сложности явлений внутреннего опыта и сложности их исследования, частично из-за вредного влияния гипотез, перешедших в психологию из метафизики. Поэтому в настоящее время, считает Вундт, психология должна сосредоточиться на предварительной работе: "Путем внимательного анализа сложных фактов сознания, психология должна отыскать основные, элементарные явления внутреннего опыта; указав те соединения, в которые вступают эти элементы, и те изменения, которым они подвергаются, психология приготовит почву для будущего синтеза психологических фактов" [51, с.1011]. Вундт называет элементы - первичные факты сознания: "На первый взгляд может показаться, что первичными фактами сознания являются различные элементы - ощущение, чувство, воля..." [51, с.1011]. Заметим, что в нашей психологической литературе так и принято считать: Вундт расчленяет сознание на ощущения, чувства, волю. Между тем, Вундт иного мнения: "...действительным элементом всех душевных явлений мы должны признать ту деятельность, в которой первоначально соединены и ощущение и воля. Эта первичнейшая форма психической деятельности есть... побуждение" [51, с.1011]. Действительно, Вундт называл себя волюнтаристом. Вундту, как выясняется, не чужды идеи развития. "Итак, путем исследования произвольных действий, мы нашли, что побуждение есть общий исходный пункт развития как для представления, так и для воли; после этого не трудно убедиться, что, в частности, представления и вообще все сложные явления сознания заключают в себе побуждение как первичный элемент" [51, с.1012]. Вероятно, для тех, кто

по-прежнему считает, что Вундт - "интроспекционист, изучающий замкнутое в себе сознание", трудно поверить, что он мог так высказываться: "В первичный синтез всегда входит, как содействующий фактор, движение; можно думать, что это движение обусловливается элементарным побуждением..." [51, с.1012]. Иными словами, Вундт многолик, и внутри его системы есть положения, свидетельствующие, что к внутреннему опыту можно подходить по-разному: можно изучать структуру (с этого надо начинать), можно изучать его развитие или, вообще, рассматривать как процесс.

Словно предчувствуя, что его взгляды будут пониматься зачастую не вполне адекватно, Вундт писал: "Но мы нимало не играем в науку, если будем насильственно сводить сложные явления к какой-нибудь простой схеме. Единственная задача психологической теории, в которой можно рассчитывать на успех, - заключается в том, чтобы выработать, по синтетическому методу, психическую историю развития" [51, с.1012].

Итак, автором программы, которая позволила психологии институализироваться в качестве самостоятельной науки, выступил В.Вундт. Историки психологии, изучавшие этот вопрос [248, 237, 340, 356, 401, 407], выделили целый комплекс причин, обусловивших эту институализацию. Среди них и использование специфических методов, и развитие смежных наук, и требования практики, и, разумеется, выделение предмета, позволяющего заявлять о несовпадении с философией, от которой психология и мечтала отделиться. Мощным фактором, стимулировавшим интерес к проблеме автономности психологии, явилась знаменитая работа О.Конта, посвященная классификации наук. По О.Контю, психологии не нашлось места в системе наук на том основании, что психология представляла собой не науку, а метафизику. Напомним, что согласно Контю, знание проходит следующие ступени: мифология, метафизика, позитивная наука. Таким образом, обязательными требованиями для разработки программ построения психологии как самостоятельной науки явились как отчетливо артикулированный отказ от метафизики, так и объявление психологии наукой опытной, эмпирической, позитивной. В крайнем случае можно было поставить задачу разработки новой "научной метафизики". Итак, благодаря заслугам В.Вундта, психология в

последней четверти девятнадцатого века становится самостоятельной научной дисциплиной. Существовали альтернативные программы построения психологии как самостоятельной науки (Ф.Брентано [358], И.М.Сеченов [257]), но "отцом" научной психологии стал В.Вундт. Физиологическая психология была принята научным сообществом, т.к. все требования были выполнены. Психология была опытной наукой, использующей измерение и эксперимент. Психология имела свои собственные законы, не сводимые ни к физиологическим, ни к каким иным. Вместе с тем, благодаря психофизиологическому параллелизму психология была приближена к естественным наукам. Все вместе настолько отличало физиологическую психологию от философии, что выделение состоялось. Психология стала самостоятельной. А стала ли она наукой?

3.1.8. Психология: научная и самостоятельная

А была ли она вообще наукой? Вопрос совсем не так прост, как это может показаться. Большинство исследователей вообще предпочитают не останавливаться на этом моменте. Специальное исследование по этому поводу было проведено С.Л.Рубинштейном. В статье "Философские корни экспериментальной психологии", опубликованной в 1940 году, С.Л.Рубинштейн анализирует различия между знанием и наукой: "говоря о науке, мы отличаем ее от совокупности сведений, взглядов или воззрений по вопросам той или иной области знания. Существенным для науки является наличие определенной системы знаний, отражающих специфическую логику ее предмета, и специфических адекватных ее предмету *методов* исследования, позволяющих перейти от более или менее случайного накопления знаний к планомерному, систематическому их добыванию" [248, с.70]. Нельзя не согласиться с С.Л.Рубинштейном, подчеркивающим особенное значение выявления обстоятельств рождения науки: "Переход от простой совокупности еще не оформившихся в науку знаний к науке является для каждой области знаний, в том числе и для психологии, крупным событием, подлинными источниками и движущими силами которого очень важно уяснить себе для того, чтобы правильно понять ее дальнейшие пути и перспективы. При

этом нужно учитывать, что история науки - это история конкретных исследований, приводящая к последовательному накоплению конкретных знаний и методов исследования, преемственно между собою связанных, и теоретических концепций, которые превращают совокупности знаний в систему науки. Лишь в своем единстве, взаимопроникновении и взаимообусловленности история конкретных исследований и теоретических концепций образует подлинную историю науки" [248, с.70-71]. Этот переход от знания к науке, как известно, в механике происходил в XVII в., в большинстве областей знания - в XVIII в. В психологии он свершился во второй половине XIX столетия. Как замечает С.Л.Рубинштейн, "лишь к этому времени многообразные психологические знания оформляются в самостоятельную науку, вооруженную собственной, специфической для ее предмета методикой исследования и обладающей своей системой, т.е. специфичной для ее предмета логикой построения относящихся к нему знаний" [248, с.71].

С.Л.Рубинштейн, на статью которого я неоднократно ссылался, М.С.Роговин [237], М.Г.Ярошевский [340], А.Н.Ждан [95] и др. справедливо указывают на то, что для отделения психологии должны были сформироваться предпосылки. Среди предпосылок: философско-методологические (концепция сознания Декарта-Локка, картезианское понятие рефлекса); развитие научных областей, на которые психология должна опираться (физиология, биология); развитие экспериментального метода (в физиологии органов чувств). Среди факторов, влиявших на выделение психологии можно назвать еще многие. Среди них и те, которые имеют непосредственное отношение к логике развития знания, заставляющие его переходить на новый уровень.

Итак, по внутренним критериям физиологическая психология, безусловно, становится наукой. Метафизика решительно изгоняется из психологии. Вундт соглашается рассматривать душу лишь как собственно "логический субъект внутреннего опыта" [51, с.9]. Существовавший ранее необходимый "образец" становится уже не так нужен. Вместо того, чтобы утверждать, что психология должна строиться по образцу физики или химии, достаточно заявления, что психология должна изучать структуру опыта. Это важное отличие. Оно означает, что психология начинает руководствоваться собственной логикой. Не статика и механика, но

структура, процесс. И имеющие принципиально иное происхождение история, генезис, уровень. В основу кладутся иные понятия. Вундт говорит, что только тогда можно будет установить истинное значение классификационных понятий, когда "будут разобраны элементарные проявления нашей внутренней жизни" [51, с.11].

Подведем итоги. Психология стала наукой. В чем это заключалось? Благодаря чему это произошло?

История показала, что кантовская критика возымела действие. Психология стала использовать и эксперимент (в физиологической психологии) и математику (что предлагал еще Герbart, что внедрил в психофизику Фехнер, а психология Вундта использовала, ассимилировала, "включив" в пространство физиологической психологии).

По канонам позитивизма, психология стала по настоящему опытной позитивной наукой. Она отказалась от метафизики, от априорных концепций и принялась изучать феномены и находить их законы.

Благодаря принципу психофизического параллелизма психология сохранила теснейшую связь с физиологией, которая, несомненно, являлась естественной наукой, но, тем не менее, оказалась не сводимой к физиологии, отличной от нее.

Благодаря этим обстоятельствам психология смогла в глазах научной общественности претендовать на самостоятельность и независимость от философии. Это, кстати, объясняет парадоксальный факт - Вундт, окончивший медицинский факультет, и занимавшийся впоследствии физиологией, "выделил" психологию из философии, хотя был противником полного отделения, считая, что психология – философская наука и отрыв от философии повредит в первую очередь самой психологии. Это, так сказать, "внешняя" история выделения психологии. Внешняя в том смысле, что "решение" о выделении принимает научное сообщество. Официальная институализация (решения правительств, создания институтов, проведение мероприятий, открытие кафедр и т.д.) в конечном счете зависит от признания научного сообщества. Именно поэтому психологии важно было соблюсти внешние признаки научности, сориентироваться на идеал "естественных" наук. Вундт это сделал, хотя он прекрасно понимал, что "естественно-

научной" модели соответствует только часть психологии (физиологическая психология). Таким образом, ценой выделения психологии в самостоятельную науку было ее расчленение на две части: физиологическую психологию и психологию народов. К чести Вундта, нужно сказать, что он сделал все, чтобы сохранить преемственность и взаимодействие между "психологиями". Тем не менее раскол состоялся.

Однако была и "внутренняя" история выделения. На место существовавших представлений о душе или внутреннем опыте Вундт ставит непосредственный опыт. Таким образом, психология приобретает новый предмет. Кстати, по утверждению Вундта, предмет уникален. Только психология имеет дело с непосредственным опытом. В этом заключается психологизм Вундта. Все остальные науки используют опосредствованный опыт. Уже поэтому психология имеет право на самостоятельность. Вундт прекрасно понимал, что предмет психологии (наука о непосредственном опыте) предполагает определенный метод и этот метод, несомненно, внутреннее наблюдение, интроспекция. И Кант, и, позднее, Конт, как известно, весьма скептически отзывались о возможностях этого метода. Поэтому он нуждался в модификациях. Они были осуществлены Вундтом.

Другой важный момент состоял в том, что, в соответствии с позитивистской моделью науки, психология, по утверждению Вундта, должна была становиться все более непосредственной наукой. Первично изучение фактов, из них выводятся законы. Вундт допускает возможность вспомогательных гипотез, как необходимого научного инструмента. Метафизические понятия (изначально) отвергаются. Так, Вундт отказывается использовать понятия "сил" и "способностей". Но глобальных расчленений внутри психологии избежать не удастся. Вундт фактически использует классификации, восходящие еще к Платону (познание, чувство, желание) и Аристотелю (ощущение и мышление), хотя и настаивает на их соответствии данным внутреннего опыта. Как пишет Вундт, "если психология действительно не в состоянии положить в основу своих объяснений и выводов понятие о силе, в том смысле, в каком оно утверждено физическими науками, то лучше воздержаться от преждевременных выводов, чем исходить из понятий, принятых в ложном смысле. Однако, мы впоследствии

убедимся, что и в области внутреннего опыта понятие о силе получит истинное значение, если мы перестанем видеть в явлениях внутренней жизни проявления метафизической субстанции, или изменения ее под влиянием внешних воздействий, но будем изучать элементарные явления психической жизни в их непосредственном взаимодействии" [51, с.21]. Последнее утверждение, на мой взгляд, чрезвычайно важно, т.к. оно проливает свет на замысел Вундта. Психология, во всяком случае на первых этапах, должна исследовать *структуру* непосредственного опыта. Здесь может быть прослежена аналогия с химией, но это только аналогия. У психологии теперь своя - если угодно - *научная* логика. Выявив свой предмет, психология у Вундта формирует строй понятий. Для этого используются те, которые использовались в психологии традиционно, но все они наполняются новым содержанием. По нашему мнению, понятие "структура", выделенное в системе Вундта, играет совершенно особую, конституирующую роль. Если это так, то аналогичные понятия должны обнаруживаться и в других психологических концепциях. Отказ от метафизических основоположений заставлял искать какую-то иную логику для построения науки. Физиология могла дать это лишь в очень ограниченной области. Физика и химия тоже могли выступать лишь источником аналогий. В пятом издании "Основ физиологической психологии" Вундт попытался осмыслить, каковы действительные основания физиологической психологии. Ограниченность метода была очевидной. Без гипотез не обойтись. И здесь на помощь приходит понятие "структура". Хотя, как мы увидим, Вундт недаром был эклектиком. В его концепции находится место и идее развития, и идее процесса.

Правда, это Вундтовская версия. Были и другие. В частности, Ф.Брентано, создавший свой вариант феноменологической психологии. Естественно, продолжали существовать различные варианты философской психологии. Продолжал существовать психологический ассоциационизм, представленный могучей фигурой Александера Бэна. Эволюционизм Герберта Спенсера по-прежнему был популярен. Но победила новая психология Вильгельма Вундта. И теперь перед нами открывается возможность обратить анализ на методы новой научной психологии и попытаться выявить их взаимосвязь с теорией.

Главный итог все же состоит в том, что психология как наука была признана научным сообществом. Это открыло дорогу для организационных достижений. Задача, соответствующая духу времени: человеческая душа стала предметом научного анализа. Наука охватила ту сферу, которая до этого казалась для нее закрытой. Как ни сетовали многие на то, что каждый психологию понимает по-своему, вундтовская программа имела огромный авторитет, поэтому в продолжение некоторого времени научная психология связывалась исключительно с вундтовской психологией. Горькие слова Фихте-сына, сказанные в 1847 году, тогда безусловно справедливые, уже в восьмидесятые годы казались относящимися к далекому прошлому психологии: "Большая часть из нас одиноко, подобно кротам, копают в собственных норах, и опасаются недоброй встречи, прикасаясь к подземным ходам других. В науке самого высокого и универсального интереса, каждый упорно говорит своим языком, следует только собственной терминологии; короче, силится прежде всего стать оригинальным между другими, вместо того, чтобы искать общего и связующего" (цит. по [149, с.XLV-XLVI]). Достижением новой научной психологии было то, что она действительно обрела то, что на какое-то время показалось общим и связующим. Этим общим и связующим, несомненно, стали действительно эмпирический характер науки (психология, как отмечалось, стала эмпирической наукой) и методы, которые, обретя некую стандартизацию, сделали возможной воспроизведение результатов в других лабораториях. Итак, психология стала наукой и в этом становлении велика была роль психологических методов.

3.2. Проблема метода в психологии

Проблема метода в психологии - проблема чрезвычайно интересная и, как это ни покажется удивительным, недостаточно исследованная. Последнее утверждение может показаться абсурдным, но позволительно спросить, много ли нам известно о методах донаучной и философской психологии? Вероятно, имей мы ответы на вопросы о методах предшествующих стадий развития науки, легче было бы разобраться с методами собственно научной психологии. Но, к сожалению, специальные исследования практиче-

ски отсутствуют, а мифов и нерешенных вопросов очень много. Расхожее мнение утверждает, что философская психология использовала метод интроспекции. Тем самым как бы предполагается, что основа была эмпирическая: "заглянув в себя", философский психолог, якобы, основывался на фактах "душевной жизни". Но если вспомнить, что философская психология была все-же дисциплиной скорее "теоретической" (анализ психической жизни, который, по точному выражению П.Фресса, "всем еще обязан пронизательности философа, склонного к созданию стройных систем" [298, с.18]), подобный вывод представляется весьма поспешным и не соответствующим действительности. М.С.Роговин указал на это несоответствие, высказав соображение, что главная роль в философской психологии принадлежит методу интерпретации. Признавая важную роль интерпретации и в донаучной и, в особенности, в философской психологии, тем не менее хочу отметить, что метод интерпретации, по-видимому, не исчерпывает всего богатства методов философской психологии. Или, например, метод эксперимента в психологии. Кажется совершенно ясным, что эксперимент в сфере психологии используется с XVIII века. Но при желании примеры настоящего психологического эксперимента можно найти у Аристотеля. Вспомним, к примеру, знаменитую иллюзию Аристотеля. Аналогичные примеры можно найти у Локка. По-видимому, можно утверждать, что с развитием психологии изменяется не только конкретный перечень, но и структура и роль того или иного метода.

3.2.1. О проблеме метода в донаучной и философской психологии

Поскольку нас интересует соотношение теории и метода в научной психологии, не буду подробно останавливаться на характеристике методов донаучной и философской психологий (см. об этом [237,85,167]). Отмечу лишь некоторые моменты.

История психологии, как уже упоминалось, начинается с донаучной психологии (см. разд. 1.1.1.), которая существует, обслуживая деятельность и общение людей. По характеристике М.С.Роговина, это психология, в которой знание и деятельность слиты воедино. Отмечу только, что не подлежит, по-видимому,

сомнению факт, согласно которому основным методом такой психологии было житейское наблюдение. Наблюдение случайное, несистематическое, нецеленаправленное. В основном оно носило внешний характер, наблюдения за собственным поведением, за своими особенностями явно имели значение вспомогательное, дополнительное. Житейское наблюдение выполняло роль "эмпирического" метода. Своего рода "теоретическим" методом являлся метод интерпретации. Основу метода интерпретации составляли общелогические приемы познания: анализ, синтез, обобщение, абстрагирование. Важно подчеркнуть, что такие авторы как А.А.Потебня [222], М.С.Роговин [237] указывали на роль языка в этом процессе: "Важную роль в формировании понятий о психическом играло развитие языковых значений, ибо в речи происходит объективация внутреннего субъективного мира человека, который таким образом становится предметом анализа как нечто уже в какой-то степени отчужденное" [237, с.38].

Таким образом, ведущими методами на этом этапе развития психологии являлись житейское наблюдение и последующая интерпретация: познавательная деятельность здесь регламентируется правилами языка и логики.

Вероятно, можно согласиться с Дессуаром, утверждавшим, что у психологии много "корней". Он видел три корня психологии: религиозный (психософия); связанный с жизнедеятельностью (психобиология); связанный с практическим познанием особенностей характера и т.д. (психогностика) [85]. Стоит учесть также высокую вероятность возникновения опыта переживания измененных состояний сознания: во время танцевальных оргий, экстаза, приема в пищу определенных веществ и т.д.

К сожалению, здесь нет возможности также обсуждать сколь-нибудь подробно специфику методов философской психологии. Для рассматриваемого вопроса существенно изменение метода, используемого в философской психологии. Можно согласиться с М.С.Роговиным в том, что в философской психологии важная роль принадлежала методу интерпретации. Интерпретация становится в философской психологии ведущим методом. Изменяется ее внутренний состав: наряду с анализом, синтезом, обобщением, абстрагированием все шире используются такие общелогические приемы познания как аналогия, дедукция, индукция,

классификация. Наблюдение теперь играет подчиненную, вспомогательную роль. Если ранее психогностика представляла собой набор случайных наблюдений и правил благоразумного поведения, то уже у Аристотеля ("Риторика") психогностика становится "систематической", приобретает характер связного изложения: выявляются типы характеров, возрасты, различные жизненные обстоятельства. Формулируются обобщения, основанные на предположениях, 1) что наличие всех условий поступка приводит к его осуществлению, 2) что каждому человеку свойственны обычные склонности его возраста, профессии и положения [85]. У Теофраста, продолжившего занятия типологией характеров, можно увидеть как жизненные типы, так и почерпнутые в сочинениях комических поэтов. Вполне законченный характер типология темпераментов, описанная Аристотелем, получает у Галена.

Вместе с тем наблюдается явная тенденция к самопознанию. "К концу древних веков эти попытки получили огромное значение. Они вылились в форму автобиографий, монологов, романов, лирики и сухих отчетов. Их общая черта - стремление индивидов к самопознанию" [85, с.10]. Филон Александрийский (I век) рассказывает, что его сознание часто бедно мыслями до тех пор, пока не разверзаются недра души", Аристид (II век) описывает подробно свои странные сны и экстазы [85]. Можно вспомнить "Размышления" Марка Аврелия (II век)... Таким образом, в философской психологии происходит зарождение нового метода - самонаблюдения и самоанализа. Одним из наиболее ярких представителей был Аврелий Августин (354-430). В его "Исповеди" [5] можно найти яркие примеры использования этого метода, что позволяет некоторым историкам науки считать Августина предшественником психоанализа. На мой взгляд, не стоит называть Августина изобретателем "интроспекции" (даже картезианская интуиция не была еще интроспекцией в классическом смысле). Необходимо отметить, что христианство оказало влияние на широкое распространение самоанализа, как дела угодного Богу, т.к. "оно тесно связано с христианской добродетелью смирения и приводит к покаянию" [85, с.10-11]. "Отсюда развилась новая психогностическая техника, опирающаяся на такие церковно-обрядовые формы, как исповедь, аскетизм и молитва. Лучшими продуктами творчества в этой области история обязана мистикам двенадцатого века, кото-

рые подвергали тщательному анализу все душевные состояния и стремились к божественной благодати через внутреннее самовоспитание" [85, с.11].

Вообще стоит отметить, что очень часто различные методы используются в комплексе. Хорошим примером в этом отношении может служить Аристотель. Он широко пользуется фактами самонаблюдений, много наблюдает за другими людьми. Факты социальной жизни также в поле его наблюдений. У него есть собственные анатомические и физиологические наблюдения, он использует данные врачей. Сравнивает, обобщает, классифицирует... Кстати, у Аристотеля можно найти указания на использование метода эксперимента в психологии. Вспомним известную иллюзию Аристотеля. Воспользуемся описанием У.Джемса: " Один из древнейших примеров этой иллюзии мы находим у Аристотеля. Скрестите два пальца и начните катать между ними горошину, вставочку или какой-нибудь другой небольшой предмет. Он покажется двойным" [87, с.270]. Здесь важно то, что убедиться в наличии иллюзии можно только осуществив опыт. Можно констатировать, что в донаучных разновидностях психологии мы сталкиваемся с теми же методами, что позднее будут использованы в научной психологии. Поэтому научная психология отличалась не столько использованием определенных методов как таковых, сколько изменением внутренней структуры этих методов и, главным образом, тем, что включались в другую концептуальную структуру.

Необходимо подчеркнуть, что античность и средневековые проблеме метода не уделяли большого внимания. Не то чтобы этой проблемы не существовало, она, конечно, была, но явно находилась на периферии интересов ученых. По-видимому проблема метода вполне "вписывалась" в соответствующее эпохе понимание *научности*, поэтому обсуждать ее дополнительно представлялось излишним... Можно согласиться с М.С.Роговиным и Г.В.Залевским, которые отмечают, что "разработка общих проблем метода научного исследования началась, в основном, лишь в новое время и она связана, прежде всего, с трудами Р.Декарта. В ходе последующего развития, характеризовавшимся сильным влиянием со стороны естественных наук, значение проблемы методов исследования все более возрастало" [241, с.69]. Работы Де-

карта оказали на последующую психологию огромное влияние не столько учением о научном методе, сколько обоснованием возможности нового понимания предмета психологии и нового метода его исследования.

Декартовской "революции" в философии, предопределившей последующее развитие психологии, посвящена огромная литература. Интуиция, открывающая субъекту ясное и очевидное знание, послужила той основой, на которой возникла классическая интроспективная психология. В этом отношении можно согласиться с Полем Фрессом: "Как очень верно заметил Кангилем [365], картезианская интуиция - это не интроспекция XIX века. И тем не менее последняя - ее незаконнорожденная дочь, так как Декарт вводит дуализм человека, дуализм души и тела" [298, с.17]. Не имея возможности анализировать роль Декарта в возникновении различных школ в философской психологии, отмечу только, что происходит трансформация самонаблюдения в интроспекцию. Возникает метод, который в течение долгого времени являлся основным в психологии. Интроспекция предназначена открывать законы сознания. Отметим, кстати, что Декарт, как известно, термин сознание не использовал. Интроспекция является *непосредственным* методом, дающим *непосредственное* знание о душе, о сознании. Здесь важно обсудить принципиально важный вопрос. Декарт, как было отмечено выше, разработал "принцип метода" - открыл принципиальный путь исследования сознания. Но это не означает того, что начал использоваться сам метод интроспекции как способ получения конкретного знания о сознании. В задачу философии это не входило.

Поэтому философы обсуждали вопросы о том, является ли интроспекция источником достоверного знания, возможно ли интроспективно постичь истину и т.д. Сознание в интроспекции рассматривалось в его целостности *как содержание сознания*. Принципиально важно, что была создана возможность для эмпирического исследования сознания. Но конкретные эмпирические исследования сознания появились значительно позднее, уже в рамках научной психологии. Действительно, для эмпирического исследования сознания необходимо сконструировать предмет исследования. Собственно содержания сознания могут быть описываемы бесконечно, поскольку бесконечно число предметов (ве-

щей), могущих служить объектами сознания. Задача конкретного описания не ставится вообще. Достаточно, к примеру, указать, что есть образы, которые могут ассоциироваться. Таким образом произошло событие, значение которого для дальнейшего развития психологии недооценивать нельзя. Если сознание как объект эмпирического исследования философию не интересовало, то для психологии такая перспектива представлялась заманчивой. Но для этого необходимо было совершить психологическую "революцию": выделить из сознания тот аспект, который можно было бы изучать эмпирически с помощью метода, идея которого была сформулирована Декартом. Возможности метода регулярно обсуждались в философии (вспомним хотя бы Канта и Конта), но в качестве эмпирического метода в философии он (естественно, какой же эмпирический метод в философии!) не использовался. В философской психологии (что не столь очевидно) метод интроспекции также не был эмпирическим. Необходимо было сконструировать тот предмет, который бы мог изучаться интроспективно и эмпирически. Как известно, это было сделано, психология в конце концов стала эмпирической наукой, а интроспекция основным методом психологии. Но это произошло лишь в середине девятнадцатого столетия. Психология стала представляться "непосредственной" наукой. Метод стал ассоциироваться исключительно с "добычей" данных, т.е. стал рассматриваться чисто "эмпирически". Строго говоря, дополнением к интроспекции служил метод интерпретации. Впрочем, роль его была чисто вспомогательная: "организовать" добытые интроспекцией данные в соответствии с канонами научности. Данные интроспекции, по мысли психологов и философов того времени, давали "непосредственные и истинные" знания о сознании, поэтому вся интерпретация сводилась к упорядочивающим логическим процедурам.

Таким образом, краткий очерк использования методов в донаучной и философской психологии позволил обнаружить, что внутри этих разновидностей психологии появляются процедуры, которые являются разновидностями "эмпирических" методов, используемых и современной психологической наукой: наблюдение, самонаблюдение, эксперимент. Разумеется, это не есть научные методы в полном смысле слова. Но *идея* метода выражена здесь очень отчетливо. В качестве "теоретических" методов эти разно-

видности психологии использовали метод интерпретации средствами языка и логики. Специальных психологических *теоретических* методов на этом этапе не существовало. Это и понятно, т.к. научная теория может появиться тогда, когда будет выделен специальный научный предмет.

3.2.2. Проблема метода в научной психологии

Весьма распространенной является точка зрения, согласно которой выделение психологии в самостоятельную науку связывается с использованием специальных методов - наблюдения и эксперимента [245]. По нашему мнению, с таким утверждением полностью согласиться нельзя. Действительно, метод эксперимента начинает проникать в психологию. В.Вундт называл свою психологию не только физиологической, но и экспериментальной [51]. Но не следует забывать о том, что использование эксперимента на первых порах носило характер чисто вспомогательный, строгость экспериментальной процедуры позволяла стандартизовать самонаблюдение, придать ему строгость, каковой должен обладать метод науки. Можно полагать, что выделение психологии из философии было связано в первую очередь с *новым пониманием предмета*. Психология заявила права на исследование специфического предмета (отличного от философского). Наиболее адекватным такому предмету был метод интроспекции. Важно подчеркнуть, что метод интроспекции, использовавшийся в философской психологии, в научной психологии подвергся существенным изменениям. Описание модификаций метода, выявление инвариантных его компонентов, соотнесение с трактовкой предмета психологии может явиться важным источником информации о научных методах в психологии.

В отечественной истории психологии принято считать, что во второй половине XIX столетия было выдвинуто несколько программ построения психологии как самостоятельной науки [340, 95]. Среди них называют программы В.Вундта и Ф.Брентано. Программа И.М.Сеченова стоит несколько особняком, ее анализу посвящены специальные работы М.Г.Ярошевского [339]. Что касается двух первых, то методу интроспекции в этих программах отводилась решающая роль. Обратимся к анализу интроспекции.

3.2.3. Метод интроспекции

У современного научного психолога термин интроспекция вызывает вполне определенное отношение, которое можно выразить следующей формулой: "Интроспекционизм - древняя концепция и (...) совершенно бесперспективная для научного исследования психологических фактов" [340, с.222]. Однако я полагаю, что было бы абсолютно неверно считать, что интроспекция представляет собой что-то однородное, единое. Как мы увидим, могут быть выделены существенно различные варианты и модификации этого метода в рамках научной психологии. Здесь же хочу обратить внимание читателя на то, что существовали исторически различающиеся формы интроспекции. Выбор точки отсчета зависит в значительной степени от вкуса. Во всяком случае, предшественником метода интроспекции с достаточными основаниями можно считать "самонаблюдение для самопознания", использовавшееся не без успеха еще Августином (354-430). При желании можно отнести "начало интроспекции" к периоду античности. На мой взгляд, это лишь подтверждает ту точку зрения, согласно которой, метод сам по себе (точнее, идея метода) не имеет особой ценности: она приобретает, когда метод соединяется с какой то идеей, делающей использование метода целенаправленным. По моему мнению, имеет смысл говорить о следующих формах интроспекции: 1) философская интроспекция; 2) интроспекция в философской (эмпирической) психологии; 3) интроспекция в научной психологии. Нас, бесспорно, будет интересовать третья разновидность интроспекции. О двух первых поэтому скажем очень кратко.

3.2.3.1. Философская интроспекция

Как уже упоминалось, основу для широчайшего использования интроспекции создали работы Р.Декарта [84]. Именно та декартова мысль, что интуиция дает ясное и истинное знание о душе, легла в основу метода изучения душевных явлений, получившего впоследствии наименование *интроспекция*. Отмечу, что предыстория интроспекции может быть прослежена, начиная с донаучной психологии. Если воспользоваться различием

С.Л.Рубинштейна, согласно которому от истории психологии как науки следует отличать "историю философских учений о психике" [245, с.9], то необходимо констатировать, что понятие "интроспекция" сформировалось в философии сознания. Важным этапом на этом пути была философия английского эмпиризма. Основатель английского эмпиризма Дж.Локк различал чувственный опыт, дающий знания о внешнем мире, и рефлексию - внутреннее чувство, дающее знания о состояниях и действиях души [156]. Таким образом, внутри философии была подготовлена возможность рассмотрения предмета психологии как внутреннего опыта. Также стоит отметить, что в рамках философии состоялись дискуссии, в которых были обсуждены принципиальные вопросы и, в частности, важнейший для рассматриваемой темы: дает ли интроспекция достоверное знание? Позиция Локка состояла в том, что рефлексия, безусловно, не вводит в заблуждение. Это положение впоследствии было использовано создателями научной интроспективной психологии.

Здесь нам важно отметить, что в философии существовала чрезвычайно широкая трактовка интроспекции, приводящая, фактически, к слиянию с рефлексией. Как справедливо заметил С.В.Кравков, при подобной трактовке интроспекция включает в себя "действия размышляющего по логическим законам ума над полученным уже материалом", что, очевидно, "не есть что-либо специфически присущее психологическому исследованию" [136, с.21].

Последнее представляется естественным, т.к. интроспекция была подчинена решению не психологических, а философских задач. Философия видела в интроспекции специфический, отличный от опыта *источник познания*. Поскольку философия не претендовала на эмпирическое исследование, естественно, что в философии интроспекция не рассматривалась как *конкретный способ* получения материала.

3.2.3.2. Интроспекция в философской психологии

Выделение психологии в особую философскую дисциплину (эмпирическая психология) естественно привело к изменению метода интроспекции. Со времени "Эмпирической психологии"

Х.Вольфа (1732) интроспекция рассматривается уже не как широкая процедура, объединяющая принципиальный способ получения материала и его рефлексию, а более узко - как особый род наблюдения или восприятия. В эмпирической психологии, таким образом, интроспекция использовалась как источник сведений о внутреннем мире, сознании. Напомним еще раз (подробнее см. разд.3.1.4.), что главным в эмпирической психологии было рассуждение по логике "системы" (П.Фресс), интроспекция, которая была вполне "бессистемной", хаотичной и случайной, давала материал, подтверждающий справедливость рассуждений. Технологически это часто выглядело как проведение "мысленного эксперимента": выдвигая какое-либо положение, философский психолог "для проверки" "проигрывал" ситуацию, давая анализ своих переживаний. Философская психология не была эмпирической наукой в современном смысле слова.

3.2.3.3. Интроспекция в научной психологии: предшественники

Вероятно, кому-то такое сочетание покажется противоестественным: интроспекция и психологическая наука, согласно широко распространенному мнению, не совмещаются - наука начинается, когда интроспекция уходит. Действительно, если полагать, что научная психология начинается лишь с использования эксперимента, то интроспекция остается "за пределами" науки. На самом деле эксперимент в психологии в течение достаточно длительного времени использовался в сочетании с интроспекцией. Интроспекция модифицировалась, совершенствовалась, но по-прежнему оставалась основным методом психологии. Естественно, по сравнению с философской психологией, в научной психологии интроспекцией видоизменилась. В целом произошедшие изменения свелись к следующему:

- 1) более строго определялся предмет интроспекции (в разных школах различно);
- 2) существенно возросла научная "нагруженность" интроспекции;
- 3) появились более строгие требования к самой процедуре интроспекции;
- 4) возросли требования к испытуемому;
- 5) возникла необходимость в специальной тренировке.

Проанализируем особенности интроспекции в научной психологии в соответствующих разделах (3.2.3.5-3.2.3.10).

Здесь же необходимо остановиться на вопросе о предшественниках научной интроспекции. Вероятно, справедливо мнение, согласно которому создателем научной интроспекции считается В.Вундт, соединивший в физиологической психологии эксперимент и самонаблюдение. По моему мнению, с полным основанием к предшественникам научной интроспекции можно отнести Г.Гельмгольца. Уместно вспомнить, что Н.Н.Ланге называл Гельмгольца и Фехнера "*maestri*" интроспекции [147]. Общеизвестно, что Г.Гельмгольц был признанным мастером эксперимента, позволившего узнать много о работе органов чувств. Но менее очевидно, что этим открытиям в не меньшей степени мы обязаны тонкому самонаблюдению, *вооруженному знанием физиологии*. Работы Гельмгольца содержат огромное количество примеров "теоретической нагруженности" самонаблюдения. Откроем наугад книгу Гельмгольца [70]. Гельмгольц пишет про открытие Мариоттом (с помощью теоретических выводов) слепого пятна в человеческом глазу. "Пробел" в глазу настолько велик, что лицо человека, удаленное от глаза на 6 или 7 футов, может совершенно в нем исчезнуть. "Однако при обыкновенном свободном смотреии пробел поля зрения совершенно не замечается потому, что наш взор постоянно блуждает и непосредственно направляется на те предметы, которые нас интересуют. Следовательно, предметы, которые возбуждают на мгновение наше внимание никогда не лежат в пробеле поля зрения; поэтому слепое пятно обыкновенно и не бывает предметом нашего внимания. Мы сперва должны намеренно фиксировать объект, затем подвинув в область слепого пятна второй малый объект, мы должны постараться его увидеть, не изменяя нашей прежней точки фиксирования, что чрезвычайно противоречит нашему привычному смотрению и многим лицам даже совершенно недоступно; мы убеждаемся в существовании слепого пятна только тогда, когда второй объект делается невидимым" [70, с.92]. Или на той же самой странице: "Каждый раз, как мы направляем оба глаза на одну точку, все предметы, которые значительно ближе или значительно дальше рассматриваемой точки, нам кажутся двоящимися. Мы это легко замечаем, при несколько более внимательном наблюдении. Из этого мы можем за-

ключить, что в продолжение всей нашей жизни мы постоянно видели значительно большую часть внешнего мира вдвойне; однако же существует множество лиц, которые этого не знают и в высшей степени удивляются, когда в первый раз обращают на это их внимание. Однако в сущности мы также не видели вдвойне тех именно предметов, на которое было направлено в известное время наше внимание, потому что мы их фиксируем обоими глазами разом. Следовательно, при ежедневном пользовании глазами, наше внимание было постоянно отклонено от всех тех объектов, которые в данное время кажутся двойными, поэтому то мы о них и ничего не знаем. Мы должны сперва подвергнуть нашему вниманию новую и непривычную цель; мы должны начать внимательно рассматривать боковые части поля зрения не для того, чтобы ознакомиться с находящимися там предметами, а для того, чтобы анализировать наши ощущения, пока не уловим явления" [70, с.92-93].

Из приведенных отрывков совершенно ясно, что в данном случае мы имеем дело вовсе не с "бессистемным" "наивным" самонаблюдением философской психологии, а самонаблюдением научным. Еще раз повторим, что Гельмгольц не был психологом, но внес вклад в развитие методов: не только эксперимента, но и самонаблюдения. Об отличиях научного самонаблюдения от "наивного" писал (очень ярко и образно) Г.Мюнстерберг, отрывком из книги которого (1891) я закончу этот параграф: "Предположим, например, что я испытываю жажду или чувство тошноты: этот внутренний опыт, который вполне слит с другими моими состояниями, пока я не начал его наблюдать. Но когда к чувству жажды или тошноты присоединяется желание его наблюдать, эти элементы сознания дополняются представлением о ближайших их причинах; я обращаю внимание на то, как сух мой язык, как ненормально сокращаются при тошноте мои глотательные мускулы, как искажается мое лицо и, главным образом, как мускулы сгибатели конечностей сильно напрягаются без всякого предшествующего иннервационного ощущения. Если мне таким образом удалось ассоциативно дополнить все элементы, ассоциировать все элементы сложного чувства с представлениями об их условиях или с их словесными обозначениями (эти последние в той же мере достаточны для нового вызова элементов чувства или для их сообщения другим людям, как и реальное восстановление условий

чувства), то я вполне разложил наблюдаемое чувство на его элементы, и их фиксировал, т.е. сделал действительное наблюдение. - Уже из этого примера видно, что упомянутого наблюдения не может сделать, например, тот, кто никогда не слышал о различии между мускулами сгибателями и разгибателями; для того, чтобы ощущение причиняемое сокращениями этих мускулов было узнано в общем сложном комплексе ощущений, отлучено от этих прочих ощущений и фиксировано, т.е. для того, чтобы к сознанию этого комплекса присоединилось представление о его условиях, для этого очевидно необходимо, чтобы ощущение от мускулов сгибателей уже заранее, благодаря предварительно накопленным знаниям, было тесно ассоциировано с представлением об этих мускулах. Поэтому самонаблюдение предполагает уже предварительное существование известного запаса готовых к употреблению ассоциаций, и главным образом ассоциаций из области анатомии и физиологии. И подобное условие не составляет какой-либо отличительной черты самонаблюдения, но одинаково характерно и для всяких других наблюдений. Тот, кто ничего не понимает в ботанике, не в состоянии производить наблюдений над растениями; профан в ботанике, хоть воспринимает те же самые признаки растения, как и ботаник, однако не наблюдает их, ибо они не вызывают в его сознании тех многочисленных ассоциаций, как в уме ботаника. Таким же образом и самонаблюдение не является для наблюдателя каким-нибудь безусловным актом, но уже предполагает, подобно всякому внешнему наблюдению, существование массы готовых к употреблению ассоциаций. Особенно те психические явления, которых элементы обусловлены физиологическим возбуждением не высших органов чувства, а внутренних органов тела, как то мускулов, сочленений, сухожилий, кровеносных сосудов, органов внутренних полостей - а к таковым психическим явлениям принадлежат все так называемые эмоции, влечения, аффекты, волевые акты - все таковые состояния могут быть предметом самонаблюдения лишь для того, кто обладает основательными анатомо-физиологическими сведениями. - Итак, самонаблюдение должно все в большей мере становиться методом психологии, однако самонаблюдения тех лиц, которые не обладают основательными сведениями о строении и функциях тела, не только будут

бесплодны, но и вводя в заблуждение, в этом смысле опасны" (цит. по [149, с. XXVII-XXVIII]).

Из этого отрывка хорошо видно, что самонаблюдение имеет "нагруженность" со стороны физиологии и анатомии. Менее очевидна специфически психологическая "нагруженность" научного самонаблюдения. Выявление такой нагруженности представляет нашу специальную задачу, чему будут посвящены следующие разделы. Хочу здесь только отметить, что если интроспекция в философской психологии имеет метафизическую "нагрузку", то в научной психологии эта "нагрузка" становится теоретической (в примере Г.Мюнстерберга физиологической; как будет показано далее - и собственно психологической). Но поскольку психология, как мы помним, провозгласила себя наукой опытной, независимой - эта "нагруженность" становится "невной". Важно, что эта "нагруженность" приходится именно на метод.

3.2.3.4. Еще раз о различии интроспекции философской и научной

Итак, под психологической научной интроспекцией целесообразно иметь в виду самонаблюдение как специфический метод психологии, т.е. как особый род *наблюдения* или *внутреннего восприятия*. О практическом, но несистематическом использовании интроспекции, как уже было замечено, можно говорить применительно к философской психологии. Систематически, как полноценный эмпирический метод, интроспекция начинает использоваться в научной психологии, начиная с Вундта.

Тем не менее, важно отметить, что в философии обсуждались важные вопросы, касающиеся возможности интроспекции как способа познания. О.Конт возражал против использования интроспекции, утверждая, что невозможно одновременно действовать и наблюдать свою деятельность [165, 183]. Согласно О.Конту, сведения, получаемые в результате интроспективного наблюдения, оказываются недостоверными и не соответствуют требованиям положительной науки. Мнение О.Конта было оспорено Дж.С.Миллем [180,181,182]. Дж.С.Милль утверждал, что интроспекция не является полностью непосредственным процессом, т.к. включает в себя память. Таким образом, интроспекция вместе с

тем есть и ретроспекция. Поэтому для обеспечения достоверных результатов необходима специальная тренировка наблюдателя. Отметим, что хотя философы с энтузиазмом обсуждали разные аспекты проблемы интроспекции, высказывали различные суждения, часто глубокие и резонные, они не использовали интроспекцию как эмпирический метод. Собственно, это им было не нужно. Для философских целей вполне достаточно идеи метода: образы (ощущения, представления), которые *могут* быть обнаружены интроспекцией, *могут* ассоциироваться между собой. Интроспекция как действительно психологический эмпирический метод может использоваться в психологии, которая ставит перед интроспекцией специфические задачи (например, описание *структуры* непосредственного опыта и т.д.).

Прежде, чем предпринять анализ метода интроспекции в научной психологии, необходимо выявить различия (чрезвычайно существенные) между философской интроспекцией, самонаблюдением в философской психологии и интроспекцией в научной психологии (внутренним наблюдением). С позиции, выраженной очень отчетливо представителями "основных школ в психологии" (психоанализ, гештальтпсихология, бихевиоризм), интроспективная психология представляла собой предварительный этап развития психологической науки: с возникновением новой психологии (под которой, естественно, понималась либо гештальтпсихология, либо психоанализ, либо бихевиоризм) старая интроспективная уходит в прошлое. Но для воссоздания пути пройденного психологией важно выявить различия в используемых методах.

У.Джемс, американский психолог, указывает на значение метода самонаблюдения в психологии: "Творения Юма, Рида, Гертли, Стюарта, обоих Миллей навсегда останутся классическими образцами непосредственного самонаблюдения, а в трактатах профессора Бэна мы имеем, может быть, последнее слово этого метода, взятого в отдельности - последний момент юности психологии, еще не технической и общедоступной, вроде химии у Лавуазье или зоологии до употребления микроскопа. Но психология перешла уже в другой, менее простой фазис. В течении последних лет возникла в Германии, так сказать, микроскопическая психология, основанная на экспериментальных методах, спрашивающая в каждый момент о данных самонаблюдениях, но устранившая их

недостоверность более широкой проверкой и статистическими вычислениями. Этот метод требует в высшей степени терпения, и едва ли мог возникнуть в стране, жители которой способны испытывать утомление. Такие немцы как Вебер, Фехнер, Фирорд и Вундт очевидно к этому неспособны; и их успех вызвал на поле битвы ряды молодых экспериментальных психологов, стремящихся изучить *элементы* душевной жизни, выделяя их из сложных душевных комплексов, в которых они скрыты, и стараясь, насколько возможно свести эти элементы к некоторой количественной скале. Так как простой и открытый метод атаки дал уже все, что он мог дать, то прибегли к методу выжидания, обложения, изнурения противника; душевная жизнь должна была подвергнуться регулярной осаде, в которой минутными успехами, силой приобретаемыми и днем и ночью, эта жизнь блокируется на ее вершинах, чтобы наконец ворваться и туда. У этих новых философов призма, маятника и хронографа мы не найдем высокого стиля. Их средства - работа, а не храбрость. То благородное прорицание и та нравственная высота, которые Цицерон считает наиболее пригодными для проникновения в природу, оказались недостаточными, но эта задача несомненно в один прекрасный день будет разрешена этими новыми мыслителями, их выслеживаниями и выпытываниями, их беспредельным упорством и в высшей степени дьявольской хитростью" (цит. по [149, с. XXII]).

Отмечу главное. Интроспекция в научной психологии приобретает характер эмпирического метода, метода, который предназначен для добывания фактов. Естественно, он становится более строгим и стандартизованным. Естественно, он становится "нагруженным" теоретически: для того, чтобы наблюдать за своими душевными процессами, надо знать, что именно должно фиксироваться.

Анализу метода интроспекции в научной психологии посвящены специальные исследования [231, 135, 136, 414, 406, 402, 369, 365, 336, 310]. Среди них выделяется статья известного историка психологии Э.Боринга "История интроспекции", опубликованная в 1953 году ([355], русский перевод [113]). В этой классической работе дается широкая панорама использования метода интроспекции в различных направлениях в психологии, а также оценка изменения роли этого метода в психологической науке. История

психологии имеет специфическую трудность, связанную с тем, что количество "степеней свободы" при исторической "реконструкции" науки о психическом достаточно велико. Если за основу берется какая-то "изолированная" характеристика, то "восстановленная" картина будет весьма специфичной. Так история психологии XIX столетия может быть с достаточными основаниями представлена как история ассоциационизма, сенсуализма, психофизиологического параллелизма и т.д. В действительности все сложнее, т.к. часто важны несколько характеристик одновременно. Как точно отметил в своей "Психологии" Н.Н.Ланге, характеризуя взгляды Вундта, "полное изложение его психологических учений слишком сложно, чтобы найти здесь место" [148, с.78]. Когда об этой сложности забывают, появляется картина, подкупающая своей простотой и логичностью, но имеющая все недостатки упрощающей схемы. На мой взгляд, такому упрощению подверглась история интроспекции. Возвращаясь к классической статье выдающегося историка психологии (не случайно текст статьи попал в хрестоматию по истории психологии), отметим, что возможен несколько иной взгляд на интроспекцию. В частности, по-видимому, нуждается в уточнении само положение о "классической интроспекции". Э.Боринг пишет: "Можно считать классической интроспекцию, которая была определена через достаточно формальные правила и принципы и возникла непосредственно из ранних исследований вундтовой лаборатории в Лейпциге. Конечно, для интроспекции нет каких-либо неизменных правил. Великим людям свойственно не соглашаться друг с другом и изменять свои позиции. Тем не менее по существу и Вундт, и Кюльпе до его отъезда из Лейпцига, и Г.Э.Мюллер в Геттингене, и Титченер в Корнелле, и многие другие менее важные "интроспекционисты", признававшие первенство этих ученых, были едины" [113, с.24]. И далее: "Классическая интроспекция в общем смысле - это убеждение, что описание сознания обнаруживает комплексы, образуемые системой сенсорных элементов. Именно против этой доктрины восстали Кюльпе в Вюрцбурге, бихевиористы под руководством Уотсона и гештальтпсихологи по инициативе Вертгеймера. Интроспекционизм получил свой "-изм" потому, что составившие новые школы нуждались в ясном и четком обозначении оснований, которым они противопоставляли собственные, прин-

ципиально новые черты. Ни один сторонник интроспекции как базового метода психологии никогда не называл себя *интроспекционистом*. Обычно он называл себя *психологом* [113, с.24]. Мне представляется, что в пределах так называемой "классической интроспекции" скрыты различные попытки построения новой психологии. И метод интроспекции не был единым. Наоборот, для достижения целей - изучения предмета психологии (по Вундту, по Кюльпе, по Титченеру и др.) - требовались модификации метода. Они, естественно, не были случайными. И пренебречь этими различиями можно только в том случае, если торопиться перейти к новому этапу истории - "восстанию" против интроспекции. Оно, действительно, имело место. Метод интроспекции имел родовые пороки. Но он, несомненно, имел и видовые отличия. Нас же интересуют как раз модификации метода интроспекции. Полагаю, что изучение этих модификаций и сопоставление, с одной стороны, с декларируемым предметом психологии, а с другой - с концепцией сознания (как результатом исследования) может дать ключ к пониманию соотношения теории и метода в психологии на данном историческом этапе. Полагаю, что исторический подход в данном случае оправдан.

3.2.3.5. Интроспекция в научной психологии: Вильгельм-Макс Вундт

В.Вундтом была предпринята попытка создания новой психологии, приведшая к успеху. Несмотря на то, что "ни одно из положений вундтовской программы не выдержало испытания временем" [340, с.225], В.Вундт считается создателем научной психологии, т.к. главная цель была достигнута - психология заявила о себе как о самостоятельной науке, что было принято научным обществом и закреплено институционально. В.Вундт, создавая психологию, обратился к химии как ее модели [113, с.24]. Как справедливо отмечает Э.Боринг, элементаризм системы дополнялся ассоцианизмом с целью обеспечения задач синтеза. Вундт выделял аналоги атомов (ощущения, простые чувства и образы). Аналогами молекул выступали "представления (Vorstellungen) и более сложные образования (Verbindungen)" [113, с.24]. Центральным моментом в любом психологическом подходе, претен-

дующем *на новизну*, на создание новой психологии является определение предмета науки. Как известно, В.Вундт объявил предметом психологии непосредственный опыт. Задачу психологии В.Вундт видел в том, чтобы раскрыть *структуру* непосредственного опыта. Вундт различал собственно самонаблюдение (интроспекцию) и внутреннее восприятие. Для того, чтобы заниматься интроспекцией, испытуемый должен пройти предварительную тренировку. Экспериментальные процедуры использовались в вундтовской лаборатории для того, чтобы лучше структурировать самонаблюдение. "Психологическое самонаблюдение идет рука об руку с методами экспериментальной физиологии, и из приложения этих методов к психологии возникают, как самостоятельные ветви экспериментального исследования, психофизические методы. Если иметь в виду главным образом самостоятельность метода, то нашу науку можно назвать экспериментальной психологией, в отличие от психологии, основанной исключительно на самонаблюдении" [51, с.2]. Э.Боринг отмечает: "Вундт настаивал на тренировке испытуемых. Даже в экспериментах на время реакции в лейпцигской лаборатории испытуемые должны были долго тренироваться для выполнения предписанных актов перцепции, апперцепции, узнавания, различения, суждения, выбора и т.п., а также сразу сообщать, когда сознание отклоняется от требуемых задач. Так, Вундт указывал, что ни один испытуемый, который выполнил менее 10000 интроспективно проконтролированных реакций не подходит как источник сведений для публикации из его лаборатории" [113, с.25]. Самым интересным моментом здесь, безусловно, является следующий: зачем необходимо такое большое число предварительных испытаний? Ответ, очевидно, чрезвычайно прост: для того, чтобы обучить испытуемого описывать то, *что необходимо* (исходя из задачи) - именно структуру опыта. Причем, структура понималась как единство частей. В интроспекции недостаточно было расщепить содержание опыта "на атомы", надо было найти следы "творческого синтеза". Вот как характеризует его сам В.Вундт: "Какой бы процесс среди тех, которые мы называем "психическими соединениями" в широком смысле слова, или - так как все душевные процессы сложны, т.е. являются соединениями - какое бы психическое явление вообще мы не взяли, всюду и всегда мы натолкнемся на следующую яр-

кую, характерную черту: продукт, возникший из определенного числа элементов, представляет собою нечто большее, чем простую сумму этих элементов; нечто большее, чем продукт, однородный с этими элементами и лишь так или иначе, качественно или количественно, отличающийся от них по своим свойствам: нет, такой продукт представляет собой новое образование, совершенно несравнимое по своим наиболее существенным качествам с факторами, создавшими его. Это основное качество психических процессов мы называем принципом творческого синтеза" [52, с.118]. И далее: "С этим принципом в его простейшем виде мы встречаемся при образовании чувственных представлений. Звук есть нечто большее, чем сумма его частичных тонов. При слиянии их в единство, обертоны, вследствие своей малой интенсивности, обычно исчезают как самостоятельные элементы, зато основной тон получает, благодаря им, звуковую окраску, делающую его гораздо более богатым звуковым образованием, чем простой тон. Благодаря бесконечному многообразию продуктов, которые могут получиться из таких соединений, на основе простых тонов, отличающихся лишь высотой и глубиной, поднимается бесконечно разнообразный мир звуковых окрасок"[52, с.118]. Аналогичные явления имеют место в процессе восприятия: "в процессах ассимиляции, соединяющихся с каждым процессом восприятия, воспроизведенные элементы входят в состав вновь образовавшегося продукта: из прямых впечатлений и многообразных отрывков прежних представлений создается синтетическое воззрение" [52, с.118-119]. Таким образом, понятно, что задача испытуемого уточняется. Он должен научиться с помощью самонаблюдения вычленять в непосредственном опыте нужные элементы. Тренировка необходима, она представляет собой своего рода обучающий эксперимент. Понятно, что испытуемые в Лейпциге обнаруживали структуру опыта. В отличие от предшественников (напомним, И.Тэн говорил, что самонаблюдение открывает "полипняк" образов [289]) В.Вундт хочет создать научную картину: для него научность воплощается в структурности, мы получаем в результате психическую химию. В свете вышеописанного совсем не удивительно, что требования Вундта к интроспекции весьма либеральны. Э.Боринг в этой связи отмечает: "В целом понимание интроспекции Вундтом было гораздо либеральнее, чем обычно

думают: в формальной интроспекции он оставил место и для ретроспекции, и для непрямого отчета" [113, с.25]. И это совсем не удивительно. Результаты "творческого синтеза" становятся видны не сразу: для этого и используется ретроспекция. Можно сказать, что сложный состав метода, его неоднородность является результатом двойственности задач выявления структуры опыта по Вундту. Как показала жизнь, испытуемые достаточно легко обучаются структурному интроспективному описанию опыта.

3.2.3.6. Интроспекция в научной психологии: Франц Brentano

Как известно из истории психологии, вундтовская программа построения психологии как самостоятельной науки не была единственной. Достаточно скоро появились альтернативные программы. Одной из них была психология актов Ф.Бrentано [358, 359, 360, 361]. "Психология с эмпирической точки зрения", первый том которой был опубликован в 1874 году, содержала существенно иной взгляд на психологию в целом и на метод интроспекции, в частности. Если для В.Вундта идеалом научности была химия, то Ф.Бrentано, бывший католический священник, полагал, что ключом к новой психологии являются идеи Аристотеля [18]. Аристотелевский подход, как известно, определяется как биологический. Поэтому в концепции Brentano особая роль принадлежит активности познающего субъекта. Характерной для сознания является интенциональная направленность на объект. "Каждый психический феномен характеризуется тем, что схоласты в средние века называли интенциональным существованием объекта" [358, s.116]. Brentano не принимает психологию как науку о содержаниях сознания. По Brentano, подлинной задачей психологии является описание актов сознания. Как пишет Brentano, "примерами психических феноменов могут быть любые представления с помощью ощущения или фантазии, я понимаю здесь под представлением не то, что представляется, но сам акт представления" [358, s.103-104]. Все психические акты, согласно Brentano, могут быть отнесены к следующим классам: акты представления (Vorstellungen), суждения (Urteile), оценки (чувства) (Gefühle) [360] .

"Для Brentano исходным являлось понятие не об элементе сознания, а о его акте, понимаемом как функция субъекта, выра-

женная в его направленности на объект. Поэтому психолог, согласно Brentano, должен исследовать не элементы (ощущения различного качества, интенсивности и т.д.), а акты, благодаря которым эти элементы становятся объектами осознания" [340, с.227]. М.Г.Ярошевский, сопоставляя методологические позиции В.Вундта и Ф.Брентано, отмечает: "Оба исходили из того, что предметом психологии является сознание. Оба интерпретировали его с позиций интроспекционизма. Но Вундт рассчитывал выяснить с помощью изоширенной интроспекции и вспомогательных физиологических приборов состав сознания: какова его (сенсорная в своей основе) "фактура". Brentano полагал, что задача психолога состоит в том, чтобы тщательно описывать не само по себе содержание, а связанные с ним акты, действия, внутренние операции" [340, с.228]. "С точки зрения Brentano, принятая в лабораториях физиологической психологии процедура анализа сознания укладывает в прокрустово ложе реальные процессы сознания, которые следует тщательно наблюдать в их естественном течении и составе" [340, с.228]. М.Г.Ярошевский так интерпретирует различия в интроспективном методе у Вундта и Brentano: "субъективный (интроспективный) метод приобрел у тех, кто отправлялся от Вундта одну направленность, от Brentano - другую. В обоих случаях утверждался феноменологический подход (объект анализа - феномены сознания) Различие же состояло в том, что последователи Вундта устремлялись к гипотетическим структурным элементам, недоступным неискушенному наблюдателю, тогда как воспитанники Brentano культивировали исследование сознания в его целостности и доподлинности, свободной от предвзятых теоретических схем" [340, с.228]. С последним утверждением М.Г.Ярошевского вряд ли можно согласиться. Brentano, как известно, был сторонником мнения, что внутреннее восприятие дает человеку истинную информацию: "феномены, постижимые умственно, верны сами по себе", в чем видел огромное преимущество психологии над науками физическими [359]. Brentano подчеркивал целостность душевной жизни. "Сознание в единстве его актов Brentano сравнивает с рекой, в которой одна волна следует за другой" [95, с.194]. Для того, чтобы обеспечить интроспективное описание этой целостности, Brentano был вынужден существенно модифицировать метод. Как отмечал Э.Гартман, "непо-

средственный опыт не есть непосредственное наблюдение своих собственных душевных процессов в то время, как они протекают, так как - и в этом Brentano прав - такое наблюдение невозможно, а он есть восприятие этих процессов в воспоминании, без чего сама психология не могла бы существовать" [68, с.17]. Таким образом, платой за целостность является "расширение", точнее, размывание метода, включение наряду с внутренним восприятием в структуру метода элементов ретроспекции. Поэтому вряд ли правомерно утверждать, что Brentano изучает сознание в его "доподлинности". При ближайшем рассмотрении процедура оказывается не менее искусственной, чем аналитическая интроспекция Вундта. Суровую итоговую оценку методу Brentano дает Э.Гартман, работу которого мы уже цитировали: "Что этим самым (восприятием душевных процессов в воспоминании - В.М.), кажущееся непосредственным, наблюдение, тем не менее становится опосредованным, хотя и в иной форме, чем наблюдение душевных процессов у других - этого Brentano не принял во внимание; он также мало взвесил и то, что создание эмпирических правил неопределенного, неточного характера с многочисленными исключениями вряд ли заслуживает названия науки" [68, с.17].

Таким образом, согласно Ф.Бrentano, метод интроспекции должен описывать акты сознания, а не собственно содержания. При этом описание должно быть по возможности более полным, исчерпывающим. В этих условиях ограничения, налагаемые методом эксперимента (напомним, Вундт использовал эксперимент главным образом для того, чтобы стандартизовать интроспекцию), являются излишними, поэтому Brentano настаивает на том, что психология должна быть наблюдательной - экспериментальные процедуры представляют собой "прокрустово ложе" для самонаблюдения.

3.2.3.7. Интроспекция в научной психологии: Герман Эббингауз

Как известно, Г.Эббингауз занимает особое место среди психологов, внесших вклад в разработку психологических методов. Причем этот вклад "проходит" "по линии" эксперимента. Действительно, Г.Эббингауз в своем классическом труде "О памяти"

(1885) [373], кстати имеющем многозначительный подзаголовок - Untersuchungen zur experimentellen Psychologie - разработал методики, позволяющие реализовать экспериментальное исследования памяти, причем исследование, широко использующее измерение в психологии. Многие историки психологии, например М.Г.Ярошевский [340], видят в Эббингаузе пионера собственно психологического эксперимента. О вкладе Г.Эббингауза в разработку метода эксперимента будет сказано в соответствующем разделе (см. разд. 3.2.3.). Здесь мы обратимся к фундаментальному руководству Г.Эббингауза "Основы психологии" ([374], русский перевод [324, 325]). В этой книге есть специальный раздел "Метод психологии". Г.Эббингауз утверждает, что методами психологии являются самонаблюдение и наблюдение других людей. Эббингауз отмечает, что "самонаблюдение и наблюдение других людей не суть два равноправных и независимых друг от друга метода исследования..., а они вполне и неразрывно меж собою связаны. Каждый в отдельности не дает психологии почти ничего, и только в связи друг с другом они получают значение" [324, с.60].

Подробно анализируя метод самонаблюдения, Г.Эббингауз находит в нем три существенных недостатка. Во-первых, попытка самонаблюдения уничтожает до известной степени объект, на который она направлена. Во-вторых, самонаблюдение не схватывает предметов в их чистом и объективном виде, оно почти неизбежно искажает и фальсифицирует предметы и всегда грозит опасностью, что самонаблюдение даст искусственные продукты. По Эббингаузу, самонаблюдение может быть источником артефактов. В-третьих, самонаблюдение всегда ограничено одним индивидом: оно, по Эббингаузу, изучает лишь содержание одной души со всеми ее случайностями и особенностями.

Преодолеть перечисленные недостатки возможно лишь в том случае, когда самонаблюдение дополнено и подтверждено другим способом и "этот способ именно и есть наблюдение других людей" [324, с.61]. Наблюдение само по себе не может обеспечить психологию фактами, потому что "все наблюдения над другими людьми - ничто, по крайней мере, ничто для психологии, без постоянного оживления и одухотворения результатами самонаблюдения" [324, с.62].

Эббингауз делает вывод: "Итак, оба средства исследования друг без друга лишены значения. Первое (самонаблюдение - В.М.) в отдельности не дает ничего надежного и недостаточно для науки, а второе (наблюдение - В.М.) в отдельности не дает психических явлений; только взаимно дополняя и проникая друг друга, они создают науку психологии" [324, с.62].

А что же другие методы, в первую очередь эксперимент, который, как уже упоминалось, самим Эббингаузом использовался?

Г.Эббингауз дает обширный обзор, посвященный измерению и эксперименту в психологии [324, с.62-88], в котором подробно описывает использование экспериментальных и измерительных процедур Фехнером. Характерно, что Эббингауз считает измерение и эксперимент всего лишь "вспомогательными средствами" [324, с.88] в психологическом исследовании. Интересен заключительный вывод Эббингауза: "Мы считали самонаблюдение и наблюдение над другими методами психологии, и говорили затем об экспериментах и о прямых и косвенных методах психических измерений. Какая связь между всем этим? Оказались ли новые методы чем-то совсем иным сравнительно с двумя давно известными и применяемыми психологическими методами и грозит ли им даже опасность полного их вытеснения новыми методами? Конечно, нет. Эксперименты и методы измерения - не новые средства познания на место старых, а те же самые давно известные методы, но лишь не в примитивной и безыскусственной форме, а в искусной и, так сказать, изощренной форме. Они суть особенно выработанные и развитые формы самонаблюдения и наблюдения над другими людьми, в которых намеренно создаются определенные условия и результаты определяются возможно точнее" [324, с.89].

Здесь кажется уместным коснуться одного момента, связанного с исследованиями Эббингауза. Как уже упоминалось, он вошел в историю психологии в первую очередь благодаря экспериментам в области памяти. Почему Эббингауз не настаивает на том, что психология должна быть экспериментальной? На мой взгляд, потому, что, продолжая традицию Фехнера, он распространяет измерение на область психологии памяти, т.е. Эббингауз занят исследованием конкретной проблемы. Эббингауз прекрасно понимает, что все пространство психической реальности не может

быть охвачено экспериментальным исследованием: роль конституирующей психологию метода отводится самонаблюдению, наблюдение же необходимо для проверки данных, доставляемых самонаблюдением.

3.2.3.8. Интроспекция в научной психологии: Эдуард Титченер

Психологом, предъявлявшим самые жесткие требования к методу самонаблюдения, был Эдуард Титченер [414, 416]. Определив психологию как науку о зависимом опыте (по Титченеру, физика должна изучать независимый от субъекта опыт, а психология данные опыта рассматривает в зависимости от индивидуума), в качестве метода предлагает самонаблюдение. "Научный метод может быть выражен одним словом - "наблюдение"; единственный путь для научной работы наблюдать те явления, которые составляют предмет науки. Но наблюдение предъявляет два требования: внимательно следить за явлениями и протоколировать их; оно есть, следовательно, ясное и живое опытное познание и отчет о его результатах в словах или формулах" [280, с.16-17]. В качестве вспомогательного средства выступает эксперимент. "Эксперимент есть такое наблюдение, которое можно повторять, изолировать и видоизменять" [280, с.17].

"Методом психологии является, как мы видим, наблюдение. Чтобы отличить его от наблюдения, которое применяется в естественных науках и состоит в наблюдении над внешними явлениями, в смотреии наружу, - психологическое наблюдение определяется как самонаблюдение, как смотрение внутрь" [280, с.17]. Титченер анализирует трудности самонаблюдения: наблюдение за собой меняет характер наблюдаемых процессов ("Спокойное рассмотрение душевного движения уничтожает это последнее; гнев остывает, разочарование исчезает, как только мы принимаемся за их анализ" [280, с.19]. Признавая за ретроспективным анализом некоторую полезность ("...бывают некоторые случаи, в которых и опытному психологу полезно ими воспользоваться" [280, с.19]), Титченер полагает, что такой способ наблюдения нельзя выдавать за общее правило. По Титченеру, средствами преодоления трудностей самонаблюдения, являются: возможность повторения и разделение процесса на этапы, а также опыт наблюдателя. По по-

следнему поводу Титченер замечает, что "опытный наблюдатель приобретает навык в самонаблюдении и в таком совершенстве справляется с предъявляемыми здесь к нему требованиями, что он бывает в состоянии не только мысленно делать себе пометки во время процесса наблюдения, не нарушая течения сознания, но может даже делать письменные пометки, подобно гистологу, который делает себе пометки, не отрываясь от окуляра микроскопа" [280, с.20].

Титченером также было введено строгое требования, налагающееся на самонаблюдение: описывать именно структуру опыта, но не его содержание, что он называл "ошибкой стимула".

3.2.3.9. Интроспекция в научной психологии: Уильям Джемс

Признанным мастером интроспекции был американский психолог Уильям Джемс (1842-1910). Трудно удержаться от того, чтобы не сказать хотя бы несколько слов об его увлекательной жизни, полной неожиданных поворотов. "Интересы его были неустойчивы. В ранней юности он увлекается живописью, затем начинает заниматься химией и, наконец, медициной, но прерывает эти занятия, чтобы принять участие в экспедиции естествоиспытателей в бассейн реки Амазонки, после чего он полтора года путешествует по Германии" [298, с.56-57]. Трудности экспедиций убедили Джемса, что он будет более счастлив, "если будет размышлять и писать о науке, нежели если будет сам заниматься активными научными исследованиями" [301, с.6]. В конце концов Джемс возвращается в Гарвард и в 1869 году получает медицинскую степень. "Окончив учение, он впал в длительную глубокую депрессию. Он ощущал себя никчемным, несколько раз предпринимал попытки самоубийства" [301, с.6]. После выздоровления Джемс начал преподавать в Гарварде. С этого времени из-за слабости своего здоровья Джемс был вынужден часто прерывать свои занятия, а позднее и преподавание. В это же время Джемс понимает, что его истинное призвание - философия, но тем не менее продолжает свою естественнонаучную карьеру. "Сначала он преподавал на отделении анатомии и физиологии. Несколькими годами позже он читал первый курс по психологии, позже преподавал психологию и философию на отделении философии. В 1878

году он начал работу над учебником "Принципы психологии" ("Основы психологии"), опубликованным в 1890 году. Его красочная проза, равно как и заинтересованность в моральных и практических вопросах сделали его популярным лектором. Два сборника его лекций "Воля к вере" (1896) и "Разговоры с учителями" (1899) обеспечили ему растущую всеамериканскую известность. В 1902 году он опубликовал серию лекций "Многообразие религиозного опыта". В последнее десятилетие своей жизни он писал и читал лекции о прагматизме, - основанном им философском движении, утверждавшем, что значение может быть оцениваемо с точки зрения его полезности, а истинность должна проверяться в практических следствиях из убеждений" [301, с.7].

Но вернемся к джемсовской интроспекции. Джемс пишет в "Основах психологии": "Интроспективное наблюдение - вот на что нам надлежит полагаться в первую очередь, в основном и всегда. Понятие "интроспекция" следует четко определить - оно означает, очевидно, смотрение в собственную душу и отчет о том, что мы в ней открываем. Любой согласится с тем, что мы открываем при этом состояния сознания" [386, v.1, p.185]. Джемс категорически отвергает атомизм Вундта и его учеников. Как справедливо отмечает П.Фресс: "Разумеется, он исходит из сознания, но для него важны не данные, которые находятся в сознании, а факты *сознания*: индивидуальное сознание, непрерывность которого является основой тождества личности, непрерывно меняющееся сознание, никогда не имеющее дважды одних и тех же ощущений или одних и тех же мыслей; сознание, выбирающее в мире, в который оно погружено, то, что ему подходит" [298, с.57]. И далее: "Но Джемс не говорит об акте. Для него состояния сознания являются *функцией*" [298, с.57].

Оценивая заслуги Джемса, Н.Н.Ланге отмечал, что он точно обратил нас "к непосредственному опыту, закрытому до сих пор теоретическими построениями" [150, с.53]. Каким образом? Джемс, как было сказано, категорически возражает против атомизма и элементаризма Вундта. А.Н.Ждан справедливо отмечает по этому поводу: "Собственное самонаблюдение, которому должна следовать психология, показывает каждому человеку, что эти гипотетические элементы ему недоступны. В самонаблюдении нам открываются не эти атомы, а некоторые цельные конкретные

состояния сознания. Они изменчивы: минувшее состояние сознания не может снова возникнуть и буквально повториться. Тождествен воспринимаемый нами объект, а не наши ощущения. Уже поэтому неправильно смотреть на психическую жизнь как перетасовку и ассоциацию одних и тех же идей. Психическая жизнь есть постоянная смена качественностей. В сознании нет связок. Оно течет непрерывно. Постоянная смена качественностей составляет поток сознания" [95, с.196]. Джемс, таким образом, не принимает вундтовскую программу изучения ощущений: "Тождествен воспринимаемый нами объект, а не наши ощущения... Реальности, объективные или субъективные, в постоянное существование которых мы верим, по-видимому снова и снова предстают перед перед нашим сознанием и заставляют нас из-за нашей невнимательности предполагать, будто идеи о них суть одни и те же идеи... Мы стараемся убедиться лишь в тождественности вещей, и любые ощущения, удостоверяющие нас при этом грубом способе оценки, будут сами казаться нам тождественными" [87, с.126]. Джемс продолжает: "состояния нашего ума никогда не бывают абсолютно тождественными. Каждая отдельная мысль о каком-нибудь предмете, строго говоря, есть уникальная и имеет лишь родовое сходство с другими нашими мыслями о том же предмете. Когда повторяются прежние факты, мы должны думать о них по-новому, глядеть на них под другим углом, открывать в них новые стороны. И мысль, с помощью которой мы познаем эти факты, всегда есть мысль о предмете плюс новые отношения, в которых он поставлен, мысль, связанная с сознанием того, что сопровождает ее в виде неясных деталей" [87, с.128]. Вывод, который делает Джемс о методе изучения потока сознания, формулируется так: "Мне кажется, что анализ цельных, конкретных состояний сознания, сменяющих друг друга, есть единственный правильный психологический метод, как бы ни было трудно провести его через все частности исследования" [87, с.128-129]. Джемс продолжает полемику с Вундтом и по поводу метода: "Без сомнения, часто удобно придерживаться своего рода атомизма при объяснении душевных явлений, рассматривая высшие состояния сознания как агрегаты неизменяющихся элементарных идей, которые непрерывно сменяют друг друга(...) Неизменно существующая идея, появляющаяся время от времени перед нашим сознанием, есть фантастическая

фикция" [87, с.129]. Сознание, по Джемсу, подобно жизни птицы, которая то сидит на месте, то летает. "Ритм языка отметил эту черту сознания тем, что каждую мысль облек в форму предложения, а предложение развил в форму периода. Остановочные пункты обыкновенно бывают заняты чувственными впечатлениями, особенность которых заключается в том, что они могут не изменяясь, созерцаться умом неопределенное время; переходные промежутки заняты мыслями об отношениях статических и динамических, которые мы по большей части устанавливаем между объектами, воспринятыми в состоянии относительного покоя" [87, с.131]. Джемс называет остановочные пункты устойчивыми частями, а переходные промежутки изменчивыми частями потока сознания. Наше мышление постоянно стремится от одной устойчивой части, которую покинуло, к другой. "При самонаблюдении, - отмечает Джемс, - очень трудно подметить переходные моменты в их настоящем виде" [87, с.131]. "Эти состояния, т.е. сознание отношений между явлениями сознания - пространственных, временных, сходства, различия, невозможно схватить самонаблюдением" [95, с.196]. Джемс специально подчеркивает, что в случае переходных состояний попытка самонаблюдения бесплодна - "это все равно, что схватывать руками волчок, чтобы уловить его движение". Интеллектуализм и сенсуализм, по мысли Джемса, есть абсолютизация, "чрезмерное преувеличение значения", придаваемого переходным или более устойчивым состояниям сознания. Тем не менее, трудности самонаблюдения не являются оправданием для традиционной психологии, которая, фактически, изучает артефакты: "Традиционные психологи рассуждают подобно тому, кто стал бы утверждать, что река состоит из бочек, ведер, кварт, ложек и других определенных мерок воды. Эту-то свободную, незамкнутую в сосуды воду психологи и игнорируют упорно при анализе нашего сознания. Всякий определенный образ в нашем сознании погружен в массу свободной, текущей вокруг него "воды" и замирает в ней. С образом связано сознание всех окружающих отношений, как близких, так и отдаленных, замирающее эхо тех мотивов, по поводу которых возник данный образ, и зарождающееся сознание тех результатов, к которым он поведет. Значение, ценность образа всецело заключается в этом дополнении, в этой полутени окружающих и сопровождающих его элементов

мысли, или, лучше сказать, эта полутень составляет с данным образом одно целое - она плоть от плоти его и кость от кости его; оставляя, правда, самый образ тем же, чем он был прежде, она сообщает ему новое назначение и свежую окраску. Назовем сознание этих отношений, сопровождающее в виде деталей данный образ, *психическими обертонами*" [87, с.136]. "Сознание отличается селективностью, т.е. избирательностью: в нем всегда одно состояние выдвигается вперед, другое, наоборот, отходит на задний план в соответствии с тем, что нужно, важно, интересно данному индивиду. Селективность отличает наши переживания, во внешнем мире все предметы имеют одинаковую степень реальности" [95, с.196].

Из вышеизложенного понятно, что Джемс является сторонником самонаблюдения. Любые "строгие" процедуры, например, вундтовские требования к лабораторному эксперименту, по Джемсу, являются искусственными попытками "резать ножницами воду", неминуемо обреченными на неудачу. Единственным методом психологии, который может дать результат, является "анализ цельных, конкретных состояний сознания".

Таким образом, согласно Джемсу, методом психологии является самонаблюдение, направленное на поток сознания. Выраженный функциональный подход У.Джемса, рассматривающий сознание не как структуру, а как функцию ("сознание... по всей вероятности, развивалось, как и другие функции, потому что оно полезно..." [298, с.58]) сделал психологическую концепцию *жизненной*: "...мы получаем живое понимание душевных явлений, удерживая наше внимание возможно дольше на конкретных состояниях сознания во всей их цельности, между тем как анализ психических элементов есть, так сказать, анализ *post mortem* (посмертный). В последнем случае мы имеем дело не с жизненными явлениями, а с искусственными абстракциями" [87, с.VI- VII].

И еще одно, последнее замачание, касающееся психологического метода Уильяма Джемса. В силу некоторых обстоятельств (главным образом, по причине целостности подхода) самонаблюдение у Джемса это не просто эмпирический метод. В своих "Основаниях психологии", оценивая тезис Brentano об истинности внутреннего восприятия ("Феномены, постижимые умственно, верны сами по себе"), Джемс пишет: "Если бы иметь чувства или

мысли в их непосредственной данности было бы вполне достаточно, то дитя в колыбели было бы психологом и вдобавок непогрешимым!" [386, v.1, p.189]. Действительно, самонаблюдение Джемса не просто эмпирический метод, а соединенный с интерпретацией (главным образом, функциональной направленности): то, что неискушенному читателю может показаться результатом простого самонаблюдения в действительности является результатом тонкого анализа, осуществленного автором. В книге "Многообразие религиозного опыта" [86] этот метод опосредствованного анализа становится ведущим. Таким образом, можно констатировать, что и в области метода Джемс стал предшественником опосредствованного психологического метода, который еще только будет "завоевывать" психологию.

3.2.3.10. Интроспекция в научной психологии: Вюрцбургская школа

Вюрцбургская школа, получившая свое название от Вюрцбургского психологического института (г. Вюрцбург, Бавария, Германия), возникла на рубеже XIX и XX вв. Ее создателем был Освальд Кюльпе (1862-1915), бывший учеником В.Вундта и "одним из первых психологов, сформировавшихся на базе своей собственной дисциплины" [298, с.36]. Эта школа, в которой кроме Кюльпе работали Карл Марбе, Генрих Ватт, Нарцисс Ах, Август Мессер, Карл Бюлер, Клифтон Тейлор и др., внесла существенный вклад и в разработку метода интроспекции, и в изучение мышления. Можно сказать, что психологи из Вюрцбурга были пионерами экспериментального изучения мышления. На этой стороне деятельности мы остановимся в следующем разделе. А сейчас обсудим модификации интроспективного метода в Вюрцбургской школе.

Л.И.Анцыферова отмечала, что "в опытах Вюрцбургской школы интроспективный метод достиг своего апогея" [16, с.61]. Это безусловно верно: возможности самоотчета испытуемого использовались максимально полно, интроспекция как таковая дополнялась ретроспекцией. Нарцисс Ах, например, настаивал на том, что самонаблюдение должно носить преимущественно ре-

троспективный характер, т.к. интроспекция не просто искажает наблюдаемое явление, но меняет его содержание.

Мы помним, что вундтовская психология как наука о непосредственном опыте полагала, что она четко определила свой предмет. Испытуемый должен описывать структуру непосредственного опыта, по возможности, расчлняя на составные элементы. Как справедливо отмечалось в психологической литературе, экспериментальные данные, полученные в опытах физиологических психологов, "содержали совершенно разнородные сведения, состоявшие частично из интроспективных отчетов, а частью из отчетов испытуемых о том, что именно они воспринимают в окружающем мире, и, наконец, из показателей о зависимости двигательных реакций от тех или иных изменений раздражителей" [16, с.59-60]. В физиологической психологии оба вида словесного отчета считались интроспекцией.

В Вюрцбургской школе интроспекция получила более четкие границы: поскольку изучалось в основном мышление, то, естественно, испытуемые должны были описывать не качества раздражителей и не сами раздражители, а собственно мыслительные процессы. По мнению самого Аха, основное отличие вюрцбургской интроспекции заключалось в том, что "опытах Вюрцбургской школы интроспекция применялась в строго контролируемых стандартных условиях" [16, с.61]. Особая роль отводилась изменениям внешних условий: систематическое экспериментальное наблюдение немногого стоит, если "не удастся благодаря изменению внешних условий эксперимента и инструкции вызвать соответствующее изменение внутренних переживаний и, таким образом, благодаря вариации внешних обстоятельств, осуществить контроль за данными самонаблюдениями" [16, с.61]. Как резюмирует сам Н.Ах: "Метод систематического экспериментального самонаблюдения состоит в том, чтобы в следующий за опытом промежуток времени подвергать полному описанию и анализу переживания испытуемого, стимулированные внешними средствами" [345, s.8]. Лидер школы подчеркивал именно систематический характер самонаблюдения в Вюрцбургской школе: "Ранее в психологических исследованиях не старались добиваться после каждого опыта сведения о всех соответствующих переживаниях, удовлетворялись случайными показаниями испытуемого по поводу яв-

лений, особенно бросающихся в глаза или отклоняющихся от нормы и разве только после целого ряда совокупных исследований выспрашивали главное на основании сохранившихся у испытуемого воспоминаний. Таким путем освещались только наиболее характерные душевные явления. Близкое знакомство наблюдателей с традиционным кругом понятий об ощущениях, чувствах и представлениях не позволяло им заметить и назвать то, что не было ни ощущением, ни чувством, ни представлением. Лишь только опытные испытуемые на основании самонаблюдения над переживаниями во время исследования начали сообщать непосредственно после опыта полные и беспристрастные данные о течении душевных процессов, тотчас же обнаружилась необходимость расширения прежних понятий и определений. Было обнаружено существование таких явлений, состояний, направлений, актов, которые не подходили под схему старой психологии" [143, с.50]. В этом фрагменте из обобщающей статьи Освальда Кюльпе хотелось бы обратить внимание на два момента. Первый: фактическая констатация обусловленности самонаблюдения теоретическими взглядами наблюдателя. Второй: разумеется, "расширение прежних понятий" было вызвано не "опытностью" испытуемых (хотя она вне подозрений: испытуемые Кюльпе, Бюлер, Мессер и др. были и опытны и квалифицированы), а тем, что объектом интроспекции стала деятельность мышления, что привело к появлению в отчетах данных о "несенсорных" элементах. Их, как известно, обнаружили и Бине [349, 352], и Вудвортс [357,348], не использовавшие систематического экспериментального самонаблюдения в вюрцбургском варианте. Но стремление к систематичности выразилось, в частности, в том, что изучаемое явление для удобства описания делилось на этапы и каждый этап описывался отдельно.

Метод интроспекции, как уже упоминалось, достиг в Вюрцбургской школе своего апогея. Это выразилось, в частности, в том, что в этой школе предъявлялись максимальные требования к испытуемым. Это одно из немногих направлений в психологии, где с гордостью указывали фамилию испытуемого (проф. Кюльпе, проф. Мессер и др. - заметим, что доценты в качестве испытуемых встречаются не так часто). По точной характеристике Л.И.Анцыферовой, в Вюрцбургской школе "грань между экспериментатором и испытуемым по существу стиралась: каждый ис-

пытуемый являлся одновременно экспериментатором, наблюдающим сущность своего мышления. Почти ко всему циклу проведенных вюрцбургцами экспериментов относятся слова Бюлера, высказанные им по поводу работы Мессера. В ходе проведения опытов, пишет Бюлер, Мессер чувствовал себя в некоторой степени лишь редактором того, что высказывали его испытуемые Кюльпе и Дюрр" [16, с.62]. Проанализируем метод в Вюрцбургской школе более подробно. Обратим внимание на то, что исследования мышления начинались с классической схемы, примененной к новому объекту - мышлению. Мышление понимается как в логике: исследуется суждение. Возьмем в качестве примера исследование К.Марбе. "Испытуемым предлагались различные вопросы, вызывавшие у них процессы суждения... Непосредственно после опыта испытуемый должен был описать, что было им пережито. Испытуемыми были проф. Кюльпе и проф. Реттекен. Предлагались, напр. вопросы: "На какой реке находится Берлин?" Ответ (Кюльпе): - "На Шпрее". - При этом возник зрительный и слухо-двигательный образ этого слова. - Вопрос: "Сколько будет 6 раз 15?" - Ответ: "90". - При этом возникли неясные двигательные образы 15 и 6" [139, с.84-85]. Усложнение заданий (т.е. при более сложных суждениях, особенно абстрактного характера) приводит к появлению Bewusstseinslagen - "положений сознания".

Начинается интенсивная разработка новой области. Она была направлена на поиск элементов мышления. Программа анализа (структурного) непосредственного опыта, предложенная еще Вундтом применяется на новом материале. Л.И.Анцыферова в своем исследовании, посвященном Вюрцбургской школе, отмечает: "Строя свои системы по типу других более развитых наук, Вундт и Титченер основными единицами психики считали ощущения, образы, (представления) и чувства. Опыты представителей Вюрцбургской школы обнаружили невозможность уложить все богатство психической жизни человека в эту метафизическую систему независимых друг от друга статических единиц. Оказалось, что человек осознает отношения и взаимосвязи между окружающими его предметами, экспериментальными действиями и собственными мыслями. Истолковывая эти данные с позиций психологии сознания, представители Вюрцбургской школы по существу все виды отношения свели к отношениям между мыслями и пси-

хическими состояниями, объявив "переживание отношений" основными элементами мышления, лишенными чувственнонаглядного компонента" [16, с.64].

Исследования, ориентированные на поиски новых элементов, из которых состоит мышление (знание, знаемость, осознание, по Аху; мысли, по Мессеру и по Бюлеру) привели к усложнению заданий (некоторые задания требовали серьезного интеллектуального усилия). В этих условиях оказалось возможным изменить акцент в исследовании, внести изменения в инструкцию испытуемому и направить его внимание не на фиксацию содержаний (представлений или ненаглядных содержаний, отношений, мыслей), но на процессы, предшествующие появлению этих содержаний. Еще раз обратим внимание на то, что это стало возможным при достаточном усложнении заданий. При элементарных заданиях (подобных описанным выше, в которых Кюльпе должен был вспомнить, на какой реке стоит Берлин), где требуется лишь актуализация опыта, проследить процессы чрезвычайно трудно. Таким образом, в исследованиях вюрцбургцев появляется схема процесса. Она становится "работающей" далеко не у всех. Примером может служить работа Карла Бюлера. "Характеристика мышления как процесса решения задачи уже используется Бюлером в качестве основы его исследований. Отказываясь дать сколько-нибудь полное определение мышления, Бюлер считает необходимым и достаточным для этого задать человеку вопрос, на который тот обязательно должен ответить. Вопрос вызывает возникновение в уме человека задачи, решение которой и составляет суть мышления. Но Бюлер отказывается исследовать, как он выражается, "диалектику мышления", ограничивая свою задачу поисками ненаглядных элементов и их подробной характеристикой" [16, с.75]. Это очень важный момент: появление новой схемы не обязательно ведет к "переориентации" исследования, выражающейся в изменении методики. Об изменениях в методах, произошедших в Вюрцбургской школе, писал М.Г.Ярошевский: "Испытуемых просили сделать объектом самонаблюдения не результат, а процесс, описать, какие события происходят в их сознании при решении какой-либо экспериментальной задачи" [340, с.316]. В этом отношении важно подчеркнуть, что вюрцбургцы не были изобретателями "схемы процесса", они лишь распространили ее на но-

вую область - мышление, когда оказалась "освоенной" структурная схема. Поясню это. Открытие Ваттом феномена задачи создало основу для использования процессуального анализа мышления. Н.Ах начал такой анализ, Бюлер, как мы видели, отказался, поскольку счел неисчерпанной структурную схему и предпочел выявлять виды "ненаглядных" содержаний в мышлении (Бюлером, напомним, было выделено три типа мыслей). В своей поздней статье О.Кюльпе подчеркивает тот факт, что обращение внимания исследователей на механизмы явлений произошло до вюрцбургцев: "После того, как Вундт в своей книге "Основы физиологической психологии" (1874) значительно расширил цели новой науки и попытался привести ее в систему, открытие его психологического института для организации исследований в этой области имело значение новой научной эры. Однако, лишь психологические исследования звука Штумпфом и сочинения Эббингауза о памяти решительно придали экспериментальным работам чисто психологический характер. В этот последний период нашей науки для эксперимента стала доступна большая психическая жизнь, память, чувства и воля, интеллектуальные функции и психическая активность. Самые главные для Фехнера элементы - раздражители и вызываемые ими ощущения оттеснены в круг своих собственных интересов и проблем. Эволюцию такого рода легче всего иллюстрировать примером исследования Мюллером и Шуманом, начавшимся еще в конце 80-х годов. Уже Фехнер по этому вопросу провел круглым счетом 25000 экспериментов. Единственной целью, которую он при этом имел в виду, было подтверждение веберовского закона, который был для него необходим, как обоснование того отношения, которое он искал между телом и душой. Напротив, в работе Мюллера и Шумана этот вопрос совершенно устранен. Здесь говорится о веберовском законе, они его касаются лишь на немногих страницах, но *о самом механизме сравнения, о проявлении моторных и сенсорных процессов, о мотивах, которые побуждают нас* (курсив мой - В.М.) *один вес считать тяжелее другого*" [143, с.47]. О.Кюльпе подчеркивает, что с этой фазой развития экспериментальной психологии совпадает направление, исследующее процессы мышления, развившееся в Вюрцбургском психологическом институте.

Изменив исходную схему (т.е. приняв схему мышления как процесса), Н.Ах вынужден модифицировать и сам метод. Он настаивает на том, чтобы испытуемые как можно тщательнее описывали сам процесс. Но даже прерывание процесса для того, чтобы получить ретроспективный отчет по части процесса положения не спасает. Ватт установил, что в самом начале эксперимента испытуемый несколько раз повторял задачу про себя, но затем не только проговаривание исчезает, но испытуемый вообще перестает осознавать задачу. Тем не менее ее действие обнаруживается, в частности, в том, что испытуемый дает правильные ответы. Интроспекция, однако, не позволяет получить исчерпывающего описания мышления как процесса. И тогда происходит то, что, по-видимому, можно назвать революцией в психологическом экспериментировании.

Дело в том, что Ах производит вспомогательный эксперимент, который моделирует интересующее явление. Речь идет об экспериментах с использованием гипноза: "Так одному из загипнотизированных дается следующая инструкция: "Будут показаны две карточки с двумя цифрами. При предъявлении первой карточки вы должны назвать сумму чисел, после подачи второй - разность". После того, как испытуемый проснулся, ему была показана карточка с числами 6/2. Взглянув на них испытуемый произнес "восемь". Карточка с цифрами 4/2 вызвала у него ответ "два". На вопрос, почему он произнес слово "восемь" испытуемый ответил, что он испытывал настоятельную потребность сказать именно это слово" [16, с.77]. И здесь необходимо подчеркнуть, что в этом эксперименте интроспекция выступает в весьма специфической роли. Интроспективные данные используются, но в качестве исходного материала. Так же как во фрейдовском анализе постгипнотического внушения, мы имеем дело с опосредованным исследованием: данные испытуемого являются очевидно лишь сырым материалом, адекватная интерпретация которого проводится (и вообще становится возможна) лишь исследователем, который этот эксперимент организовал и которому известно про факт внушения. Таким образом, Н.Ах в этом эксперименте продемонстрировал возможность интерпретации данных самонаблюдения совершенно определенным образом, а именно используя для интерпретации схему процесса: постгипнотическое внушение вызывает неосо-

знаваемые процессы, которые своим результатом имеют интроспективные показания испытуемых. Такое использование дополнительного метода позволяет Аху сформулировать свою знаменитую концепцию детерминирующей тенденции (подробнее о ней см. в разд. о теории мышления).

Теперь можно дать новый вариант объяснения феномена, известного в психологии мышления как "беспорядки в изложении Аха" (Г.Хамфри [383]). Вот как характеризует этот феномен Л.И.Анцыферова: "...работа Аха производит странное впечатление на современного психолога. Выводы о механизмах мышления в ней излагаются вне связи с огромным количеством приводимых до этого протоколов, содержащих ретроспективный отчет о данных самонаблюдения. Это обстоятельство побуждает некоторых современных психологов говорить о некоторой неряшливости некоторых работ Вюрцбургской школы, о хаотичности изложения. Хамфри посвящает специальный раздел "беспорядкам в изложении Аха". Он указывает, что вывод Аха о детерминирующих тенденциях как главном механизме мышления совершенно не подготовлен. В главе, носящей название "Детерминирующие тенденции. Осознание", содержится положение, что исследования, описанные в предыдущих параграфах, делают необходимым понятие детерминирующих тенденций. "Это утверждение, - пишет Хамфри, - неожиданно для читателя, потому что детерминирующие тенденции были упомянуты ранее лишь в одном месте и то почти случайно, в ходе высказывания о том, что действие воли не обязательно "должно быть дано как сознательный опыт... Фактически, следовательно, понятие детерминирующих тенденций не является необходимым для описания экспериментов". Отмечая этот факт, Хамфри не вскрывает его причину, которая заключается в том, что Ах не мог непосредственно прочесть в отчетах самонаблюдения о механизмах мышления и вынужден был работать иным, непривычным методом, оставшимся за пределами изложения" [16, с.75-76]. Это очень точная оценка. К ней стоит добавить лишь то, что этот фрагмент в работе Н.Аха представляет собой поворотный пункт в истории психологии мышления. Психология познания перестает быть непосредственной наукой. В анализе, проведенном Ахом, можно увидеть, что психолог использует "теоретический" метод, основанный на схеме процесса. Конечно, это еще не в пол-

ном смысле теоретический метод, это "всего лишь" интерпретация. Но это, во-первых, не произвольная процедура (в чем радикальное отличие от философских рассуждений) и, во-вторых, это метод собственно психологический, сохранивший "родство" с интроспекцией как эмпирическим методом. ("Если бы испытуемый мог осознать свой мыслительный процесс, он дал бы такую ретроспекцию"). Использование теоретического метода, кроме того, означает, что психология становится по-настоящему теоретической наукой. Формула Вундта, согласно которой наука - это факты, обработанные по законам логики, становится очевидно несостоятельной. В науке появляется теория, которая есть нечто большее, чем обобщение фактов.

Использование метода интроспекции в Вюрцбургской школе критиковалось В.Вундтом. Процедура исследования в Вюрцбурге казалась настолько произвольной (по сравнению со строгостью лабораторного эксперимента в лаборатории в Лейпциге в стандартизованных условиях многократного повторения), что Вундт искренне полагал, будто экспериментирование по-вюрцбургски является шагом назад в научном отношении. В действительности все дело было в том, что очень сильно различались стоящие перед Вундтом и перед вюрцбургцами задачи. Вюрцбургским психологам, желающим исследовать процесс мышления, вундтовские стандартные процедуры помочь уже ничем не могли. Даже прямой опрос испытуемого, фактически, диалог с ним не давали ответа на вопросы, которые их интересовали. Дело в том, что вундтовские процедуры были нацелены на описание элементов сознания (см. правила проведения психологического эксперимента - разд. 3.2.4.2.).

Действительно, в Вюрцбургской школе метод интроспекции достиг апогея. Он многое дал. С другой стороны стала очевидна его ограниченность. Психология подошла к тому рубежу, за которым стало ясно, что психология как непосредственная наука о сколь-нибудь сложных явлениях невозможна. В этом убеждали факты, полученные психоанализом, утверждавшим, что непосредственный опыт может быть "защитным построением", поэтому его достоверность попадает под сомнение. С другой стороны, интроспекция обнаружила удивительную зависимость от исходных посылок: в Лейпциге прекрасно описывались элементы непосред-

ственного опыта, в Корнелле испытуемые редко допускали "ошибку стимула"... Взаимные обвинения не были конструктивными и ни к чему не вели. Скажем, Титченеру явно не нравилось, что в опытах вюрцбургцев обнаружился несенсорный характер мысли. Был произведен целый ряд опытов, в которых изучались различные явления (например, ожидание) и обнаружилось, что наглядных образов, действительно, было немного, но зато все испытуемые указывали на мышечные ощущения, изменения дыхания и т.п. Поскольку характер заданий различался, аргументы эффекта не имели. Вундт также критиковал методiku эксперимента в Вюрцбургской школе, считая, что она нарушает каноны физиологической психологии.

Метод интроспекции в чистом виде использовался только в Корнелльском университете Титченером. В других работах он начал заменяться методом словесного отчета, феноменологическим, как в гештальтпсихологии и т.д.

Использование метода систематического экспериментального самонаблюдения в Вюрцбургской школе стало поводом для многочисленных дискуссий о методе интроспекции. Стало очевидно, что метод интроспекции дает результаты, подтверждающие теоретические положения, разделяемые исследователями. Попытки ввести критерии надежности интроспекции, подобные предложениям Бюлера о "критерии имманентной непротиворечивости" (состоявшего в том, что накопление большого числа согласующихся показаний испытуемого в различных ситуациях повышает достоверность результатов) [16], успеха не имели.

3.2.3.11. Об эволюции интроспекции

Декартовское представление о сознании, как было сказано, послужило основанием для возникновения эмпирической психологии. Философская интроспекция обосновывала возможность получения достоверных данных о душе, но не являлась специальным методом. Об интроспекции как специальном методе получения данных о сознании (душе) можно говорить в философской психологии. Эмпирическая психология допускала использование метода интроспекции для получения конкретных данных о сознании, хотя использование метода было бессистемным, хаотиче-

ским. Часто использование метода сводилось к проведению мысленного эксперимента, который должен был подтвердить справедливость рассуждений. Важно подчеркнуть, что логика рассуждения определялась принципами *системы*, из которой исходил автор. Соответственно, психология строилась или как естественная история, или по образцу механики, или по образцу химии ("ментальная химия"). Таким образом, интроспекция, хотя и провозглашается методом эмпирической психологии, реально эмпирическим методом не является, выступая, как уже говорилось, скорее средством контроля рассуждения. Отмечу, что другие источники знания о душе были хорошо известны (объективное наблюдение, анализ произведений искусства, сравнительный метод и т.д.), но предпочтение имел метод интроспекции, т.к. предполагалось, что самонаблюдение способно давать достоверное знание.

Та интроспекция, которая использовалась в научной психологии, отличалась систематичностью и большей строгостью. В научной психологии самонаблюдение стало эмпирическим методом: предполагалось, что психология будет основана исключительно на данных опыта. Еще Д.С.Милль, отвечая на критику Контом интроспективного метода, отмечал, что в действительности интроспекция включает в себя элементы памяти, т.е. в действительности представляет собой ретроспекцию. Поскольку идея метода сохранялась, никто против такого расширения интроспекции в научной психологии сильно не возражал. Даже Титченер, который, как известно, был особенно непреклонен и настаивал на аналитическом характере процедуры. Э.Боринг замечает, что в интроспекции Титченера "налицо чересчур большая зависимость от ретроспекции. Порой требовалось двадцать минут на то, чтобы описать продолжавшееся 1,5 секунды состояние сознания, и в течение этого времени испытуемый ломал голову, силясь вспомнить, что же на самом деле случилось за более чем за 1000 секунд до этого, опираясь естественно, на предположения" [113, с.27]. Увеличение "строгости" самонаблюдения означало, что оно в значительно большей степени, чем раньше, ставилось в контролируемые условия (например, физиологического эксперимента), либо указывался новый объект (описывать именно акты, а не содержания). Но для нашего анализа важно подчеркнуть, что в различных

вариантах интроспективный метод выглядел существенно по-разному.

Вильгельм Вундт: интроспекция должна применяться в сочетании с физиологическим экспериментом. Стандартизованная процедура эксперимента позволит сделать интроспекцию более строгой, упорядоченной, приблизив тем самым, к идеалу строгого научного метода. Интроспекция должна направляться на постижение структуры сознания, описывать элементы, из которых построено сознание.

Франц Brentano: интроспекция должна быть направлена на фиксирование актов сознания. Brentano полагал, что задача психолога состоит в том, чтобы тщательно описывать не само по себе бесодержание, а связанные с ним акты. Последние должны описываться испытуемым целостно. С точки зрения Brentano, принятая в лабораториях В.Вундта интроспекция искажает реальные процессы сознания, которые следует тщательно наблюдать в их естественном течении и составе. По Brentano, интроспекция должна изучать сознание в его "целостности" и "доподлинности".

Эдвард Титченер: интроспекция должна быть аналитической интроспекцией, направленной на изучение структуры сознания. Обычное самонаблюдение легко впадает в "ошибку стимула", которая выражается в смешении психического процесса с наблюдаемым объектом. Научно-психологический анализ следует очистить от предметной направленности сознания. Для этого необходимо изгнать из языка интроспекции "значение" и говорить исключительно об элементах, из которых складывается опыт.

Вюрцбургская школа: интроспекция используется в форме систематического экспериментального самонаблюдения. Метод систематического экспериментального наблюдения, состоял в том, испытуемый должен был описать весь процесс умственной деятельности. Использовался метод перерыва, ретроспекция. Испытуемых просили сделать объектом самонаблюдения не результат, а процесс, включая подготовительные этапы.

Уильям Джемс: в интроспекции должны открываться не "элементы сознания", не его "атомы", а целостности - "поток сознания".

За этим разнообразием вариантов одного метода скрывается важная проблема. В психологии конца XIX века ее называли про-

блемой интроспективного апперцепирования. Обратим внимание на тот факт, что все научные психологи, использовавшие метод интроспекции настаивали на том, что испытуемый должен быть "тренированным". Широко известно, что вундтовской лаборатории испытуемого, который выполнил менее 10000 интроспективно проконтролированных реакций, не считали подходящим источником информации [355]. Зачем требовалось так много опытов? Затем, чтобы научиться описывать именно то, что представляет для этих психологов максимальный интерес. Стоит ли удивляться, что у Вундта в Лейпциге испытуемые прекрасно описывали элементы сознания, а у Титченера в Корнелле редко совершали "ошибку стимула"? Обсуждая этот вопрос, С.В.Кравков писал в книге "Самонаблюдение": "С точки зрения психологической, интроспективное восприятие как акт опознавания представляет собою, аналогичную восприятию внешнему, деятельность внимания или апперцепцию, долженствующую сообщать ясность и отчетливость объекту, и связанную с более или менее полно сформулированным обозначением (нотированием) его" [136, с.41-42]. Нельзя не согласиться с С.В.Кравковым в том, когда он утверждает, что в "интроспективно описательной психологии вопрос об осуществлении апперцепирования наличных переживаний оказывается, мы скажем бы, центральным в ее методологии" [136, с.42].

Действительно, идея метода одна: "воспринимание нами наших переживаний в их качественной окраске", доставление "описательного материала для науки как системы" [136, с.41]. А реально описывается либо структура, либо функция, либо процесс. Сам характер заданий, получаемых испытуемыми, которые должны были заниматься интроспекцией, способствовал описанию именно того, что предполагалось изучать: элементарные задания практически исключают возможность изучения процесса, для этого нужны более или менее сложные задачи; изучение функции предполагает получение какого-то осмысленного результата и т.д. Инструкция, даваемая испытуемому, вопросы, которые ему задаются - все "работает" на то, чтобы создать у испытуемого установку на описание того, что соответствует "теоретическим" ожиданиям. Л.И.Анцыферова отмечала, характеризуя особенности исследовательской деятельности в Вюрцбургской школе: "В экспериментах при этом участвовали, как правило,

психологи, работавшие в данном направлении. Во время предварительных опытов у них вырабатывалось умение осознавать именно то, что отвечало их теоретическим взглядам. Такая избирательная установка или "задача" самими испытуемыми не осознавалась (это было убедительно показано в опытах Вюрцбургской школы), но определяла результаты экспериментов" [16, с.72]. Об этой опасности предупреждал еще Г.Эббингауз, призывавший не доверять экспериментам, произведенным над самим собой для подтверждения собственной теории [324, с.89]. Он видел выход в том, чтобы организовать дело так, "как будто бы наблюдатель был посторонним человеком" [324, с.89]. Но этого оказывается недостаточно: как убедительно показал Мюнстерберг, выдержка из книги которого приводилась, в любом самонаблюдении присутствует "нагруженность" (см. разд. 3.2.3.3.). Там она была физиологической, здесь она психологическая. В вундтовской лаборатории она проявляется в нацеленности на описание структурного состава сознания, у Аха на описание процесса мышления. Субъективизм, противоречивость результатов и невозможность объективной проверки вызвали разочарование в возможностях интроспекции. На смену интроспекции как непосредственному методу пришел метод словесного отчета, где самонаблюдение давало материал, который интерпретировался с каких-то теоретических позиций. Изменилась ли принципиально ситуация? Впрочем, это уже новая глава в истории психологии, нас же интересуют первые шаги научной психологии.

3.2.4. Метод эксперимента в психологии

Как уже упоминалось, история любого метода психологии, в том числе и эксперимента, может быть прослежена, по крайней мере, с времен Аристотеля. Поскольку нас интересует использование методов в научной психологии, то обратимся к векам не столь отдаленным. Истории использования метода эксперимента посвящены специальные труды Э.Боринга [356, 357], С.Л.Рубинштейна [248], К.Рамуля [232], П.Фресса [298] и многих других. Поэтому постараемся выделить основные качественно различные этапы в применении этого метода. Как справедливо отмечал С.Л.Рубинштейн, по вопросу об эксперименте в психоло-

гии можно увидеть весьма различные точки зрения. Известный историк психологии М.Дессуар видел в использовании эксперимента в психологии малозначительный эпизод. Другие авторы, например Э.Боринг, полагали, что применение эксперимента в психологии означает новую эпоху, с которой целесообразно вести отсчет истории психологии как науки. Полагаю, не следует ставить знак равенства между научностью психологии и использованием метода эксперимента.

Более или менее систематическое использование метода эксперимента к исследованию психологических вопросов можно проследить с середины XVIII столетия. До этого времени была распространена точка зрения, согласно которой экспериментирование в психологии вообще неприменимо [232, с.309].

В апреле 1787 года в предисловии ко второму изданию "Критики чистого разума" Иммануил Кант рассуждал о том, как определить, находится наука на верном пути или же движется ощупью. Вслед за математикой верным путем, по мысли Канта, пошло естествознание. "Естествоиспытатели поняли, что разум видит только то, что сам создает по собственному плану, что он с принципами своих суждений должен идти впереди согласно постоянным законам и заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее словно на поводу, так как в противном случае наблюдения, произведенные случайно, без заранее составленного плана, не будут связаны необходимым законом, между тем как разум ищет такой закон и нуждается в нем. Разум должен подходить к природе, с одной стороны, со своими принципами, сообразно лишь с которыми согласующиеся между собой явления и могут иметь силу законов, и, с другой стороны, с экспериментами, придуманными сообразно этим принципам для того, чтобы черпать из природы знания..." [117, с.85-86]. Использование метода эксперимента стало надежным признаком науки, находящейся на верном пути. На этом пути хотела оказаться и психология. По свидетельству Н.Н.Ланге, стремления применить эксперимент и к изучению психических явлений обнаруживаются приблизительно с половины XIX в. и находятся в тесной связи с расцветом экспериментальной физиологии. Систематическое использование эксперимента многими историками психологии расценивалось как важнейшее событие. Фон, на котором это событие произошло,

Поль Фресс описывал следующим образом: "Философы, которые начиная с Декарта ставили перед собой эпистемологические вопросы были постепенно подведены к психологическим проблемам. Эмпириков интересовало, как образуются сложные восприятия и ассоциируются идеи. Идеалистическое направление в противовес наивному реализму обращало особое внимание на роль организма и активности духа в происхождении наших ощущений и идей. На встававшие перед ними психологические проблемы философы давали пока лишь теоретические ответы, в рамках своих систем, и даже эмпирики для подтверждения своих теорий не прибегали к попыткам эксперимента, хотя и не отрицали самой возможности экспериментирования в психологии" [298, с.26-27]. "Поворотным пунктом в истории психологии, началом ее формирования как самостоятельной области научного знания явился тот исторический момент, который характеризовался превращением психических явлений в предмет экспериментального исследования", - так оценивал роль метода эксперимента Б.Ф.Ломов [158, с.7]. "По существу, с этого момента психология и начала развиваться как наука. Этот качественный скачок в динамике психологического знания был подготовлен всем предшествующим ходом развития науки и общественной практики" [158, с.7]. Столь же категоричен в оценке роли эксперимента в истории психологической науки Ю.М.Забродин: "Собственно, можно сказать, что эксперимент конституировал психологию как самостоятельную науку, построенную на опытном знании" [97, с.16]. С таким мнением согласны многие, как представители психологии прошлого века, так и наши современники. Но не все. Видный историк психологии Макс Дессуар (1867-1947) в своем "Очерке истории психологии" [85] расценивал начало использования эксперимента как обстоятельство малозначащее, эпизод, не сыгравший существенной роли в судьбе науки. Вероятно, необходимо согласиться с С.Л.Рубинштейном, отмечавшим, что история формирования психологии как самостоятельной науки не получила еще адекватного освещения.

На наш взгляд, источником многочисленных недоразумений по поводу использования эксперимента в психологии является упрощенное и неисторичное понимание самого психологического эксперимента. Нельзя ориентироваться только на внешнюю сто-

рону метода. Как свидетельствует история психологии, виды психологического эксперимента многообразны, сам эксперимент может использоваться в сочетании либо с интроспекцией, либо с объективным наблюдением. Еще В.М.Бехтерев отмечал, что "эксперимент также может служить и целям субъективной психологии, как и целям объективной психологии, смотря по тому, что желают получить от эксперимента" [23, с.9]. Поэтому рассмотрим основные виды эксперимента, применявшиеся в психологии прошлого века. Напомним лишь, что целью нашей работы является не историческое описание, а методологический анализ, направленный на выявление возможной связи метода с теоретическими представлениями исследователей.

Еще раз повторю: история пишется победителями. История психологии в этом отношении отнюдь не исключение. Поскольку в конечном счете оказалось, что будущее за экспериментальной психологией (эпитет "экспериментальная" практически "автоматически" означал признание последней "научной"*), со временем

* В данной связи любопытно свидетельство П.Фресса, отмечавшего: "Мы довольно часто подчеркивали особый характер французской психологии, которая с самого начала называлась экспериментальной, чтобы нельзя было усомниться в ее научном характере. Но ни Рибо, ни Жане не были экспериментаторами, а Ж.Дюма посвятил экспериментированию лишь часть своей научной деятельности" [298, с.52]. О.М.Тутунджян, обсуждая проблему становления экспериментальной психологии во Франции, ссылается на Б.Бурдона, свидетельствующего, что "в конце XIX в. во Франции экспериментальная психология понималась достаточно односторонне и отождествлялась в основном с экспериментами по гипнотизму (который, как известно, имел широкое распространение), поэтому эксперименталисты часто отождествлялись с гипнотизерами" [288, с.57]. Современному психологу, вероятно, покажется странным перечень секций Первого международного конгресса экспериментальной психологии в Париже в 1889 году: гипнотизм, наследственность, мускульное чувство, галлюцинации [149].

К этому стоит добавить, что С.Кьеркегор свой труд, посвященный анализу взаимоотношений с любимой девушкой, также снабдил подзаголовком: "Экспериментальная психология" [126].

Все это свидетельствует лишь о том, что выражение "экспериментальная психология" понимается сегодня и "век тому назад" весьма по-разному.

стало казаться, что победа экспериментального метода была триумфальной: метод интроспекции оказался "замененным" методом объективного эксперимента. "Методу интроспекции, долгое время считавшемуся единственным в познании психического, и основывавшимся на нем умозрительным спекулятивным построением был противопоставлен объективный метод эксперимента, позволяющий глубоко раскрывать законы психики и разрабатывать на этой основе действительную теорию психологии" [114, с.7].

В такого рода высказываниях, которых можно найти немало даже в историко-психологической литературе много от мифа, созданного впоследствии адептами экспериментального метода. Дело не только в том, что метод эксперимента в течение весьма долгого времени, как уже говорилось, сочетался с интроспекцией. Дело даже не в том, что метод *научной интроспекции как эмпирический метод* (не путать с философской интроспекцией) появился практически одновременно с методом эксперимента в психологии. Можно сказать (ниже будет приведена попытка аргументировать эту точку зрения), что психологию *как науку* конституировала именно научная интроспекция как эмпирический метод (разумеется, если позволительно отрывать метод от других "конституирующих" условий).

Как уже говорилось, история любого метода психологии, в том числе и эксперимента, может быть прослежена, по крайней мере, с времен Аристотеля (напомню, что Аристотель предлагал осуществить эксперимент, чтобы убедиться в наличии соответствующей иллюзии). Говорить об использовании метода эксперимента в научной психологии, естественно, можно только, начиная с определенного этапа. Поскольку нас интересует использование методов в научной психологии, то отошлем читателя к прекрасному очерку П.Фресса, где подробно прослеживается предыстория научного эксперимента в психологии [298]. Как уже упоминалось, истории использования метода эксперимента в психологии посвящены специальные труды. Как справедливо отмечал С.Л.Рубинштейн, по вопросу об эксперименте в психологии можно увидеть весьма различные точки зрения. Известный историк психологии М.Дессуар видел в использовании эксперимента в психологии весьма малозначительный эпизод. Другие авторы, например Э.Боринг, полагали, что применение эксперимента в

психологии означает новую эпоху, с которой целесообразно вести отчет истории психологии как науки. На мой взгляд, не следует ставить знак равенства между научностью психологии и использованием метода эксперимента.

Более или менее систематическое использование метода эксперимента к исследованию психологических вопросов можно проследить с середины XVIII столетия. До этого времени была распространена точка зрения, согласно которой экспериментирование в психологии вообще неприменимо [232, с.309]. Не вдаваясь в дискуссию, сформулируем это по-другому: экспериментирование представлялось неуместным и не имеющим особого смысла. Это было время, когда ученые развивали "психологию своим анализом психической жизни, который всем еще обязан проницательности философа, склонного к созданию стройных систем" [298,с.18]. Поэтому данные, полученные с помощью эксперимента, были не нужны: для подтверждения спекулятивных рассуждений было вполне достаточно внутреннего опыта (философская интроспекция, которую не стоит путать с научной). К.А.Рамуль выделяет несколько этапов, пройденных "психологическим экспериментом в его историческом развитии" [232, с.309]. Психологический эксперимент на первой, начальной стадии своего развития, продолжавшейся приблизительно до середины XIX столетия, до экспериментальных работ Фехнера, Гельмгольца и др., характеризуется, по К.А.Рамулю, следующими общими чертами. Вопрос, который пытаются решить экспериментальным путем, касается количественной стороны сравнительно простого явления - остроты зрения или наименьшего угла зрения, под которым можно еще видеть предметы, продолжительности положительного последовательного образа, величины порога различения, величины пространственного порога осязания и т.д. Общий метод состоит в том, что берут определенное раздражение и постепенно изменяют его до тех пор, пока не наступит определенный эффект, после чего определяют величину раздражения, при которой эффект впервые наступил [232, с.309-310]. Первые психологические опыты по своему общему методу представляются вполне аналогичными простым физическим опытам. Самонаблюдение при этих первых опытах носит элементарный характер, высказывания испытуемых касаются обыкновенно лишь наличия или отсутствия эффекта

[232, с.310]. При этом слабо развито стремление путем контролирования условий опыта, многократного повторения, статистической обработки результатов, придать им большую точность и надежность [232, с.311]. П.Фресс отмечал, что "успехи физиологии ощущений заставили признать влияние пространственно-временных условий и вообще участие психического в феноменальном отчете субъекта в своем опыте" [298, с.27]. Поэтому неудивительно, что первые психологи были физиологами, а иногда и химиками. Поскольку речь идет об области "пограничной" между физиологией органов чувств и "нарождающейся" психологией, то полезно, чтобы не совершить ошибку, особенное внимание обратить на конкретные цели и задачи исследователей-экспериментаторов.

3.2.4.1. Метод эксперимента в научной психологии: предшественники (Г.Т.Фехнер)

Густав Теодор Фехнер (1801-1887) - автор знаменитых "Элементов психофизики"(1860). "Этот труд по праву считается первым трудом по экспериментальной психологии" [298, с.28]. С мнением П.Фресса, конечно, не согласиться нельзя, но на некоторых обстоятельствах остановиться все же следует. Частично потеряв зрение в результате неудачного физического эксперимента, Г.Т.Фехнер приходит к мысли о занятии психофизикой. Что такое психофизика, по Фехнеру? Психофизика - "точная теория об отношениях между душой и телом и вообще между физическим миром и психическим миром" [28, с.29]. Фресс, безусловно, прав, утверждая, что "значение деятельности Фехнера определяется не его первоначальной мотивацией, а тем, что он взялся за психологическую проблему, создал экспериментальные методы ее решения и, наконец, попытался сделать обобщение, которое он назвал законом Вебера и которое ныне мы называем законом Фехнера" [298, с.29]. Но чтобы понять смысл деятельности Фехнера, не обойтись без выявления его мотивов. Э.Боринг пишет в "Истории экспериментальной психологии": "Фехнер дал четкое представление о природе психофизики как точной науки о функциональных отношениях или отношениях между душой и телом". Это представление выступило в качестве *raison d'etre* оправдания всего его

труда. Наконец, мудрый вывод Фехнера о том, что он не в силах вести исследования психофизики по полной программе, а должен ограничить себя изучением ощущений, причем не ощущений вообще, а интенсивности ощущений. Он полагал, что окончательное доказательство его взглядов в одной области могло бы привести в конце концов к распространению этих взглядов на другие области" [28, с.22]. Важно подчеркнуть, что психофизика понадобилась Фехнеру "для того, чтобы показать всю мнимость дуалистической проблемы, которая исчезнет, если будет найдено уравнение, верно отражающее отношения между душой и телом" [28, с.23]. Отсюда понятно, что создавать психологию как науку или тем более конструировать методы для нее он вовсе не собирался. Поэтому Боринг прав, когда пишет о том, что Фехнером "был создан экспериментальный метод; этот метод не уступал по своему значению всему остальному и был порождением фехнеровского темперамента вопреки Гербарту" [28, с.22]. Напомню, что Гербарт, ратовавший за психологию как науку, тем не менее отрицал возможность достоверного психологического эксперимента. Возможность же существования психологии как науки находилась вне интересов Фехнера (в отличие, например, от экспериментальной эстетики, которой Фехнер с энтузиазмом, ему свойственным, занимался). Таким образом, можно констатировать, что психологии от Фехнера остался метод (она его позаимствовала, включив психофизику в *структуру психологии*). Но разрабатывался метод эксперимента Фехнером как психофизический, а не психологический. По мнению К.А.Рамуля, психофизический эксперимент Фехнера, в отличие от более ранних психологических и психофизических опытов, имеет следующие особенности: 1) использование специально выработанных экспериментальных процедур - методов едва заметных различий, истинных и ложных случаев и средней ошибки, 2) стремление к получению максимально возможно точных и надежных результатов, находящее выражение в многократном повторении того же опыта с последующей математической обработкой полученных результатов [232, с.311]. "Выработка специальных методов психофизического исследования означает начало, можно сказать, "психологизации" психологического эксперимента, начало перехода психологии от пользования экспериментальными методами, заимствованными от физики или

физиологии, к пользованию своими собственными, специально психологическими методами, а многократное повторение того же опыта с последующей математической обработкой полученных результатов означает начало перехода в зарождающейся экспериментальной психологии от более или менее дилетантского и вследствие этого неточного экспериментирования к более точному научному исследованию" [232, с.311]. Сам Фехнер подчеркивал специфику *психофизики* как области, в которой возможно экспериментирование: "Психофизический эксперимент, до сих пор находивший лишь случайное место то в физическом, то в физиологическом кабинете для опытов, выступает теперь с претензией на свое собственное помещение, свою собственную аппаратуру, свои собственные методы" (цит. по [232, с.312]). К.А.Рамуль, что особенно важно подчеркнуть, отмечает, что эксперимент на этом этапе имеет черты, сходные с экспериментами в прошлом: во-первых, элементарный характер исследуемых явлений; во-вторых, количественный характер опыта; в-третьих, сравнительно незначительная роль самонаблюдения. По точной характеристике О.Кюльпе, доундтовский эксперимент выглядит так: "Самонаблюдением не занимаются, испытуемые подобны автоматам, которых раздражают, и которые на это реагируют" (цит. по [232, с.312]).

Подведем итоги. Г.Т.Фехнер, бесспорно, внес огромный вклад в разработку экспериментального метода. Поскольку Фехнер был не экспериментальным психологом, а психофизиком, это был психофизический метод. Фехнер разработал конкретные методические процедуры (метод истинных и ложных случаев, средних ошибок, минимальных изменений), реализующие психофизический метод. Психофизический подход Фехнера был включен последователями (в первую очередь В.Вундтом) в физиологическую, экспериментальную психологию. При этом вся психофизика была переосмыслена. Фехнеровское разделение на внутреннюю и внешнюю психофизику было отброшено. Психофизика стала интерпретироваться в духе психофизического параллелизма, тогда как Фехнер придерживался теории тождества. Э.Боринг по этому поводу писал: "... точка зрения Фехнера на отношения между душой и телом не была точкой зрения психофизического параллелизма, а скорее соответствовала тому, что определяется как *гипо-*

теза тождества" [28, с.23]. Методы Фехнера в экспериментальной психологии были применены к изучению другого *предмета*. Фехнер, таким образом, является одним из предшественников экспериментальной психологии: сам Фехнер психологом не был и психологические вопросы не разрабатывал.

3.2.4.2. Метод эксперимента в научной психологии: предшественники (Г.Гельмгольц)

Еще одним предшественником экспериментальной психологии является Герман Гельмгольц (1821-1894). Хирург, затем профессор физиологии, а впоследствии профессор физики в Берлинском университете, он прославился своими исследованиями в области физиологии органов чувств. Наиболее известна его работа "Физиологическая оптика" (1855-1866), в которой рассматриваются как физические, так и физиологические и психологические аспекты. "Величайшим, может быть, примером психологического эксперимента является и донныне третья часть "Физиологической оптики" Гельмгольца, в которой этот основатель экспериментальной психологии, исследуя состав наших зрительных представлений о пространстве, выделил рядом целесообразных и тонких опытов элементы этих представлений и определил их значение", - эти строки, принадлежащие Н.Н.Ланге, опубликованы в 1893 году. Конечно, Гельмгольц не был психологом. "Гельмгольц не был психологом, но его влияние на возникающую психологию было весьма значительным" [298, с.31]. Значительность его влияния объясняется тем, что он разработал технику функционального эксперимента: установление зависимости определенного явления от какого-либо фактора, т.е. выяснение функциональной связи переменных.

Как писал Фресс, "успехи физиологии ощущений заставили признать влияние пространственно-временных условий и вообще участие психического в феноменальном отчете субъекта в своем опыте" [298, с.27]. Возможности экспериментального исследования ощущений и восприятий, продемонстрированные Гельмгольцем, также были ассимилированы рождающейся психологией. При этом, как мы увидим в дальнейшем, экспериментальный метод, прототипом которого был гельмгольцевский, будет использован

экспериментальной, физиологической психологией, но уже применительно к другому предмету. Гельмгольц, как и Фехнер, не был психологом. Экспериментальные процедуры использовались им для решения конкретных исследовательских задач.

3.2.4.3. Метод эксперимента в научной психологии: В.Вундт

Вильгельм Вундт (1832-1920) был "одновременно первым психологом и первым мэтром этой новой дисциплины" [298, с.31]. Как уже отмечалось, Вундт широко использовал метод эксперимента, сделав психологию экспериментальной научной дисциплиной. Программа, некогда провозглашенная Френсисом Бэконом, согласно которой природа легче открывает свои тайны, когда ее "пытает наука", оказалась распространена и на человеческую душу. В психологии стал использоваться эксперимент и (вспомним знаменитый кантовский тезис) она все же стала наукой.

В чем видел роль эксперимента в психологии В.Вундт? Напомню, В.Вундт выделил особую область - физиологическую психологию: "Мы называем нашу науку физиологической психологией, потому что она есть психология, изучаемая с физиологической точки зрения" [51, с.2]. "Проблемы этой науки как ни близко касались они физиологии, раньше большею частью относились к области психологии; средства же к решению этих проблем заимствованы от обеих наук. Психологическое самонаблюдение идет рука об руку с методами экспериментальной физиологии и из приложения этих методов к психологии возникают, как самостоятельные ветви экспериментального исследования, психофизические методы" [51, с.2]. Вундт указывает, что если подчеркивать самостоятельность метода, то физиологическую психологию можно называть экспериментальной (в отличие от психологии, основанной исключительно на интроспекции). Главная область физиологической психологии - ощущения и произвольное движение. Вундт подчеркивает, что задача физиологической психологии "заключается в исследовании элементарных явлений психической жизни" [51, с.5]. Исходной точкой эта психология должна иметь физиологические явления, с которыми психологические явления имеют теснейшую связь. Вундт резюмирует: "Таким образом, центр тяжести нашей науки не лежит в собственно в

сфере внутреннего опыта, в который она старается проникнуть как бы извне. Именно поэтому-то она и может пользоваться экспериментальным методом, этим могущественным рычагом естествознания. Сущность эксперимента состоит, как известно, в произвольном, и, – поскольку дело идет об открытии закона отношения между причинами и их действиями, – в количественно определенном изменении условий явлений. Но искусственно могут быть изменяемы только внешние, физические условия внутренних явлений, и только они одни доступны внутреннему измерению. Отсюда очевидно, что может быть речь о применении экспериментального метода только собственно к психофизической области" [51, с.5].

Здесь хочется сделать небольшое отступление. В разделе 3.1.2. упоминалось о том, что Кант высказал сомнения по поводу того, что психология когда-либо станет наукой. Усилия Гербарта по применению математики в психологии, психофизические исследования подготовили почву к тому, что в значительной степени кантовские возражения оказались преодоленными. Из приведенных выдержек хорошо видно, что Вундт, по сути, дает "ответы" на кантовскую критику. Я прошу вспомнить, почему, по Канту, психология не может быть наукой ("...в качестве экспериментального учения учение о душе не может когда-либо приблизиться к химии, поскольку многообразие внутреннего наблюдения может здесь быть расчленено лишь мысленно и никогда не способно сохраняться в виде обособленных [элементов], вновь соединяемых по усмотрению..."). По убеждению автора настоящих строк, это кантовское замечание в значительной степени предопределило вундтовскую программу, ориентированную именно на фиксацию, описание, каталогизацию и выявление законов соединения элементов. Таким образом, в течение целого столетия психология развивалась под влиянием кантовских идей. Иногда критика бывает действенной...

Общий вывод по вопросу о психологическом эксперименте Вундт формулирует так: "Тем не менее, было бы несправедливо оспаривать возможность экспериментальной психологии; действительно, эксперименты, в сущности, могут быть только психофизическими, но не психологическими, если только под психологическими экспериментами понимать такие, в которых внешние

условия внутренних явлений не играют никакой роли; но очевидно, что различия, получаемые от искусственного изменения условий явления, зависят не исключительно от характера самих условий, но также и от природы самого явления. Таким образом, путем изменения внешних условий мы можем изменять течение внутренней жизни, что существенно способствует выяснению для нас законов самой душевной жизни. В этом смысле всякий психофизический эксперимент есть в то же время эксперимент психологический" [51, с.5].

Вундтом были разработаны специальные требования к проведению эксперимента:

1. Наблюдатель должен по возможности сам определять наступление подлежащего наблюдению явления.

2. Наблюдатель должен, поскольку возможно, схватывать явления напряженным вниманием и проследивать таким вниманием их во время протекания.

3. Нужно, чтобы каждое наблюдение в целях подтверждения его данных можно было многократно повторять при одинаковых условиях.

4. Необходимо планомерное качественное и количественное изменение условий протекания изучаемого процесса.

Совершенно очевидно, что эти требования могут быть выполнены только в определенных условиях. Поэтому, когда психологи в Вюрцбурге попытались экспериментально исследовать процесс мышления, оказалось, что все требования Вундта ими нарушаются.

В целом справедливо будет сказать, что метод эксперимента использовался Вундтом как вспомогательный, создающий оптимальные условия для самонаблюдения. Именно самонаблюдение давало информацию о внутреннем опыте. Метод эксперимента имел ограниченное значение еще потому, что распространялся, как мы видели, только на область физиологической психологии. Мышление, по Вундту, не может исследоваться экспериментально. Исследования психологов Вюрцбургской школы, в которых мышление было подвергнуто экспериментальному исследованию, критиковались Вундтом, т.к., по его мнению, в этих экспериментах систематически нарушались вундтовские требования к эксперименту в психологии.

3.2.4.4. Метод эксперимента в научной психологии: Г.Эббингауз

Герман Эббингауз (1850-1909), немецкий психолог, который, как отмечает П.Фресс, своей оригинальностью "обязан самостоятельности своего образования" [298, с.35]. Сначала студент в Германии, кочующий из города в город по обычаю того времени, он отправляется затем в Англию и во Францию, где зарабатывает на жизнь трудом учителя. В Париже он случайно покупает "Элементы психофизики" Фехнера, которые производят на него сильное впечатление. Эббингауз извлекает из него указания для изучения более сложных процессов, таких, например, как память [298, с.35].

Г.Эббингауз приходит к мысли использовать число повторений в качестве меры памяти. Он придумывает большое количество бессмысленных слогов (2300), чтобы элиминировать ассоциативные связи, разрабатывает методы исследования памяти (метод заучивания, метод сбережения).

Г.Эббингауз, таким образом, был первым, кто нарушил предписание Вундта, распространив эксперимент за пределы области ощущений и движений. Как писал М.Г.Ярошевский, труд Эббингауза открыл новую эпоху в развитии экспериментальной психологии: "Изобретение Эббингауза позволило перейти от теории к эксперименту. По существу, оно было первым собственно психологическим методом, созданным психологом, поскольку всеми предшествующими методами психологию снабдили другие области, главным образом физиология. Веками психология руководствовалась учением об ассоциации. Теперь оно поступило в лабораторию на экспериментальную проверку" [340, с.255]. М.Г.Ярошевский сопоставляет экспериментальную деятельность Эббингауза, Вундта и Гальтона: "Но на стороне Эббингауза было принципиальное преимущество. Оно состояло в переходе к объективному методу. Вундт считал устранение интроспекции из психологии бессмыслицей. На такую "бессмыслицу" и решился Эббингауз" [340,с.255]. По моему мнению, с этим утверждением согласиться полностью нельзя. Эббингауз не предпринимал никакой "бессмыслицы", он не пытался устранить интроспекцию. В его экспериментах (Эббингауз сам был испытуемым) интроспекция

была не нужна, потому что производилось *измерение*, которое предполагает объективные показатели (количество повторений, время и т.д.). Когда же речь идет о *добывании научных фактов*, т.е. об эмпирических методах, на первый план выходит самонаблюдение. Об общих взглядах Г.Эббингауза на проблему психологических методов уже говорилось (см. разд. 3.2.3.7.). Характерно, что в своем фундаментальном руководстве "Основы психологии" в разделе "О памяти" Эббингауз делает следующее замечание: "Лет 20 тому назад наши познания о явлениях памяти в существе ограничивались разобранными нами общими законами и немногими более определенными, но отчасти лишь малонадежными выводами из самых повседневных данных нашего опыта. С тех пор экспериментальное исследование успело овладеть предметом и выяснить огромное множество весьма важных подробностей" [325, с.193]. Само изложение материала строится традиционно: душа, ее свойства, роль памяти и т.д. Результаты экспериментальных исследований излагаются в разделе "Изучение частностей", что, на мой взгляд, точно соответствует пониманию Эббингаузом роли экспериментальных методов в психологическом изучении памяти.

Тем не менее, нельзя не согласиться с тем, что опубликование книги "О памяти" [373] имело огромное стимулирующее влияние на психологию: возникло впечатление, что вундтовский запрет на экспериментирование в области высших психических процессов не был оправдан. Успех исследования Эббингауза послужил примером для многих, кто хотел бы ставить психологические эксперименты не по вундтовской схеме. Главный результат работы Эббингауза, бесспорно, в том, что было доказано: "экспериментальная психология может выйти за пределы области ощущений при условии нововведений" [298, с.35].

3.2.4.5.Метод эксперимента в научной психологии: Н.Н.Ланге

Ученым, внесшим большой вклад в мировую психологическую науку, был русский психолог Николай Николаевич Ланге (1858-1921). Окончивший историко-филологический факультет Петербургского университета (Ланге учился у известного психолога Михаила Ивановича Владиславлева), Н.Н.Ланге отправляется

в Европу "для приготовления к профессорскому званию" (во Францию и в Германию). В Лейпциге Ланге работает у Вундта, где становится сторонником использования экспериментального метода в психологии. Вернувшись в Россию, Н.Н.Ланге работает в Одессе в Новороссийском университете, где организует психологическую лабораторию. О Н.Н.Ланге как методологе психологии уже говорилось.

Н.Н.Ланге не только был сторонником использования эксперимента и тонким экспериментатором, что позволило получить результаты, вызвавшие резонанс в мировой психологии и широко обсуждавшиеся на страницах научных журналов в Европе и Америке, но и одним из первых (уже в 1893 году) дал исторический очерк использования метода эксперимента в научной психологии и проанализировал возможности этого метода [149]. Кратко остановимся на анализе, сделанном Ланге. Ланге отмечает, что психологический эксперимент имеет особую ценность преимущественно в трех отношениях:

- 1) значение психологического эксперимента как улучшающего самонаблюдение;
- 2) значение эксперимента как особого логического метода (т.е. особого логического приема открытия зависимости между психическими явлениями);
- 3) значение эксперимента как средства измерения психических явлений.

Кроме того, Н.Н.Ланге выявляет значение объективного эксперимента в психологии ("такого, в котором исследователь изучает психическую жизнь иного существа по ее внешним проявлениям или знакам в виде разнообразных движений и слов" [149, с. XXXIV]), усматривая его в экспериментах над загипнотизированными и в опытах над животными.

Знаменитое исследование Н.Н.Ланге, посвященное "закону перцепции", также выполнено методом эксперимента. Н.Н.Ланге характеризует закон перцепции следующим образом: "Мое исследование привело меня к убеждению, что в основе всех этих процессов лежит один принцип, один и тот же закон, и при том закон весьма общего характера и весьма своеобразного содержания. Этот общий закон можно выразить так: *процесс всякого восприятия состоит в чрезвычайно быстрой смене целого ряда момен-*

тов или ступеней, причем каждая предыдущая ступень представляет психическое состояние менее конкретного, более общего характера, а каждая следующая - более частного и дифференцированного" [149, с.1].

Поскольку процесс перцепции состоит в быстрой смене все более и более частных, дифференцированных психических состояний. В обычных условиях мы не замечаем этих ступеней. "Но изменив обыкновенные условия восприятия, устроив эксперимент так, чтобы мы могли прерывать на известных ступенях цепь этих быстро сменяющихся друг друга состояний сознания, мы убедимся в верности выставленного принципа, как он ни кажется удивителен на первый взгляд" [149, с.2].

Внимание Н.Н.Ланге сосредоточено на исследовании процесса. Но было бы ошибкой считать, что для Ланге процесс просто смена быстро сменяющихся друг друга стадий. Понятие процесс имеет для Н.Н.Ланге биолого-генетический смысл. "В этих ступенях сознания... надо видеть параллельность тем ступеням, которые развивались в процессе общей эволюции животных: по мере дифференцирования органов чувств и нервных центров, все более и более специальные свойства вещей обнаруживались для сознания животного, совершенно параллельно тому, что вышеуказанный принцип обнаруживает в сознании индивидуальном. Подобно тому, как эмбриологическое развитие человека повторяет в несколько месяцев те ступени, которые некогда проходило общее развитие рода, так и индивидуальное восприятие повторяет в несколько десятых секунды те ступени, какие в течение миллионов лет развились в общей эволюции животных" [149, с.2]. Здесь очень важно подчеркнуть, что эксперимент для Ланге не средство получения эмпирического материала, а средство доказательства справедливости общего утверждения. Это отмечает и сам Н.Н.Ланге: "Лучшее средство для проверки и доказательства нашего утверждения могут дать те, столь хорошо ныне разработанные, методы экспериментальной психологии, которые называются психометрическими, и задача которых состоит в измерении продолжительности психических процессов. Действительно, если перцепция состоит в последовательной смене все более и более частных суждений, то измерение продолжительности разных по степени общности форм суждения должно ясно обнаружить, что

суждение более общего характера требует менее времени, чем суждение более частное, и точно определить всю последовательность ступеней перцепции" [149, с.3]. Н.Н.Ланге использует метод, который широко использовался в школе В.Вундта. В частности, используя такого рода методику, однофамилец русского психолога немец Людвиг Ланге в 1886 году обнаружил феномен различия сенсорной и мускульной реакций (в современной терминологии моторная и сенсорная установки). Для нашей темы чрезвычайно важно подчеркнуть, что в Лейпциге у Вундта интересовались в первую очередь структурой сознания. Как отмечает по этому поводу Н.Н.Ланге, "различие мускульной и сенсоральной реакции было первоначально обнаружено внутренним самонаблюдением и затем уже проверено объективными психометрическими результатами" [149, с.11]. Н.Н.Ланге же интересуется процесс перцепции ("Как известно, прямо определять (инструментально) продолжительность психических процессов мы не можем. Все, что мы в состоянии, это - определять продолжительность между появлением какого-нибудь внешнего раздражения и каким-нибудь нашим сигнальным движением, которое обозначает, что это раздражение нами создано" [149, с.3]), который измеряется объективно. Н.Н.Ланге не против интроспекции. Отдавая дань традиции, Н.Н.Ланге сам был испытуемым в собственных экспериментах ("Вообще я думаю, что, по крайней мере в настоящем положении экспериментальной психологии, полезнее оставлять за собою место объекта опыта, предоставляя своему менее опытному товарищу управлять инструментами" [149, с.8]). Тем не менее, очевидно, что Н.Н.Ланге разрабатывает объективную психологию, где субъективные данные, полученные с помощью самонаблюдения выполняют лишь функцию контроля. Необходимо подчеркнуть, что эксперимент, по Н.Н.Ланге, направлен не на получение эмпирических данных ("добывание фактов"), а на доказательство справедливости гипотезы. Эксперимент у Н.Н.Ланге используется как инструмент проверки гипотезы. Таким образом, метод эксперимента в психологии выступает у Н.Н.Ланге в существенно ином качестве (по сравнению с вундтовской физиологической-экспериментальной психологией).

3.2.4.6. Метод эксперимента в научной психологии: А. Бине

Французский психолог Альфред Бине (1857-1911) был сторонником экспериментального метода. "Будучи прирожденным экспериментатором, он больше верил фактам, чем теориям" [298, с.53]. Независимо от психологов из Вюрцбургской школы, А.Бине получил ряд сходных результатов. Как уже упоминалось, Вундт ограничил сферу применения эксперимента физиологической психологией.

Г.Эббингауз распространил эксперимент на исследования памяти.

А.Бине был сделан следующий важный шаг: он использовал метод эксперимента для изучения мышления. При этом, как справедливо отмечал С.В.Кравков, произошло расширение самого понятия эксперимента. По Вундту, "эксперимент мы имеем лишь тогда, когда оказываемся в состоянии путем количественно плавномерно изменяемого материального раздражителя изменять эффект, непосредственно с ним связанный и регистрируемый, по возможности, объективно. Понятно, что подобной норме, действительно, наиболее могли соответствовать исследования области ощущений, волевых движений и физиологического выражения чувств, поскольку результаты таких исследований могли приобретать численный и объективный характер" [136, с.101]. Распространение эксперимента на область мышления делает старое определение слишком узким: "Прежнее определение эксперимента оказывается уже слишком узким и материалистическим. Очевидно, что процессы мышления не стоят в однозначной связи с каким-либо внешним раздражением, как это имеет место в области ощущений. Равным образом, переживания мысли и не выражаются сколь-либо однозначно и непосредственно объективно" [136, с.101]. Согласно Бине, "под раздражением следует понимать не просто воздействие на наши органы чувств материального агента, но и всякое изменение вообще, которое экспериментаторы вызывают в сознании испытуемого по своей воле; так речь психолога есть раздражитель не менее определенный, чем обычные сенсорные раздражители" [349, р.3-4]. Испытуемыми в экспериментах Бине были его дочери Арманд и Маргерит. Они получали задания понять слово или выражение, найти понятие, находящееся в опре-

деленном отношении к заданному и т.д. Испытуемые должны были с помощью интроспективного наблюдения описать, что с ними происходило при выполнении задания. А.Бине настаивал, чтобы показания испытуемых были как можно полнее. Аналогичные требования выдвигали и психологи Вюрцбургской школы, так что возник вопрос о приоритете. А.Бине отстаивал свой приоритет в использовании метода систематического самонаблюдения. Для того, чтобы получить интересующую его информацию, А.Бине вступал с испытуемыми в диалог, использовал метод направленного, активного опроса. Бине, изучая роль образов в мыслительных процессах, прибегает, в целях лучшего уяснения и дополнения даваемой испытуемым картины переживаний, к постановке вопросов. Весь процесс дачи показаний приобретает у него в очень многих случаях характер достаточно длительного диалога между экспериментатором и испытуемым. [136, с.106].

Результаты, полученные Альфредом Бине в экспериментах по изучению мышления, в целом совпадают с итогами исследований вюрцбуржцев: обнаружен факт существования несенсорных компонентов, играющих значительную роль в мышлении. И Бине, и вюрцбургские психологи отмечали, что интроспекция не позволяет в необходимой степени фиксировать мысли испытуемого. П.Фресс замечает, что Бине пришел к тем же выводам, что и Вюрцбургская школа: существует мышление без образов, которое ускользает от интроспекции. Несмотря на этот вывод, Бине остался верен - в теории - интроспекции, не считая при этом, что она дает нам прямое и тем более безошибочное знание психических фактов [298, с.53].

К сказанному стоит добавить, что и вюрцбуржцы, и Бине исследовали структуру мышления, пытаясь выявить его состав (роль образов в мышлении, роль мыслей и т.д.). В Вюрцбурге Нарцисс Ах заинтересовался собственно процессом мышления, что, естественно, повлекло за собой и изменение самого эксперимента. На этом основании некоторые авторы (например, С.В.Кравков [136]) рассматривают исследования Аха отдельно, противопоставляя его работы другим вюрцбуржцам. Я думаю, что для этого нет достаточных оснований: просто Ах модифицировал свою исследовательскую программу, внося необходимые изменения (к слову ска-

зять, такую возможность имел и Бюлер, но, как известно, ее не использовал - см. об этом в разд. 3.2.3.10.).

3.2.4.7. Метод эксперимента в научной психологии: Вюрцбургская школа

Уже говорилось о методе изучения мышления в Вюрцбургской школе (в разд. об интроспекции 3.2.3.10.). Но поскольку метод самонаблюдения сопрягался с экспериментом, необходимо дополнительно рассмотреть некоторые моменты.

Психологи из Вюрцбургского психологического института приступили к исследованию мышления. Схема экспериментов была следующей: испытуемым предъявлялись слова, "отправляясь от коих они должны были совершать определенный умственный процесс, как-то: понять слово, найти к нему кординированное, родовое или видовое понятие, найти какое-либо прилагательное, представить наглядно названный предмет и т.п." [136, с.102]. В других случаях требовалось связать предъявленные слова в требуемом отношении, давались выражения, в том числе и абстрактного, философского содержания и требовалось их оценить.

Следует особенно подчеркнуть, что в экспериментах в Вюрцбургской школе наблюдается активное взаимодействие экспериментатора и испытуемого, выражающееся в прямом "выспрашивании".

С.В.Кравков отмечает: "Возможность давать различные инструкции, вынуждающие испытуемого, отправляясь от данных слов, производить различные мыслительные деятельности, то найти родовое понятие, то предцировать и т.п., равно как и возможность по известному плану предъявлять испытуемому задачи, различные по своему содержанию, форме и входящим в них образам, дает, по мнению исследователей пользующихся подобным методом, ту возможность планомерной вариации условий, которая является существенной характеристикой всякого, претендующего на научность, экспериментирования" [136, с.103]. "Подобная схема опыта с распределением функций между двумя лицами, - ставящим вопросы экспериментатором и отвечающим на них испытуемым, - имеет, по мнению применявшего ее Бюлера, те выгодные стороны, что позволяет нам, во-первых, по произволу, ко-

гда угодно, вызывать у испытуемого подлежащие изучению мыслительные процессы; во-вторых, вызывать их в сознании испытуемого независимыми от каких-либо предвосхищений и произвольного в них вмешательства со стороны последнего, что является неизбежным, когда какая-либо мыслительная задача ставится субъекту им же самим, и он ее таким образом уже заранее намечает" [136, с.103]. Чтобы в сознании испытуемого порождались действительно мыслительные процессы, а не механические ассоциации, ставятся серьезные, трудные мыслительные задачи. Благодаря этому испытуемые полностью отдаются работе мысли, на основании чего делается вывод об отждествлении мышления в эксперименте с мышлением в в обычных условиях [136].

В экспериментах Вюрцбургской школы, как упоминалось, совершенно особая роль отводится интроспекции: "...схема экспериментирования, имевшая целью заставить испытуемых пережить желательный для экспериментатора мыслительный процесс, имеет значение и смысл лишь постольку, поскольку испытуемые дадут нам интроспективное описание пережитого, ибо какого-либо прямого, объективно даваемого индикатора их состояний мы не имеем..." [136, с.104]. Совершенно очевидно, что требования к полноте отчетов возрастают. Если ранее в большинстве психологических исследований могли довольствоваться разрозненными и случайными высказываниями испытуемых о том, что их особенно поразило в их переживаниях, дополняя подобные сведения собственными воспоминаниями и прибегая в иных случаях к "мысленному экспериментированию", рефлексированию и сопоставлению, то теперь столь непланомерное получение интроспективных показаний удовлетворять уже не могло [136, с.104]. Вюрцбургские психологи пользуются в своих исследованиях не разрозненными высказываниями испытуемых, но стремятся придать высказываниям систематичность. В Вюрцбурге требуется, чтобы "испытуемые давали показания после каждого эксперимента тотчас по окончании исследуемого процесса" [136, с.105]. Подобно Альфреду Бине, вюрцбургские психологи широко используют активный опрос испытуемых.

В работе Нарцисса Аха метод эксперимента, разработанный в вюрцбургской школе, усовершенствуется. Сам Ах пытается доказать, что в его исследованиях соблюдаются вундтовские требова-

ния к проведению эксперимента в психологии. Ах стремится повысить научность и объективность своего исследования. "Мы стремимся сделать субъективный метод самонаблюдения настолько объективным, чтобы в нем не имел места произвольный недостаточно контролируемый подход к исследуемой области как со стороны испытуемого, так и со стороны экспериментатора. Достичь этого можно лишь точным описанием и протоколированием всего переживания от появления сигнала до конца эксперимента" [345, с.14]. Как отмечает С.В.Кравков, Н.Ах, выделяя в качестве существенной характеристики предлагаемого им метода "систематического экспериментального самонаблюдения" требование возможно полного описания всего, бывшего в сознании, без разграничения "важного и неважного", а также требуя описания не только главного периода, но и предварительного, прав, когда настаивает на отличности своего метода от метода Бине и Вюрцбургской школы [136, с.132]. В методе Аха так же, как и у других вюрцбургцев, происходит активный опрос испытуемого. Ах подчеркивает, что экспериментатор должен опросить испытуемого так, чтобы не внушая ему ничего, помочь вскрыть подлинный смысл высказывания, побудить высказаться о не описанном еще моменте переживания и т.д.

Безусловно, заслуживает внимания еще один момент в методике Н.Аха. Он уже обсуждался в разделе о методе интроспекции в Вюрцбургской школе (см. разд. 3.2.3.10). Речь идет о проведении Ахом вспомогательного эксперимента, моделирующего интересующее его явление. Напомню, что в протоколах, которые в большом количестве приводятся в книге Аха, высказываний испытуемых о наличии детерминирующих тенденций нет. Сам Ах поясняет, что они действуют в сфере бессознательного. Для того, чтобы доказать их наличие, проводится эксперимент с гипнозом (подробнее см. разд. 3.2.3.10.). Там неосознаваемое внушение формируется с помощью команды гипнотизера. Эксперимент Аха убедительно демонстрирует действие этой неосознаваемой тенденции: она совершенно определенным образом влияет на поведение испытуемого, но им, естественно, не осознается. Результаты этого эксперимента Ах "переносит" на случаи решения других задач, где гипноз не использовался. Отбор правильных решений

объясняется Ахом через действие неосознаваемых тенденций, которые в протоколе не упоминаются.

Поэтому т.н. "беспорядки в изложении" Н.Аха (по Г.Хамфри) имеют вполне определенное происхождение, которое объясняется, конечно, не небрежностью, а тем, что реально использовался способ интерпретации, не нашедший адекватного описания в тексте работы. Совершенно права Л.И.Анцыферова, указывающая, что Ах не мог непосредственно получить данные о механизме мышления в отчетах самонаблюдения, поэтому вынужден был работать иным, непривычным методом, который остался за пределами изложения [65, с.76].

Исследования в Вюрцбургской школе выявили важное противоречие. Распространение метода эксперимента на изучение процесса мышления выявило неадекватность метода интроспекции. Столкновение с неосознаваемыми психическими процессами неизбежно ведет к появлению опосредованных методов. Нельзя не согласиться с Л.И.Анцыферовой, писавшей, что результаты экспериментов вюрцбургцев и их выводы о существовании неосознаваемых детерминирующих тенденций, проявляющихся в различных реакциях, объективно оказались направленными против интроспективного понимания сознания. "Действительно, интроспекционизм непременно предполагает отождествление сущности всякого психического процесса с проявлением ее в самонаблюдении. Предполагается, иначе говоря, что в интроспекции сущность и явления психики совпадают, что явления сознания в самонаблюдении исчерпывают ее сущность" [65, с.80].

3.2.4.8. Об эволюции эксперимента

Завершая краткий очерк использования метода эксперимента в научной психологии во второй половине XIX столетия, можно подвести некоторые итоги. Требование использования эксперимента в науке еще со времени Френсиса Бэкона было настоящим. Кант отказывал психологии в праве быть точной наукой, в частности, по той причине, что в ней не используется экспериментирование. К середине XIX века эксперимент внедрился во многие области человеческого знания. Экспериментальные процедуры хорошо "прижились" в физиологии, которая в первой по-

ловине прошлого столетия переживала бурный расцвет. У Вундта, врача и физиолога, возникает идея создания физиологической психологии - дисциплины, которая соединяет психологию и физиологию и занимается преимущественно исследованием ощущения и движения, используя сочетание физиологического эксперимента и самонаблюдения. Не станем забывать, что стратегическая задача Вундта - создание новой науки. Поэтому в физиологической психологии присутствуют две идеи, которые полезно эксплицировать. Во-первых, физиологическая психология демонстрирует наглядно *взаимодействие* психологии и физиологии, их единство (напомню: физиологическая психология – промежуточная область, объединяющая, согласно Вундту, физиологию и психологию). "Единство" с настоящей наукой (какой физиология без малейшего сомнения является) - лучшая рекомендация в научности для психологии, которая на статус науки еще только претендует. Во-вторых, использование принципа психофизиологического параллелизма указывает на то, что психология, претендующая быть наукой, идет "параллельным курсом" с наукой уже "состоявшейся". Таким образом, психология завоевала право быть наукой в глазах научного сообщества и заняла свое место в системе наук. Нет нужды здесь еще раз напоминать, что на самом деле предмет психологии (непосредственный опыт, сознание) оказался оторванным от физиологии. Иначе не могло быть, потому что Вундт продолжил дуалистическую традицию, идущую от Декарта.

Итак, использование эксперимента - неотъемлемый атрибут "настоящей" науки. Эксперимент Вундтом приветствуется, используется. Мэтр даже готов, принимая во внимание "самостоятельность метода", называть свою психологию экспериментальной. Как уже говорилось, эксперимент у Вундта имеет значение вспомогательного метода. Сам эксперимент - физиологический, используется для того, чтобы "нормировать" интроспекцию, ввести ее в более жесткие рамки лабораторного исследования. Основным, т.е. поставляющим факты, у Вундта и его школы, несомненно, оставалось самонаблюдение. Но для "внешнего употребления" (т.е. для научного сообщества) принципиально важно было уже одно то, что в психологии эксперимент используется; наличие в названии слова "экспериментальная" вопрос закрыло. В каком качестве используется эксперимент, было уже не так важно. (Хочу

напомнить, что уже указывалось на не вполне адекватное использование самого термина "эксперимент" - см. разд. 3.2.3.).

Впрочем, было и другое. Как мы видели, Г.Т.Фехнер, не будучи психологом, решал свои задачи, в которых использовал эксперимент для объективного *измерения*. Результаты работы Фехнера были переосмыслены в контексте нарождающейся физиологической психологии и включены в психологию (вместе с методами, разработанными Фехнером). Это направление развил Г.Эббингауз, убедительно доказавший, что объективное измерение в психологии можно применять и по отношению к другим, более сложным явлениям. Использование эксперимента в науке выявило и другое его "качество": проведение опыта может *доказывать* или *опровергать* предположения, имеющие "внешнее" по отношению к эксперименту происхождение. В качестве предшественника такого психологического эксперимента необходимо назвать Г.Гельмгольца. Продолжение этой линии можно увидеть, в частности, в работах Н.Н.Ланге.

Но, подводя предварительные итоги, отмечу, что в этот период эксперимент еще не стал ни основным методом психологического исследования, ни даже ведущим. Роль основного прочно держало самонаблюдение, в "объективных" направлениях - внешнее наблюдение. Значительное изменение в понимании роли эксперимента в психологическом исследовании произошло на рубеже эпох практически одновременно в нескольких психологических школах (в Вюрцбурге у Н.Аха, в Вене у З.Фрейда). Напомню, что Вундт использовал эксперимент применительно к *структурной* схеме: его использование было направлено на то, чтобы как можно лучше описать состав сознания (непосредственного опыта). Расширение психологической проблематики (включение памяти, мышления и т.д.) привело к существенным сдвигам в самом экспериментальном исследовании: если для исследования роли образов, наличия мыслей и т.д. еще могла быть "приспособлена" вундтовская структурная схема, то для исследования "процессов мышления" она уже явно не годилась. Изменение схемы интроспекции ведет к тому, что эксперимент тоже должен измениться. Эксперимент стремительно "модернизируется", становится подчиненным схеме *процесса*. Монолог испытуемого заменяется на диалог с экспериментатором, на активное расспрашивание испы-

туемого. Требуется максимальная полнота отчета, требуется, чтобы ничто не ускользало. Но оказывается, что этого мало. В психике (в мышлении, в частности), существуют составляющие, ускользающие от самонаблюдения, не осознающиеся испытуемым. Интроспекция бессильна, как бы ни выспрашивал экспериментатор у испытуемого о подробностях, как бы полно ни протоколировались эксперименты. Выход здесь - только один: переход к опосредствованному методу, при котором сообщаемое испытуемым уже не будет непосредственным знанием о психике, но лишь материалом для анализа самим экспериментатором. Таким образом, здесь речь может идти уже не о редактировании протоколов, но о целенаправленной работе с ними, заключающейся в их интерпретации. Возникновение опосредствованного метода - важнейшее событие в истории научной психологии. Обычно это открытие связывают с психоанализом. Важно подчеркнуть, что оно произошло практически одновременно в разных областях и, насколько можно судить, независимо одно от другого. Поскольку периодически возникают споры, является ли психоанализ наукой, принадлежность вюрцбургских психологов к академической психологии сомнений не вызывает.

Очерк использования эксперимента остановился, таким образом, на том этапе развития науки, когда психология готовится стать подлинно экспериментальной наукой. Реально это означает, что появляется возможность для того, чтобы эксперимент действительно стал ведущим методом психологии. Ведущим в том смысле, что позволяет добывать основную массу эмпирического материала. Повторю, это возможно только при изменении роли эксперимента. Он теперь дает материал для анализа, интерпретации. Поскольку мы имеем дело с научной психологией, это означает, что психология становится в некоторой степени и теоретической наукой, поскольку интерпретация происходит с позиций некоторых научных положений. А следовательно, в ней должны использоваться и теоретические методы, которые позволяют это делать.

3.2.5. Об особенностях методов в научной психологии

Как можно было видеть из данных, приведенных в предыдущих разделах, методы, использовавшиеся научной психологией, имели свою специфику. Научная психология декларировала свой опытный, действительно эмпирический (в отличие от "эмпирической психологии" характер). Таким образом, на первый план в научной психологии выходят эмпирические методы, которые служат для "добывания фактов". Поскольку предполагается, что задача психологии - описание психических, душевных явлений, то никаких теоретических методов не предполагается. Вундт явно с иронией упоминает метод, в "который верят философы". Для упорядочения данных опыта вполне достаточно логических процедур. "Теоретические" методы, согласно новой психологии, остались в прошлом (если они на самом деле были), это порождение метафизики.

В качестве методов, которые признаются новой психологией, в первую очередь необходимо назвать самонаблюдение и эксперимент. Хотя в современной психологии бытует мнение, что научная психология началась с использования эксперимента, это не вполне так. Как мы видели, эксперимент в психологии в течение весьма длительного времени служил для усовершенствования метода интроспекции, т.е. весьма естественно с нею сочетался. Важно подчеркнуть, что метод интроспекции - основной и у Вундта, и у Brentano, и у Титченера, и у Кюльпе, и у Аха, и у Ланге, и у Джемса - все-же имел отличия, не замечать которые мы не вправе. Мы также помним, что практически все исследователи настаивали на длительной тренировке испытуемых, без которой нельзя было получить "хороших" отчетов. Что значит хороший отчет, можно понять только в свете теоретических идей школы. Хорошие отчеты вюрцбургцев, в которых содержались описания "положений сознания" (свидетельствующие о существовании не-сенсорных элементов опыта) с точки зрения Титченера были лишь результатом плохого анализа, произведенного в неблагоприятных условиях. "Философ хроноскопа и призмы" Вундт, расчленяющий сознание на элементы, по мнению Джемса "резал воду", т.к. если в сознании можно что-то описывать, то это, конечно, должен быть поток сознания (элементы потока проанализировать просто невозможно).

Следовательно, и эту констатацию следует отметить особо, при том, что во всех перечисленных случаях речь идет именно о методе интроспекции, в каждом случае заметна специфика. На наш взгляд, эта специфика связана с теоретическими установками исследователей: у Вундта она структурная (структурная интроспекция, направленная на вычленение элементов опыта), у Brentano она целостно-описательная, функциональная (описывающая психический акт в "его целостности и доподлинности", с точки зрения Brentano, аналитические описания Вундта - артефакты, т.к. "интенциональность" в них вообще не учитывается), у Джемса, которого интересует функция, на первый план выходит описание того, как душевная активность приводит к результату... Т.е. между особенностями метода и взглядами исследователя может быть прослежена связь, которая хорошо описывается такими понятиями как структура, функция, акт, процесс.

Обратим внимание на еще один любопытный момент. Сами "ситуации опыта" (экспериментальные ситуации) и, соответственно, реакции испытуемого весьма различны. И здесь тоже есть соответствие. То, на что направляется интроспекция, удивительно "соответствует" тем же теоретическим воззрениям. Факты опыта у Вундта настолько элементарны (скажем исследования порогов, времени реакции и т.д.), что существование "интенционального" объекта в этих случаях неочевидно. Не случайно позднее Э.Гуссерль пытался в известном смысле "примирить" Вундта и Brentano, поскольку выяснилось, что для испытуемого реальны и калейдоскоп пятен и образ шкатулки (см. разд. 1.4.). Но для того, чтобы убедиться с помощью внутреннего наблюдения в изначальной направленности сознания на объект, в качестве "модельного представления" предпочтительно иметь все же восприятие (или представление) целостного предмета. Равным образом, для того, чтобы изучать не только структуру сознания, но и процесс (все равно восприятия или мышления) необходимо либо сделать задание достаточно сложным, либо искусственно разделить на этапы, стадии.

Естественно, что первой научной установкой является структурно-аналитическая (это отмечают и специалисты по методологии). Но "искусственность" аналитических процедур вызывает протест. Функциональная модель по сравнению со структурной

выступает носителем идеологии "целостности", что зачастую приводит к путанице в историко-психологической литературе. Скажем, Вундту, который вместе с Титченером может считаться одним из наиболее радикальных "элементаристов", принадлежат проникновенные строки о целостности душевной жизни (см. разд.3.1.7). Так что правы были гештальтисты, когда говорили, что дело не в признании целостности как таковой, дело в объяснении характера этой целостности [340, с.355-356]. Но функциональная модель неизбежно более "целостна", т.к. способ интроспективного расчленения (какими бы синтетическими процедурами это не дополнялось) не в состоянии проследить эффекты этой психической активности. Функциональный подход поэтому терпимее (в принципе) относится к ретроспекции. Когда достигнут эффект, произошедшее "реконструируется" легче.

Мы видели, и это тоже достойно быть отмеченным особо, когда желание исследовать процесс методами, имеющими "структурное" происхождение, приводит к осознанию исследователем этой неадекватности и вызывает или модернизацию методов, либо переход к фактически опосредованному методу (т.е. в некотором смысле к использованию "теоретического" - в зачаточном состоянии - метода, как это произошло у Аха).

3.2.6. О взаимодействии методов

Представляется необходимым, хотя бы очень кратко, затронуть еще один важный вопрос, имеющий непосредственное отношение к рассматриваемой теме. Речь идет о взаимодействии психологических методов. С самого возникновения научной психологии методы использовались не только изолированно, но и в определенных сочетаниях, что позволяет говорить о взаимодействии методов.

Этот простой вопрос вызывал, как мы могли увидеть, немало недоразумений, т.к. в зависимости от того, роль какого из методов акцентировалась, психологическая концепция квалифицировалась существенно по-иному. Скажем, вундтовская психология кем-то именовалась экспериментальной, а кем-то интроспективной. Важным представляется вопрос, можно ли, сравнивая роль методов в той или иной концепции, утверждать, что какой-то является

ведущим, а другой - подчиненным? На мой взгляд, можно. Критерием в этом случае, как можно полагать, выступает отношение метода к предмету исследования (и опосредованно к предмету науки - при этом имеется в виду *реальный предмет*). Ведущий метод обязательно имеет выход на реальный предмет и в значительной степени определяется им. Реальный предмет, таким образом, определяет *идею метода*. Метод (во всяком случае в период становления психологии как самостоятельной науки) реализуется в рамках определенной организующей схемы (структура, функция, процесс). Вспомогательный (или дополнительный) метод взаимодействует с основным (ведущим) на уровне организующих схем, но на уровень идеи метода не выходит. Скажем, в вундтовской физиологической психологии эксперимент выполняет, несомненно, вспомогательную, "ассистирующую" роль. Роль ведущего выполняет интроспекция, обеспечивающая "доступ" к фактам непосредственного опыта (реальный предмет). Взаимодействие между методами достигается за счет структурной организующей схемы, которая оказывается общей для обоих методов. Именно эта общность позволяет экспериментальным процедурам более четко структурировать данные интроспекции.

В исследовании Г.Эббингауза о памяти (1885) ведущим методом являлся измеряющий эксперимент (реальным предметом были определенные характеристики поведения), поэтому роль самонаблюдения была сведена к минимуму (обеспечении функции контроля). Аналогичным образом дело обстояло в исследовании "закона перцепции", проведенном Н.Н.Ланге (см. подр. разд. 3.2.4.5.). (Напомню, оба психолога - и Г.Эббингауз и Н.Н.Ланге были испытуемыми в своих экспериментах). Ведущий метод, таким образом, имеет выход на реальный предмет. Показательно, что тот же Эббингауз, характеризуя память в фундаментальных "Основах психологии", говорит о законах души, явно исходя из представлений о сознании (о взглядах Эббингауза на взаимоотношение методов см. в разд. 3.2.3.7.). Не случайно результаты исследований 1885 года попадают в радел "О частностях" и получают интерпретацию с позиций общих представлений о сознании.

3.3. Проблема теории в психологии

Проблема теории в психологии сложна и плохо исследована. Сложности многообразны. Во-первых, первые теории в психологии складывались в специфических условиях. Психология, выделяющаяся из философии, сохраняла во многих отношениях преемственность с философскими концепциями. Не будем забывать того, что первые психологи были философами, поэтому часто возникает сложная проблема разграничения философских и собственно психологических теорий. Во-вторых, говоря о теории какого-то автора, не следует упускать из виду, что речь идет, строго говоря, о некоей совокупности теорий: существуют глобальные теории предмета психологии в целом, более частные теории отдельных "явлений". Кроме того, теоретические взгляды часто меняются с течением времени у одного автора, что требует конкретно-исторического подхода при анализе. В-третьих, психология - очень молодая наука, что определяет "незрелость" многих теорий. Это в абсолютной степени относится к первым шагам науки, которые нас интересуют. Часто теорией в психологии называется любая концептуализация, фиксация какой-то связи, закономерности. Вероятно, этим в значительной степени объясняется почти полное отсутствие внимания исследователей-психологов к анализу специфики психологических теорий. Другой причиной, вероятно, можно считать распространенное убеждение, что предметная специфика теории невелика, поэтому большинство авторов-методологов науки предпочитают исследовать развитые, формализованные теории.

Учитывая вышесформулированные сложности, выберем объект для анализа. Попытаемся проанализировать некоторые теории мышления, разработанные в психологической науке в конце XIX - начале XX вв. Сложность данного психического явления, его явная отнесенность к высшим психическим проявлениям, позволяет проследить связь с эмпирическими исследованиями данного явления, тем самым выявив основные источники и способы формирования теории (эмпирические, априорные, спекулятивные).

Теории мышления как в ассоциативной психологии, так и в различных направлениях в научной психологии неоднократно были предметом специального анализа как в отечественной [336, 340, 284, 135, 139, 190, 199], так и в зарубежной историко-психологической литературе [348, 356, 362, 370, 383, 406, 407,

408]. Особенно следует выделить фундаментальное исследование коллектива авторов, специально посвященное изложению и критическому анализу концепций мышления от начала XIX столетия до шестидесятых годов нашего века [199]. Тексты работ, в которых излагаются эти теории, опубликованы на русском языке и достаточно хорошо известны отечественному читателю. Это избавляет от необходимости давать подробное изложение той или иной теории, что повлекло бы к значительному увеличению объема настоящей книги. Поэтому акцентирую внимание читателя лишь на тех моментах, которые имеют непосредственное отношение к анализируемому вопросу. Подробное изложение и глубокий историко-психологический теорий мышления можно найти в работе "Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах"(1966) [199].

3.3.1. Теории мышления в ассоциативной психологии

Непосредственными предшественниками научных психологических теорий мышления были представители ассоциативной психологии. Остановимся на этом вопросе несколько подробнее. Как уже упоминалось, попытки выделить психологию в качестве самостоятельной философской дисциплины предпринимались неоднократно, начиная по меньшей мере с первой половины XVIII столетия. Особенно активными они становятся в первой половине XIX века после опубликования классификации наук О.Конта. В частности, Д.С.Милль, Г.Спенсер, А.Бэн, разделяя контовские взгляды на задачи позитивной науки, решительно возражали против исключения психологии из системы наук. И Д.С.Милль [182, 184] и Г.Спенсер [265] настаивали на том, что психология может быть построена как позитивная наука. Это может осуществиться в том случае, если психология станет опытной наукой, использующей методы естествознания, а предметом ее будет исследование не сущности духа, а описание его явлений в сознании [36, с.36]. Предметом психологии должно являться интроспективное изучение явлений сознания, поскольку свойства духа непосредственно доступны только интроспекции. Опыт надо понимать как испытанные ранее состояния сознания или прошлые переживания, удерживаемые памятью. Поэтому опытное исследование в психо-

логии должно сводиться к наблюдению явлений сознания в разных их сочетаниях. "Толкование явлений сознания как единственно данной реальности, а вместе с тем и субъективно-идеалистическое понятие внутреннего опыта как независимого от материального мира и заключающегося в непосредственном наблюдении явлений сознания - интроспекции, ассоциативная психология и вкладывала в определение предмета своей науки, называя себя опытной, эмпирической психологией" [36, с.37-38]. "Намереваясь создать "естественную историю духа" параллельно естественной истории материального мира, эмпирическая психология искала в явлениях сознания подобий явлениям природы. Открытие атомов в физике, периодической системы элементов в химии, клеточного строения организмов в биологии укрепляли стремление найти простейшие элементы духовной жизни человека. Задача научного познания психических явлений усматривалась в том, чтобы разложить сознание на составные элементы, подобные атомам, и найти общий закон связи этих элементов, подобный физическому закону тяготения. Таким законом был объявлен закон ассоциаций по смежности в пространстве и времени и по сходству" [36, с.38].

Важно обратить внимание на следующий момент. В психологии очень часто возникают расхождения между декларацией, заявлением и реальным положением вещей, между возможностью и действительностью. В частности, Д.С.Милль, Г.Спенсер и А.Бэн называли свою психологию опытной и эмпирической, но это вовсе не означало, что она в действительности таковой была. Она была опытной и эмпирической "потенциально", в том смысле, что существовала возможность интроспективного исследования явлений сознания. Но интроспекцией эти авторы пользовались редко - так сказать для демонстрации, потому что по методу эта психология оставалась философией - рассуждением о явлениях сознания. Не случайно наиболее интенсивные дискуссии велись по "принципам": сколько элементов входит в состав сознания, сколько "принципов ассоциаций" может быть выделено и т.д. Хотя создатели называли свою психологию эмпирической, опытной, и она действительно - в принципе - была интроспективной, как это ни парадоксально, интроспекция в ассоциативной психологии не была эмпирическим методом. В развертывании психологической

теории ассоциативная психология использовала метод Вольфа - сцепление психологических понятий в соответствии с выбранным организующим принципом. Поэтому не удивительно, что декларации Д.С.Милля, Г.Спенсера и А.Бэна не привели к желаемому результату. Выделения психологии в самостоятельную науку не произошло. Предмет оставался прежним - сознание. Метод - интроспекция использовался не как эмпирический: по настоящему опытной психология не стала. Эта историческая миссия была осуществлена В.Вундтом.

Как справедливо указывают многие авторы [36, 106, 406], термин ассоциация чрезвычайно многозначен, в связи с чем выражение "ассоциативная психология" также понимается по-разному. Если ассоциативная психология понимается широко, то в нее включают разнообразные учения и концепции (как философские, так и психологические) - основанием является использование идеи ассоциации. Хорошим обзором ассоциативной психологии в широком смысле является книга В.Н.Ивановского [106]. Под ассоциативной психологией в узком смысле слова понимается ассоциативная концепция Д.С.Милля, Г.Спенсера и А.Бэна, в значительной степени повлиявшая на возникающую экспериментальную психологию.

Поскольку в прошлом веке считалось, что ассоциативная психология достигла своей вершины в трудах А.Бэна, остановимся на его концепции более подробно. Александр Бэн (1818-1903) (правильнее Бэйн: Bain), шотландский логик, философ и психолог.

"Психология" А.Бэна (перевод знаменитого "Компендиума", объединяющего "The Senses and the Intellect" и "The Emotions and the Will") - "главный, самый капитальный труд автора" [40, с.V]. Определяя область духа "отрицательным путем" - как отсутствие протяженности - Бэн пишет: "... чтобы дать понятие о духе, точной психологической науке не остается более, как различить три свойства или функции - чувство, волю, или желание и мысль, или интеллект, - благодаря которым строятся все наши опыты как объективные, так и субъективные" [40, с.2]. В мышление, теория которого представляет для нас интерес, А.Бэн включает деятельности восприятия, памяти, понятия, отвлечения, рассудка, суждения и воображения. "Все они могут быть анализированы под тремя

группами: различения, или сознания разности, обобщения, или сознания сходства и удерживания, или запоминания"[40, с.2].

Чувство, воля и мысль тесно связаны между собой. Бэн специально отмечает, что "наш дух редко может действовать исключительно в какой-либо одной из трех групп. Чувствование может сопровождаться, в большей или меньшей степени, волей и мыслью" [40, с.3]. Бэн устанавливает иной порядок исследования духовных способностей - "более практичный": 1) чувствование и хотение в их зародышах (движение, чувство и инстинкт); 2) интеллект; 3) эмоции (законченный вид чувствований); 4) воля.

Е.А.Будилова справедливо отмечает: "Представление об умственной деятельности в ассоциативной психологии было тесно связано с представлением о том, что сознание непрерывно переходит от одного известного состояния к другому, дифференцируя эти образующие его состояния. Эти последовательно изменяющиеся явления сознания становятся элементами мысли тогда, когда ум познает их как сходные с теми или иными прежде испытанными состояниями или устанавливает разницу между ними, позволяя классифицировать их" [36, с.40].

Рассматривая мышление, Бэн использует данные физиологии органов чувств, анализирует данные жизненного опыта, привлекает материал из истории научных открытий и т.д. Здесь уместно будет напомнить, что Бэн был представителем эмпирической психологии. Как мы помним, это, в частности, означало, что эта психология основана на опыте (в том смысле, что психологические рассуждения не должны противоречить данным опыта). Речи об эмпирическом исследовании психологических явлений не было. Поэтому отметим, что расширение основы для анализа и рассуждения налицо (включение в сферу анализа данных истории науки, техники, искусства и т.п.). "Первичные свойства ума суть: 1) сознание различия; 2) сознание сходства; 3) память. Всякое собственно умственное отправление заключает в себе одно или более из этих свойств и ничего другого" [40, с.93]. Основными законами мышления Бэн полагал закон ассоциации по смежности и закон ассоциации по сходству. Первый определяет память, привычки, выработанные качества. Ведущая роль в мышлении принадлежит ассоциациям по сходству. На них основаны обобщения, классификация, индукция, дедукция.

Действия закона ассоциации по сходству Бэн обнаруживает в случаях научных открытий и изобретений, которые описывает в своей книге. Но с помощью одних ассоциаций объяснить направленный характер человеческого мышления сложно. Поэтому в дополнение Бэном выделяются: 1) закон сложной ассоциации; 2) закон постройительной (конструктивной) ассоциации. Согласно первому, действия, ощущения, мысли и т.д. воспроизводятся легче, когда они ассоциированы по смежности не с одним, а более предметом или впечатлением. Во втором случае речь идет о том, что ассоциации по сходству могут дополняться эмоциями, "волей или хотением".

Постройительная ассоциация, по Бэну, может приводить к возникновению нового. Мышление, таким образом, носит не только репродуктивный характер. А.Бэн формулирует три условия постройительного умственного процесса, как он его называет: "1) Должно существовать подчинение отдельных элементов. Более полное и совершенное такое подчинение делает более легким работу соединения их в новые сочетания. 2) Должна существовать идея, план или восприятие желаемых сочетаний; некоторый умственный абрис того, что давало бы нам знать, когда комбинация удачна. Эта идея может быть образцом для подражания, ... или она может быть восприятием эффекта, который должен быть произведен... В других случаях она бывает словесной комбинацией или описанием... 3) Существует ряд опытов или процесс попыток и ошибок"[40, с.185].

Итак, в теории мышления Александера Бэна можно увидеть следующие характерные особенности. Основным способом развертывания теории является сцепление психологических понятий - процедура, которая широко использовалась еще Х.Вольфом. Критерием "правильности" сцепления является опыт в широком смысле: Бэн широко использует примеры из истории науки, искусства и т.д. Опыт же является критерием соответствия теории "жизни": если использование принципа ассоциации не позволяет объяснить направленный и продуктивный характер мышления, вводятся гипотезы *ad hoc*. Условия "постройительного умственного процесса", выделенные Бэном, могут явиться хорошим примером такого рода работы.

Важно подчеркнуть, что в концепции Бэна представлена другая модель мышления. У Бэна речь идет уже не об уме в целом, а о более конкретных проявлениях: "Сложные умственные способности: разум, воображение и др. определяются сущностью их деятельности; так, разум есть способность выводить заключения из посылок, способность приобретать научное знание" [39, с.220]. В этом можно усмотреть существенное отличие от моделей, разрабатываемых философами на основе ассоциативного учения. В таких концепциях моделью умственной деятельности было изменение состояний сознания, переход от одного состояния к другому. Ассоциация рассматривалась как механизм, обеспечивающий такой переход. У Бэна подход более функциональный: мышление рассматривается как направленный процесс (выведение заключения, приобретение знания и т.д.), что требует дополнительных уточнений модели (для этого используются гипотезы *ad hoc*).

3.2.2. Теория мышления В.Вундта

В.Вундт реформировал психологию. Главным достижением было "конструирование" предмета, который был отличен от философского. Если Декарт открыл сознание для философии, то "открытие" сознания для психологии происходило так сказать уже "внутри" сознания: психологами открывалась психологическая реальность внутри самого сознания. Наличие психологической реальности, доступной исследованию специальными психологическими методами - это и есть возможность психологии как науки, не сводимой к философии. Любопытно сопоставить декларации В.Вундта и его реальные действия. В соответствии с декларациями психология это наука опытная. Основу науки составляют факты. Источником фактов является использование самонаблюдения. В качестве вспомогательного может использоваться метод эксперимента. Теория представляет собой ни что иное как логическое упорядочивание фактов. Никаких специальных теоретических методов не существует. В качестве вспомогательного упорядочивающего средства может выступать гипотеза.

Согласно Вундту, вся психология распадается на физиологическую, которая допускает использование эксперимента, и психологию народов, где эксперимент не может быть применен. Вся

психология делится на физиологическую и автономную. Физиологическая психология - учение о психических процессах в связи с параллельными процессами в головном мозгу. Автономная психология, по Цигену, не предполагает обращения к физиологии (учение о психических процессах вне связи их с параллельными процессами в головном мозгу) [305, с.3]. Вундт полагает, что к исследованию мышления метод эксперимента не применим. Мышление необходимо изучать по продуктам культуры. Таким образом, можно было бы ожидать, что в физиологической психологии В.Вундта мышлению как высшей психической функции места не найдется. Описание мышления следует искать в психологии народов.

На самом деле картина сложнее. Напомним, что по Вундту, задача психологии состоит в описании структуры опыта. Выполнение поставленной задачи предполагает расчленение опыта на составные части и выявление условий возникновения этого опыта. Для того, чтобы изучать "сложнейшие душевные процессы", к которым Вундт относит мышление, требуется специальная подготовка: "Если мы не приобретем - с помощью тщательного анализа более элементарных психических процессов, условий деятельности внимания, объема сознания, равно как отношения между вниманием и объемом сознания и разнообразных участвующих при этом процессов чувствований - необходимых заключений об общих условиях мыслительных процессов и, до известной степени о том фоне, на котором они протекают, - то невозможным окажется понять как-либо самые эти процессы в их психических связях" [55, с.118].

В.Вундт анализирует ассоциативные процессы и сравнивает их с мышлением. Различие Вундт видит в том, что при мышлении "нет ни одной лишней из главных составных частей, каждая из них сочетается с целым, так что одно общее представление соединяет друг с другом эти ассоциированные члены" [55, с.101]. По Вундту, "деятельность апперцепции является существенным фактором, отличающим возникновение такого сочетания от простого ассоциативного ряда..." [55, с.103].

Таким образом, по Вундту, мышление связано с характерным для активной апперцепции "чувствованием деятельности", слагающимся из "сменяющихся возбуждений, напряжений и разрядов",

придающих процессу его своеобразный, существенно отличающийся от простой ассоциации характер.

Вундт анализирует различия в содержании "связанных представлений" в разных случаях и приходит к выводу, что даже самая абстрактная мысль имеет в конечном счете сенсорную основу: "... даже самая абстрактная мысль во всех своих составных частях в конце концов сводится к непосредственному созерцанию..." [55, с.104]. "...Даже самое отвлеченное, далекое от непосредственного созерцания мышление шаг за шагом развилось из созерцательного" [55, с.105].

"Таким образом, наше мышление возникает из связи вещей в природе, которую человек видит вокруг себя, и самое это мышление с самого начала является ни чем иным, как субъективным воспроизведением закономерного хода вещей в природе. Но само это воспроизведение возможно в свою очередь лишь благодаря воле, господствующей над сцеплением представлений. Таким образом, человеческое мышление, как и самый человек, одновременно является и созданием природы и творением собственной душевной жизни, находящей в воле то единство, которое связывает необозримое многообразие душевных содержаний в одно нераздельное целое"[55, с.115].

Вундт критически высказывается как против того, чтобы положить в основу психологического исследования мышления законы логики ("В действительности об этих попытках можно сказать, что по своим результатам они оказались совершенно бесплодными: психические процессы они устранили совсем, а для истолкования логических законов решительно ничего не сделали, и именно потому, что видели в них первоначальные факты сознания" [55, с.117]), так и против использования для исследования мышления непосредственного самонаблюдения. Вундт против самонаблюдения за мышлением, т.к. в психологии "сложное явление понять нельзя, если мы предварительно не ознакомимся с простыми явлениями, которые предполагаются сложными" [55, с.118-119]. Вундт отмечает, что изучения формальных условий протекания всех психических актов недостаточно. Для этого необходимо обратиться к "развитию и мышлению". Исследование развития в онтогенезе, по Вундту, связано с непреодолимыми трудностями: "Мышление и речь ребенка предполагают множе-

ство унаследованных, в силу наших современных условий культуры, способностей, влияние которых едва ли можно учесть с достаточной уверенностью; мало того, для нас совершенно невозможно оберечь дитя от тех влияний, которые с самого начала оказывает на него окружающая среда. При всяких условиях, следовательно, духовное развитие наших детей бывает не только ускоренным, но и существенно измененным в сравнении с чисто самопроизвольным ростом" [55, с.119]. По мнению Вундта, в душевной жизни первобытных народов можно увидеть развитие мышления, свободное от культурных влияний. "...В душевной жизни первобытных народов нам, по крайней мере приблизительно, даны такие ступени свободного и во многих случаях относительно мало зависящего от внешних культурных влияний развития мышления; и различные ступени, которые показывает нам эта душевная жизнь, находят себе, по большей части, адекватное выражение во внешних явлениях, отражающих эту душевную жизнь прежде всего в явлениях речи, представляющей собой одновременно и средство выражения и орган мышления. Таким образом, рука об руку с формами развития языка, можно шаг за шагом проследить вышеописанный переход ассоциативных процессов сознания в апперцептивные" [55, с.119-120].

3.3.3. Теория мышления Ф.Бrentано

Теорию мышления Франца Brentано трудно понять, если отвлечься от принадлежащей автору "теории четырех фаз развития философии". В 1860 году во время тяжелой болезни Brentано посетило видение, в котором представилось развитие мировой философии. В развитии чередовались фазы подъема и упадка. В XIX веке философия пришла в упадок: защитить ее благородное имя и положить начало новой философской эпохе - такова миссия Ф.Бrentано и его школы (подробнее см. в статье В.Анашвили [14]). Поэтому в психологии мышления, разрабатываемой Ф.Бrentано, на первый план выходит именно изменение взгляда на проблему. В этом смысле Brentано прав, когда в предисловии к своей книге "Психология с эмпирической точки зрения" предупреждает, что "не единожды найдут, что я утверждаю нечто совершенно неслыханное. И все же, я верю, при ближайшем рас-

смотрении легко убедятся в том, что моя тяга к нововведениям далека от стремления выглядеть оригинальным" [30, с.12].

Теория мышления, излагаемая Ф.Брентано, действительно весьма своеобразна. Поскольку взгляды Брентано на проблему мышления тесно связаны с вопросом классификации психологических феноменов [360], кратко остановимся на этом моменте. Согласно Брентано, каждый психический акт направлен на предмет, имманентный самому акту, т.е. в нем присутствующий ("инэкзистирующий"). "Всякий психический феномен характеризуется посредством того, что средневековые схоласты называли интенциональным (или же ментальным) внутренним существованием предмета, и что мы, хотя в несколько двусмысленных выражениях, назвали бы отношением к содержанию, направленностью на объект (под которым здесь не должна пониматься реальность), или имманентной предметностью. Любой психический феномен содержит в себе нечто в качестве объекта, хотя и не одинаковым образом. В представлении нечто представляется, в суждении нечто утверждается или отрицается, в любви - любитя, в ненависти - ненавидится и т.д." [358, с.33]. Брентано подчеркивает, что "психические феномены - это те феномены, по отношению к которым только и возможно говорить о восприятии в собственном смысле. С таким же успехом мы можем сказать, что, что только они - феномены, которым, наряду с интенциональным, присуще также и действительное существование. Познание, радость, желание существуют действительно; цвет, звук, тепло - лишь феноменально и интенционально" [358, с.36].

Вопросу классификации психических феноменов Брентано уделяет особенное внимание, т.к. от правильности классификации зависит в конечном счете возможность построения подлинно научной теории. Брентано рассматривает различные варианты деления психических феноменов, начиная от Платона и кончая Вундтом. В результате получается четыре типа классификаций. Истинной классификацией, по Брентано, является разделение психических деятельностей, основанное на их различном отношении к объекту (в зависимости от способа направленности на объект). "Основание ее не априорно, потому что оно проистекает из самой природы этих феноменов и дано с очевидностью во внутреннем восприятии, последнее же и есть третейский судья,

который решает о тождестве и различии психических феноменов" [254, с.150]. Таким образом, психические феномены могут быть расклассифицированы на представление, суждение и желание.

Мышление, по Brentano, связано с представлениями и суждениями. Как отмечал А.И.Кунцман, "в их резком разграничении проявляется, следовательно, самобытная мысль Brentano и именно, в занимающей нас теперь специально области психологии мышления. Термином мышление "Denken" у Brentano охватывается именно и суждение и представление" [141, с.115]. Основное внимание Brentano направлено на то, чтобы доказать, что представление и суждение - различные классы психических феноменов. "Когда мы утверждаем, что представление и суждение - это два различных класса психических феноменов, то (...) под этим мы подразумеваем, что они являются совершенно различными способами осознания предмета. При этом мы совершенно не отрицаем, что всякое суждение предполагает представление. Напротив, мы утверждаем, что каждый предмет суждения входит в сознание двояким способом, как предмет признанный или отверженный"[29, с.153]. Brentano подчеркивает, что это "ясно познается в разуме внутренним восприятием и внимательным наблюдением феномена "суждение" и что он не утверждает "ничего такого, что непосредственно не подтверждалось бы внутренним восприятием" [29, с.153]. Brentano приводит три доказательства различия представления и суждения [360], на которых здесь не будем останавливаться. Brentano свои рассуждения резюмирует так: "Аргументы, подтверждающие эту истину, таковы. Во-первых, внутренний опыт непосредственно обнаруживает различие отношений к содержанию, которое мы определяем как представление и суждение. Во-вторых, если бы это не являлось различием между ними, то между ними не существовало бы вообще никакой разницы. Несостоятельны ни предположения различной интенсивности, ни предположения различий содержания. В-третьих, если мы сравним различие между представлением и суждением с другими примерами различий психических актов, то мы увидим, что в нем содержатся все характерные свойства, присутствующие в этих других способах отношения сознания к объекту. Следовательно, если вы не признаем этого различия здесь, то мы не сможем признать

его ни в каком ином случае отношений между психическими феноменами" [29, с.164].

Различение представления и суждения имеет для психологии Brentano большое значение. А.И.Кунцман отмечал, что нельзя не усмотреть в этом шаге Brentano попытки в области мышления произвести различие сознания и познания: всякое познание, по Brentano, и есть суждение [141]. Особенно важно отграничить представление от познания. Познание, имеющее основу в представлении, таким образом, оказывается вторичным явлением. "Первичный объект акта не всегда является познанием (в противном случае мы никогда не судили бы ложно) и не всегда является объектом суждения (в противном случае все вопросы об этом объекте и исследования его были бы лишними), а часто и притом в наипростейших актах, он всего лишь представлен. То же самое относится и ко вторичному (*secundar*) объекту; познание конституирует, так сказать, лишь вторичный момент. Как и каждое суждение, оно предполагает представление объекта суждения, и это представление должно, следовательно, ему предшествовать, если не по времени, то, по крайней мере, по природе вещей" [29, с.164-165].

Для нашего исследования важен вопрос об отношении введенного Brentano различения к внутреннему сознанию. Поскольку всякое душевное явление "или есть представление, или основано на нем, внутреннее, внутреннее сознание - прежде всего представление. Кроме того, оно, как доказывает Brentano, есть и суждение, теснейшим образом слитое с лежащим в основе его представлением. Так что и в области внутреннего сознания Brentano остается верным признанию независимости сознания от познания" [141, с.121-122]. Таково весьма своеобразное представление Brentano о мышлении (впрочем, столь же своеобразна вся психология Brentano, радикально пересмотревшая, как мы видели (разд. 3.2.2.), предмет психологии). Завершить этот раздел хочется выдержкой из книги Brentano, которая проливает свет как на новаторский характер разработанной им психологии мышления, так и на то влияние, которое этот подход оказал на последующие концепции: "Можно даже сказать, что прежняя психология неподобающим образом вообще пренебрегла исследованием законов возникновения суждения; а произошло это потому, что представление и суж-

дение всегда причисляли к одному классу, классу "мышление" и притом считали, что исследование законов движения (Aufeinanderfolge) представлений и есть исследование сущности суждения. Даже такой выдающийся психолог как Герман Лотце также утверждает: "В отношении способности суждения и способности воображения, мы без лишних раздумий согласимся с тем, что эти две способности не являются врожденными, это всего лишь навыки, которые формируются в ходе жизни, одни медленнее, другие быстрее. И в то же время мы должны признать, что для объяснения их возникновения достаточно одних лишь законов ассоциации представлений (Vorstellungverlaufes)". В этом высказывании отчетливо видно основание большого заблуждения. Оно состоит в несовершенной классификации, которую Лотце перенял от Канта" [29, с.168]. Из высказывания же самого Brentano не менее отчетливо видно, что им была поставлена задача психологического исследования акта суждения, несводимого к ассоциации. Не станем забывать, что и Э.Гуссерль, и гештальтпсихология в известном смысле являются наследниками Франца Brentano [340,95].

3.3.4. Теория мышления Г.Эббингауза

Герман Эббингауз (1850-1909) главным образом известен как автор труда "О памяти" (1885)[373], ставшего примером ясности и точности изложения и доказавшего, что экспериментальная психология может выйти за пределы области ощущений при условии нововведений [298, с.35]. Законы памяти, выявленные Эббингаузом, не утратили своего значения и поныне. Здесь уместно вспомнить, что в действительности Эббингаузом был разработан вариант объективного метода изучения памяти, основанный не на интроспекции. Но распространив сферу экспериментального исследования на область памяти человека (некоторые авторы полагают, вероятно, справедливо, что Эббингауз был первым, кто использовал эксперимент в качестве самостоятельного и собственно психологического метода), немецкий психолог этим и ограничился. Как и Вундт он полагал, что мышление не может изучаться экспериментально (к этому вопросу мы еще вернемся).

Взгляды на мышление Г.Эббингауза изложены в его книгах "Основы психологии" (1902) [374] и "Очерк психологии" (1908) [326]. Эти книги, будучи переведенными, в частности, на французский и русский языки [324, 325, 326] были популярны и имели значительное влияние.

Говоря о мышлении, Г.Эббингауз подчеркивает, что он имеет в виду "стройное и связное мышление" [326, с.152]. Это, на мой взгляд, имеет принципиальное значение, т.к. свидетельствует о том, что Эббингауз исходит из определенной модели: для него мышление не просто течение представлений, но устремленное к цели, направленное мышление. Мышление раскрывается Эббингаузом как функция. "Упорядоченное мышление, можно сказать, есть нечто среднее между вихрем идей и навязчивым представлением. Оно состоит в чередовании представлений, которые не только ассоциативно связаны между собою, как звенья одной цепи - хотя и это необходимо для мышления - но вместе с тем подчинены другому господствующему представлению и содержатся в нем; отношение всех их в совокупности к высшему представлению есть отношение частей к целому" [326, с.153]. Характерно обращение Эббингауза к данным о нарушениях психики, когда в результате болезни функция нарушается. Рассмотрев отношения с памятью ("мышление является отчасти продуктом деятельности памяти" [326, с.154]) и речью ("наиболее содействует удержанию господствующих представлений, а потому и мышлению, язык" [326, с.154]), Эббингауз специально останавливается на роли "Я" в мышлении. Важную роль в мышлении играет внимание. Е.А.Будилова отмечает: "Включая в мыслительную деятельность внимание, Эббингауз противопоставляет его ассоциативным процессам. Если ассоциативные процессы берут верх над функцией внимания или слишком слабо проявляют себя в сравнении с последней, то возникают... два отклонения от правильного мышления, крайними степенями которых будут вихрь идей и навязчивые представления" [326, с.51]. Мышление, по Эббингаузу, направлено на познание действительности. Содержание мышления "проистекает из опыта, на него оказывают большое влияние особенно часто повторяющиеся наблюдения; понятно, поэтому, что при однородности объективных явлений, оно иногда совпадает с тем, что действительно предстоит испытать, тем более, что весьма сильные

интересы дают человеку повод искать такого совпадения" [326, с.160]. Весьма интересна постановка Эббингаузом вопроса о об индивидуальных различиях в мышлении. "Ограниченность кругозора и неизменное течение воспроизведений по наиболее привычным путям, с одной стороны, и, напротив, широта кругозора и подвижность мышления при одновременном удержании одной господствующей мысли или одной объединяющей цели, с другой стороны, - вот характерные особенности, отличающие глупость от ума" [326, с.162].

Еще раз подчеркнем, что в характеристике мышления для Г.Эббингауза на первый план выходит функция - познающее мышление, позволяющее человеку целенаправленно действовать. "Духовная переработка множества разъединенных данных в осмысленную связь физических или исторических явлений, философских или поэтических мыслей; возвышение над многочисленными пробелами и противоречиями чувственного восприятия или показаний свидетелей; учитывание сразу многих руководящих факторов при выборе средств для достижения цели; искусное приспособление этих средств к изменяющимся обстоятельствам; внезапные повороты; новые приобретения; одним словом, всестороннее применение многочисленных наблюдений в пользу одной господствующей над всеми этими разрозненными моментами, хотя и замечаемой иногда только мимоходом и в качестве заместительницы, объединяющей мысли, - осуществление таких операций характеризует высшую деятельность познающего мышления" [326, с.162].

Теория мышления Германа Эббингауза, несомненно, продолжает традиции ассоциационизма. Эббингауза интересует не столько механика представлений, сколько объяснение направленности мышления. Для этого ассоциативные тенденции уравниваются тенденцией к персеверации, что позволяет построить модель, объясняющую функционирование мышления. Для объяснения привлекается данные патологии. Никакого специального эмпирического метода изучения не используется. В этом отношении концепция Эббингауза продолжает традиции классической эмпирической психологии. Рассуждение, организованное по "схеме": в качестве таковой у Эббингауза выступает "функция". В этом можно увидеть отличие от классической эмпирической психоло-

гии, где в качестве образца выступала какая-либо дисциплина (механика или химия).

Таким образом, мы видим, что, хотя Эббингауз явно представитель научной психологии, один из создателей экспериментального метода, теория мышления, предложенная Эббингаузом, фактически принадлежит к философской психологии. Данные опыта, которые использует автор, используются для контроля (соответствие теории повседневному опыту), а также выполняют роль примера, иллюстрации высказанного положения.

3.3.5. Теория мышления Э.Титченера

Эдуард Брэдфорд Титченер (1867-1927), вероятно, может служить примером стойкости и непоколебимости в отстаивании своих взглядов. Будучи учеником В.Вундта, Титченер был сторонником аналитической интроспекции, продолжавшим настаивать на сенсорном характере внутреннего опыта. М.Г.Ярошевский отмечал в "Истории психологии", что основные установки Титченера "воспроизводили вундтовские каноны полувекковой давности и в новом идейном климате звучали анахронизмом. Но Титченер неотступно им следовал, настаивая на том, что другого плана построения научной психологии нет и быть не может. Он игнорировал исторический опыт" [340, с.312].

Согласно Э.Титченеру, предмет психологии составляют данные опыта, рассматриваемого в зависимости от индивидуума. "Только в том случае, когда эти данные опыта рассматриваются в зависимости от какого-нибудь индивидуума, мы имеем переживания теплого и холодного, черного, белого цветов в собственном смысле и оттенков серого цвета, тонов, шипения и ударов. И эти явления составляют предмет психологии" [280, с.7].

"Наука стремится всегда ответить на три вопроса относительно ее предмета, на вопросы что, как и почему" [280, с.30].

Ответ на вопрос "что" составляет задачу анализа. Естественные науки при помощи анализа стараются свести мир независимого опыта к простейшим понятиям и доходят, таким образом, до различных химических элементов. Ответ на вопрос "как" составляет задачу синтеза. Естественные науки следят за отношением элементов в их различных соединениях, и им удается формулиро-

вать законы природы. Но наука спрашивает дальше о том, почему данный ряд явлений распределен именно таким определенным образом, а не каким-нибудь иным; и она отвечает на это "почему", излагая причины наблюдаемых явлений [280, с.31].

"Психолог отвечает на вопрос "что", разлагая внутренний опыт на его элементы. Он отвечает на вопрос "как", формулируя законы сочетания этих элементов. И он отвечает на вопрос "почему", объясняя душевные процессы, указывая на процессы, протекающие параллельно в нервной системе" [280, с.34].

В знаменитом учебнике психологии Э.Титченера помещена весьма обширная глава, посвященная мышлению [281, с.186-226].

Поэтому можно было бы ожидать развернутой теории мышления. На самом деле концепция мышления Э.Титченера полностью "негативна": она посвящена исключительно критике современных исследований в области мышления и доказательствам того, что при тщательном анализе любые феномены мышления сводимы к исходным элементам. Естественно, наиболее резкую критику вызывают феномены безобразной мысли (положения сознания), обнаруженные в Вюрцбургской школе. Титченер пишет: "Мы можем сделать вывод, что положения сознания всегда состоят из трех элементарных процессов - ощущений, образов и чувств, но мы должны прибавить, что что сенсорные и репродуктивные процессы даны при таких условиях, которые очень неблагоприятны для анализа" [281, с.200].

С точки зрения Титченера, психологи в других школах (в первую очередь в Вюрцбурге) систематически допускали так называемую "ошибку стимула", т.е. вместо интроспективного анализа давали словесный отчет о содержании мыслей. Титченер отмечает, что когда мы обмениваемся мыслями во время обычного разговора, мы обозначаем предмет представления и даем собеседнику знать, что именно мы о нем думаем. В этих случаях мы не имеем ни склонности, ни повода переходить от содержания мысли к психологическому носителю этого содержания и интересоваться, к примеру, тем, что мысль имеет формы внутреннего произношения или зрительных образов. "Но, - отмечает Титченер, - этот вопрос о психическом материале, из которого состоит мысль, и есть именно тот вопрос, на который должна ответить описательная психология мышления" [281, с.191-192].

Таким образом, по Титченеру, все феномены, установленные в экспериментальной психологии мышления являются либо недостаточно проанализированными (анализ не смог выявить элементарных составляющих мышления), либо при проведении исследования нарушаются каноны интроспекции, вследствие чего возникает "ошибка стимула". Все в мышлении (положения сознания и абстракция, сравнение и суждение и т.д.) может быть сведено к элементарным составляющим, задачу выделения которых и решает аналитическая интроспекция.

Представляется чрезвычайно любопытным, что Титченер, анализируя данные одного из экспериментов, формулирует основную сложность психологического исследования с использованием самонаблюдения: "Оказалось, что самонаблюдение было наиболее содержательным, правильным и определенным в том случае, когда оно относилось к той стороне комплекса, на которую было обращено внимание" [281, с.210]. Это в полной мере может быть отнесено к организации самих исследований в области психологии, когда у испытуемого в ходе предварительной тренировки вырабатывали готовность описывать именно то, что интересовало экспериментаторов (и, естественно, в конечном счете соответствовало их теоретическим представлениям).

3.3.6. Теория мышления У.Джемса

Уильям Джемс (1842-1910), один из создателей функционального направления в психологии, был фигурой яркой, оказавшей огромное влияние на развитие мировой психологии. Его знаменитые "Основы психологии"(1890) [386], возможно, были лучшим учебником по психологии. Как писал Н.Н.Ланге, "если сила Вундта состоит в построении некой системы новой психологии, в точном и последовательном проведении в ней основных начал, Джемс прежде всего повлиял на современную психологию необычайным мастерством в описании отдельных групп психических фактов, во всей их жизненности и непосредственности, помимо всяких теорий и искусственных построений. Он точно открыл современным психологам глаза на эту своеобразную психическую действительность, обратил нас к непосредственному опы-

ту, показав все его неисчерпаемое богатство, которое было до тех пор закрыто теоретическими построениями" [148, с.85].

Джемс исходит из того, что первичным конкретным фактом - основным фактом психологии является убеждение, что во внутреннем опыте состояния сознания постоянно сменяют одно другое. Это У.Джемс обозначает как "поток сознания". Джемс пишет: "Сознание всегда является для себя чем-то цельным, не раздробленным на части. Такие выражения как "цепь (или ряд) психических явлений", не дают нам представления о сознании, какое мы получаем от него непосредственно: в сознании нет связей, оно течет непрерывно. Всего естественнее к нему применить метафору "река" или "поток" [148, с.130]. "Мне кажется, что анализ цельных, конкретных состояний сознания, сменяющих друг друга, есть единственный, правильный психологический метод, как бы ни было трудно провести его через все частности исследования" [148, с.129].

Характеризуя мышление, Джемс выделяет две разновидности: произвольное мышление, представляющее собой цепь ассоциаций, и мышление в "строгом смысле слова". "Великая разница между простыми умственными процессами, заключающимися в вызывании одного конкретного образа минувшего опыта с помощью другого, и мышлением в строгом смысле слова de facto заключается в следующем: эмпирические умственные процессы только репродуктивны, мышление же продуктивно" [148, с.301]. Джемс, таким образом, настаивает на продуктивном характере подлинного мышления. Характерной особенностью мышления Джемс считает способность ориентироваться в новых данных опыта. По Джемсу, в состав мышления включаются анализ и отвлечение. Продуктивный характер мышления Джемс раскрывает через пронизательность (умение вскрыть в целом факте его существенный атрибут) и запас знаний (умение быстро соотнести атрибут с различными данными). Психологический анализ мышления не сводится к логическому. Мышление, по Джемсу, всегда связано с личными интересами субъекта: именно они задают направление анализа. "Мы мыслим всегда, имея в виду какие-нибудь частные выводы или желая в каком-нибудь отношении удовлетворить свое любопытство. Мыслитель расчленяет конкретный факт и рассматривает его с отвлеченной точки зрения, но

он должен сверх того рассматривать его надлежащим образом, то есть, вскрывая в нем свойство, ведущее прямо к тому выводу, который представляет для него в данную минуту наибольший интерес" [148, с.307]. Специальному исследованию подвергается проницательность ("Как извлекаем мы известные свойства из конкретных данных, и почему во многих случаях они могут быть вскрыты только гением?") и роль ассоциаций по сходству в процессе мышления.

Теория мышления У.Джемса имеет функциональный характер. В отличие от Вундта, Джемс занимается не анализом содержания сознания (что, учитывая текучий характер последнего, по Джемсу, вряд ли возможно). Акцент переносится на умственную активность самого субъекта. Мышление же направлено на решение жизненных задач (многочисленные примеры, которые приводит Джемс, это убедительно подтверждают).

3.3.7. Теория мышления в Вюрцбургской школе

История изучения мышления в Вюрцбургской школе начинается в Лейпциге. Как уже упоминалось в разделе об интроспекции, Освальд Кюльпе, основатель Вюрцбургской школы, в течение двенадцати лет работал у Вундта. Там он подготовил книгу "Очерк психологии", которая была издана в 1893 году [395]. В этой книге Кюльпе поклялся писать только о том, что подтверждено научными фактами, каковы бы ни были пробелы, обусловленные таким решением. Поэтому в его книге не было ни одной страницы, посвященной мышлению [298]. Вундт утверждал, что мышление не может быть исследовано экспериментально. Кюльпе с ним не согласился, и оказавшись в 1894 году профессором в Вюрцбурге, приступил к экспериментальным исследованиям мышления и к созданию школы.

Уже первые исследования дали интересные в психологическом отношении результаты. Обратимся к работе О.Кюльпе, в которой он воссоздает атмосферу в психологии к моменту появления Вюрцбургской школы: "Первоначально экспериментальному направлению приходилось иметь много дела по приведению в порядок громадной области ощущений, представлений и чувств и до

утонченных и незаметных явлений мышления очередь еще не доходила" [143, с.48]. Велик был авторитет Вундта.

В первых исследованиях мышления вюрцбургцы попытались реализовать интроспективную программу применительно к новому объекту – мышлению. Поскольку экспериментальных исследований мышления еще не было, представление о мышлении складывалось под влиянием логики. Одно из первых исследований было посвящено психологии суждения. Самонаблюдение было направлено на поиск элементов мышления. Таким образом, можно констатировать, что первая вюрцбургская программа исследования мышления была очевидно направлена на изучение структуры мышления. Были выявлены ненаглядные компоненты мышления. Отказ от "стандартизованности" самонаблюдения в физиологической психологии за счет процедур физиологического эксперимента "компенсировался" разработкой метода систематической экспериментальной интроспекции.

Обнаруженные А.Майером и И.Ортом в работе, посвященной качественному исследованию ассоциаций, "состояния сознания" Н.Ах называет знанием ("сознанность", "знаемость", "осознание"). "Для обозначения таких ненаглядно данных знаний Ах ввел новый термин "Bewusstheit", который можно перевести как "знаемость" или "осознание"... Иногда эта знаемость сопровождается наглядными представлениями или отрывочной внутренней речью. Ах, однако, отрицает, что ощущения, представления или речь имеют существенное значение для ненаглядных знаний" [16, с.65].

Н.Ах анализирует понимание текстов испытуемыми. Обнаруживается, что текст может быть понят испытуемым, хотя у понимающего возникает при этом немного наглядных представлений. "Эти данные Ах пытается объяснить тем, что словесные раздражения благодаря возбуждению репродуктивных тенденций приводят в состояние готовности определенный круг представлений, которые ассоциативно связаны с действующими раздражениями. Такое состояние переживается как понимание значения или смысла прочитанного" [16, с.65].

Август Мессер в своих исследованиях использовал задания более высокой сложности, нежели Н.Ах. Он обнаружил, что испытуемые часто понимали достаточно сложные фразы без появления в сознании представлений. А.Мессер приходит к выводу,

что может существовать мысль, не нуждающаяся ни в образах, ни в словах. Она занимает промежуточное место между совершенно несознаваемыми и более или менее полными, развернутыми мыслями, осознанными и выраженными в словесной форме [16, с.66]. А.Мессер вводит понятие "мысль" вместо недостаточно определенного и собирательного понятия состояний (положений) сознания. (Впервые, по-видимому, понятие мысль было предложено А.Бине в 1903 в книге "Экспериментальное исследование интеллекта" [349]). Л.И.Анциферова подчеркивает, что, согласно Мессеру, основная характеристика мыслей состоит в их лишенности наглядного содержания.

Исследование мыслей в Вюрцбургской школе было продолжено Карлом Бюлером, который сделал важное разграничение: мысль это знание, лишенное наглядности, состояния сознания - переживания сомнения, неуверенности и т.д. К.Бюлер связывает мышление именно с наличием мыслей, отрицая связь собственно мышления со словами или образами: подлинное мышление "всегда совершается без образов и слов" [16, с.67]. "Насколько я могу судить по собственному самонаблюдению, - пишет Бюлер, - внутренняя речь выступает главным образом тогда, когда человек ставит себе задачу, предлагает вопросы или когда стремится фиксировать или привести в порядок мысли с тем, чтобы выразить их для себя или другого. С этим согласуются и результаты протоколов, которые говорят о внутренней речи в первую очередь тогда, когда испытуемый не подготовлен к задаче в том виде, как она поставлена, когда он должен переформулировать ее для себя или разбить ее на части" (цит. по [16, с.67]). К.Бюлеру также принадлежит классификация мыслей (сознание правил; сознание отношений; интенции) [16].

Л.И.Анциферова, на исследование которой о теории мышления в Вюрцбургской школе я многократно ссылался, резюмирует: "Центральное положение Вюрцбургской школы о том, что абстрактно-логическое мышление качественно отлично от ощущений и восприятий и что у человека существует не наглядное, или безобразное, знание, следует признать правильным. Но в рамках Вюрцбургской школы оно означало метафизический отрыв мышления от его чувственной основы. Однако не менее метафизической была и позиция противников этой школы (Вундта и Титче-

нера), попытавшихся стереть качественное отличие мышления от других форм познавательной деятельности" [16, с.73].

Стоит обратить внимание на тот факт, что некоторые данные, полученные в исследованиях психологов Вюрцбургской школы можно интерпретировать в смысле наличия в мышлении уровней (Мессер об уровнях осознания мыслей, Бюлер о мышлении и речи и др.). Правда, в рамках Вюрцбургской школы идея уровней детального развития не получила. Как мы увидим из дальнейшего рассмотрения взглядов на мышление в Вюрцбургской школе, Ах также имел возможность ввести понятие уровня, но он ее не использовал.

Обнаружение мыслей, не сводимых к наглядному содержанию, имело важные последствия для дальнейших исследований в Вюрцбургской школе. Кюльпе писал: "Я обратил внимание на то именно, что такие объекты внешнего мира, как тела, и такие абстракции, как идеи Платона или монады Лейбница можно мыслить непосредственно, не имея необходимости образовывать о них представления.

Я заключил отсюда, что мышление должно быть не только особым видом деятельности нашей души, но также, что оно находится в совсем иных отношениях к своим объектам, чем, например, ощущения и представления" [143, с.68-69].

Все это привело к изменению "акцента" в исследовании, о котором пишет М.Г.Ярошевский, подчеркивая, что в работах вюрцбуржцев акцент переносился с эффектов поведения испытуемого на производимые им акты. Существенным представляется комментарий М.Г.Ярошевского: "Напомним, что в эру господства интроспекционизма считалось, что сведения об этих действиях можно почерпнуть только из того же источника, что и сведения об их эффектах (структурных компонентах сознания), т.е. из показаний самонаблюдения. Испытуемых просили сделать объектом самонаблюдения не результат, а процесс, описать, какие события происходят в их сознании при решении какой-либо экспериментальной задачи" [340, с.316].

Принципиально важен переход от структурной схемы описания мышления к процессуальной. Схема процесса использовалась в ассоциативной психологии А.Бэна, но поскольку у Бэна не было речи об экспериментальном исследовании мышления, работы

вюрцбургцев можно считать пионерскими. Поэтому можно согласиться с утверждением Л.И. Анциферовой, которая отмечает, что "постановка проблемы механизмов процесса мышления и предложенное вюрцбургцами ее решение имеют особое значение для проблемы мышления в психологии. В этих исследованиях Вюрцбургской школы в первый раз в истории психологии была выделена специфика мышления как процесса решения задачи" [16, с.74]. Таким образом, в работах Вюрцбургской школы было отчетливо показано, что мышление может быть охарактеризовано как структура (и тогда на первый план выходят характеристики состава мышления, в частности, проблема ненаглядного знания, мыслей), акцентирование роли вопроса при исследовании мышления привело к постановке проблемы решения мыслительных задач.

Первым психологом, использовавшим понятие "задача", был Генрих Ватт [419]. Он исследовал, каким образом задача влияет на процесс мышления. Под задачей Ватт понимает превращение инструкций экспериментатора в самоинструкции испытуемого [419]. "Эти самоинструкции или задачи начинают функционировать в мышлении человека, определяя избирательный его характер. Последовательное движение мышления при этом выглядит следующим образом. Слово-раздражитель актуализирует ряд репродуктивных тенденций - нечто вроде операций памяти, имеющих в своей основе механизм ассоциаций. Эти репродуктивные тенденции вызывают появление в сознании человека большого количества слов, понятий и знаний, ассоциативно связанных в результате прошлого опыта со словом-раздражителем. Значительная часть этих актуализированных элементов сознания не имеет никакого отношения к выполнению полученной испытуемым в данной ситуации инструкции. Необходим какой-то дополнительный механизм, избирательно действующий на воспроизведенные ассоциации. Его роль и выполняет "задача", или самоинструкция испытуемого, в результате которой одни инструкции усиливаются, а другие тормозятся" [16, с.74-75]. В начале эксперимента испытуемый повторяет задачу, но потом проговаривание исчезает и задача перестает осознаваться, но продолжает действовать.

Понятие задачи широко использовал Нарцисс Ах [345]. В своем исследовании он специально обращается к изучению про-

цесса мышления. Понятие "задача" Ах конкретизирует, для чего вводит понятия "детерминирующей тенденции" и "представление цели". Согласно Аху, механизмы мышления, в основном, не осознаются. Здесь Н.Ах сталкивается со сложной проблемой. Традиционный метод, который с успехом использовался в Вюрцбургской школе до этого, систематическое экспериментальное самонаблюдение оказывается бессильным: если процесс мышления протекает, в основном, вне сознания, то очевидно, что в ретроспективном отчете интересующих экспериментатора сведений не окажется. В такой ситуации приходится либо отказываться от исследования (если интересующий феномен оказывается недоступным для исследования), либо изобретать новый метод, который бы оказался адекватен задачам исследования. Этот вопрос уже затрагивался, когда обсуждалась проблема методов в Вюрцбургской школе (см. разд. 3.2.2.). Ах выбирает другой путь. Он не отказывается от ретроспективного анализа: в его сочинении масса протоколов исследования мышления с помощью систематического экспериментального самонаблюдения. Но Ах - насколько можно об этом судить - впервые в истории мировой психологии использует прием вспомогательного моделирующего эксперимента. Если процесс мышления не осознается (в самом протоколе самонаблюдений указаний на действие детерминирующих тенденций обнаружить не удастся), то это действие можно обнаружить по результату, полученному во вспомогательном эксперименте. Для этого, напомним, Ах использует постгипнотическое внушение. Эксперименты обнаруживают наличие несознаваемых испытуемым тенденций, которые определяют ход мыслительного процесса. Подчеркну, что основанием для такого вывода является "продукт" процесса: тот или иной выбор испытуемого, соответствующий, либо не соответствующий данному внушению. Здесь важным представляется следующее. Фактически, Ах использует косвенный, опосредствованный способ анализа: используя в качестве исходной схему процесса мышления, Ах "восстанавливает" процесс, скрытый от сознания испытуемого и, следовательно, не получающий отражения в протоколе ретроспективного анализа. Здесь крайне важно то, что схема процесса используется не только для описания, но и для *интерпретации*. Таким образом, становится ясно, что практика "редактирования протоколов" (как это было

в Вюрцбургской школе ранее) здесь помочь уже не может, т.к. реально у Аха используется другой метод. Этот другой метод является ничем иным как эмбриональной формой *теоретического метода*. Становится понятным, что к протоколам экспериментов применяется новый метод, позволяющий построить модель процесса мышления. В этом я вижу объяснение феномена "беспорядков в изложении Аха" [383] (см. подробнее в разд. 3.2.2.). Беспорядки вызваны тем, что в истории изучения мышления впервые появляется теория в полном смысле слова, предполагающая не только *описание явлений*, но и их *психологическое объяснение*. Важно подчеркнуть, что такого рода объяснение отличается от объяснения, скажем, с помощью понятия апперцепции. Если понятие апперцепции (по Вундту) - произвольная гипотетическая конструкция, выведенная, что называется "из самых общих соображений", то аховские "детерминирующие тенденции" - конструкт, выведенный из экспериментальных данных (речь идет о вспомогательных моделирующих экспериментах). Можно сколь угодно долго спорить, в достаточной ли степени был обоснован этот вывод. Но то, что Ахом была совершена революция в психологии мышления, несомненно.

Л.И.Анцыферова совершенно справедливо отмечает, что все свои выводы Ах делает не прибегая к данным интроспективного отчета своих испытуемых [16, с.77]. Действительно, выводы получены путем наложения на эти протоколы схемы процесса: понятие детерминирующей тенденции, которого, естественно, нет ни в протоколах, ни в предшествующих рассуждениях "материализуется" в результате такого наложения.

Вот краткое изложение теоретических представлений Аха о мышлении: "В результате полученной инструкции действовать определенным образом при появлении указанного раздражителя, у человека образуется представление цели. От последнего исходят специфические влияния, называемые детерминирующими тенденциями. Ах точно не раскрывает, какую природу имеют эти тенденции, но некоторые его высказывания дают основания предполагать, что в своей основе они являются репродуктивными. Так, вводя понятие представление цели, Ах говорит о репродуктивных тенденциях, соответствующих значению, которое имеет представление цели. Об их своеобразии можно лишь строить предположе-

ния. Судя по контексту, наиболее вероятной может быть следующая гипотеза. Детерминирующие тенденции проистекают не непосредственно от образа цели, но от значения, которое имеет для испытуемого этот образ... Таким образом, можно предполагать, что детерминирующие влияния идут от значения цели. Они направляются, по словам Аха, на представление того раздражителя, который должен появиться. Этот последний в теории Аха называется соотносящимся представлением. Детерминирующие тенденции, следовательно, приводят в связь два представления - представление цели и образ ожидаемого раздражителя" [16, с.76]. Эту связь Ах называет намерением, которое иногда может осознаваться, но как правило, действуют вне сознания. Детерминирующие тенденции не сознаются вообще.

Теория мышления Н.Аха, безусловно, наиболее разработанная из всех рассмотренных, в наибольшей степени похожая на "настоящую" теорию.

3.3.8. Особенности теорий в психологии в период становления психологии как науки

Выше были кратко рассмотрены некоторые теории мышления, которые были предложены психологами в период становления психологии как науки. Выбор для анализа проблемы мышления был не случаен. Мышление это сложное психическое явление. Объяснение мышления всегда представляло большие трудности, чем элементарных психических явлений. Поэтому, хотя психология уже давно стала экспериментальной, опытной, психология мышления в значительной степени продолжала сохранять "старые" черты, унаследованные ею от философской психологии. Как можно было увидеть, предложенные теории мышления не слишком похожи на то, что ассоциируется с теорией в естественных науках. Психология - наука во многих отношениях необычная, поэтому специфичны и ее теории. Попробуем выявить некоторые причины своеобразия психологических теорий. Представляется, рассмотренный материал дает некоторые основания для размышлений.

В философской психологии логика изложения материала, логика его рассмотрения была логикой системы. Фресс писал, что

анализ психической жизни на этом этапе развития психологии всем еще обязан проницательности философа, склонного к созданию стройных систем [298, с.18]. Как же создавались психологические системы? Естественно, по образцу других наук. За основу бралась классификация (или аристотелевская, или платоновская) психологических феноменов, позволявшая дать основное расчленение. Использовалось то или иное моделирующее представление, позволявшее "конкретизировать" представление о душе. Дальше начинала работать аналогия с той наукой, по образцу которой "строилась" психология. Если воспользоваться выражением Макса Дессуара, осуществлялось "сцепление психологических понятий". Вариантов было не так много (учитывая, что сами науки, выбиравшиеся в качестве образца, были не слишком развиты). Например, И.Гербарт, когда обосновывает психологию, последовательно рассматривает возможные варианты: естественная история, эмпирическая физика, физиология. Гербарт приходит к выводу, что, разрабатывая психологию, обычно "оставляют совершенно скрытой сущность психического механизма" [74, с.103]. Поэтому психология строится Гербартом по образцу механики (нас не будут удивлять разделы его труда: "Основные черты статики духа", "Основные черты механики духа"). Математический аппарат оказывается вспомогательным средством, логику задает дисциплина, берущаяся "за образец". В этом смысле понимание самого Гербарта (напомню, в его представлении психология основывалась на опыте, метафизике и математике) было не вполне точным: к перечню дисциплин следовало добавить механику. В качестве других образцов выступали химия, физика, естественная история. Уже приводились примеры психической химии и психической физики (Д.С.Милль и Д.Милль). Но не будем задерживаться на философской психологии, тем более, что нас интересует психология научная.

Исторически первой концепцией мышления был ассоцианизм. Использовалось исходное расчленение, внутри которого проводилось выделение элементов, которые объявлялись элементарными, далее не делимыми. В качестве образца использовались естественные науки: физика или химия. Ассоциация выступала в качестве закона, объясняющего взаимодействие элементов в рамках сознания. Роль опыта сводилась к тому, что он должен был

подтверждать результаты умственных построений. Характерно, что интроспекция, хотя и объявлялась основным методом, в действительности таковой не была (во всяком случае о том, чтобы использовать ее в качестве эмпирического метода, речь даже не шла). Можно увидеть, что постепенно расширяется сфера анализа, в нее включаются все новые области (у А.Бэна, как мы видели, используются данные из истории науки и техники, из искусства, ситуации из жизни и т.д.). Для ассоцианизма была характерна естественнонаучная ориентация. Поэтому доминирующей ориентацией была структурная: описать элементы, выявить законы. Если для И.Гербарта (1816) "естественная история духа" казалась трудноосуществимой (см. разд. 3.1.3.), то уже в середине XIX в. такие попытки воспринимаются как оправданные. Но начинают использоваться и другие схемы: Г.Спенсер становится пионером в использовании эволюционного подхода в психологии. А.Бэн использует схему процесса.

Выделение психологии в качестве самостоятельной науки существенно меняет картину. Психология (во всяком случае физиологическая психология) претендует на то, чтобы быть эмпирической наукой. Соответственно, теория должна получаться путем логической организации фактов. Однако, физиологическая психология по своему объему существенно меньше, чем вся психология. Физиологическая психология Вундта включает в себя область ощущений и движений. Отметим, что Вундт не вполне последователен: в его физиологической психологии ("Основы физиологической психологии", 1874) находится место для таких параграфов: "Формы суждения", "Логическая деятельность мысли", "Вопрос об отношении интеллектуальных функций к ассоциативным соединениям представлений" и т.д., хотя физиологическая психология мышлением заниматься не должна, поскольку оно изучается психологией народов. Во "Введении в психологию" Вундт рассматривает вопросы мышления (глава IV "Апперцепция"), что дает хорошее представление о том, каким образом порождается теория у Вундта. Оказывается, что в тех разделах, которые не основаны на интроспекции (по Вундту, изучать мышление экспериментально или интроспективно нельзя), картина очень похожа на философскую психологию, предшествующую научной. Похожесть состоит, главным образом, в том, что исследователь придерживается

той же логики системы, что и в философской психологии. Существенное изменение в том, что теперь в качестве образца выступает не конкретная наука, а *схема*. Схема, несомненно, направляет способ понимания материала. Для Вундта это структура: элементы, связи между ними. Вундт видит психологию похожей на химию, но аналогия теперь не может быть полной. Для Вундта описать мышление, значит объяснить его структуру. Факты привлекаются постольку, поскольку могут подтвердить какие-то сформулированные положения. Факты привлекаются из самых разных областей: из произведений искусства, из житейских наблюдений, из области психических нарушений и т.д.

У других авторов можно найти другие схемы. Наиболее распространенной является функциональная схема. При реализации этой схемы мышление рассматривается как функция (Г.Эббингауз, У.Джемс). В психологии мышления, разрабатываемой в Вюрцбургской школе впервые появляется схема процесса решения задачи. В анализе теорий мышления часто использовалось понятие схемы, точнее организующей схемы.

Понятие организующей схемы образовано по аналогии со схемой объяснения. Э.Г.Юдин так характеризует схемы объяснения: "Изменение типа внутринаучной рефлексии имеет в качестве одного из своих последствий и изменение *схем объяснения*, на которые ориентируется научное познание. Под схемой объяснения в данном случае понимается способ организации концептуального аппарата, задающий общую стратегию исследования" [329, с.26]. Введенное Э.Г.Юдиным понятие представляется чрезвычайно важным. Только стоит подчеркнуть, что действие схем начинается не с объяснения (что, несомненно, также имеет большое значение), но значительно раньше, т.к. действие схем организует *все* исследование и определяет его стратегию. Поэтому принимая определение, данное Э.Г.Юдиным, будем рассматривать его более широко, распространяя не только на объяснение, но и на получение фактов, т.е. и на эмпирическое исследование. Будем использовать понятие организационная схема. О сходстве и различии организационных схем и схем объяснения в собственном смысле см. в главе 4. Действительно, часто объяснительная и организационная схемы настолько похожи, что в сознании исследователя представляются чем-то единым. Но для темы нашего анализа важно их

различать, поскольку возможны ситуации, когда они не совпадают. Возможно, именно такие ситуации позволяют понять, каково происхождение теоретического метода в психологии. Об этом разговор еще впереди. Отмечу, что организационная схема лучше всего определяется *базовой категорией* (см. разд. 4.2.).

Итак, можно говорить о наличии следующих организационных схем в психологических теориях второй половины XIX столетия: структурной, функциональной, процессуальной. Последняя в психологии мышления появляется хронологически последней (в работах Н.Аха) и требует, как можно было увидеть, радикальных изменений самой теории.

Для анализа теорий чрезвычайно важным является понятие, введенное Н.Г.Алексеевым и Э.Г.Юдиным. Речь идет о моделирующем представлении. Согласно Н.Г.Алексееву и Э.Г.Юдину, моделирующие представления "обеспечивают целостность последовательности процедур и могут содержать некоторые обоснования на этот счет. Подобные схемы, как правило, замыкаются на некоторый образ материальных предметов и связей между ними, задают объект исследования" [329, с.324]. Подробнее о моделирующих представлениях будет говориться в следующей главе, здесь лишь хочется обратить внимание на то, что роль моделирующих представлений в понимании теории чрезвычайно велика. Если сильно упростить, можно сказать, что моделирующие представления - это та модель изучаемого явления, которую принимает исследователь и на которой верифицируются (получают подтверждения) сведения об изучаемом объекте. Моделирующие представления о мышлении могут быть весьма различны: состояния сознания (последовательная смена образов и представлений), направленное течение мыслей, рассуждение, решение задачи и т.д. Важность этого элемента переоценить нельзя: от него зависит как конкретная ситуация, в которой будет происходить исследование, так многие важные детали (например, выбор стимульного материала). Замечу, что в случае решения задач необходима конкретизация: прохождение лабиринта, решение механической головоломки и логической задачи на сообразительность - разные моделирующие представления. В рассмотренных теориях мышления можно обнаружить различные моделирующие представления. Можно говорить об эволюции моделирующих представлений.

Направление эволюции - все большая специализация. В эмпирической психологии в качестве моделирующего представления выступала совокупность представлений: "полипняк образов", по выражению И.Тэна. Моделирующее представление - ассоциативный процесс в уме, взаимосвязь образов, когда наличие одного вызывает другой и т.д. Первая модель - течение представлений. Второй тип - сознательные представления, объединенные в некое целое. Осмысленное целое. Теория мышления В.Вундта может быть хорошей иллюстрацией этого типа моделирующих представлений. Важно отметить, что этот тип моделирующих представлений противопоставляется предыдущему - ассоциативному. Вундт специально подчеркивает, что в случае сознательного мышления ассоциации тоже присутствуют, но "эти звенья подобраны таким образом, что сочетаются в цельную картину, и впечатление ее сразу ставит нас в то положение и приводит в то настроение, которое хотел пробудить в читателе поэт. В этой картине нет ни одной лишней из главных составных частей, каждая из них сочетается с целым, так что одно общее представление соединяет друг с другом все эти ассоциированные члены" [55, с.101]. Нельзя не отметить, что моделирующее представление удивительно точно соответствует структурной организационной схеме. Третий вид моделирующих представлений - направленное течение мыслей, рассуждение, направленное на какую-то цель. Такие моделирующие представления соответствуют функциональному пониманию мышления и функциональной организационной схеме. В теориях мышления Г.Эббингауза и У.Джемса можно видеть примеры такой ориентации. Наконец, четвертым видом моделирующих представлений является процесс решение задачи. Этот тип моделирующих представлений можно обнаружить у психологов из Вюрцбургской школы. Очевидно, что эти моделирующие представления соответствуют организационной схеме процесса.

Таким образом, теории мышления, разработанные психологами в конце девятнадцатого - начале двадцатого столетий, различаются и организационными схемами, лежащими в основе развиваемого подхода, и определяющими общую ориентацию исследования, и моделирующими представлениями, конкретизирующими представления об изучаемом явлении.

Среди рассмотренных теорий одна - разработанная вюрцбургским психологом Нарциссом Ахом - занимает совершенно особое место. На мой взгляд, она в известном смысле представляет собой "переломный момент" в психологических исследованиях мышления.

Остановимся на ней чуть подробнее. Если в предшествующих концепциях теория представляла собой, по сути, описание мышления с использованием определенной схемы, то в Вюрцбургской школе ситуация существенно меняется. В Вюрцбургской школе впервые применительно к мышлению можно говорить об эмпирической основе теории, полученной с помощью метода экспериментального самонаблюдения. (Вероятно, можно было бы говорить об эмпирической основе и в концепции Э.Титченера, если бы она не имела откровенно негативный характер - подробнее см. разд. 3.3.5.).

Напомню, что Н.Ах исследует процесс мышления. Для того, чтобы исследовать процесс мышления, Ах пытается использовать организационную схему, использовавшуюся ранее в Вюрцбургской школе. На предыдущих этапах в Вюрцбурге исследовался состав мышления, изучалось наличие в мышлении несенсорных компонентов (см. разд. 3.3.7.). Если для структурного исследования мышления возможностей экспериментального самонаблюдения было достаточно (хотя отмечалось, что "мысли" трудно фиксировать с помощью самонаблюдения, поэтому они определялись негативно, как лишённые сенсорного содержания). Кстати, это обстоятельство позволило Э.Титченеру утверждать, что в экспериментах по обнаружению несенсорных компонентов, сложный анализ не доведен до конца, поэтому и не удалось обнаружить сенсорную основу. Н.Ах пытается трансформировать методологию, приспособив ее к анализу процесса. Для этого выдвигается требование фиксировать как можно точнее и полнее весь процесс, включая предварительный этап. Однако ужесточение требований к самонаблюдению не дает результата: характеристики процесса мышления самонаблюдением в нужной степени не фиксируются, поскольку не осознаются испытуемым.

В предшествующих концепциях допускалось введение вспомогательных гипотез *ad hoc*. Напомню, что Вундт допускал использование гипотез, утверждая, что науки без гипотез не бывает

[431]. Ничего удивительного в этом не было, гипотез было достаточно, и были они, естественно, произвольными, предназначенными для объяснения тех или иных феноменов. В концепции Н.Аха можно увидеть элементы нового подхода, существенно отличного от предшествующих моделей. По моему мнению, у Аха можно увидеть в несовершенной, неразвитой форме зародыш нового понимания теории. Совершенно очевидно, что из протоколов опытов по традиционной схеме с использованием систематического экспериментального самонаблюдения извлечь процессуальные характеристики мышления, которые и интересовали Аха в первую очередь, не представлялось возможным. Более того, Аху совершенно ясно, что интересующие его процессуальные характеристики вообще испытуемым не осознаются. На мой взгляд, чрезвычайно важно, что Ах предпринимает неординарный шаг. Наверное, он мог бы ввести произвольную гипотезу о наличии неких тенденций, которые не осознаются испытуемым. Ах поступает по-иному: он проводит эксперимент, который можно считать моделирующим. Его, повторю еще раз интересуют характеристики мышления, которые не осознаются испытуемым. Поэтому он проводит эксперимент с использованием гипноза, в котором испытуемый получает гипнотическое внушение (которое, как известно, человеком не осознается). Как видно из результатов эксперимента, испытуемый ведет себя совершенно определенным образом: поведение его избирательно, направленно - он ведет себя *так же, как человек решающий задачу*, т.е. выбирая нужные возможности, но не осознавая причин такого поведения. (Испытуемый и в одном и в другом случае утверждает, что чувствует настоятельную потребность выбрать именно это, а не что-то другое). Из этого результата Ах делает вывод, что в случае обычного решения задачи также действуют неосознаваемые испытуемым детерминирующие тенденции (действующие аналогично гипнотическому внушению). Разница в том, что детерминирующие тенденции возникают естественно, без специального внушения.

Исследовательские процедуры, предпринятые Ахом, можно рассматривать следующим образом. Моделирующий эксперимент позволил утверждать принципиальное сходство детерминирующих тенденций и постгипнотических внушений. Таким образом, Ах формулирует теорию детерминирующих тенденций - процес-

суальных характеристик мышления. Детерминирующая тенденция - характеристика мышления как процесса является не произвольной гипотезой, а выведена из экспериментальных данных на основе принципиального сходства действия детерминирующих тенденций и постгипнотического внушения. Есть основания рассматривать теорию детерминирующих тенденций как полученную с помощью определенных процедур (основанную на эмпирической основе). Естественно, можно дискутировать, являлась ли эта эмпирическая основа достаточной и адекватной, корректно ли сделаны выводы и т.д. Важно другое - теоретическая работа Н.Аха показывает важные тенденции, происходящие в психологии (поэтому ее можно рассматривать как зародыш грядущих перемен). Хочу специально обратить внимание на следующий шаг Н.Аха. Полученная теория детерминирующих тенденций становится *инструментом* в анализе экспериментальных данных, полученных с помощью систематического самонаблюдения. Теория детерминирующих тенденций становится интерпретатором протоколов. Иными словами, теория становится в полном смысле *объяснительной схемой*. Ах несомненно был пионером такого подхода. Поэтому, как совершенно справедливо отмечают Г.Хамфри [383], Л.И.Анцыферова [16] и др., работы Аха производят странное впечатление на современного читателя. В протоколах экспериментов данные самонаблюдений не содержат никаких указаний на детерминирующие тенденции, а выводы, делаемые Ахом, утверждают несомненное существование детерминирующих тенденций. Л.И.Анцыферова совершенно точно указывает, что реальный метод работы Аха остался за пределами работы. Метод был непригоден для психологии.

Н.Ах уклонился от подробного методологического разъяснения, что и послужило источником недоразумений.

Важно, что у Аха впервые (из всех теорий мышления, рассмотренных в кратком обзоре) можно увидеть работу *теоретического психологического метода*. Для нашего анализа это имеет не только самоценное значение. Здесь можно усмотреть потенциальную *возможность* выявления взаимосвязи между эмпирическими и теоретическими методами. У Аха работа теоретического метода наблюдается в форме интерпретации, которую получают результаты других экспериментов с помощью теории. Это "наложение"

объяснительной схемы на протоколы экспериментов и полученная таким образом интерпретация могут рассматриваться как зачаточная форма использования теоретического метода в психологии.

Поскольку существует очевидная общность организационной и объяснительной схем, возникает потенциальная возможность установления преемственности между эмпирическим методом и методом теоретическим. Различие между ними, очевидно, в том, что эмпирический метод (будучи определяем организационной схемой, и, в конечном счете, базовой категорией) направлен на получение эмпирического материала, соответствующего схеме; теоретический же метод (в зачаточной форме) направлен на интерпретацию данных (с позиций объясняющей схемы), полученных независимо от него. Таким образом, функция научного теоретического метода, который только появляется в психологии, состоит на этом этапе в интерпретации данных. Представляется важным, что организующая и объясняющая схемы могут соответствовать или не соответствовать друг другу.

Конечно, теории, сформулированные в анализируемый период были весьма несовершенны. Простые схемы оказались бессильны охватить человеческое мышление. Справедливости ради следует отметить, что проникательные психологи высказывали догадки о сложном устройстве мышления: Джемс, напомним, говорил о переходных состояниях в сознании [87], Кюльпе в своих последних работах утверждал, что в сознании существуют как функции, так и содержания [113]. Но в целом теории в этот период рассматривали мышление человека под углом зрения какой-либо схемы. Время синтеза схем еще не наступило.

3.4. О соотношении теории и метода в психологии (период становления психологии как самостоятельной науки)

В период становления психологии как самостоятельной науки специальных исследований по этому вопросу, естественно, не проводилось. Психологи, которые составляли обобщения, писали учебники, высказывались по поводу отношения теории и метода. Высказывания такого рода оказывались неизбежны, когда анали-

зировалось настоящее положение и ближайшие перспективы психологии.

Из многих высказываний (которые, в сущности, очень сходны) выделим те, которые принадлежат выдающимся психологам. Рассмотрим три взгляда на эту проблему: В.Вундта, Э.Титченера и У.Джемса.

3.4.1. В.Вундт

Анализируя становление психологии как самостоятельной науки, мы уже касались вопроса о представлениях Вундта о соотношении теории и метода в психологии (см. разд. 3.1.7.). Вундт рассматривает физиологическую психологию как чисто эмпирическую науку.

Однако, на этом основании недальновидно было бы делать вывод о том, что Вундт был сторонником "чистой" эмпирической психологии. Анализируя отношения психологии и философии, Вундт утверждает, что психология должна остаться философской дисциплиной. "Чистая" экспериментальная психология легко вырождается в "ремесленничество", при котором (напомню, что психология преподавалась в университетах с философских кафедр) высказывание известного историка философии, цитируемое Вундтом, становится похожим на правду: "... для получения философской кафедры в настоящее время покуда достаточно, если кто умеет методически надавливать на электрические кнопки и затем, расположив результаты своих опытов в таблицах, числами доказывать, что один человек соображает несколько медленнее, чем другой" [57, с.97-98]. Вундт считает полезным выделение психологии в самостоятельную науку ("... мой план принесет не менее пользы, чем выделение психологии из философии и возвышение ее в ранг самостоятельной науки" [57, с.129]), но разрыв с философией считает крайне вредным: "... более общие и наиболее важные для психологического образования вопросы столь тесно связаны с определенной, теоретико-познавательной и метафизической точкой зрения, что непонятно, как они когда-либо исчезнут из психологии. Именно этот факт ясно доказывает, что психология относится к философским дисциплинам, и что таковой она останется и после превращения в самостоятельную науку, так как, в конце концов, в основе такой самостоятельной науки могут лежать

только метафизические воззрения скрытые и - если отделившиеся от философии психологи не будут обладать более или менее основательным философским образованием - незрелые. Поэтому никому это отделение не принесет больше вреда, чем психологам, а через них и психологии" [57, с.117]. Напомню, что эти строки написаны в 1913 году, когда психология окончательно "завоевала" место под солнцем среди других наук.

Таким образом, точку зрения позднего Вундта можно сформулировать следующим образом: необходимо содружество философии и психологии. Психология как чисто эмпирическая наука невозможна. Существуют некоторые теоретические основания, которые предшествуют эмпирическому исследованию. К ним, согласно Вундту, относится понимание психического (метафизические воззрения).

3.4.2. Э.Титченер

Напомню, что по Титченеру, психология изучает зависимый опыт методом самонаблюдения. Для того, чтобы создать оптимальные условия для самонаблюдения, используется эксперимент [414,416,417]. Современная психология - это психология экспериментальная. Представления Титченера о задачах науки (что? как? почему?) уже приводились (разд.3.2.3). Вначале проводится исследование, затем происходит объяснение, которое и является теорией.

Эдуард Титченер рассматривает вопрос о том, какую роль экспериментальный метод имеет для составления учебников по психологии. Титченер делит подходы на три группы. К первой можно отнести систематические психологические сочинения, в которых экспериментальные данные играют роль "только иллюстрации общих психологических принципов" [281, с.227]. Другая крайность состоит в том, что авторы "рассматривают различные отдельные области психологического исследования и этим удовлетворяются" [281, с.227]. Между этими крайностями находятся книги, в которых настаивают на необходимости экспериментального контроля самонаблюдения, но которые "стремятся, далее, систематизировать экспериментальные данные и лабораторную

психологию поставить в связь с доэкспериментальной и неэкспериментальной психологией" [281, с.227].

Каждый подход имеет свои плюсы и минусы. Титченер выбирает последний: "Психолог, который занимает среднее положение, имеет преимущество и точек зрения и фактов. Трудность его положения заключается в соединении экспериментальных результатов - результатов всех степеней достоверности, которых можно достигнуть при весьма различных точках зрения, и которые часто бывают неполными - с признанными им психологическими принципами, согласовать их с тем, что в традиционной и умозрительной психологии, по его мнению, является несомненным, и опасность, которой он подвергается, - это опасность преждевременной систематизации" [281, с.228]. Такое положение, по Титченеру, несомненно временное. "Не может быть сомнения в том, что психология будущего - это экспериментальная психология" [281, с.228]. Титченер выражает оптимистическую позицию: "После того, как экспериментальный метод проложил себе путь во всех областях природы и жизни, он победоносно вступает в высшие области духа, в область самой мысли. Не требуется никакого дара прорицания, чтобы предсказать, что первая половина настоящего столетия будет обозначать эпоху в истории научной психологии" [281, с.229].

3.4.3. У.Джемс

Уильям Джемс, как уже отмечалось, был сторонником психологии сознания. Подход к изучению сознания определялся тем, что, по Джемсу, психические явления нельзя изучать независимо от физических условий познаваемого мира. Джемс писал: "Великая ошибка старинной рациональной психологии заключалась в том, что душа представлялась абсолютно духовным существом, одаренным некоторыми исключительно ему принадлежащими духовными способностями, с помощью которых объяснялись различные процессы припоминания, суждения, воображения, хотения и т.д. почти без всякого отношения к тому миру, в котором эти способности проявляют свою деятельность. Но более сведущая в этом вопросе современная наука рассматривает наши способности как бы заранее приуроченными к свойствам того мира, в кото-

ром мы живем; я хочу сказать так приноровленными, чтобы обеспечить нам безопасность и счастье в окружающей обстановке" [87, с.19]. Функционалистическая установка Джемса связана с признанием того, что различные виды чувств и способы мышления достигли теперешнего состояния благодаря своей полезности для регулирования наших воздействий на внешний мир [87, с.20].

Итак, психология для Джемса наука о сознании, основным методом которой является наблюдение за состояниями своего сознания. "В психологии, поскольку мы будем разрабатывать ее как естественную науку (а такой точки зрения мы придерживались во всем предшествующем изложении), - пишет Джемс в эпилоге к "Психологии", - состояния сознания принимаются за непосредственные данные опыта..." [87, с.357]. Но Джемс настаивает на том, что психология не должна порывать с философией: "В одном только нельзя сомневаться: именно в том, что, слившись с философией в ее целом, психологические формулы получают совершенно иное значение сравнительно с тем, какое они имели так долго, изучаясь с точки зрения абстрактной и страдающей неполнотой естественной науки, как бы ни было необходимым и неизбежным изучение психических явлений с такой временно-условной точки зрения" [87, с.23]. В другом месте Джемс возвращается к этому вопросу и с присущим ему блеском пишет: "Итак, толкуя все время о психологии как естественной науке, мы не должны думать, что речь идет о науке, установленной на прочном, незыблемом основании. Наоборот, называя психологию естественной наукой, мы хотим сказать, что она в настоящее время представляет простую совокупность отрывочных эмпирических данных; что в ее пределы отовсюду неудержимо вторгается философский критицизм и что коренные основы этой психологии, ее первичные данные должны быть обследованы с более широкой точки зрения и представлены в совершенно новом свете. Короче говоря, название естественной науки указывает на то, что психология обладает всеми несовершенствами чисто эмпирической науки, и не должно вызывать в психологах наивной уверенности в цветущем состоянии изучаемой ими научной области" [87, с.363].

Таким образом, Уильям Джемс настаивал на том, что психология как чисто эмпирическая дисциплина существовать не может, для ее нормального развития необходимо взаимодействие с фило-

софией (метафизикой, как ее называет Джемс; мы бы сказали: философской психологией).

3.4.4. Некоторые итоги

Постараемся проанализировать представления психологов о соотношении теории и метода. Обратим внимание на тот факт, что все научные психологи подчеркивали опытный характер психологии как науки и психологического знания, в частности. Напомним, что девятнадцатый век - век позитивизма. Психологии хотелось стать наукой, она ею стала. Психология выделилась из философии, получила статус самостоятельной науки, которая использует специальные методы для получения фактов. Основные методы известны: самонаблюдение, наблюдение, эксперимент. Теория представляет собой результат обработки фактов, точнее их упорядочивание. Никаких психологических теоретических методов не существует. Схематически это можно зафиксировать так:

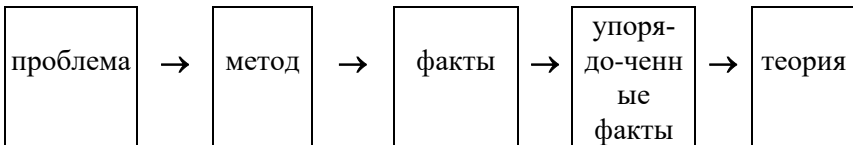

Рис.2. Схема соотношения теории и метода в психологии (период становления психологии как науки)

Таким образом, представляется, что все действительно обстоит просто, в соответствии с вышеприведенной схемой. Самосознание исследователей зафиксировало существующие отношения: психология чисто эмпирическая наука. Если в каких-то частях науки белые пятна, то их происхождение объясняется тем, что исследования начались относительно недавно и еще не добрались в высшие области духа, но это дело времени.

Но есть факты, которые заставляют задуматься. А вслед за этим признать, что схема, изображенная на *рис.2* не может объяснить многого. В частности, не понятно, каким образом выбирается метод, от чего это зависит. Напомним, мы обращали внимание на то, что существуют многочисленные разновидности, модификации

методов. Не ясно, почему в конкретном исследовании используется именно та или иная модификация.

Отмечу также, что многие психологи, обсуждая возможности интроспекции, признавали, что наблюдающий за собой склонен замечать то, что соответствует его теоретическим взглядам. Таким образом, мы находим, что сами исследователи периода становления психологии как самостоятельной науки признают факты теоретической "нагруженности" методов. Приведем свидетельство Эббингауза: "Уже при более или менее трудных естественно-научных исследованиях - даже наиболее добросовестному исследователю - часто, как известно, случается найти подтвержденным именно то, что он ожидал. В случае же психологических исследований опасность эта столь велика, что почти можно считать за правило не доверять всем экспериментам, произведенным над самим собой для подтверждения какой-нибудь собственной теории" [324, с.89].

И еще один момент, удивительный, если задуматься. Для этого стоит вспомнить, что психология выделилась из философии. Для этого необходимо было явно отличаться от философии. Поэтому в первое время на передний план вышли отличия психологии от философии (точнее, от философской психологии). Но прошло время (очень небольшое) и оказалось, что научной психологии без философии (точнее, философской психологии) обойтись не просто. Как мы видели, Титченер признавал полезность положений умозрительной психологии. Джемс, рассуждая о будущем психологии, мечтал о появлении Галилея от психологии: "Когда в психологии явится свой Галилей или Лавуазье, то это, наверное, будет величайший гений; можно надеяться, что настанет время, когда такой гений явится и в психологии, если только на основании прошлого науки можно делать догадки о ее будущем. Такой гений по необходимости будет "метафизиком" [87, с.408].

Вундт, который выделил психологию в самостоятельную науку, ратовал за соединение с философией. Поскольку последнее утверждение может показаться неожиданным, остановимся на нем несколько подробнее. Итак, Вундт, который обосновал существование психологии как самостоятельной научной дисциплины, все же не был противником философии, как представляется некоторым сторонникам экспериментальной психологии. В 1913 году

В.Вундт пишет статью под названием "Психология в борьбе за существование" [57], задачей которой является демонстрация того, что разрыв между психологией и философией будет иметь отрицательные последствия для обеих: "философия больше потеряет, чем выиграет, а психологии будет нанесен очень сильный удар"[57, с.93]. Дело обстоит так, что, по Вундту, "борьба вокруг вопроса, есть ли психология философская наука или нет, является для нее борьбой за самое ее существование" [57, с.93]. "Если более элементарные области психологии называть "экспериментальной психологией" и усматривать в ней важный отличительный признак от более старой психологии, которая не пользовалась этим вспомогательным средством, то это, конечно, вполне правильно. Но если всю психологию называть экспериментальной, то это столь же несомненно неверно, потому что есть области, по природе своей недоступные эксперименту" [57, с.123].

Фактически, в данном тексте Вундта речь шла не об отношении к философии как таковой, но о взаимоотношениях между двумя психологиями: научной, экспериментальной и философской. Оказалось, что, согласно Вундту, для научной психологии философская жизненно необходима. В чем же подлинная причина такого нежелания выдающихся психологов сделать психологию чисто экспериментальной, отделившейся от философской психологии? На мой взгляд, причина в том, что они хорошо понимали, что психология не может быть ни чисто экспериментальной, ни независимой от философской психологии. Дело в том, что определение предмета науки, например, результат "доопытной" "деятельности" философской психологии: чисто опытным путем решить эту задачу невозможно. Выбор методов также зависит от некоторых представлений, которые оказываются вынесенными за скобки при подобном упрощенном взгляде. Упорядочивание фактов представляется вовсе не элементарной логической процедурой, а требует осмысления. В результате схема, представленная на *рис.2*, преобразуется в схему, изображенную на *рис.3*.

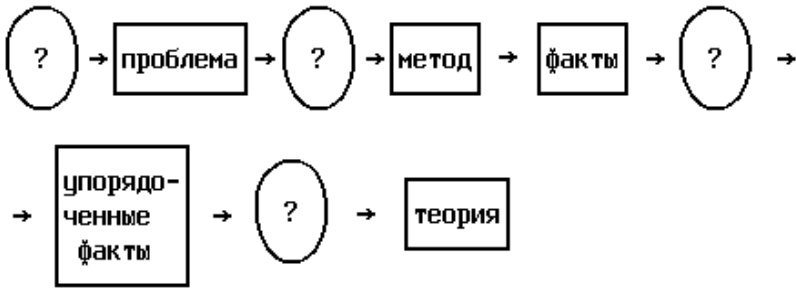

Рис. 3 Схема соотношения теории и метода в психологии в период становления психологии как самостоятельной науки (реконструкция, значком ? обозначены моменты, требующие "философско-психологической работы")

Таким образом, можно констатировать, что проблема соотношения теории и метода не получила адекватного отражения в работах психологов периода становления психологии как самостоятельной науки. Поэтому для того, чтобы представить реальное отношение между теорией и методом в психологии в указанный исторический период, необходима специальная методологическая реконструкция тех элементов, которые обозначены на *рис.3* значком "?". Иными словами, необходима *новая модель*, которая позволила бы представить это соотношение. В следующей главе будет предпринята попытка построения такого рода модели.

И еще один вывод можно сделать из проведенного нами исследования. Констатируем, что психология так и не стала к началу XX века полностью эмпирической наукой. Поскольку сам "создатель" научной психологии В.Вундт никогда не утверждал, что это возможно в полной мере, т.е. *для всей психологии*, то можно обоснованно предположить, что акцентирование "экспериментального" характера части психологии способствовало решению главной на тот момент задачи: заявить психологию как дисциплину, отличную от философии (ведь "...в философии нет места экспериментам" [57, с.101]). На самом деле полной перестройки психологии не произошло: мы видели, что теории мышления (за исключением Вюрцбургской школы) строились так же, как и в философской

психологии. Иными словами, отделение от философской психологии (метафизической) было в значительной степени демонстративным. Жизнь подтвердила правоту такого взгляда: и Джемс, и Титченер, и Вундт настаивали на том, что психология принадлежит к философским наукам. Различие касалось лишь перспектив: оптимист Титченер был убежден, что этот союз временный, связанный с недостаточным развитием психологии, Джемс и Вундт полагали, что союз с философией необходим в принципе.

Глава четвертая ТЕОРИЯ И МЕТОД В ПСИХОЛОГИИ: ПОПЫТКА ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

"... подобно тому, как пастух с козленком подмышкой всматривается в колодец, ища козленка"

Индусская книга смерти ("Гаруда-Пурана
Сародхара")

Проведенное историко-методологическое исследование, некоторые результаты которого были изложены в предыдущей главе, дает основания для представления отношения между теорией и методом психологии в период ее становления и первоначального развития в виде модели. Главным вопросом, на который при этом хочется получить ответ, по-видимому, является следующий: если между теорией и методом действительно существуют столь тесные отношения, что имеет смысл говорить об *единстве теории и метода*, то важно выяснить, каким образом и за счет чего такое единство достигается. Рассмотренная в предыдущей главе история выделения психологии в самостоятельную научную дисциплину, варианты методов интроспекции и эксперимента, использовавшиеся в психологии второй половины девятнадцатого столетия, анализ теорий мышления, разработанных в психологии, позволяют выделить основные элементы, которые, как можно полагать, имеют отношение к интересующему нас вопросу. Рассмотрим элементы, претендующие на "представительство" в модели, отражающей соотношение теории и метода в психологии (период формирования психологии как самостоятельной науки).

Историко-методологическое исследование использования методов в психологии XIX века показало, что даже чисто эмпирические методы имеют выраженную обусловленность со стороны теоретических представлений. Было проанализировано использование метода научной интроспекции в психологии второй половины XIX - начала XX вв. Давно было известно, что существуют различные разновидности и модификации данного метода. Было показано, что структура метода интроспекции как эмпирического

метода определяется исходными представлениями исследователя об изучаемом явлении. Аналогичное отношение было выявлено при историко-методологическом исследовании, в котором изучалось использование метода эксперимента в психологии.

4.1. Основные элементы модели

Основным результатом проведенного исследования можно считать подтверждение известного положения, высказывавшегося в методологии психологической науки, согласно которому существует единство теории и метода. В нашей работе рассматривалась научная психология во второй половине девятнадцатого столетия, т.е. наука, делающая "первые шаги".

Предметом анализа были методы, которые использовались в психологии. Из всего многообразия методов психологии были выбраны два: самонаблюдение (интроспекция) и эксперимент.

Обнаружилось, что и интроспекция, и эксперимент использовались в психологии в различных модификациях, разновидностях. Например, метод интроспекции использовался такими психологами как В.Вундт, Ф.Брентано, Э.Титченер, Н.Ах и др. в столь различных формах, к нему предъявлялись столь разные требования, что иногда казалось, будто речь идет о разных методах.

Действительно, в методах, используемых психологией, сочетаются инвариатность и вариативность. Дать объяснение этому феномену позволило представление об *уровневом* строении метода.

Специфической особенностью научной психологии в анализируемый период было то, что она еще только формировалась. Поэтому концепции, разрабатываемые психологами (а рассматривались работы крупнейших психологов) носили конституирующий (закладавающий основы) характер.

Целесообразно различать *теорию* как результат научного исследования и *предтеорию* как комплекс исходных представлений, предшествующих эмпирическому изучению и направляющих исследование. Предтеория также должна быть включена в модель. В предтеории может быть выделено несколько компонентов, составляющих ее структуру. Могут быть выделены следующие компоненты: *идея метода, базовая категория, моделирующее*

представление, организующая схема. Кроме того, в модели предусмотрены такие элементы как *проблема* и *опредмеченная проблема*.

4.2. Проблема, предмет исследования, опредмеченная проблема

Любое исследование начинается с *проблемы*. Проблема предполагает выделение *предмета исследования*. В психологии предмет исследования тесно связан с трактовкой *предмета психологии* в целом. Поэтому в психологическом исследовании реально имеют дело с *опредмеченной проблемой*. Не будем здесь останавливаться на этом сложном вопросе.

В психологии возможно несовпадение *декларируемого* предмета и *реального* предмета. Скажем, объявляется, что предмет психологии - душа (или психика). Отметим, что *реальный предмет* в этом случае может заключаться в исследовании феноменов самосознания или характеристик поведения.

Так или иначе, но исследователь реально имеет дело с опредмеченной проблемой (где в неявном виде зафиксирована трактовка предмета психологии).

4.3. Предтеория

Проблема, которая будет исследоваться, должна быть конкретизирована. Одно "направление" конкретизации было указано в предыдущем разделе: в проблеме необходимо увидеть психологический феномен, она должна "опредметиться". Другая важная конкретизация проблемы происходит тогда, опредмеченная проблема соотносится с *моделирующими представлениями*. Это совершенно необходимый этап. Мышление как таковое представляет собой абстракцию, которую невозможно изучать, для этого оно должно во что-то воплотиться. Это "что-то" и есть моделирующие представления: решение задачи, соотношение понятий, понимание выражений, прохождение лабиринта и т.д. Примеры моделирующих представлений, использовавшихся в психологии мышления приводились в разд. 3.3.8.

Понятие моделирующие представления, введенное Н.Г.Алексеевым и Э.Г.Юдиным [7, 329], представляется полезным для нашего анализа. Н.Г.Алексеев и Э.Г.Юдин справедливо указывают, что любое исследование может быть описано через совокупность процедур [7, с.164]. Но смысл исследования к совокупности процедур сведен быть не может: важно понять, почему применяются те или иные процедуры, каким образом их последовательность организуется в целостность и т.д. Н.Г.Алексеев и Э.Г.Юдин подчеркивают, что эти моменты могут не фиксироваться в описании, но их наличие обязательно, т.к. без них последовательность процедур остается неорганизованной: "они необходимы как потребителю, так и его создателю: первому для понимания научного продукта, второму - для его построения" [7, с.164]. Авторы статьи полагают, что моделирующие представления всегда являются искусственной конструкцией, привлекаемой для объяснения. Н.Г.Алексеев и Э.Г.Юдин поясняют вводимое ими понятие следующим образом: "Так, в случае с научением крыс одним из таких представлений, организующим последовательность применяемых процедур, может служить, в частности, представление о прохождении лабиринта. Это представление обеспечит целостность последовательности процедур и может содержать некоторые обоснования на этот счет. Подобные схемы, как правило, замыкаются на образ материальных предметов и связей между ними, мы и обозначаем как моделирующие представления" [7, с.164].

Опредмеченность проблемы (напомню, латентное присутствие трактовки предмета психологии) "подсказывает" *идею метода*. Если исследователь исходит из того, что реальный предмет - непосредственный опыт, он, несомненно, будет стремиться использовать метод самонаблюдения в той или иной форме. Если же, подобно Н.Н.Ланге, исследователь полагает, что "как известно, прямо определять (инструментально) продолжительность психических процессов мы не можем. Все, что мы в состоянии, это - определять продолжительность между появлением какого-нибудь внешнего раздражения и каким-нибудь нашим сигнальным движением, которое обозначает, что это раздражение нами создано" [149, с.3], это будет означать выбор объективных методов. Обращаю внимание на то, что здесь речь идет только об идее метода.

Дальнейшее уточнение связано с выбором *базовой категории*. Базовая категория - понятие, которое в конечном счете определяет общую ориентацию исследования. В качестве базовых категорий, как показали исследования, выступают понятия *структура, функция акт, процесс*. Базовая категория определяет тип организующей схемы. Организующая схема - способ организации исследования, которое может быть направлено на раскрытие структуры, функции изучаемого явления или на выявление его процессуальных характеристик. (Отмечу, что в психологических концепциях более позднего периода использовались генетическая, уровневая и т.д. организационные схемы, а также различные комплексные варианты: структурно-функциональный, функционально-структурный, функционально-генетический, структурно-уровневый и т.д.). Понятие организующая схема образовано по аналогии с объяснительной схемой, описанной Э.Г.Юдиным [329]. Э.Г.Юдин пишет: "Под схемой объяснения... понимается способ организации концептуального аппарата, задающий общую стратегию исследования" [329, с.26]. Введенное Э.Г.Юдиным понятие представляется чрезвычайно важным. Полагаю, что имеет смысл говорить о схемах в более широком контексте: действие схем начинается не с объяснения (что, несомненно, также имеет большое значение), но значительно раньше, т.к. действие схем организует *все* исследование и определяет его стратегию. Поэтому принимая определение, данное Э.Г.Юдиным, будем рассматривать его более широко, распространяя не только на объяснение, но и на получение фактов, т.е. на эмпирическое исследование.

Таким образом, в структуру предтеории как исходных представлений исследователя, конкретизирующих понимание проблемы, входят моделирующие представления, идея метода и базовая категория, определяющая ориентацию исследования, что находит выражение в понятии организационная схема.

4.4. Уровневая структура метода

Метод, как можно было видеть, в некоторых отношениях выступает как зависимый от предтеории. В структуре предтеории представлена идея метода, которая в свою очередь определяется

пониманием предмета науки. Если предмет науки - сознание или внутренний опыт, то идея метода, его принцип, определяется через внутреннее восприятие, самонаблюдение. Это означает, что если в данном исследовании будут использоваться другие методы, например, эксперимент, то они будут выступать исключительно в роли вспомогательных, дополнительных, создающих оптимальные условия для внутреннего восприятия. Но, естественно, идеи метода недостаточно, чтобы охарактеризовать метод психологического исследования в целом. Одна и та же идея метода может воплощаться в существенно различающихся методах. Напомним, структурная интроспекция, внутреннее восприятие Brentano, систематическое экспериментальное самонаблюдение в Вюрцбургской школе выражали одну идею метода, хотя сами методы, как мы видели, различались весьма значительно.

Вероятно, многое прояснится, если допустить, что метод представляет собой сложное образование, имеет уровневую структуру, причем различные уровни связаны с различными компонентами предтеории. По моему мнению, можно говорить по меньшей мере о трех уровнях метода. Схематически уровни метода представлены на *рис.4*.

МЕТОД

Первый уровень: идеологический (принцип метода)
Второй уровень: предметный (содержательный)
Третий уровень: процедурный (операционный)

Рис.4. Схема уровневого строения метода.

На первом уровне метод выступает как идеологический, т.е. на этом уровне выражается принцип метода. Этот уровень, в основном, определяется идеей метода как компонентом структуры предтеории, который, в свою очередь, детерминирован пониманием предмета психологии.

На втором уровне метод проявляется как предметный. Это означает, что на этом уровне определяется, что именно будет этим методом изучаться. Скажем, метод интроспекции может быть направлен на выделение содержания опыта, на фиксацию актов и т.п. Этот уровень в значительной степени определяется таким

компонентом предтеории как "базовая категория" - "организационная схема": понятия "структура", "функция" или "процесс" определяют содержание метода, т.е. какой именно психологический материал будет фиксироваться и описываться. Как мы могли видеть, интроспективно могут описываться как элементы, входящие в структуру сознания, так и поток сознания и т.д.

На третьем уровне метод выступает как процедурный, операционный. Любой метод в конечном счете может быть охарактеризован и описан как последовательность или совокупность процедур, совершаемых для того, чтобы получить известный результат. Этот уровень, в основном, определяется таким компонентом предтеории как моделирующие представления. Они определяют не только последовательность действий исследователя и испытуемого, специфические приемы, используемые для того, чтобы фиксировать необходимый психический материал, но и выбор стимульного материала. К этому уровню (например, в случае использования метода интроспекции) могут быть отнесены такие специфические технические приемы, которые обеспечивают развернутые подробные показания (использование элементов ретроспекции, активный опрос испытуемого, деление на этапы, стадии и т.п.) или обеспечивают улучшение восприятия испытуемым переживаний (повторение переживаний, возможность бессознательного опознания, метод прерыва, парциальный метод, метод замедления течения переживаний и т.п. [136, с.67-97]). Действительно, представления, к примеру, о мышлении как решении задачи или свободном течении ассоциаций в значительной степени определяют характер и последовательность процедур, выполняемых в психологической лаборатории.

Таким образом, схематически соотношение между компонентами предтеории и уровнями метода можно представить следующим образом (*рис.5*).

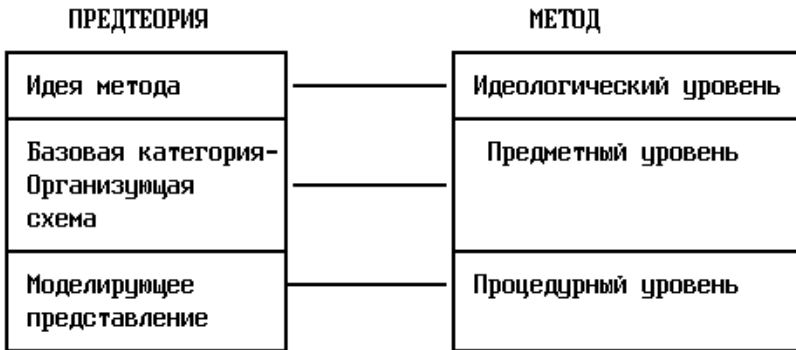

Рис. 5 Схема соотношения между компонентами предтеории и уровнями метода.

Необходимо подчеркнуть, что на схеме отражены наиболее "сильные" связи. В действительности, метод (и каждый его уровень) определяется предтеорией в целом. Поэтому изображенное на схеме на *рис. 5*. представляет собой некоторое упрощение действительного отношения. Для наших целей оно представляется оправданным.

4.5. Проблема объяснения и происхождение теоретического метода

Метод используется в психологическом исследовании для того, чтобы с его помощью получить эмпирические данные. Благодаря тому, что предметный уровень определяется базовой категорией и производной от нее организующей схемой, данные, которые будут получены в эмпирическом исследовании, фактически, уже "содержат" определенную логику (структурную, функциональную, процессуальную).

Но задача науки (напомним, что речь идет о психологии второй половины прошлого столетия) не сводится лишь к тому, чтобы получить эмпирические данные. Наука видит свою функцию в том, чтобы дать *описание* опыта. В качестве другого варианта предполагается *объяснение*. Большинство авторов анализируемого периода, правда, связывало задачу объяснения с обращением к данным о нервной системе. Но в психологии того времени гото-

вятся условия для перехода к объяснению в рамках научной психологии.

Описание как функция и задача науки в психологических концепциях периода становления психологии как самостоятельной дисциплины может быть представлена следующим образом. Полученный эмпирический материал подлежит *интерпретации*. Интерпретация предполагает упорядочение данных посредством интерпретирующей категории. Производной от интерпретирующей категории является интерпретационная (объяснительная) схема. В качестве таковых выступают первоначально те же самые категории: структура, функция и процесс. В таких случаях протоколы опыта "редактируются" (по удачному выражению психологов Вюрцбургской школы). Интерпретация здесь, фактически, сводится к тому, что эмпирические данные упорядочиваются в направлении, заданном интерпретирующей категорией. На ранних этапах развития психологии как самостоятельной науки базовая категория и интерпретирующая категории совпадают. В этом случае продуктом интерпретации является описание. Его и называют теорией.

Но исследователь может не ограничиться описанием. Если возникает вопрос "почему?", тогда можно говорить о том, что психологическая концепция ставит задачу объяснения. В этом случае возможны варианты. Первый состоит в том, что объяснение происходит за счет обращения к физиологии. Напомним, что психология рассматриваемого периода основывалась на психофизиологическом параллелизме: параллелизм процессов служил обоснованием возможности существования психологии как науки (см. разд. 3.1.8.). Реально объяснения, как правило, не происходило, а лишь давалось указание на *возможность объяснения*. Вторым вариантом является то, что кроме интерпретации посредством категории, совпадающей с базовой, дополнительно происходит реинтерпретация посредством другой категории - например, "генезис" или "процесс". В случае генетических объяснений все выглядит очень похоже на физиологические объяснения: содержится указание на необходимость учитывать данные развития явления. Ввиду явной недостаточности научных данных относительно развития, дело ограничивается указанием на *возможность такого*

объяснения. Попыток объяснения через категорию "уровень" в этот период также не встречается по той же причине.

Особый интерес в плане интересующей нас темы представляет тот вариант, когда в качестве интерпретирующей категории выступает категория "процесс". Фактически, происходит интерпретация материала, полученного исходя из одной категории (структура), посредством другой (процесс).

Этот случай для темы нашего рассмотрения чрезвычайно важен, т.к. позволяет сформулировать гипотезу о происхождении теоретического метода. Рассмотрим ситуацию, сложившуюся в работе Н.Аха (см. об этом в разд. 3.3.8.). Протоколы экспериментов, полученные в результате использования метода систематического экспериментального самонаблюдения интерпретируются с позиций теории детерминирующей тенденции (как процессуальной характеристики мышления). На мой взгляд, этот вариант представляет собой модель возникновения теоретического психологического метода. Этап интерпретации в этом случае "отделяется" от собственно эмпирического исследования и тем самым создается возможность использовать психологический анализ (теоретический, поскольку в основе в данном случае лежат представления о процессе) применительно к любому материалу (фактам эмпирического исследования, явлениям повседневной жизни, "сконструированным" фактам и т.д.). Таким образом, происходит переход от *интерпретации* к *способу обращения с темой* (если воспользоваться выражением Мартина Хайдеггера [302]). Следует обратить внимание на то, что в данном случае мы имеем дело именно с научным методом, который отличается от философского умозрительного, в первую очередь, тем, что является производным от эмпирического научного метода, можно сказать, основан на нем. Тем самым сохраняется предметная специфика, что является своего рода "подтверждением правомерности" подобной процедуры. Вместо интерпретирующей схемы может использоваться объясняющая.

Проблема объяснения в психологии изучена достаточно хорошо [209, 410, 376, 364, 239, 240, 241], опубликованы исследования, в которых выявлена множественность типов объяснения. Существуют фундаментальные философские исследования по проблеме объяснения [194,195,196]. Проблема объяснения выходит за

рамки интересующего нас вопроса, поэтому не будем здесь на ней специально останавливаться.

4.6. Модель соотношения

Итак, соотношение между теорией и методом в психологии может быть представлено в виде схемы (рис.6).

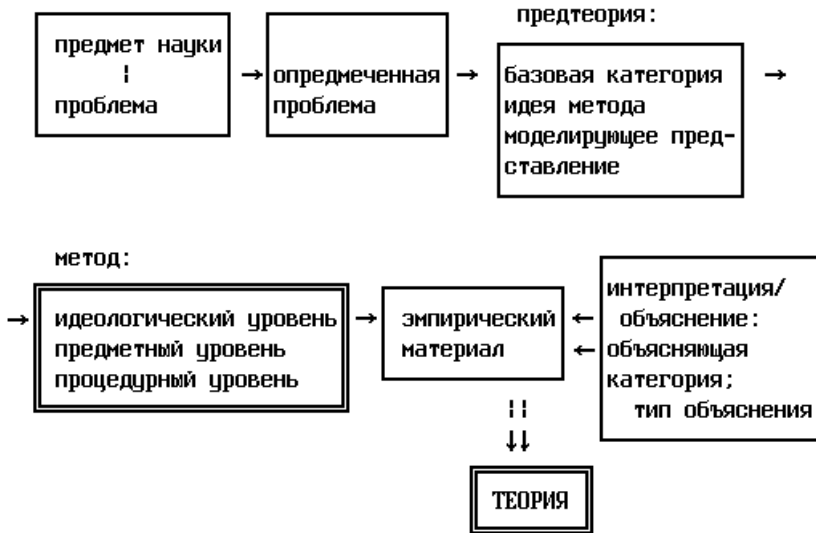

Рис 6. Модель соотношения теории и метода в психологии (период становления психологии как самостоятельной науки)

В целом соотношение между методом и теорией в психологии периода ее становления как самостоятельной науки может быть представлено следующим образом. Между теорией и методом действительно существует тесная связь, она настолько тесная, что можно говорить о единстве теории и метода. Это единство достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство осуществления исследования имеют общие корни. Общие корни, обеспечивающие единство теории и метода, могут быть обнаружены в предтеории - предварительных представлениях, предшествующих и эмпирическому психологическому исследованию, и разработанной теории как результату исследова-

ния. Исследование, как правило, начинается с возникновения проблемы. Однако фиксации проблемы самой по себе недостаточно: проблема должна "опредметиться", т.е. "замкнуться" на предмет психологии. Иными словами, проблема должна стать психологической. В основе исследования лежит опредмеченная проблема. Поясню это.

В психологии существуют традиции, с которыми любой исследователь, если он хочет остаться психологом, должен считаться. К ним в первую очередь относится та, согласно которой психология должна заниматься изучением "психэ" (при всех различиях трактовок интуитивное представление, по сути, является общим и хорошо описывается через самонаблюдение). Объяснение "души" (внутреннего мира - мыслей, чувств, воспоминаний и т.д.) - сверхзадача любой психологии. Даже самые радикальные реформаторы - представители объективной психологии - не уходили от этого. Ведь "уход" означает, что концепция перестает быть психологической. К примеру, И.П.Павлов в условном рефлексе видел возможность научного изучения именно психических феноменов (напомню, что, по Павлову, акт условного слюноотделения - "психического возбуждения слюнных желез" - специфичен: состав слюны, ее количество и т.п. "соответствуют" консистенции, составу и т.п. пищи; именно это соответствие дает основание заключить, что душевные способности, такие как память, мышление и др. - "внутренний мир собаки" (термин И.П.Павлова) - включены в структуру этого акта). Как отмечал сам И.П.Павлов во введении к "Двадцатилетнему опыту", он разошелся со своим сотрудником д-ром А.Т.Снарским в "толковании" внутреннего мира собаки [202]. Таким образом, разрыв с этой традицией лишает права называть свою концепцию психологической. Поэтому даже бихевиоризм Дж.Уотсона был психологическим - хотя и в специфической форме (включенными в поведение, "растворенными" в нем), психические явления были сохранены. Другой традицией, которой должна соответствовать опредмеченная проблема - определение психофизиологического статуса психического явления. Иными словами, опредмечивание означает, дуалистически (имплицитно или эксплицитно) или монистически будет рассматриваться психический феномен. Таким

образом, опредмечивание проблемы - это включение ее в контекст так или иначе трактуемого предмета психологии.

Эмпирическое исследование никогда не начинается "с нуля", не бывает "совершенно неподготовленным". Возможность "чистой" эмпирической науки - несбывшаяся мечта позитивиста. Как не бывает чистых фактов, свободных от теории. Проведению исследования в области научной психологии предшествует "предтеория" - совокупность исходных представлений исследователя, которые уточняют понимание проблемы и в значительной степени "предопределяют" судьбу исследования и его результаты. Отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода. Отсюда становится ясно, почему в одном случае используется, к примеру, "структурный" вариант самонаблюдения, нацеленный на выделение и описание элементов психического явления, тогда как в другом случае используется "функциональный" вариант самонаблюдения. Наличие уровней в структуре метода позволяет по новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода.

Применение того или иного метода позволяет получить эмпирический материал. Он подлежит *интерпретации*. Ядром, определяющим схему интерпретации (или объяснения), является интерпретирующая (или объясняющая) категория. В "наивных" концепциях, характерных для ранних этапов развития психологии как самостоятельной науки, часто наблюдается совпадение базовой категории и категории объясняющей. В более поздних концепциях происходит "наложение": эмпирический материал может добываться методом, соответствующим одной категории, а интерпретироваться с помощью другой. Это создает возможности для появления других (альтернативных) видов объяснения.

Собственно теория понимается на этом этапе развития науки как описание. Объяснение бывает декларативным как *возможность объяснения*. Психология на рубеже XIX - XX веков только подходит к теориям, которые бы объясняли мышление. Приближающейся к объяснительной теории (с оговорками) можно считать теорию Н.Аха.

Использование эмпирических методов создает возможность для появления теоретических методов исследования в психологии.

Схема теоретического метода в основных чертах воспроизводит структуру эмпирического.

В заключение данного раздела целесообразно попытаться дать ответ на важный вопрос. Является ли предложенная модель сколь-нибудь универсальной? Очевидно, нет.

Во-первых, эта модель является отражением отношений, сложившихся на определенном этапе развития психологии как науки.

Соотношение теории и метода на этом этапе было явно специфичным в силу особых условий, сложившихся в первые десятилетия развития научной психологии.

Во-вторых, модель отражает лишь доминирующую на этом этапе тенденцию. Этот момент нуждается в дополнительном пояснении. Дело в том, что на первых этапах развития психологии как самостоятельной науки доминирующим было убеждение, что психология является непосредственной наукой. Это, в частности, означает, что в основном она ориентировалась на добывание фактов. Эмпирическое начало было в психологии в этот период очень сильным. Модель и отражает доминирование этих методов, направленных на получение эмпирического материала. Но уже на этом этапе появляются исследования, построенные по иной схеме и имеющие иную направленность. Там важен не собственно полученный эмпирический результат - факт сам по себе, а то, что этот факт подтверждает или опровергает выдвинутую гипотезу. Иллюстрацией такой роли метода может быть исследование Н.Н.Ланге "закона перцепции" (см. об этом в разд. 3.2.4.5.). Очевидно, что в этом случае схема существенно модифицируется, поскольку в этом случае мы имеем дело с развитием некоторой теории. Гипотеза обычно выдвигается на основе некоторых теоретических положений. Таким образом, универсальная модель должна учитывать различную функцию методов. Поскольку в исследованиях мышления методы использовались в функции получения фактов, она и представлена в модели.

В-третьих, еще одна особенность развития психологии в анализируемый период получила отражение в модели. Дело в том, что поскольку анализируется начальный период формирования научной психологии, в рассмотренных теориях мы сталкиваемся с ситуацией во многом специфичной еще и потому, что теории созда-

ются как бы "с нуля", являются теориями "конституирующими". Для многих наук (имеющих длительную историю, достаточно развитых) ситуация почти невозможная, т.к. новая теория там или модернизация, развитие предыдущей, либо отрицание, полемика. В психологии мышления в рассматриваемый период ситуация была, как мы видели, существенно иной.

В-четвертых, аспект анализа был специфичным. Напомню, что метод и теория соотносились в рамках концептуальной системы. Для получения более универсальной модели необходимо не только расширить хронологические рамки исследования и тематику теорий, но и рассмотреть соотношение теории и метода в деятельностном аспекте.

В-пятых, для получения более универсальной модели необходимо рассмотреть психологические теории разного уровня.

Таким образом, данная модель может служить лишь промежуточным результатом, основой для дальнейших исследований и отнюдь не претендует на универсальность.

4.7. Теория и метод: проблемы и перспективы

Описанная в предыдущем разделе модель соответствует психологии периода ее становления как самостоятельной науки. Отсюда специфика данной модели. В конце XIX века, как мы видели, еще только зарождается генетический подход. Точнее, о необходимости генетического подхода говорится много, но в реальных исследованиях он используется еще очень слабо. О "генетических" мотивах у Вундта уже говорилось. В качестве другого примера можно привести Франца Brentano. В третьей главе обсуждалась "психология актов" Ф. Brentano - "психология с эмпирической точки зрения". Эта концепция достаточно известна, т.к. она была программой, альтернативной вундтовской. Менее известны взгляды Brentano на психологию в целом. Как вундтовская физиологическая психология представляла собой лишь часть психологии (в качестве другой части мыслилась психология народов), так и, согласно Brentano, его "психология с эмпирической точки зрения" относится к дескриптивной психологии, которая есть лишь часть психологии (другую составляет генетическая психология). "Психология, по Brentano, изучает (1) элементы челове-

ческого сознания и способы их соединения, а также (2) предпосылки и условия возникновения этих элементов. Первое - сфера дескриптивной психологии (или описательной феноменологии), второе - предмет генетической психологии. Дескриптивная психология анализирует и описывает феномены нашего сознания, т.е. факты, непосредственно данные в опыте, или, что то же самое, предметы, которые имеют место во внутреннем восприятии. Свою работу Brentano относил к дескриптивной психологии, уточняя, что занят "психогнозией". Психогнозия обозначалась им как "психология в собственном смысле слова", в противоположность к генетической психологии, которой, учитывая ее интерес к физико-химическим процессам головного мозга, скорее подобает называться физиологической психологией; психогнозия, будучи фундаментальной дисциплиной, относится к генетической психологии так же, как анатомия относится к физиологии" [30, с.155]. Итак, собственно генетический подход в реальных исследованиях не используется, хотя возможности широко обсуждаются (особенно в связи с попытками применить в психологии биогенетический закон). Практически еще не используется уровневый подход. (Об использовании уровневого подхода в психологии см. в работах М.С.Роговина [240, 241, 239]). Сами исследовательские программы носят достаточно элементарный характер. Еще практически не используются "сложные" подходы, основанные на сочетании базовых категорий, т.е. задающие иную ориентацию исследования (например, структурно-функциональная, структурно-уровневая и т.д.). Еще только появляется схема процесса. Еще отсутствует деятельностная схема анализа.

Безусловно, анализ соотношения теории и метода в развитых психологических концепциях даст новые результаты, приведет к построению новых моделей. Таким образом, можно будет представить развитие психологической мысли не только как рост научного знания, углубление концепций, но и изменение типов отношения между теорией и методом.

Характеризуя эти отношения в указанный период в целом, необходимо признать, что психология в значительной степени продолжала сохранять субъективизм, свойственный философской психологии. Более того, можно сказать, что несмотря на проник-

новение эксперимента, психология по характеру обобщений в значительной степени сохраняла черты философской психологии.

Сама процедура эмпирического исследования была достаточно произвольной: предтеорией, фактически, задавались основные результаты. В этом объяснение известного феномена, согласно которому очень часто психологи, использовавшие субъективный метод получали результаты, совпадавшие с их теоретическими представлениями. Иными словами, на этом этапе своего развития психология оказалась куда более "аксиоматической" (в том смысле, что при построении теории играли важную роль априорные положения), чем можно было ожидать от чисто опытной науки. Независимой от "метафизики" психологии не получилось.

Важно подчеркнуть, что путь, пройденный к этому времени психологией был путем эмбриона. Психология "примеряла" на себя возможности других наук. Начинала она как настоящая естественная наука. Это был путь, "указанный", как мы видели, еще Кантом. Научная психология продолжала идти по этому пути. Но еще в прошлом столетии наметились другие "линии развития". Во французской психологической школе продуктивно разрабатывался подход, основывавшийся на патологическом методе. Как писал об этом

П.Фресс, "французская психология отпочковалась от психопатологии, интерпретируемой философами" [298, с.46].

В.Дильтей был одним из первых критиков научной психологии. "Понимающая" психология [88] должна была строиться, по мысли Дильтея, на совсем иных основаниях. Двадцатый век проходит в полемике между этими подходами. В конце столетия стало совершенно ясно, что разрешить этот конфликт между естественнонаучной и герменевтической ориентациями в психологии путем "логического империализма" невозможно [67].

Тем не менее, к началу XX столетия научная психология прошла важный этап своего развития, утвердилась как самостоятельная наука. Началась новая эпоха, когда стали возникать новые направления в психологии (бихевиоризм, гештальтпсихология, психоанализ), в которых многое из предшествующей психологии было поставлено под сомнение, оспорено, отвергнуто. В каждом из этих (и последующих) направлений, тем не менее, существова-

ли особые отношения между теорией и методом. Только выявив их специфику, можно понять, на чем основывается реальный прогресс в области психологического знания.

Бесспорно, что психология позднейших периодов существенно отличалась от той, которая только становилась научной. О "простоте" организационных схем в первых вариантах научной психологии говорилось неоднократно. Действительно, можно утверждать, что на ранних этапах научной психологии использовались организационные схемы "в чистом виде": структурная, функциональная, процессуальная. Как показывают исследования методологов науки, действительно, структурная ориентация является наиболее естественной для начальных этапов научного исследования [329]. В дальнейшем схемы усложняются, на смену "простым" приходят "комплексные", сочетающие две организационные схемы: структурно-функциональная, функционально-структурная, функционально-генетическая, структурно-генетическая и т.д. Активно начинают использоваться схемы "развития" и "уровней", что порождает новый класс схем: структурно-уровневая, функционально-уровневая и т.д. Психология в двадцатом столетии (по сравнению с первыми этапами своего развития в качестве самостоятельной науки), бесспорно, имела и другие особенности [336, 340, 423, 402, 401, 390, 392, 357 и др.]. Отметим только, что психология, как уже говорилось, начинает использовать опосредованный метод, что приводит к существенным изменениям в отношениях "теория" - "метод". Разумеется, необходимы специальные исследования по проблеме соотношения теории и метода в психологии более позднего периода. Многообещающе выглядит попытка рассмотрения соотношения метода и теории в основных "школах психологии", в советской психологии (в разных направлениях) и т.д. Мне кажется, что даже теория деятельности - наиболее проанализированный подход в советской психологии - не исследована должным образом в этом отношении. Для этого необходимы специальные исследования. Сейчас можно высказать только предварительные соображения. Использование опосредованного метода в психологии предполагает, что эмпирический материал, добываемый с помощью метода, является материалом анализа и *интерпретации*. Интерпретатором, естественно, является теория. Интерпретация, очевидно, в значительной степе-

ни определяется интерпретирующими категориями (которые в развитых теориях редко бывают простыми, значительно чаще - комплексными). Интерпретирующие категории - элемент "априорный" по отношению к эмпирическому исследованию. Следовательно, здесь так же, как и в "наивных" концепциях начального этапа развития научной психологии присутствует элемент "произвольности" трактовки. Только в силу усложнения концепции этот элемент лучше "камуфлируется". Как можно было видеть, наиболее ярко этот момент выступал в интроспективной психологии: произвольность результатов, их трактовки и "соответствие" теоретическим установкам исследователей вызвали уничтожающую критику и, как следствие, крушение классического интроспективного метода. Выскажу предположение: крушение интроспекции и переход психологии на использование опосредованного метода не сняли проблемы - проблема произвольности интерпретации сохраняется и в психологии более позднего периода. Если это так, то проблему следует обсуждать, анализировать. Если это так, то изучение особенностей соотношения теории и метода на этапе становления психологии как самостоятельной науки имеет смысл не только в плане уточнения некоторых обстоятельств истории психологических концепций, давно и безвозвратно ушедших в прошлое, но обретает некоторое современное звучание. Быть может, для "демаскировки" соотношения в концепциях современного типа окажутся полезны модели, отражающие более явные, простые отношения. Еще раз повторю, что для выявления соотношений в современных концепциях нужны специальные исследования. Какие исследования необходимы для продолжения разработки проблемы?

В первую очередь, необходимо рассмотреть соотношение теории и метода в "деятельностном" аспекте. Особенностью подхода в данной работе является то, что теория и метод рассматривались в пространстве концептуальной системы, что позволило абстрагироваться от деятельности субъекта (ученого-психолога, проводящего исследование). В результате реализации такого подхода была разработана теоретическая модель, которая показывает, какие элементы структуры теории (точнее, предтеории) обуславливают выбор метода, и почему он всегда оказывается соответ-

ствующим теории как конечному результату психологического исследования.

Теперь возникает возможность трактовки проблемы теории и метода уже в контексте *науки как деятельности*. Здесь можно попытаться рассмотреть создание теории как своего рода процесс решения творческой задачи, используя достижения психологии мышления и современной психосемантики, исследующей структуры субъективного опыта. Представляется перспективным использование модели творческого процесса, согласно которой основная трудность решения сложной научной проблемы состоит не столько в том, что требуется обнаружение оригинальной идеи решения, сколько в преодолении заблуждения, проистекающего из неадекватного новым условиям субъективного опыта, препятствующего нахождению этой идеи. На этом этапе исследование существенно "психологизируется", поскольку средствами выступают собственно психологические наработки.

И, наконец, следующим шагом в исследовании проблемы соотношения теории и метода должно стать *экспериментально-психологическое исследование*. Современная психология вполне располагает средствами, на основе которых могут быть разработаны методики для исследования особенностей теорий и метода в современной психологии: анкеты, программы глубинного интервью, а также психосемантических методов. Проведение этих методик (в качестве испытуемых предполагается участие психологов, внесших вклад в развитие науки) позволит выявить роль взаимоотношений предтеории, метода и научной теории в современном психологическом исследовании.

Проведение этих этапов исследования может позволить разработать универсальную модель соотношения теории и метода в психологии. Другим обязательным условием является разработка нового широкого понимания предмета психологической науки (об этом подробно говорилось в первой главе). Это будет необходимым шагом для разработки методологии психологии: специальной, содержательной психологической методологии. Тогда наступит пора, когда будет возможно (располагая современным методологическим аппаратом психологии) пытаться соотносить с психологией наработки методологии науки, не рискуя тем самым внести вклад в углубление психологического кризиса. Можно

надеяться, что тогда окажется возможным обсуждение вопросов о том, приложимы ли к психологическим теориям такие процедуры как фальсификация [220, 146, 286].

Возможно, тогда можно будет попытаться использовать идею научно-исследовательских программ Имре Лакатоса (я имею в виду не словосочетание, а концепцию) [147, 146]. Напомним, согласно И.Лакатосу, научно-исследовательская программа представляет собой серию сменяющих друг друга теорий, которые объединяются совокупностью базисных идей и принципов. Развитие науки, таким образом, может быть представлено как смена исследовательских программ, которые в свою очередь представляют собой последовательность теорий. Каждая последующая теория есть результат добавления к предыдущей теории вспомогательной гипотезы. Научно-исследовательская программа, по Лакатосу, представляет собой основную единицу научного знания. Структура научно-исследовательской программы такова: жесткое ядро программы (система научных и онтологических допущений, которая сохраняется во всех теориях программы); защитный пояс (вспомогательные гипотезы, предохраняющие ядро программы от фальсификации: они могут меняться при переходе от одной теории к другой); позитивная и негативная эвристики (методологические правила, способствующие развитию программы и ограничивающие выбор путей исследования).

Понятно, что современный уровень разработки психологической методологии не позволяет использовать аппарат, подобный тому, который разработан Лакатосом. Для этого требуются исследования по предмету психологии, по структуре психологических теорий, их генезису и т.п. Только тогда можно будет решить вопрос о том, в какой степени такого рода модели приложимы к психологии. Пока, увы, упреки философов, адресованные психологам, что в психологии "теоретическая работа странна" (см. разд. 2.3.) в значительной степени справедливы.

Заключение

МЕТОДОЛОГИЯ И БУДУЩЕЕ ПСИХОЛОГИИ

"...Психология не двинется дальше,
пока не создаст методологии..."

Л.С.Выготский

Психология, по словам Г.Эббингауза, "имеет длинное прошлое, но краткую историю" [326, с.9]. Исследование, некоторые результаты которого были представлены выше, посвящено анализу концепций, относящихся к тому времени, когда Герман Эббингауз сформулировал свой известный афоризм. Тогда в начале века существовала особенная атмосфера. Многим казалось, что очень скоро науки сделают решающие успехи, что приведет к новым прорывам в неизведанное и подлинному "торжеству знания". И Джемс, и Вундт и другие создатели научной психологии полагали, что она лишь только делает первые шаги. В.М.Бехтерев в начале столетия утверждал, что новая психология "мало будет похожа на ту психологию, которая до сих пор служила предметом изучения" [23, с.3]. Надеждам, выраженным чуть больше или чуть меньше столетия тому назад, согласно которым очень скоро наступит расцвет психологии, что приведет к появлению новой науки о психике, к сожалению, не суждено было оправдаться. Во многих областях науки и техники состоялись прорывы в неизведанное, радикально изменившие традиционные представления. Это, конечно, коснулось и психологии. Двадцатый век дал много нового для понимания природы человеческой психики: достаточно назвать имена Зигмунда Фрейда и Карла Юнга, Льва Семеновича Выготского и Александра Романовича Лурии, Курта Левина и Жана Пиаже... Безусловно, психологии XX столетия есть, чем гордиться. Но, к сожалению, приходится констатировать, что большая часть выдающихся достижений приходится на первую половину уходящего столетия. И весьма возможно, что дело здесь не только в особенностях восприятия историко-научной перспективы. Действительно, во второй половине двадцатого века в психологии происходили во многом неожиданные события. В частности, воз-

никло впечатление, впоследствии перешедшее в убеждение, что кризис в психологии, достигший своего апогея в первой трети столетия, постепенно преодолевается, противоречия стираются. Это замечательно сформулировал Поль Фресс в классическом руководстве по экспериментальной психологии (1963): "К единству психологии при разнообразии проблем" [298, с.80]. Этим надеждам, увы, также не суждено было сбыться. Более того, со временем становится очевидно, что в конце столетия психология вступает в новую фазу кризиса. К традиционному "кризису" добавляется раскол между наукой и практикой: сейчас, когда практическая психология становится мощной силой, недооценивать последствия такого раскола, мягко выражаясь, недальновидно. Можно констатировать наличие в современной психологии и других диссоциаций: между философской и научной психологией, между академической научной психологией и концепциями и техниками, ориентированными на углубленное самопознание (от мистики и алхимии до современной трансперсональной психологии), между психологией Запада и восточной психологией и т.д.

Более того, противоречия между различными психологическими направлениями не стали меньше, и, хотя речь в конце XX века идет уже о совсем других школах и направлениях в психологии, смысл психологического кризиса и его основные проявления, по существу, прежние. По-прежнему нет "основы", объединяющей научных психологов, по-прежнему обилие разных взглядов, теорий, подходов. Основное различие по сравнению с первой третью уходящего века состоит, по-видимому, в том, что сегодня значительно меньше внимания уделяется методологии. А если нет методологической работы, значит не стоит надеяться на изменения к лучшему – в науке чудес не бывает, сами по себе парадигмы не меняются.

Между тем стратегический выход из кризисного состояния был намечен в той традиции, которая была характерна для отечественной психологической науки: методология на исторической основе. Пока психология не поймет, в чем состоит ее подлинный предмет, как формируется психологическое знание, какова роль априорных положений и "накладываемых" мыслительных схем, каково соотношение в этом процессе экспериментально добытых фактов и чисто теоретических исследований и т.д., вряд ли можно

надеяться, что психология будет подлинной наукой, "общей наукой" (по Л.С.Выготскому). Конечно, можно отстраниться от всех этих вопросов, занявшись конкретными исследованиями каких-то вопросов. Такая тенденция есть, она достаточно выражена.

Сейчас наблюдается выраженное стремление во всем походить на Америку. Как об этом сказал Анджей Вайда - замечательный польский кинорежиссер - "мы являемся рынком сбыта для американских продуктов, фильмов, идей и американского образа жизни" [44, с.10]. Эта тенденция заметна и в психологии. Между тем, в американской психологии не наблюдается повышенного внимания к проблемам предмета науки, ее методологии. Может быть, надо действовать по указанному образцу? Мне кажется, что, к счастью, "догнать Америку" здесь тоже не удастся. Несомненно, американская психология имеет свои достоинства, она хорошо оснащена и очень технологична. Но вряд ли способна к радикальному изменению взгляда на предмет психологии: оснащение и технологичность в данном случае скорее препятствия... Очень хочется, чтобы мы не забывали, что у нас свой Путь, свои традиции, своя история. И мне почему-то кажется, что наш путь ближе к Истине. И я еще раз хочу процитировать А.Вайду: "Я хотел бы, чтобы Россия еще раз что-нибудь открыла миру. Так, как только она умеет видеть этот мир, со своим красивым отношением к человеку, как у Толстого, Достоевского и Чехова" [44, с.10]. Мне почему-то кажется, что это относится и к российской науке, изучающей психику человека. В психологии "красивое отношение к человеку" может проявляться в адекватном психологическом отображении многообразной психической реальности. "Логос" сейчас в долгу перед "психэ". Вспомним Гераклита: "Границ души тебе не отыскать, по какому бы пути ты ни пошел: столь глубока ее мера". Глубоко символично, что в этой фразе слово "мера" можно перевести как "логос".

Известный бизнесмен, меценат и филантроп Джордж Сорос в одном из интервью, отвечая на вопрос, "чем сильна российская наука?" сказал: "Я думаю, что в международном масштабе российская наука идет в первых рядах, но характер ее несколько отличается от западной. Российская наука больше витает в облаках и меньше уделяет внимания практике. Видимо, потому, что российская наука не опирается на передовую технику, на которую опи-

рается западная наука" [235, с.13]. Знаменателен вывод человека, много сделавшего для поддержки науки: "Вот поэтому российская наука так ценна, что она не ползает на грешной земле. Она вносит разнообразие, обогащает научный мир" [235, с.13]. Я думаю, что российская наука не должна отказываться от своих традиций методологических исследований, даже если где-то в других местах полагают иначе. Поэтому необходимы дальнейшие исследования и по предмету психологии, и по методам познания психического.

Ограниченное понимание предмета (напомню, речь идет о научном определении предмета психологии) закрывает путь для понимания психики как трансперсонального феномена. А этот путь, как показал опыт юнговской аналитической психологии, весьма перспективен и продуктивен. Мне бы хотелось подчеркнуть, что "перспективный путь" совершенно иной по сравнению с редуцинистским подходом современной науки. Можно сравнить такой подход с юнговским методом амплификации. Амплификация - часть юнговского метода интерпретации. "С помощью ассоциации Юнг пытался установить личностный контекст сновидения; с помощью амплификации он связывал его с универсальными образами. Амплификация предполагает использование мифических, исторических и культурных параллелей для того, чтобы прояснить и обогатить метафорическое содержание символов сновидения... Говоря об амплификации, Юнг сравнивает ее с плетением "психологической ткани", в которую вплетен образ" [278, с.19]. Возможно, в этих работах Юнга содержится указание на направление поисков: нужна такая концепция психического, которая вписывала бы "психэ" в картину мира. Весьма вероятно, что в приближающемся третьем тысячелетии психологии суждено отказаться от воспроизведения "чужих" схем, разработанных науками, ставшими самостоятельными раньше психологии. Это потребует методов, которые были бы основаны не на редукции психического к непсихическому. Может быть, на этом этапе будут востребованы идеи К.Г.Юнга как методолога общей психологии [168].

Важно осознать, что тот путь, который прошла научная психология это всего лишь "путь эмбриона". Родившаяся научная психология пыталась "саморазвиваться" и по пути, указанному позитивной наукой (естественнонаучная психология), и по герме-

невтической логике исторических наук. Она еще не нашла своего собственного пути. Еще Вундт пронциательно отмечал, что психология находится между естественными и гуманитарными науками. Это "между" вполне может означать и собственный путь, не сводимый к названным выше. И, может быть, не случайно Эдуард Шпрангер повторял свое знаменитое требование: "psychologica - psychological", объяснять психическое посредством психического.

Возможно, начало третьего тысячелетия ознаменуется новым *психологизмом*: концепция, справедливо критиковавшаяся еще столетие тому назад, "вернется" в новом качестве для того, чтобы дать новую основу наукам о Человеке. Но это (если, конечно, так случится) произойдет уже в новом тысячелетии. И только через разработку новой методологии психологии. Которая бы позволила разрушить мешающие стены или хотя бы постоить мосты [168]. На этом пути много трудностей. О некоторых предупреждал Карл Густав Юнг: "Каждый выхватывает свой собственный фрагмент мира и сооружает для своего частного мира собственную частную же систему, зачастую с герметическими стенами, так что через некоторое время ему кажется, будто он познал смысл и структуру мира. Конечное никогда не обоймет бесконечное. Мир психических явлений есть лишь часть мира в целом, и кое-кому может показаться, что как раз в силу своей частности он более познаваем, чем весь мир целиком. Однако при этом не принимается во внимание, что душа является единственным непосредственным явлением мира, а следовательно, и необходимым условием всего мирового опыта" [331, с.111].

Научная психология на пороге третьего тысячелетия должна создать новую методологию. Цели психологии были хорошо известны еще Иоганну Гербарту, первому психологу, захотевшему сделать психологию подлинной наукой: "Скажем только, что психология не должна превращаться в художественное описание. Она должна не удивлять, но объяснять, не показывать редкости, но сделать для всех понятным человека, каков он есть, не вознося его на небеса и не приковывая совершенно к земле, и не замечать пути своего исследования, но открывать его" [74, с.103].

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Методологический аспект проблемы субъективного // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.:Наука, 1969, с.317-347.
2. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М.:Наука, 1980. 336 с.
3. Абульханова К.А. О субъекте психической деятельности: Методологические проблемы психологии. М.:Наука, 1973. 288 с.
4. Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л.Рубинштейна. М.:Наука, 1989. 248 с.
5. Августин Аврелий. Исповедь. М.: Республика, 1992. 335 с.
6. Алексеев И.С. Наука // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989, с. 393-395.
7. Алексеев Н.Г., Юдин Э.Г. О психологических методах изучения творчества // Проблемы научного творчества в современной психологии/Под ред. М.Г.Ярошевского. М.: Наука, 1971. с. 151-203.
8. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания. М.:Изд-во "Институт практической психологии"; Воронеж: НПО "Модек",1996. 384 с.
9. Ананьев Б.Г. О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии// Психология. Т.IV, вып.3-4, 1931, с.325-344.
10. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М.:Наука, 1977. 380 с.
11. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания.Л.:ЛГУ, 1968. 339 с.
12. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: в 2-х т. М.:Педагогика, 1980. Т.1. 230 с.,Т.2. 288 с.
13. Ананьев Б.Г. О методах современной психологии// Психодиагностические методы в комплексном лонгитюдном исследовании студентов. Л.:ЛГУ, 1976, с.13-35.

14. Анашвили В. Штрихи к портрету Ф.Брентано//Брентано Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1996. с.161-172.

15. Антология мировой философии. В 4-х тт. Т.3. М.:Мысль,1971. С.760.

16. Анцыферова Л.И. Интроспективный эксперимент и исследование мышления в Вюрцбургской школе.// Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах. М.: Наука,1966.с. 59-81.

17. Анцыферова Л.И. Теория интеллектуальных операций О.Зельца// Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах. М.: Наука,1966. с. 82-100.

18. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.1. М.: Мысль, 1975. 550 с.

19. Артыков Д.Р. Принципы теоретического анализа генезиса психологической концепции: на материале становления концепции оперантного поведения. Ташкент: Фан, 1982. 154 с.

20. Басов М.Я. Кризис психологии//Просвещение: Сборник педагогических и методических статей. Номер четвертый. Ленинград: Государственное издательство, 1924, с.231-242.

21. Басов М.Я. Общие основы педологии. 2-е изд. М.,Л.: Гос.изд-во,1931. 802 с.

22. Без истории пуста методология: К 80-летию М.Г.Ярошевского// Вопросы психологии, № 4, 1995, с.141-146.

23. Бехтерев В.М. Объективная психология. М.:Наука, 1991. 480 с.

24. Бинэ А. Механизм мышления. Одесса: Изд. Г.Бейленсона и И.Юровского, 1894. 32 с.

25. Блонский П.П. Избранные психологические произведения. М.:Просвещение, 1964. 548 с.

26. Блонский П.П. Предисловие редактора //Джемсон Л. Очерк психологии. М.: Гос. изд-во, 1924, с.VII-XII.

27. Богданчиков С.А. История проблемы "психология и марксизм"/Автореферат канд. дисс. М.,1993. 16 с.

28. Боринг Э.Д. Психофизика Фехнера // Проблемы и методы психофизики: Хрестоматия по психологии для студентов, преподавателей и научных работников. М.:МГУ, 1974, с.20-32.

29. Brentano Ф. Психология с эмпирической точки зрения // Вопросы философии, № 2, 1995, с.153-171.

30. Brentano Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1996. С.176.

31. Брес И. Генезис и значение психологии// Современная наука: Познание человека. М.: Наука, 1988, с. 123-140.

32. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.:Изд-во "Институт практической психологии"; Воронеж:НПО"Модек",1996.392 с.

33. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М.:Мысль, 1979. 230 с.

34. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М.: ИП РАН, 1994. 109 с.

35. Будилова Е.А. Философские проблемы в советской психологии М.:Наука, 1972. 336 с.

36. Будилова Е.А. Вопросы мышления в ассоциативной психологии. Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах. М.: Наука, 1966. с.34-58.

37. Будилова Е.А. О взаимосвязи теории и истории психологии// Методологические и теоретические проблемы психологии. М.:Наука, 1969, с.153-189.

38. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Булгаков М.А. Собрание сочинений в пяти томах. Т.5. М.:Худ. литература, 1990, с.7-386.

39. Бэн А. Психология// Основные направления психологии в классических трудах. Ассоциативная психология. Г.Эббингауз. Очерк психологии. А.Бэн. Психология. М.:ООО "Издательство АСТ-ЛТД", 1998, с.209-511.

40. Бэн А. Психология. С.-Петербург: Типогр. дома призрения малолетних бедных, 1881. С.426.

41. В поисках теории развития науки. М.:Наука, 1982. 296 с.

42. Вагнер В.А. Биопсихология и смежные науки. Пг., 1923.

43. Вагнер В.А. Биопсихология и физиология как основы поведения человека//Психологическая хрестоматия. М.; Л.: Госиздательство, 1927, с.91-96.

44. Вайда А. Страсти по Анджею // Общая газета, № 4, 1997, с.12.

45. Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии, № 6, 1996, с.25-40.
46. Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки: Из Бостонских исследований по философии науки. М.:Прогресс, 1978, с.43-110.
47. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. 360 с.
48. Верч Дж. Голоса разума: Социокультурный подход к опосредованному действию. М.: Тривола, 1996. 176 с.
49. Волков И.П. Перспективы развития теоретической и практической психологии в России: Возродить научные исследования по предмету психологии// Вестник Балтийской Академии, вып.3, 1996, с.6-13.
50. Всесоюзная конференция "Актуальные проблемы истории психологии". т.1. Ереван:Изд-во Ереванского ун-та, 1982. 166 с.
51. Вундт В. Основания физиологической психологии. М.: Типогр. М.Н.Лаврова и Ко., 1880. 1040 с.
52. Вундт В. Основы физиологической психологии. Естествознание и психология. Вып. 1. С.-Пб.: Типогр. П.П.Сойкина, б/г. 136 с.
53. Вундт В. Основы физиологической психологии. Вып. 2. С.-Пб.: Типогр.П.П.Сойкина,б/г. 174 с.
54. Вундт В. Основы физиологической психологии. Вып. 3. С.-Пб.: Типогр.П.П.Сойкина,б/г. 124 с.
55. Вундт В. Введение в психологию. М.:Книгоиздательство "Космос", 1912. 152 с.
56. Вундт В. Душа человека и животных. Пер. с нем. В 2-х т. С.-Пб.: П.А.Гайдебуров, 1865-1866. т.1. 618 с., т.2. 640 с.
57. Вундт В. Психология в борьбе за существование// Новые идеи в философии. Сб. десятый:Методы психологии II. С.-Пб.:Образование, 1913, с.93-131.
58. Вундт В. Миф и религия. С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон, б/г. 416 с.
59. Выготский Л.С. Собрание сочинений. т.1. М.:Педагогика, 1982. 488 с.

60. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса// Выготский Л.С. Собрание сочинений. т.1. М.,1982, с. 291-436.

61. Выготский Л.С. Предисловие // Леонтьев А.Н. Развитие памяти: Экспериментальное исследование высших психологических функций. М.:Госуд. учебно-педагог. изд-во ,1931, с.5-13.

62. Выготский Л.С. Предисловие к книге А.Ф.Лазурского "Психология общая и экспериментальная" // Выготский Л.С. Собрание сочинений. т.1. М.,1982, с.63-77.

63. Выготский Л.С. Собрание сочинений. т.6. М.:Педагогика, 1984. 400 с.

64. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.:Прогресс, 1988.704 с.

65. Гайденок П.П. "Конкретный идеализм"С.Н.Трубецкого // С.Н.Трубецкой. Сочинения.М.:Мысль,1994,с.3-41.

66. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М.: МГУ, 1976. 150 с.

67. Гарай Л., Кечке М. Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии, № 4, 1997, с.86-96.

68. Гартман Э. Современная психология. М.: Изд. Д.П. Ефимова, 1902. 388 с.

69. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3.: Философия духа. М.:Мысль, 1977. 471 с.

70. Гельмгольц Г. Учение о слуховых ощущениях как физиологическая основа для теории музыки. С.-Петербург: Типогр. товарищ. "Общественная польза", 1875. С. 596.

71. Герbart И.Ф. О возможности и необходимости применять в психологии математику// Герbart И.Ф. Психология. С.-Петербург: Изд. редакции журнала "Пантеон литературы", 1895, С.3-24.

72. Герbart И.Ф. Психология, как наука, вновь обоснованная на опыте, метафизике и математике// Герbart И.Ф. Психология. С.-Петербург: Изд. редакции журнала "Пантеон литературы", 1895, с.25-90.

73. Герbart И.Ф. Учебник психологии// Герbart И.Ф. Психология. С.-Петербург: Изд. редакции журнала "Пантеон литературы", 1895, с.91-278.

74. Гербарт И.Ф. Психология. С.-Петербург: Изд. редакции журнала "Пантеон литературы", 1895. С. 278.
75. Гессе Г. Игра в бисер. М.: Худ. литература, 1969. 544 с.
76. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М.: МГУ, 1988. 320 с.
77. Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента. М.:МГУ, 1982. 464 с.
78. Гроф С. Области человеческого бессознательного: Опыт исследований с помощью ЛСД. М.:МТМ, 1994. 240 с.
79. Гроф С. За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М.: Изд. Московского трансперсонального центра, 1993. 498 с.
80. Гроф С. Путешествие в поисках себя. М.: Издательство трансперсонального института, 1994. 340 с.
81. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.:Политиздат, 1991. 480 с.
82. Грязнов Б.С. Логика, рациональность, творчество. М.:Наука, 1982. 256 с.
83. Давыдов В.В. Исчерпала ли себя естественнонаучная парадигма в психологии?//Вопросы психологии, 1997, № 3, с.127-128.
84. Декарт Р. Избранные произведения. М.:Гос. изд-во полит. лит., 1950. 712 с.
85. Дессуар М. Очерк истории психологии. С.-Пб.: Книгоизд. О.Богдановой, 1912. 218 с.
86. Джемс В.(Джемс У.) Многообразие религиозного опыта. СПб: Андреев и сыновья, 1992. 418 с.
87. Джэмс У.(Джемс У.) Психология.Изд.5-е. С.-Пб.:Изд. К.Л.Риккера, 1905. 425 с.
88. Дильтей В. Описательная психология. С.-Пб.:Алетейя, 1996. 156 с.
89. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах//Культурология. XX век: Антология. М.:Юрист, 1995, с.213-256.
90. Дружинин В.Н. О перестройке в психологии: причины застоя и средства ускорения//Психологический журнал, т.10, № 1, 1989, с. 3-12.

91. Дружинин В.Н. Структура и логика психологического исследования. М.: ИП РАН, 1993. 120 с.
92. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. М.: ИНФРА-М, 1997. 256 с.
93. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. М.: Лантерна, Вита, 1995. 150 с.
94. Ждан А.Н. Из истории вопроса о соотношении теории и эксперимента в психологии// История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М.: Наука, 1990, с.30-41.
95. Ждан А.Н. История психологии. М.: МГУ, 1990. 367 с.
96. За партийность в философии и естествознании// Естествознание и марксизм, 1930, № 2-3, с.62-102.
97. Забродин Ю.М. Психологический эксперимент: специфика, проблемы и перспективы развития// История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М.: Наука, 1990, с.16-30.
98. Зеленый Г.П. Современная биология и психология// Новые идеи в философии: Сб. девятый. Методы психологии I. С.-Пб.: Образование, 1913, с.40-66.
99. Зинченко В.П., Смирнов С.Д. Методологические вопросы психологии. М. МГУ, 1983. 164 с.
100. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся: Очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994. 304 с.
101. Зинченко В.П. Культурно - историческая психология: опыт амплификации. // Вопросы психологии, 1993, № 4, с. 5 - 19.
102. Зинченко В.П. Методология или "охранная грамота"? // Вопросы психологии, 1997, № 3, с.129-131.
103. Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание. М.: АПН РСФСР, 1961. 562 с.
104. Иванова Е.Л. Некоторые предметно-логические аспекты в развитии психологии// Новое в психологии. Вып.1. М.: МГУ, 1975, с.3-9.
105. Иванова И.И., Асеев В.Г. Методология и методы психологического исследования// Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969, с.218-245.

106. Ивановский В.Н. Ассоциационизм психологический и гносеологический. Историко-критическое исследование. Часть 1. Казань: Типолитограф. Императорского университета, 1909. С. 128.
107. Ивановский В.Н. Методологическое введение в науку и философию. Минск, 1923.
108. Ильин В.В. Критерии научности знания. М.:Высшая школа, 1989. 128 с.
109. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 256 с.
110. Исследование проблем психологии творчества/ Под ред. Я.А.Пономарева. М.:Наука, 1983. 336 с.
111. Исследования мышления в советской психологии. М.:Наука, 1966. 476 с.
112. История зарубежной психологии: 30-60-е годы. Тексты./ Под ред. П.Я.Гальперина, А.Н.Ждан. М.:МГУ, 1986. 344 с.
113. История психологии: период открытого кризиса: Тексты/ Под ред. П.Я.Гальперина, А.Н.Ждан. М.:МГУ, 1992. 364 с.
114. История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М.:Наука, 1990. 216 с.
115. История философии в СССР. т.5 кн.1. М.:Наука, 1985. 800 с.
116. Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание: Избранные статьи. Л.:ЛГУ,1991.384 с.
117. Кант И. Сочинения в шести томах. Т.3. М.:Мысль, 1964. С. 799.
118. Кант И. Сочинения в шести томах. Т.4. Часть 2. М.:Мысль, 1965. С.478.
119. Кант И. Сочинения в шести томах. Т.5. М.:Мысль, 1966. С.564.
120. Кант И. Сочинения в шести томах. Т.6. М.:Мысль, 1966. С.743.
121. Карцев В.П. Социальная психология науки и проблемы историко-научных исследований. М.:Наука, 1984. 308 с.
122. Кассирер Э. Познание и действительность. С.-Пб.: Шиповник, 1912. 454 с.
123. Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988. 246 с.

124. Келер В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М.: Изд. Коммунистич. академии, 1930. 207 с.
125. Кертж Н. Интертеоретическая критика и развитие науки// Структура и развитие науки: Из Бостонских исследований по философии науки. М.:Прогресс, 1978, с.302-321.
126. Керкегор С. Повторение. М.: Издательство "Лабиринт", 1997. 160 с.
127. Климов Е.А. Введение в психологию труда. М.: МГУ, 1988. 200 с.
128. Князева Е.Н. Одиссея научного разума. М.: ИФ РАН, 1995. 228 с.
129. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.:Наука, 1980. 486 с.
130. Конт О. Сочинения. В 2-х ч. Спб.: Брокгауз-Ефрон, 1912. Ч.1. 139 с.; Ч.2. 200 с.
131. Конт О. Дух позитивной философии.С.-Петербург: Изд. "Вестника Знания", 1910. С. 76.
132. Корнилов К.Н. Психология и марксизм// Психологическая хрестоматия. М.; Л.: Госиздательство, 1927, с.105-111.
133. Корнилов К.Н. Диалектический метод в психологии //Психологическая хрестоматия.М.;Л.:Госиздательство, 1927, с.111-115.
134. Корнилов Ю.К. Мышление руководителя и методы его изучения. Ярославль: ЯрГУ, 1982. 78 с.
135. Коффка К. Самонаблюдение и метод психологии// Психологическая хрестоматия/ Под ред. К.Н.Корнилова. М.,Л.:Гос.издат.,1927, с.123-132.
136. Кравков С.В. Самонаблюдение. М.: Русский книжник, 1922. 176 с.
137. Краткая философская энциклопедия. М.: Издат. группа "Прогресс" - "Энциклопедия", 1994. 576 с.
138. Крипнер С., Де Карвало Р. Проблема метода в гуманистической психологии// Психологический журнал, 1993, № 2, с.113-126.
139. Крогиус А.А. Вюрцбургская школа экспериментального исследования мышления и ее значение// Новые идеи в философии.

Сб. шестнадцатый: Психология мышления. Спб.:Образование, 1914, с.84-108.

140. Кун Т. Структура научных революций. М.:Прогресс, 1975. 288 с.

141. Кунцман А.И. Психология мышления Ф.Брентано, Г.Уфуэса, Э.Гуссерля и К.Штумпфа// Новые идеи в философии. Сб. шестнадцатый: Психология мышления. Спб.:Образование, 1914, с.109-155.

142. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М.: Прогресс, 1980. 392 с.

143. Кюльпе О. Современная психология мышления// Новые идеи в философии. Сб. шестнадцатый: Психология мышления. Спб.:Образование, 1914, с.43-83.

144. Лазурский А.Ф. Психология общая и экспериментальная. 2-е изд. Петроград: Кн. скл."Земля", 1915. 338 с.

145. Лакатос И. Доказательства и опровержения. М.:Наука,1967.152 с.

146. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Московский философский фонд, Медиум, 1995. 236 с.

147. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции// Структура и развитие науки: Из Бостонских исследований по философии науки. М.:Прогресс, 1978, с.203-269.

148. Ланге Н.Н. Психический мир: Избранные психологические труды/ Под ред.М.Г.Ярошевского. М.: Изд-во"Институт практической психологии", Воронеж: НПО "Модэк", 1996. 368 с.

149. Ланге Н.Н. Психологические исследования: Закон перцепции. Теория волевого внимания. Одесса: Типография Шт. Одесского военного Округа, 1893. 297 с.

150. Ланге Н.Н. Психология// Итоги науки в теории и практике. Т.8. М.: Изд-во т-ва "Мир", 1914. 312 с.

151. Лапшин И.И. Психология эмоционального мышления Генриха Майера// Новые идеи в философии. Сб. шестнадцатый: Психология мышления. Спб.:Образование, 1914, с.1-42.

152. Левитин К.Е. Личностью не рождаются. М.:Наука, 1990. 208 с.

153. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М.:Наука, 1980. 358 с.

154. Леонтьев А.Н. Философия психологии. М.:МГУ, 1994. 288 с.

155. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

156. Локк Д. Избранные философские произведения в двух томах. Т.1. М.: Изд. соц.-экон. лит-ры, 1960. 734 с.

157. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444с.

158. Ломов Б.Ф. История и актуальные проблемы развития экспериментальной психологии в России// История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М.:Наука, 1990, с.7-16.

159. Лопатин Л.М. Князь С.Н.Трубецкой и его общее философское мирозерцание. М.: Типолит.г-ва И.Н.Кушнерев и Ко, 1906. 103 с.

160. Лосев А.Ф. Философия имени.М.:МГУ,1990. 271 с.

161. Лурия А.Р. Эволюционное введение в психологию. М.:МГУ, 1975. 128 с.

162. Лурия А.Р. Кризис буржуазной психологии//Психология, № 1-2, М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд., 1932, с.63-88.

163. Лурия А.Р. Пути современной психологии// Естествознание и марксизм, 1930, № 2-3, с.62-102.

164. Лурия А.Р. Этапы пройденного пути: Научная автобиография.М.:МГУ, 1982. 184 с.

165. Льюис Г.Г. Философия наук О.Конта// Огюст Конт и положительная философия. С.-Петербург: Типография Н.Тиблена и Комп.,1867, с.1- 370.

166. Мазиллов В.А. Русская православная философия, философская психология и методологические проблемы современной психологии// Ребенок и пространство: Семь шагов к истине. М.:МАПН, 1996, с.58-71.

167. Мазиллов В.А. Проблема метода в психологии: Статья первая//Психотехнологии в социальной работе. Вып.2. Ярославль: МАПН,1997, с.20-27.

- 167а. Мазиллов В.А. К проблеме теории и метода в психологии// Познавательные процессы и личность в норме и патологии. Ярославль: ЯрГУ им. П.Г.Демидова, 1995, с.35-39.
- 167б. Мазиллов В.А. Об уровнях психологического метода// Творчество воли/ Под ред. Козлова В.В. М.: МАПН, 1997, с.133-138.
168. Мазиллов В.А. Стены и мосты. Психология на пороге XXI века: Методологические этюды. Ярославль: МАПН, 1998. 276 с.
169. Майоров Г.Г. Вольф//Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопед., 1989, с.96-97.
170. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.1. М.: Госполитиздат,1955. 698 с.
171. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: С.А.Скирмунт, 1907. XII, 304 с.
172. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: С.А.Скирмунт, 1909. 471 с.
173. Междисциплинарный подход к исследованию научного творчества/ Отв.ред. В.В.Давыдов. М.:Наука,1990.172 с.
174. Меркулов И.П. Метод гипотез в истории научного познания. М.: Наука, 1984. 188 с.
175. Метлов В.И. Основания научного знания как проблема философии и методологии науки. М.:Высшая школа, 1987. 143 с.
176. Метод в науках. С.-Пб.:Книгоиздательство "Образование", 1911. 302 с.
177. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.:Наука, 1969. 376 с.
178. Микулинский С.Р. Несколько замечаний об анализе концепций развития науки // В поисках теории развития науки. М.:Наука, 1982, с.3-11.
179. Миллс Р. Интеллектуальное мастерство // Социологические исследования, № 1, 1994, с.107-114.
180. Милль Д.С. Система логики. Т.1. С.-Петербург:Изд. М.О.Вольфа, 1865.С.553.
181. Милль Д.С. Система логики. Т.2. С.-Петербург:Изд. М.О.Вольфа, 1867.С.538.
182. Милль Д.С. Огюст Конт и позитивизм. С.-Петербург: Типография Б.М.Вольфа, 1906. 170 с.

183. Милль Д.С. О.Конт и позитивизм// Огюст Конт и положительная философия. С.-Петербург:Типография Н.Тиблена и Комп.,1867, с.1-185.
184. Милль Д.С. Система логики силлогистической и индуктивной. М.: Изд. Г.А.Лемана, 1914. С.880.
185. Минто В. Дедуктивная и индуктивная логика. М.:Типография Товарищества И.Д.Сытина, 1905. 542 с.
186. Мюнстерберг Г. Основы психотехники. Вып. четвертый. М.:Изд-во "Русский книжник", 1925. 176 с.
187. Мюнстерберг Г. Основы психотехники. Спб.: Издательский дом "ПЭТ", "Алетейя", 1996. Т.1. 351 с.; Т.2. 350 с.
188. Налимов В.В. Теория эксперимента. М.:Наука,1971.208 с.
189. Налимов В.В. Спонтанность сознания. М.:Прометей, 1990. 288 с.
190. Налчаджян А.А. Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания. М.:Мысль, 1972. 271 с.
191. Научное творчество/ Под ред. С.Р.Микулинского, М.Г.Ярошевского. М.:Наука, 1969. 446 с.
192. Научное открытие и его восприятие/Под ред. С.Р.Микулинского, М.Г.Ярошевского.М.:Наука,1971. 312 с.
193. Научные и вненаучные формы мышления. М.:ИФ РАН, 1996. 335 с.
194. Никитин Е.П. Объяснение - функция науки. М.:Наука, 1970. 280 с.
195. Никитин Е.П. Природа обоснования: субстратный анализ. М.:Наука, 1981. 176 с.
196. Никитин Е.П. Открытие и обоснование. М.:Мысль, 1988. 224 с.
197. Новиков В.В. Социальная психология: Феномен и наука. М.: ИП РАН, 1998. 393 с.
198. Новые идеи в философии. Сб. шестнадцатый: Психология мышления. Спб.:Образование, 1914. 155 с.
199. Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах. М.: Наука,1966. 300 с.
200. От редакции// Естествознание и марксизм, 1930, № 2-3, с.62-63 (врезка)

201. От редколлегии// Вопросы психологии, 1997, № 3, с.125-126.
202. Павлов И.П. Полное собрание сочинений. Т.3. Кн.1. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1951. 392 с.
203. Патнэм Р. Комментарий к статье М.Вартофского// Структура и развитие науки: Из Бостонских исследований по философии науки. М.:Прогресс, 1978, с.111-120.
204. Петровский А.В. История советской психологии. М.:Просвещение,1967. 368 с.
205. Петровский А.В. Вопросы истории и теории психологии: избранные труды. М.:Педагогика,1984. 272 с.
206. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История психологии. М.: РГГУ, 1994. 448 с.
207. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. т.1. 416 с.,т.2. 416 с.
208. Пиаже Ж. Генетическая эпистемология// Вопросы философии, № 5, 1993, с.54-63.
209. Пиаже Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм// Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып.1,2. М.:Прогресс, 1966, с.157-194.
210. Пирогов Н.И. Сочинения. т.1. М.,1887.
211. Пирьев Г.Д. Экспериментална психология. София: Наука и изкуство, 1968. 337 с.
212. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.:Прогресс, 1986. 432 с.
213. Проблемы научного творчества в современной психологии/Под ред. М.Г.Ярошевского. М.: Наука, 1971. 334 с.
214. Проблемы и методы психофизики: Хрестоматия по психологии для студентов, преподавателей и научных работников. М.:МГУ, 1974. 252 с.
215. Подкорытов Г.А. О природе научного метода. Л.:ЛГУ, 1988. 224 с.
216. Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии. М.:Прогресс, 1985. 345 с.
217. Пономарев Я.А. Развитие проблем научного творчества в советской психологии// Проблемы научного творчества в

- современной психологии/Под ред. М.Г.Ярошевского. М.: Наука, 1971. с.46-150.
218. Пономарев Я.А. Психология творчества. - М., Наука, 1976, 304 с.
219. Пономарев Я.А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983. 206 с.
220. Поппер К. Логика и рост научного знания. М.:Прогресс, 1983. 606 с.
221. Поппер К. Что такое диалектика?// Вопросы философии, № 1,1995, с.118-139.
222. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. 712 с.
223. Психологическая хрестоматия / Под ред. К.Н.Корнилова. М.-Л.: Гос. изд-во,1927. 434 с.
224. Психологические измерения. М.:Мир,1967.196 с.
225. Психологические исследования творческой деятельности/ Под ред. О.К.Тихомирова. М.:Наука, 1975. 254 с.
226. Психология и новые идеалы научности: материалы "круглого стола"// Вопросы философии, № 5, 1993, с.3-42.
227. Психология мышления. М.:Прогресс, 1965. 534 с.
228. Психология: словарь./Под общ. ред. А.В.Петровского и М.Г.Ярошевского. Изд. второе. М.:Изд. полит. лит.,1990. 496 с.
229. Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Л.С.Выготского и современная психология. М.:МГУ,1986. 118 с.
230. Пути за пределы "эго": трансперсональная перспектива. М.:Изд. трансперсонального института, 1996. 318 с.
231. Радлов Э.Л. Самонаблюдение в психологии// Новые идеи в философии: Сб. девятый. Методы психологии I. С.-Пб.:Образование, 1913, с.1-11.
232. Рамуль К.А. Введение в методы экспериментальной психологии. Тарту: Тартусск. государственный университет, 1966. 329 с.
233. Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы. М.: Изд. иностранной литературы, 1957. 556 с.
234. Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. Спб, 1904.
235. Робин Гуд по имени Сорос: Интервью с Д.Соросом // Аргументы и факты, 1997, № 41(886), с.13

236. Робине. Положительная философия Огюста Конта. С.-Петербург: Типогр. А.А.Пороховщикова, 1898.С.134.
237. Роговин М.С. Введение в психологию. М.:Высшая школа, 1969. 384 с.
238. Роговин М.С. Изменения семантико-логической структуры психологических исследований// Вопросы философии, № 11, 1983, с.76-87.
239. Роговин М.С. Психологическое исследование. - Ярославль, ЯрГУ, 1979. 66 с.
240. Роговин М.С. Структурно - уровневые теории в психологии. - Ярославль: ЯрГУ, 1977. 80 с.
241. Роговин М.С. Залевский Г.В. Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования. Томск, 1988. 234 с.
242. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1997. 298 с.
243. Рубин Э. Несуществование внимания // Хрестоматия по вниманию. М.: МГУ, 1976, с.144-145.
244. Рубинштейн С.Л. Основы психологии. М.: Гос. уч.-пед. изд.-во, 1935. 496 с.
245. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Изд. второе. М.: Гос. уч.-пед. изд.-во мин. просв. РСФСР, 1946. 704 с.
246. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: АН СССР, 1957. 328 с.
247. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М.: АН СССР, 1959. 354 с.
248. Рубинштейн С.Л. Философские корни экспериментальной психологии // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.:Педагогика, 1973, с.68-90.
249. Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.:Педагогика, 1973, с.19-46.
250. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.:Педагогика, 1973. 424 с.
251. Рузавин Г.И. Герменевтика и проблемы интерпретации, понимания и объяснения // Вопросы философии, № 10, 1983, с.62-70.

252. Рузавин Г.И. Научная теория: логико-методологический анализ. М.:Мысль, 1978. 244 с.

253. Садовский В.Н. Карл Поппер, Гегелевская диалектика и формальная логика // Вопросы философии, № 1,1995, с.139-148.

254. Саноцкий Я.Е. Предисловие к публикации "Франц Brentano. Психология с эмпирической точки зрения"// Вопросы философии, № 2, 1995, с.148-152.

255. Семенов И.Н. Системный подход к изучению организации продуктивного мышления. // Исследования проблем психологии творчества - М., Наука, 1983, с. 27 - 61.

256. Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.:Наука,1989. 440 с.

257. Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. М.:Госуд. изд. полит. лит-ры, 1947. 649 с.

258. Славская К.А. Проблема мышления в гештальт-психологии// Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах. М.: Наука,1966. с.101-131.

259. Смарт Д.Д. Конфликтующие точки зрения по проблеме объяснения // Структура и развитие науки: Из Бостонских исследований по философии науки. М.:Прогресс, 1978, с.337-352.

260. Смирнов В.А. К.Поппер прав: диалектическая логика невозможна // Вопросы философии, № 1,1995, с.148-151.

261. Смирнов А.А. Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М.: Педагогика, 1975. 352 с.

262. Смирнов С.Д. Возможна ли единая теория психического?//Вопросы психологии, 1997, № 3, с.128-129.

263. Современная западная философия: Словарь. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1991. 414 с.

264. Современная философия науки: Знание,рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. М.:Издательская корпорация "Логос",1996. 400 с.

265. Современный философский словарь. М., Бишкек, Екатеринбург: Одиссей, 1996. 608 с.

266. Спенсер Г. Основания психологии. Т.1. С.-Петербург: Изд. И.И.Билибина, 1876. С.296.

267. Спенсер Г. Основания психологии. Т.2. С.-Петербург: Изд. И.И.Билибина, 1876. С.306.
268. Спенсер Г. Основания психологии. Т.3. С.-Петербург: Изд. И.И.Билибина, 1876. С.316.
269. Спенсер Г. Основания психологии. Т.4. С.-Петербург: Изд. И.И.Билибина, 1876.С .354.
270. Спенсер Г. Основания психологии. ч.1-5. С.-Пб.: Издатель, 1897. V+391 с.
271. Спиркин А.Г. Метод // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989, с. 358-359.
272. Стаут Дж.Ф. Аналитическая психология. т.1. М.:Гос. издат-во, 1920. 384 с.
273. Степин В.С., Елсуков А.Н. Методы научного познания. Минск: Вышэйшая школа, 1974. 152 с.
274. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М.: Контакт-Альфа, 1995. 384 с.
275. Стругацкий А., Стругацкий Б. За миллиард лет до конца света // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений. Т.7. М.: Текст, 1993, с.241-353.
276. Структура и развитие науки: Из Бостонских исследований по философии науки. М.:Прогресс, 1978. 488 с.
277. Суханов С. Патопсихология// Новые идеи в философии. Сб. десятый:Методы психологии II. С.-Пб.:Образование, 1913, с.30-62.
278. Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К.Юнга.М.: ЭСИ, 1994. 184 с.
279. Тенденции развития психологической науки. М.:Наука, 1989. 272 с.
280. Титченер Э.Б. Учебник психологии. Ч.1. Второе изд. М.: Изд. Т-ва "Мир", б/г. 264 с.
281. Титченер Э.Б. Учебник психологии. Ч.2. Второе изд. М.: Изд. Т-ва "Мир", 1914. 252 с.
282. Тихомиров О.К. Психология мышления. М.:МГУ,1984. 270 с.
283. Тихомиров О.К. Понятия и принципы общей психологии.М.:МГУ, 1992. 87 с.
284. Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека. М.:МГУ, 1969. 304 с.

285. Трубецкой С.Н. Сочинения. М.:Мысль,1994. 816 с.
286. Тулмин С. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984. 328 с.
287. Тулмин С. Концептуальные революции в науке// Структура и развитие науки: Из Бостонских исследований по философии науки. М.:Прогресс, 1978, с.170-189.
288. Тутунджян О.М. Критический анализ методов экспериментальной психологии за рубежом в конце XIX - начале XX века: О проблеме становления экспериментальной психологии// История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М.:Наука, 1990, с.51-60.
289. Тэн И. Об уме и познании. С.-Петербург: Изд. Л.Ф.Пантелеева, 1894. С.542.
290. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.:Наука, 1966. 452 с.
291. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.:Прогресс,1986.542 с.
292. Фехнер Г.Т. Жизнь после смерти. Пг.: Новый человек, 1915. 67 с.
293. Фехнер Г.Т. О формуле измерения ощущений// Проблемы и методы психофизики: Хрестоматия по психологии для студентов, преподавателей и научных работников. М.:МГУ, 1974, с.13-19.
294. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклоп., 1989. 816 с.
295. Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. СПб.:Мифрил, 1993. Т.1, 687 с.;Т.2, 798 с.
296. Фольмер Г. Эволюционная теория познания: К природе человеческого познания//Культура и развитие научного знания.М.:Наука, 1991, с.135-150.
297. Франк Ф. Философия науки: Связь между наукой и философией. М.:Изд-во иностр. лит-ры, 1960.542 с.
298. Фресс П. Развитие экспериментальной психологии// Экспериментальная психология/Ред. П.Фресс, Ж.Пиаже. Вып.1,2. М.:Прогресс, 1966, с.15-98.

299. Фресс П. Экспериментальный метод// Экспериментальная психология/Ред. П.Фресс, Ж.Пиаже. Вып.1,2. М.:Прогресс, 1966, с.99-156.
300. Фресс П. О психологии будущего// Психологический журнал, т.2, № 3,1981, с.48-54.
301. Фэйдимен Д., Фрейгер Р. Теория и практика личностно ориентированной психологии. Т.2. М.: Три Л, 1996. 206 с.
302. Хайдеггер М. Исследовательская работа Вильгельма Дильтея и борьба за историческое мировоззрение в наши дни. Десять докладов, прочитанных в Касселе (1925) // Вопросы философии, № 11, 1995, с.119-145.
303. Хомская Е.Д. О методологических проблемах современной психологии//Вопросы психологии, 1997, № 3, с.112-125.
304. Хьюбнер К. Критика научного разума. М.: ИФ РАН, 1994. 326 с.
305. Циген Т. Физиологическая психология в 15 лекциях. М.: Изд. Ю.И.Лепковского, 1909. 246 с.
306. Челпанов Г.И. Об экспериментальном методе в психологии// Новые идеи в философии: Сб. девятый. Методы психологии I. С.-Пб.:Образование, 1913, с.12-39.
307. Челпанов Г.И. Задачи современной психологии// Вопросы философии и психологии. Кн.4 (99),1909, с.285-308.
308. Челпанов Г.И. Объективная психология в России и Америке. М.: Изд-во Т-ва "А.В.Думнов и Ко", 1925. 80 с.
309. Челпанов Г. Очерки психологии. М.-Л.: Моск. акционер. изд. общ-во, 1926. 256 с.
310. Челпанов Г.И. Об аналитическом методе в психологии (статья вторая)// Психологическое обозрение, т.1, вып.3-4, 1917, с.451-468.
311. Челпанов Г.И. Психология и марксизм. М.:Русский книжник, 1924. 29 с.
312. Челпанов Г.И. Психология или рефлексология? Спорные вопросы психологии. М.: Русский книжник, 1926. 60 с.
313. Черняк В.С. История. Логика. Наука. М.: Наука, 1986. 372 с.
314. Чуприкова Н.И. Какой должна быть сегодня научная психология?//Вопросы психологии, 1997, № 3, с.126-127.

315. Шадриков В.Д. Экспериментальный метод исследования//Практикум по экспериментальной психологии. Вып.1. Ярославль:ЯрГУ, 1974, с.6-46.
316. Шадриков В.Д. Деятельность и способности. М.:Изд. корпорация "Логос", 1994. 320 с.
317. Швырев В.С., Юдин Б.Г. Методологический анализ науки.М.:Знание, 1980. 64 с.
318. Швырев В.С. Анализ научного познания: Основные направления, формы, проблемы. М.:Наука, 1988. 176 с.
319. Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании.М.:Наука,1978. 382 с.
320. Швырев В.С. Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки. М.:Наука, 1966. 216 с.
321. Швырев В.С. Научное познание как деятельность. М.: Политиздат, 1984. 232 с.
322. Швырев В.С. Теория // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989, с. 649-650..
323. Школы в науке /Под ред. С.Р.Микулинского и др. М.:Наука, 1977. 524 с.
324. Эббингауз Г. Основы психологии. Т.1.Вып.1. С.-Петербург: Изд. т-ва "Общественная польза", 1911. С.392.
325. Эббингауз Г. Основы психологии. Т.1.Вып.2. С.-Петербург: Изд. т-ва "Общественная польза", 1911. С.268.
326. Эббингауз Г. Очерк психологии. С.-Петербург: Изд. О.Богдановой, 1911. С.242.
327. Экспериментальная психология/Ред. П.Фресс, Ж.Пиаже. Вып.1,2. М.:Прогресс, 1966. 430 с.
328. Юдин Б.Г. Методологический анализ как направление изучения науки.М.:Наука, 1986.261 с.
329. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. М.:Наука, 1978. 392 с.
330. Юнг К.Г. АИОН: Исследование феноменологии самости. М.:Рефл-бук, К.:Ваклер, 1997. 336 с.
331. Юнг К.Г.Проблемы души нашего времени.М.: Прогресс, 1994. 332 с.
332. Юнг К.Г.Воспоминания, сновидения, размышления. Киев:Airland,1994. 406 с.

333. Юнг К.Г. Аналитическая психология. Спб., 1994. 132 с.
334. Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Киев, 1995. 228 с.
335. Ярошевский М.Г. Наука как предмет исторического исследования// Проблемы научного творчества в современной психологии/Под ред. М.Г.Ярошевского. М.: Наука, 1971. с.7-45.
336. Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. Изд. 2-е, доп. М.:Политиздат, 1974. 447 с.
337. Ярошевский М.Г. Оппонентный круг и научное открытие // Вопросы философии, № 10, 1983, с.49-61.
338. Ярошевский М.Г. Л.С.Выготский: в поисках новой психологии. С.-Пб.: Изд-во Международного фонда истории науки, 1993. 302 с.
339. Ярошевский М.Г. Сеченов и мировая психологическая мысль. М.: Наука, 1981. 392 с.
340. Ярошевский М.Г. История психологии. 3-е изд.,дораб. М.:Мысль, 1985.575с.
341. Ярошевский М.Г. Наука о поведении: Русский путь. М.: Изд-во"Институт практической психологии", Воронеж: НПО "Модэк", 1996. 380 с.
342. Ярошевский М.Г. Первый очаг психологических исследований в Российской Академии наук (К 50-летию сектора психологии в институте философии АН СССР)// Вопросы психологии, № 3, 1995, с.70-78.
343. Ярошевский М.Г. Не вспомнить ли о Канте?//Вопросы психологии, 1997, № 3, с.131-132.
344. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Изд. полит. лит., 1991. 527 с.
345. Ach N. Ueber die Willenstdtigkeit und das Denken: Eine experimentelle Untersuchung mit einem Anhang: Ueber das Hippische Chronoskop. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1905. 294 S.
346. Anderson B.F. Cognitive Psychology: The Study of Knowing. N.Y.: Academ. Press, 1975. 402 p.
347. Bartlett F.C. Thinking: An experimental and social Study. London: Allen and Unwin, 1958. 203 p.
348. Berline D.E. Structure and Direction in Thinking. N.Y.:Wiley, 1965. 378 p.

349. Binet A. L'etude experimentale de l'intelligence. Paris: Alfred Costes, 1922. 307 p.
350. Binet A. L'etude de psychologie experimentale. 2-me ed. Paris: Doin, 1891. 306 p.
351. Binet A. Les idees moderne sur les enfants. Paris: Flammarion, 1910. 346 p.
352. Binet A. The experimental Psychology of Alfred Binet: Selected Papers. N.Y.: Springer Publ.,1969. XIV, 235 p.
353. Binswanger L. Einführung in die Probleme der allgemeinen Psychologie. Berlin, 1922.
354. Bochner A.P. Perspectives of Inquiry: Representation, Conversation and Reflection //Handbook of interpersonal Communication. Beverly Hills: Sage, 1985, p.27-58.
355. Boring E. A History of Introspection//Psychological Bulletin, a 3, v.50, 1953, p.169-189.
356. Boring E. A History of experimental Psychology. N.Y., London: The Centure Co, 1929. XVIII, 669 p.
357. Boring E. A History of experimental Psychology. 2nd ed. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1950. XXI, 777 p.
358. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874. 278 S.
359. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte/Hrsg. von Oskar Kraus. Bd. 1. Leipzig: Meiner, 1924. XCVII, 278 S.
360. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte/Hrsg. von Oskar Kraus. Bd 2. Von der Klassifikation der psychischen Phänomene. Leipzig: Meiner, 1925. XXIII, 337 S.
361. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte/Hrsg. von Oskar Kraus. Bd 3. Vom sinnlichen undnoetischen BewÜsstsein. Leipzig: Meiner, 1928. XLVIII, 191 S.
362. Bruner J.S., Goodnow J.S., Austin J.A. A Study of Thinking. N.Y.: Wiley, 1956. 330 p.
363. BÜhler K. Die Krise der Psychologie. Jena: Fischer, 1927. XV, 223 S.
364. Cammins R. The Nature of psychological Explanation. London: MIT press, 1983. X, 219 p.
365. Canguilhem G. Qu'est-ce que lf psychologie?// Rev. MÂtaph. Mor., a 1, 1958, p. 12-25.

366. Capra F. Uncommon Wisdom: Conversations with remarkable People. Toronto, N.Y.: A Bantam Book, 1989. 335 p.
367. Carus F.A. Nachgelassene Werke: Dritter Teil. Geschichte der Psychologie. Leipzig, 1808.
368. Cole M. Alexander Luria and the Resolution of the Crisis in Psychology// I Международная конференция памяти А.Р.Лурии - First International Luria Memorial Conference: Abstracts. Moscow, Russia, September 24-26, 1997. М.: MGU, p.117.
369. D'Amato M.R. Experimental Psychology: Methodology, Psychophysics and Learning. N.Y.[a.o.]: Mc Grow-Hill, 1970.XXIV, 727 p.
370. De Groot A.D. Thought and Choice in Chess. Hague- Paris: Mouton, 1965. 463 p.
371. Deleuze G. Difference et repetition. Paris: Press. univ. de France, 1968. 409 p.
372. Duncker K. On Problem-Solving/ Psychological Monographs, 1945, v.58, No 5, Whole No 270, 114 p.
373. Ebbinghaus H. Ueber das Gedachtnis: Untersuchungen zur experimentellen Psychologie. Leipzig: Duncker & Humblot, 1885.IX, 169 S.
374. Ebbinghaus H. Grundzüge der Psychologie. Bd. 1. Leipzig: Veit, 1902. XIV, 694 S.
375. Feyerabend P. Against Method. Outlines of an anarchistic Theory of Knowledge. L.:NLB,1975.339 p.
376. Fodor J.A. Psychological Explanation: An Introduction to the Philosophy of Psychology. N.Y.: Random House, 1968. XXI, 165 p.
377. Gatting G. Conceptual Structure and scientific Change// Studies in History and Philosophy of Science. V.4, а 3. London, 1973.
378. Geer J.P. van de. A psychological Study of Problem-Solving. Haarlem, 1957. 214 p.
379. Guillaume P. Introduction a la psychologie. Paris: Vrin, 1943.
380. Hiebsch H. Theoretische und Methodologische Beitrage zur Psychologie. Jena: Friedrich-Schiller Univ., 1987. 137 S.
381. Humphrey G. The Problem of the Direction of Thout// Brit. j. psych.,1939, v.XXX, part 1, pp.183-196.
382. Humphrey G. Directed Thinking. N.Y.: Dodd Mend, 1948. 229 p.

383. Humphrey G. Thinking: An Introduction to its experimental Psychology. London: Methuen; N.Y.: Wiley, 1951. XI, 331 p.

384. International Congress of Psychology 21 st Paris, 1976.: Actes du XXI e Congress international de psychologie. Paris, 18-25 juillet. Paris: Press Univ. de France, 1978. 462 p.

385. Jaccard P. La unconscience, les reves, les complexes. P.: "Payot", 1973. P.212.

386. James W. The Principles of Psychology. London: Macmillan and Co, 1890. V.1. XII, 689 p; V.2. VI, 704 p.

387. Jung K.G. Die Synthetische oder Konstruktive Methode // Ges. Werke. Bd. 7, 1967, S. 87-97.

388. Jung K.G. Die Bedeutung von Konstitution und Vererbung fur die Psychologie// Ges.Werke.Bd.8, 1967, S.418-423.

389. Koffka K. Perception: An Introduction to Gestalt-Theorie // Psychological Bull., 1922, V.19, p.531-585.

390. Koffka K. Principles of Gestalt-psychology. N.Y.: HarcourtBrace & Co, 1935. 720 p.

391. Kцhler W. Gestalt-psychology today// American psychologist, 1959, v.14, № 12, pp.727-734.

392. Kцhler W. Psychologie de la forme. P.: Gallimard, 1964. 375 p.

393. Kostyleff N. La crise de la psychologie experimentale. Paris, 1911.

394. Koure A. Perspectives sur l'histoire des sciences// Etudes d'histoire de la pensee scientifique. P., 1966,

395. Кцльре O. Grundriss der Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1893.

396. Кцльре O. Versuche uber Abstraction// Berichten I Kongr. Experiment. Psychologie., Bd 1, 1904, S.56-68.

397. Messer A. Die Apperzeption als Grundbegriff der pedagogischen Psychology. Berlin: Reuter & Reinhard, 1915. 144 S.

398. Мцллер G.E. Experimentelle Beitrage zur Lehre vom Gedachtniss. Leipzig: Barth, 1900. XIV, 300 S.

399. Мцллер G.E. Komplextheorie und Gestalttheorie. Gцttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1923. 108 S.

400. Мцнстерберг H. Ueber die Aufgaben und Methoden der Psychologie. Leipzig, 1891.

401. O'Neil W.M. The Beginnings of modern Psychology. Harmondworth: Penguin, 1968. 157 p.
402. Osgood C.E. Method and Theory in experimental Psychology. N.Y.: Oxford University Press, 1953. 800 p.
403. Piaget J. Sagesse et illusions de la philosophie. P.: Pres. Univ. France, 1965. 287 p.
404. Piaget J. Introduction a l'epistemologie genetique. T.III. La pensee biologique, la pensee psychologique et la pensee sociologique.P.:Pres. Univ. France, 1950. 344 p.
405. Poole M.S., McPhee R.D. Methodology in interpersonal Communication Research//Handbook of interpersonal Communication. Beverly Hills: Sage, 1985, p.100-170.
406. Radford J., Burton A. Thinking: it's Nature and Development. L.: Wiley, 1974. 440 p.
407. Rapaport D. The History of the Concept of Association of Ideas. N.Y.: International Univ. Press, 1974. XIII, 189 p.
408. Schulz D.P. A History of modern Psychology. N.Y., London: Acad. Press, 1969. XVII, 346 p.
409. Selz O. Über die Gesetze das geordneten Denkverlaufs: Zur Psychologie des productiven Denken und des Irrtums: Eine experimentelle Untersuchung. Bonn:Cohen, 1922. 688 S.
410. Swart H.A.P. Explanation in Psychology. Delft: Eburon, 1985. 283 p.
411. Szekely L. Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen Über das Kreative Denken: Beiträge. - Bern u. a.: Hüber, 1976. 358 s.
412. Tetens J.N. Philosophische Versuche iber menschliche Natur und ihre Entwicklung. Kiel, 1776.
413. Titchener E.B. A beginner's Psychology. N.Y.: Macmillan Co, 1922. XVI, 362 p.
414. Titchener E.B. Experimental Psychology: A Manuel of laboratory Practice. N.Y., London: Macmillan, 1901-1906.
415. Titchener E.B. Systematic Psychology: Prolegomena. N.Y.: Macmillan, 1929. XI, 278 p.
416. Titchener E.B. Lectures on experimental Psychology of the Thought-processes. N.Y.: Macmillan Co, 1909. IX, 318 p.
417. Titchener E.B. Lectures on experimental Psychology of Feeling and Attention. N.Y.: Macmillan Co, 1908. IX, 404 p.

418. Toulmin S. *Human Understanding*. Vol.1. Oxford: Clarenton Press, 1972. 520p.
419. Watt H.J. *Experimentelle Beiträge zu einer Theorie des Denkens // Archiv für die ges. Psychologie*. Leipzig, 1905, Bd 4, S.289-436.
420. Willy R. *Die Krisis in der Psychologie*. München, 1899.
421. Wolff Ch. *Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosophiae practicae atheologicae naturalis tractationem via sternitur*. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1738. 720 S.
422. Wolff Ch. *Psychologia rationalis, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide innotescent, per essentiam et naturam animae explicantur et ad intimiorem naturae ejusque auctoris cognitionem profutura propontur*. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1734. 680 S.
423. Woodworth R.S. *Contemporary schools of psychology*. N.Y.: The Ronald Press Company, 1931. 232 p.
424. *Wörterbuch der Psychologie*. Leipzig: VEB Bibliografisches Institut, 1978. 596 S.
425. Wundt W. *Beiträge zur Theorie der Sinneswahrnehmung*. Leipzig; Heidelberg: Winter, 1862. XXXII, 451 S.
426. Wundt W. *Vorlesungen über die Menschen und Thiereseele*. Leipzig: Boss, 1863-1864. Bd.1. XIV, 491 S.; Bd.2. VII, 463 S.
427. Wundt W. *Einführung in die Psychologie*. Leipzig: Voigtlander, 1911. VIII, 129 S.
428. Wundt W. *Elemente der Völkerpsychologie: Grundlinien einer psychologischen Entwicklungsgeschichte der Menschheit*. Leipzig: Krüner, 1913. XII, 523 S.
429. Wundt W. *Grundriss der Psychologie*. Leipzig: Engelmann, 1896. XVI, 392 S.
430. Wundt W. *Grundzüge der physiologischen Psychologie*. Leipzig: Engelmann, 1874. XII, 870 S.
431. Wundt W. *Grundzüge der physiologischen Psychologie*. 3 umgearb. Aufl. Leipzig: Engelmann, 1887. Bd. 1. XII, 544 S.; Bd. 2. X, 562 S.

432. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. 5 Aufl., völlig umgearb. Leipzig: Engelmann, 1902. Bd. 1. XV, 553.S.; Bd.2. VIII, 686 S.; Bd.3. IX, 796 S.

Оглавление

ОТ АВТОРА	4
Глава первая. В ПОИСКАХ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ .	14
1.1. Психологическое знание: проблема демаркации	17
1.1.1. Донаучная психология: практическое знание	25
1.1.2. Философская психология	27
1.1.3. Научная психология	36
1.2. Кризис в психологии.....	38
1.3. О предмете психологии	65
1.4. Виды проблем в психологии	71
1.5. Методологические проблемы в психологии	77
1.6. "Философия науки", герменевтика, синергетика	85
1.7. О теории развития психологии: историческая психология науки	91
1.8. Соотношение теории и метода в психологии	98
Глава вторая ПРОБЛЕМА ТЕОРИИ И МЕТОДА В ПСИХОЛОГИИ	123
2.1. Постановка проблемы	123
2.2. Соотношение теории и метода как методологическая проблема. Задачи историко-методологического исследования	130
2.3. Обоснование выбора объекта исследования	134
Глава третья ТЕОРИЯ И МЕТОД В ПСИХОЛОГИИ (ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУКИ); ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	137
3.1. Становление психологии как самостоятельной науки	138
3.1.1. Христиан Вольф	141
3.1.2. Иммануил Кант	148
3.1.3. Иоганн Герbart	153
3.1.4. Классическая эмпирическая психология	163
3.1.5. Огюст Конт	166
3.1.6. Джон Стюарт Милль	169
3.1.7. Вильгельм Вундт	173
3.1.8. Психология: научная и самостоятельная	178
3.2. Проблема метода в психологии	183
3.2.1. О проблеме метода в донаучной и философской психологии	184
3.2.2. Проблема метода в научной психологии	190
3.2.3. Метод интроспекции	191

3.2.3.1. Философская интроспекция	191
3.2.3.2. Интроспекция в философской психологии	192
3.2.3.3. Интроспекция в научной психологии: предшественники	193
3.2.3.4. Еще раз о различии интроспекции философской и научной	197
3.2.3.5. Интроспекция в научной психологии: Вильгельм-Макс Вундт	201
3.2.3.6. Интроспекция в научной психологии: Франц Brentano	204
3.2.3.7. Интроспекция в научной психологии: Герман Эббингауз	206
3.2.3.8. Интроспекция в научной психологии: Эдуард Титченер	209
3.2.3.9. Интроспекция в научной психологии: Уильям Джемс	210
3.2.3.10. Интроспекция в научной психологии: Вюрцбургская школа	215
3.2.3.11. Об эволюции интроспекции	224
3.2.4. Метод эксперимента в психологии.....	228
3.2.4.1. Метод эксперимента в научной психологии: предшественники (Г.Т.Фехнер)	234
3.2.4.2. Метод эксперимента в научной психологии: предшественники (Г.Гельмгольц)	237
3.2.4.3. Метод эксперимента в научной психологии: В.Вундт	238
3.2.4.4. Метод эксперимента в научной психологии: Г.Эббингауз	241
3.2.4.5. Метод эксперимента в научной психологии: Н.Н.Ланге.....	242
3.2.4.6. Метод эксперимента в научной психологии: А. Бине	246
3.2.4.7. Метод эксперимента в научной психологии: Вюрцбургская школа	248
3.2.4.8. Об эволюции эксперимента	251
3.2.5. Об особенностях методов в научной психологии	254
3.2.6. О взаимодействии методов	257
3.3. Проблема теории в психологии	258
3.3.1. Теории мышления в ассоциативной психологии	260
3.3.2. Теория мышления В.Вундта	265
3.3.3. Теория мышления Ф.Бrentano	268
3.3.4. Теория мышления Г.Эббингауза	272

3.3.5. Теория мышления Э.Титченера	275
3.3.6. Теория мышления У.Джемса	277
3.3.7. Теория мышления в Вюрцбургской школе.....	279
3.3.8. Особенности теорий в психологии в период становления психологии как науки	286
3.4. О соотношении теории и метода в психологии (период становления психологии как самостоятельной науки)	295
3.4.1. В.Вундт	296
3.4.2. Э.Титченер.....	297
3.4.3. У.Джемс	298
3.4.4. Некоторые итоги	300
Глава четвертая ТЕОРИЯ И МЕТОД В ПСИХОЛОГИИ: ПОПЫТКА ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ	305
4.1. Основные элементы модели.....	306
4.2. Проблема, предмет исследования, опредмеченная проблема...	307
4.3. Предтеория	307
4.4. Уровневая структура метода.....	309
4.5. Проблема объяснения и происхождение теоретического метода	312
4.6. Модель соотношения.....	315
4.7. Теория и метод: проблемы и перспективы.....	319
Заключение МЕТОДОЛОГИЯ И БУДУЩЕЕ ПСИХОЛОГИИ	326
Литература.....	331
Оглавление	359